

ДРУГИЕ
МИРЫ

Олеся Стаховская

БАРОНЕССА,
КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

Annotation

В закрытом мире, правители которого всеми силами сопротивляются навязываемой интеграции с Советом Миров, назревает война. Извечные противники Кардийская империя и Белоярское королевство делят спорные земли. В это тревожное время на границе двух враждующих государств встречаются белоярский аристократ и имперская дворянка. Есть ли у них право на любовь? И есть ли надежда, что запретное чувство не погубит обоих?

- [Олеся Стаховская](#)

- - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
-

Олеся Стаховская

Баронесса, которой не было

© Олеся Стаховская, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Москва. Межгалактический космопорт и межмировая порталная станция Шереметьево

Стонала Земля, и, вторя ей, рыдало Небо. Великие горы, содрогаясь, уходили под землю. Мелели моря, навеки превращаясь в бесплодные пустыни, дабы, сокрушая все на пути своем, появиться там, где еще недавно цвели сады и росли города. И не было спасения никому: ни эльфу, ни зверю, ни гному, ни человеку.

Пять черных коней мчали над миром гнусных своих всадников. Первый всадник, имя которому Селевр, взмахнул мечом своим. И пали тысячи. Второй всадник, имя которому Ветр, вскинул палицу свою. И пали десятки тысяч. Третий всадник – девица Лада, ликом светлая, но душой чернее темной ночи – плюнула в воду. Стала вода кровью. И пали сотни тысяч. Четвертый всадник – жена Макошь, ликом добрая, но сердцем лютая – дунула в воздух. Стал воздух песком. И пали тысячи тысяч. Пятый всадник – жена Мара, порождение тьмы и порока, и ликом, и сердцем препоганая – не плевала, не дула, мечом не махала. Лишь глядела на творимое и веселилась. Отверзла уста свои, хуля и Землю, и Небо, и эльфа, и зверя, и гнома, и человека. Воздела руки свои и призвала души павших, дабы низринуть их в бездну лютую, где только плач и скрежет зубовный.

Преисполнились Земля и Небо яростью. И родили они дочь, иже красотой неопикуемой и мудростью была прославлена. И наделили ее силой невиданной и дали имя ей – Валир. Встала дочь Земли и Неба Валир на пути у черных коней и сотворила волшбу великую. «Именем матери моей Земли, именем отца моего Неба заточаю вас, подлецов, в гору самую высокую, в камень самый холодный. И сидеть вам в нем, дондеже не забудутся сотворенные вами мучения и не сотрутся имена ваши из памяти и эльфа, и зверя, и гнома, и человека. Отныне и до века слово мое крепко».

И воцарился мир на Земле и на Небе. И выросли новые города на новых землях. Но помнят пятерых черных всадников и эльф, и зверь, и гном, и человек. И детям своим и детям детей своих наказывают

помнить и память хранить свято, дабы не вырвались черные всадники из заточения и не принялись вновь чинить непотребное. И Валир помнят и славят устами своими непрестанно.

– Как тебе сказочка?

Молодая женщина нажала на серебристый браслет, и голографическое окно с прочитанным текстом растаяло в воздухе. Вскинула подбородок, отчего уложенные с нарочитой небрежностью локоны качнулись тугими пружинками, растянула губы в легкой улыбке, внимательно глядя на собеседника.

Ей очень шли и небрежные локоны, и мерцающая помада на пухлых губах, и задорные смешинки в синих глазах. И сокрушающая свежесть юности. Так, по крайней мере, думал ее визави, размышляя также о том, как несправедлива жизнь, отмеряя одним век короткий, людской, а другим – мафусаилов, эльфийский. Он сам, конечно, сохраняет приличную форму в свои чуть за семьдесят, и больше сорока – сорока пяти ему мало кто может дать. Но рядом с ней, практически одногодкой, смотрится пожухлым меценатом, вынужденным покупать внимание юных дев. Одна такая сидит сейчас напротив и безошибочно угадывает его тоскливые мысли. Другая, не менее юная и прекрасная, но, к счастью, менее умная и наблюдательная, радостно порхает по торговым комплексам космопорта, облегчая его счет. На значительные суммы, если судить по всплывающим на браслете сообщениям банка.

– Обычная мифология, – пожал плечами мужчина. – Таких сказочек в любом из миров более чем достаточно. Да и здесь у нас этой космогонической мутью библиотеки завалены.

– Севка, не занудствуй!

Мужчина и женщина сидели за столиком ресторана vip-зоны, которая располагалась на крыше космопорта, укрытая от шума и непогоды прозрачным защитным куполом. Ресторан был стилизован под ухоженный английский сад, где перегородками служили живые зеленые изгороди и небольшие фигурно постриженные деревца. Залы ресторана разделялись весьма условно: декоративными руинами, пестревшими многоцветьем палисадниками или небольшими мостиками. В рукотворных речушках лениво плавали жирные карпы, прямо из водоемов попадавшие вначале под нож повара, а затем в

тарелку клиента. Официанты сновали между столами по присыпанным гравием дорожкам.

Всеволод Петрович Листунов, резидент Лис, много лет подающий надежды «молодой» специалист Министерства межмировых коммуникаций, понимавший, что таким «молодым» и «подающим» уйдет на заслуженный отдых, меж тем в целом был доволен жизнью. Доволен ровно до таких вот встреч, которые наглядно демонстрировали, как одна гуманоидная раса может отличаться от другой. И до момента, когда в очередной раз настигает понимание, что возраст, назначенный одним в качестве заката, для других лишь начало взросления.

Еву Всеволод Петрович знал со времен трудной, но увлекательной юности. Они вместе учились в Академии при Министерстве, готовившей офицерский оперативный состав внешней разведки. Эльфов в Академию брали неохотно. Примечательная внешность – определяющая характеристика этой расы – в разведке была помехой. Но для Евы сделали исключение. Слишком впечатляющими оказались результаты интеллектуальных и психологических тестов, а также проверок на силу и выносливость. Кроме того, она была сиротой, что для разведчика считалось преимуществом.

В Академию Ева попала прямым из закрытой кадетской школы, которую курировало все то же Министерство. Путь же к кадетской школе был тернист и кровав. Природа наделила девочку сильным характером. На уступки она шла лишь тогда, когда это было выгодно ей. Насмешек не терпела, оскорблений не спускала. Боль от ударов, синяки, ссадины, разбитые губы и сломанный нос не стали для нее препятствием на стезе утверждения справедливости. А справедливым она полагала то, что было выгодно в первую очередь ей и малому числу ее друзей. Хотя этих человеческих зверенышей, хребтом чувствовавших силу и беспрекословно, раболепно преклонявшихся перед ней, сложно было назвать друзьями. Так, свита, необходимая любой королеве, даже непризнанной.

Первый случившийся скандал, который не удалось замять руководству детского дома, привел к тому, что трудного подростка перевели в другое учреждение для детей-сирот. Но там она продержалась недолго. Затем последовала череда детских домов. И в каждом история повторялась. В итоге в неполные тринадцать девочка

оказалась в казарме для отбросов – так характеризовали кадетскую школу пытавшиеся запугать дрянную девчонку учителя и воспитатели последнего приюта, в котором она отличилась настолько, что заведение попало в новостные сводки. По факту же ведомственная кадетская школа стала стартом для блестящей карьеры офицера Министерства межмировых коммуникаций.

Всего этого влюбленный двадцатилетний курсант Севка, конечно же, не знал. Как не знал и настоящего имени своей лучшей подруги. А продвинуться дальше крепкой дружбы за долгие годы знакомства ему так и не удалось. Да он и не стремился. Так и жил, лелея в душе светлый романтический образ, мало совпадавший с реальным.

Сама Ева тоже не знала своего настоящего имени. Первое, официальное, впоследствии засекреченное, Александра Николаевна Александрова получила в приемнике-распределителе для детей, оставшихся без попечения родителей. Шуркой нарекла пожилая нянечка. Фамилия и отчество были внесены в реестры органов загса с легкой руки директора приемника – Николая Александрова. Названных сыновей и дочерей по всему миру у него имелось в избытке.

Александра же Николаевна Александрова меж тем даже не знала языка, который, судя по имени, а не очевидным внешним признакам, должен был считаться ее родным.

Всеобщего новояза землян, возникшего первоначально как суржик русского, английского и китайского, позже сформированного в единый удобоваримый лингвистический продукт экстренной глобализации, ребенок не понимал. Лишь хлопал огромными синими глазищами, чем вызывал слезы умиления вначале у персонала больницы, а затем у сотрудников распределительного центра.

Выяснить тайну своего происхождения, как и разыскивать родителей повзрослевшая Шурка не пыталась, рассудив, что раз смогли они, не дрогнув, бросить двухлетнего ребенка во дворе больницы для малоимущих, то и смысла в знакомстве с ними нет никакого.

Александрова Александра, окончив Академию и дав присягу, взамен получила несколько новых имен и биографий, к которым прилагался постоянный риск для жизни и физической целостности. В этой точке их пути с бравым офицером Всеволодом Листуновым разошлись.

Первая после окончания альма-матер встреча состоялась много лет спустя. Шурку Севка не узнал.

На одном из приемов в одной из королевских резиденций одного из отсталых миров, название которого теперь и не вспомнить, перед лордом в нелепо пышном, но модном наряде, с не менее нелепым многослойным именем поскользнулась молодая игривая служаночка. Поскользнулась не случайно. Лорд заметил, что траектории их перемещений часто совпадают. Слишком часто, чтобы можно было списать такие совпадения на волю случая.

Лорд не испытывал недостатка в женском внимании. По местным меркам он был более чем привлекателен. К этому вниманию лорд с труднопроизносимым именем с годами научился относиться благосклонно-снисходительно: без суетливой нервозности, от которой каменеет и становится неуклюжим хорошо тренированное массивное тело, без дрожи в руках, без внезапного, не к месту, заикания и прочих мелочей, мешающих молодым мужчинам производить правильное впечатление на молодых женщин. Служаночку он, одним словом, приметил.

Чуть позже, в полумраке отведенных ему покоев, лорд, чертыхаясь и от нетерпения путаясь в бахромке, воланах и перьях собственного одеяния, был остановлен неуместным, по его мнению, взрывом язвительного хохота.

– Ой, Севка, ой, дурак! Ой, насмешил, – на чистейшем родном для него языке выпалила аборигенка. – Какой же ты доверчивый баран! Как жив-то до сих пор? Не пойму, честное слово. Удачливый черт. Ты бы вначале проверил, нет ли при мне оружия, а уж потом ручонки свои потные тянул.

Лорд сконфуженно наклонил голову. Глупое и растерянное лицо аристократа вызвало новый приступ смеха. До боли знакомого, почти родного смеха. И он, как был со спущенными штанами, так и осел на пол, промахнувшись мимо кровати. А после подскочил и, запинаясь о собственные брючины, одной рукой пытался вернуть на место важную часть облачения, другую протягивал к отпрыгнувшей от него девчонке, простой девчонке, в которой от эльфов, не водившихся в этом мире даже в роли фольклорных персонажей, абсолютно ничего не было.

– Шурка? Шурка, это ты, что ли? Правда ты?

Он нелепо мотал головой, щурил глаза, точно сослепу. А она заливалась, как... Как дура. Хотя в дураках в итоге все одно остался он.

Так он познакомился с Евой. От Шурки в ней был только звонкий, временами обидный смех. И тот звучал крайне редко. Внешность же изменилась кардинально. Шурка пошла на поводу у собственных нездоровых амбиций и требований серьезных людей, которым не отказывают. Влезла в какой-то сверхсекретный проект, о котором говорила туманно и крайне неохотно. Она сбросила прежнюю, слишком яркую личину, пройдя курс пластических операций и убив в себе эльфа, внешне по крайней мере.

Ева была мастером метаморфозы. По необходимости превращалась в жалкого, обтрепанного пацаненка или же в такую красавицу, что глаз не отвести. Могла быть невинной девой, благочестивой матроной в летах или холодной расчетливой стервой. Какой, как много позже понял Лис, и являлась на самом деле.

Ева была мастером боевых искусств. Владела всеми известными ему видами оружия практически в совершенстве. Да и голыми руками способна была сотворить такое, что многим бойцам спецназа едва ли по силам.

В этом Лис смог убедиться, когда они уносили ноги в сторону ближайшего портала, который, к слову, находился совсем не близко. Ноги уносить пришлось по Севкиной вине. Права была Ева, обвиняя его в чрезмерной доверчивости к женскому полу. Но тут уж Лис ничего не мог поделать. Женщин он любил. И иногда это выходило боком.

К семидесяти с хвостиком Всеволод Петрович обзавелся законной супругой. И не одной. Практически в каждом мире, где ему приходилось застревать надолго, он как честный человек шел в храм и давал все положенные обеты. Ева признавала лишь ту жену, на свадьбу с которой ее пригласили. И которая терпеливо ждала его дома, в Москве.

– Ты все там же? – без особого интереса, скорее из вежливости, спросила Ева, элегантно разделявая жареного карпа.

– Да, Ойкум Четыре. Готовим почву для интеграции.

Ойкумами в Министерстве называли миры, еще не вошедшие в Совет Миров. Порядковый номер соответствовал хронологии их обнаружения. Не так давно и Земля была пронумерованным Ойкумом.

– Успешно?

– Если бы! Без малого двадцать лет! А воз и ныне там. Единственное, чего добился, – получил пост министра финансов.

– Потрясающий карьерный взлет! – хохотнула Ева. – А в Министерстве как?

– Да никак, – Всеволод Петрович вяло махнул рукой. – Опером родился – опером помру.

– Ну да, ну да. Не переживай, я твою могилку не брошу. Буду регулярно навещать.

Мужчина хмыкнул, покачал головой, но возражать не стал. Конечно, Ева его переживет. И, если не забудет старика Севку, сунет букетик ромашек в вазочку на стене колумбария.

– А ты над чем работаешь? Если не секрет.

– Секрет, конечно, – с самым серьезным видом произнесла Ева. – Закончила один проект. На днях приступаю к следующему. Ойкум Двенадцать. Слышал?

– Слышал, но ни разу не был.

– Не много потерял. Очередной пыльный полуфеодалный мирок. Зато эльфы есть. Их и буду обрабатывать. Если повезет и дело выгорит, следующее назначение уже в Совет Миров.

Всеволод Петрович недоверчиво присвистнул. Попасть в Совет для рядового опера Министерства – случай из области фантастики. Но Ева не стала бы понапрасну сотрясать воздух. Вполне возможно, серьезные дяденьки дали серьезные гарантии. И Ева будет стараться. Он бы тоже старался, замаячь на его горизонте служба в Совете. Из шкуры бы лез, жопу рвал. Понятно, в общем.

Ева расправилась с карпом. Всеволод Петрович с отвращением поглядывал на стейк. Аппетита не было. Напрасная встреча. Напрасно прожитый день. Напрасно прожитая жизнь. Почетная отставка лет через десять, если раньше не попросят дать дорогу молодым. Грядки на подмосковной даче, шашлыки, растянутые треники, пивной живот и табличка в колумбарии как итог жизни. Хотя в целом грех жаловаться. На его долю выпало столько всего занимательного, о чем другие, рядовые граждане, и помыслить не могут. Да по его похождениям пора уже книги писать, сериалы снимать. Кстати, почему бы и правда не накопать что-нибудь авантюрно-приключенческое по мотивам собственной насыщенной жизни и историй коллег по цеху? Взять ту

же Еву, например. Вполне можно сострять роман о шпионке, роковой красавице, покорительнице миров и сердец. Добавить страсти, любви. Огоньку, так сказать. Супруга его, московская, такие книжки уважает. Надо поразмыслить на досуге. В общем, найдет, чем заняться на заслуженном отдыхе, кроме дачи, бани, шашлыков.

– Ойкум Двенадцать, значит. Эльфы, безусловно, весомый аргумент. Легенда про черных всадников и прекрасную Валир оттуда?

– Да, – кивнула Ева. – Был там природный катаклизм пару тысячелетий назад. Может, комета жахнула, может, еще что. В общем, континенты слегка поменяли места и очертания, в результате чего произошло великое переселение народов. Как обычно в таких случаях, все списали на божественные козни.

– Обычно в таких случаях богов боятся и славят. А тут «помнит эльф, помнит зверь...»

– Ой, да ничего они не помнят! – возвела очи горе Ева. – Ни эльфы, ни тем более звери, а уж люди с гномами и прочими разумными, полумрачными и неразумными тварями двенадцатого Ойкума и подавно. И богов боятся и славят как полагается. Этот текст увел со стола Валир наш информатор из местных. Легенда древняя, как сама Валир. Вот она-то как раз помнит. Сама, наверное, и придумала сказочку. Только вовсе она не дочь Земли и Неба. Обычная эльфийская баба. Папка эльф, мамка эльф. Королевствует вовсю. Ее мне и предстоит обхаживать. Наши раньше пробовали сунуться, но получили по щам. И не раз. Сейчас она более миролюбиво настроена. Возможно, рассчитывает на какие-то преференции. Координатор проекта наделил меня неограниченными полномочиями обещать что угодно, лишь бы этот Ойкум вошел в Совет Миров. Видимо, что-то есть в том мирке такое, что не дает покоя Совету. Может, руда редкая или еще какие ископаемые. Хотя единственное ископаемое там – сама Валир. Третью тысячу разменяла и даже не поскрипывает ни в каком месте.

– Подожди! Ты хочешь сказать, та Валир, которая из легенды, до сих пор жива?

– Жива. Что ей сделается. Случаются среди эльфов и не такие долгожители. Правда, им это не на пользу. Вот и Валир. Выглядит как конфетка, а характер – говно.

– А по-другому не бывает у тех, кто выглядит как конфетка, – поделился печалью мужчина.

– А по-другому, Севка, не выжить, – не осталась в долгу Ева.

Стейк давно остыл и потерял привлекательность, карп был съеден, вино выпито. Общих тем не осталось, да и время поджимало. К ним по насыпной дорожке направлялась молодая красавица, судя по экзотической внешности и настороженно суетливому взгляду, иномирянка. Ева оценивающе посмотрела на незнакомку. Понятно, Севка не удержался и притащил из очередного мира очередной сувенир. И как только Маша это терпит?

Заметив взгляд подруги, Всеволод Петрович смутился, и Ева не смогла не поддеть.

– Что, Севка, семьдесят – новые тридцать? Не боишься загнуться от инфаркта? В таком возрасте альковные победы имеют печальные последствия.

Всеволод Петрович вздохнул, но отвечать не стал. Просто расплатился по счету.

– Ладно, Севка, пора мне, – сказала Ева, поднимаясь. – Бывай! Разберусь с делами – загляну. Может, домой к тебе выберусь, давно зовешь, а у меня все никак не получается. Может, на могилку. Тут уж как повезет. Не хворай.

– Береги себя, Шурка!

Старые товарищи крепко обнялись и разбрелись по своим делам. Один пристраивать любовницу в новом для нее мире, другая – покорять новый мир.

*Из отчетов Департамента собственной безопасности
Министерства межмировых коммуникаций*

...Ойкум-12 – обитаемый мир. Разумная жизнь локализована на планете Селевр. Название местное. Населена гуманоидными расами. Культурное, экономическое и промышленное развитие мира условно соответствует эпохе Нового времени Земли. На Селевре с 2052 года по земному летоисчислению во исполнение Постановления Президиума Совета Миров № 161/1824 от 12.04.2050 успешно функционирует развитая резидентурная сеть, состоящая преимущественно из оперативных сотрудников Министерства. Предыдущие попытки

внедрения агентов Советом Миров не приносили результатов и привели к финансовым и человеческим потерям.

...В результате преступного сговора ряда должностных лиц Министерства межмировых коммуникаций и Совета Миров интеграционная миссия, направленная в Ойкум-12, потерпела неудачу. Финансовые потери в виде снаряжения, экипировки, амуниции, вооружения и высокотехнологичного оборудования (киборг L-класса серия S-051.03875, инвентарный номер ММК-0137689561) составляют порядка пятнадцати миллиардов ЕДЭ (единый денежный эквивалент). Финансовые потери, связанные с обучением оперативных сотрудников Министерства, составляют порядка семидесяти миллионов ЕДЭ. Финансовые потери, связанные с обучением резидента Ева, установить невозможно по причине отказа в доступе к запрашиваемой информации.

...За выполнение интернационального долга награждаются орденом Мужества первой степени:

Александрова Александра Николаевна, резидент Ева – посмертно;

Архипов Сергей Витальевич, резидент Нож – посмертно;

Викторов Алексей Степанович, резидент Волк – посмертно;

Гонсалес Руис Мигель, резидент Гоги – посмертно;

Миллер Кристофер, резидент Че – посмертно;

Стивенсон Адам, резидент Гринго – посмертно;

Фролов Михаил Гоффриэдович, резидент Дантэ – посмертно.

Глава 1

Ойкум-12. Кардийская империя

Кухарка месила тесто. Брала тугой липкий ком в широкие ладони и с силой швыряла его на стол, поднимая клубы мучного тумана. Затем принималась мять и тереть тесто. Туман нехотя оседал на пухлые кухаркины руки и обтянутый фартуком широкий живот. Не успевала мучная пыль опасть, как тесто снова взмывало вверх и шлепалось на выскобленные доски, поднимая новое белое облако.

Кухонные девки шептались о чем-то у плиты, временами заходясь от хохота. Осекались на миг, поймав суровый кухаркин взгляд, бросались к сковородам и кастрюлям, но их рвения едва хватало на пару минут, и они возвращались к прерванному занятию. Сторож, ветхий старик, которого держали в поместье больше из милости, чем из пользы, дремал возле печи, привалившись к стене, запрокинув заросшую седыми космами и бородой голову, временами всхрапывая открытым беззубым ртом. На усах его, потирая лапки, пристроилась непуганая муха, еще одна застряла в зарослях бороды и монотонно жужжала, пытаясь вырваться из жесткой паутины.

Тали пропустила обед. Такое часто с ней случалось. Стоило выйти за порог дома, как тут же находилась масса увлекательных занятий: гнать галопом по отцовским угодьям лошадь, распугивая галок и арендаторов, бродить в саду у дома, придумывая разнообразные драматические и мистические сюжеты с неизменной любовно-лирической линией, валяться под старой яблоней с книжкой – любовным драматически-мистическим романом.

Других книг семнадцатилетняя баронесса не признавала. Барон до определенной степени проявлял снисходительность к слабости женского ума, но дочернее увлечение дамским чтивом не поощрял, не без оснований полагая, что пользы от него мало. Несмотря на мольбы и уговоры, романы он не выписывал.

Баронессе приходилось прибегать к невинным женским уловкам. Посещая небольшой провинциальный городок, до которого от поместья было чуть меньше часа езды в двуколке, Тали не только

совершала набеги на шляпные и галантерейные лавки, но и скупала все книжные новинки у знакомого букиниста. Вожделенные дамские романы проносились в дом контрабандой – в шляпных коробках или же тщательно замотанными в отрезы ткани. Но основным поставщиком запрещенной литературы была задушевная подруга Минька. Миньке с романами везло куда как больше. Ее матушка, в отличие от строгого барона, сама оказалась большой почитательницей жанра, находя в нем спасение от гнета семейных будней. Она не видела ничего зазорного в том, чтобы и дочери приобщались к прекрасному. Минькина матушка гордилась тем, что растит начитанных юных леди.

Что до Миньки, то имя свое она получила благодаря столь порицаемой бароном литературе. Так звали героиню нашумевшего лет двадцать назад романа, девушку, которая обладала редкой красотой, что помогло ей сделаться супругой вымышленного эльфийского короля вымышленного эльфийского государства. Звали эльфийскую королеву людского происхождения не Минькой, понятное дело, а Минервой, и славилась она не столько красотой, сколько удивительной для человеческой женщины мудростью. Миньке мудрости той практически не перепало, однако была она прехорошенькой, что отлично сознавала не только сама, но и ее матушка, делавшая на красоту дочери ставку. Минька всю дурила кавалерам головы и раз в неделю навещалась в баронское поместье, поделиться новой сердечной драмой и новым романом в твердом переплете. Из-за которого Тали и пропустила сегодня семейную трапезу.

Для семьи, состоящей всего из двух членов, отсутствие хотя бы одного из них становится заметно. Тали знала, что за ужином отец выразит недовольство, но сделает это как всегда сдержанно: промокнет губы салфеткой, аккуратно отложит ее в сторону, осуждающе посмотрит на дочь, после чего прочтет короткую нотацию о необходимости следовать сложившимся традициям и правилам, ибо это и отличает людей от неразумных тварей земных. Тали виноватым голосом попросит прощения. На том воспитательное мероприятие закончится, ровно до следующего раза. Такова была сложившаяся в доме барона традиция. Одна из многих.

В этот день барон отобедал в одиночестве, а баронесса, спохватившись, лишь когда чувство голода возобладало надо всем

прочим, направилась напрямиком на кухню, откуда еще ни разу не уходила с пустым животом и в дурном расположении духа. Набеги на кухню хозяин дома не одобрял, но оставлять дочь голодной до ужина не имел моральных сил.

Тали уже допивала душистый травяной взвар (чай, настоящий, сулонский, стоил как хорошее вино и подавался только к господскому столу), когда заметила суету возле окна. Впрочем, суета началась уже давно. Прислужницы то и дело отвлекались от главного своего занятия и подбегали к окну, возбужденно переговариваясь. Кухарка, собравшись было приструнить лентяек, подошла к сгрудившимся девицам, но замерла и стала с не меньшим интересом таращиться во двор.

– Боги великие! Какой красавец! – ахнула она, приложив измазанные мукой руки к огромной груди.

Баронесса не могла пропустить явления красавца, красавцы в их захолустье были делом редким, и кинулась к окну.

Во дворе суетились слуги, выволакивая из двух роскошных экипажей дорожные саквояжи, каждый размером с добрый сундук, и распрягая коней. За процессом наблюдали барон и загадочный красавец. Когда он повернулся лицом к окну, хорошее настроение вмиг покинуло Тали.

Да, граф Виллем д'Оррет был красив. Но этим перечень его достоинств исчерпывался.

Благодаря какой-то нелепой случайности, из-за какого-то невероятного, фантастического стечения обстоятельств граф Виллем Август д'Оррет числился женихом баронессы Талиэн Валерии д'Варро (она же Тали), к взаимному неудовольствию будущих супругов. Виллем не скрывал ни презрения, ни отвращения к невесте. Невеста платила той же монетой. Жених раз в полгода наезжал к барону в компании друзей и дам сомнительной репутации. Тот хлебосольно принимал эту свору, не выказывая недовольства. Кормил, поил, развлекал, но как-то натянуто, через силу. Временами у Тали складывалось впечатление, что бесстрашный барон побаивается будущего зятя, и дело вовсе не в разнице положения и капитала. Здесь крылась какая-то тайна.

Мужчины удовлетворились деятельной суматохой и направилась в дом. Тали знала, что барон повел Виллема в свой кабинет. Их

встречи всегда начинались затяжным разговором в кабинете барона и им же заканчивались. Мужчины долго, до хрипоты спорили, расходились раздраженными, недовольными друг другом, но в остальное время вели себя мирно и подчеркнуто вежливо. Тали предполагала, что спор велся из-за ее приданого. Барон был небогат, выделить дочери большого содержания не мог, и баронесса искренне недоумевала, почему граф не расторгнет невыгодную помолвку и не найдет себе достойную партию.

И вот наконец настало время разъяснить все раз и навсегда: Тали набралась решимости подслушать разговор отца и жениха.

Попав на господскую половину по лестнице для слуг, она кралась по коридору в сторону отцовского кабинета. На ее счастье, в коридоре оказалось безлюдно. Немногочисленные слуги были заняты тем, что пытались угодить свалившимся на их головы гостям. Виллем в этот раз нагрязнул без предупреждения и раньше положенного срока.

Вдоль главного признака благосостояния барона – потемневших полотен с батальными сценами, жуткими натюрмортами с мертвыми кроликами, дичью или истерически тошнотворными розами, разглядеть которые было затруднительно не столько из-за возраста картин, сколько из-за нехватки в поместье рабочих рук – она шла на звук голосов, доносившихся из кабинета, расположенного возле лестницы. У лестницы Тали замерла, вслушиваясь в разговор, готовая в любой момент сделать шаг вниз по ступеням, чтобы никто не заподозрил ее в неблагоприятном поступке. Идет себе в гостиную поздороваться с дорогими гостями, а задержалась лишь на миг, поправить бант на платье.

Беседа между бароном и графом протекала на повышенных тонах. Еще одна традиция родного дома. Барон ругался с графом.

«Чудесно! Может, свадьба все-таки сорвется», – обрадовалась Тали.

Сама идея брака с графом в целом была баронессе мила. Что плохого в том, чтобы стать графиней, после свадьбы с ветерком умчаться в Дирм (столицу Кардийской империи), утереть нос Миньке, а заодно другим задушевному подружкам? Воображение Тали, вскормленное на книгах определенного толка, рисовало балы, на которых она непременно будет блистать и где ее непременно заметит сам император Арвис и станет волочиться за ней, умоляя о

снисхождении и суля невероятные богатства. Хотя зачем ей император? Он уже стар. Но есть еще кронпринц Лервис, с которым жених приятельствует. Наследник вызовет графа на дуэль и непременно убьет. А после Тали станет принцессой и начнет готовиться к тому, чтобы надеть корону императрицы.

Таким виделось ей будущее. Приятная его часть. Если бы жених был с невестой любезен и мил, мысли ее не склонялись бы к адюльтеру и его кровавой развязке. Но Виллем сам выбрал свою судьбу.

Несмотря на приятную глазу внешность и молодость, а было ему чуть больше двадцати, граф Виллем д'Оррет сильно отличался от образа романтического героя. Серенады под окнами не пел, нежных глупостей на ушко не шептал и, глядя на нареченную, глаза от счастья не закатывал. Вместо этого сыпал колкостями. И присутствие друзей, с которыми граф имел привычку навещать дом барона, не только не смущало его, но, казалось, еще больше раззадоривало. Он открыто насмехался над баронессой, стараясь посильнее уязвить ее самолюбие. Граф всячески подчеркивал разницу в их положении и собственное нежелание обзаводиться подобной супругой.

Да и спутники его одним только своим присутствием служили очередной пощечиной невесте. Друзья всегда одни и те же, а вот дамы... Дамы ни разу не повторились. Из чего следовал довольно оскорбительный вывод: Виллем приводил в дом невесты продажных женщин. И пусть они отличались редкой красотой, роскошью гардероба и ювелирных изделий и вели себя вполне пристойно, в присутствии барона по крайней мере, картины это не меняло. Граф хотел унижить невесту, что ему прекрасно удавалось. Он излучал презрение и породил ненависть.

После его непродолжительных визитов в душе баронессы еще долго сохранялся мутный осадок, избавиться от которого помогали мысли о том, что свадьба нескоро и, может быть, все образуется.

Мужчины тем временем перешли на крик.

– Виллем, вы не понимаете, о чем просите! Это переходит всякие границы! – гремел голос барона.

– Всякие границы мы с вами перешли три года назад, когда позволили этой девке остаться в живых. Не будьте идиотом, Гарет! Вы заигрались в любящего отца. Нужно было покончить со всем этим

намного раньше. Чего ради, объясните мне, вы решили устроить маскарад с разрывом помолвки?

Сердце Тали учащенно забилося. «Значит, отец хочет свадьбы не больше моего», – мелькнула радостная мысль.

– Зачем тащить девчонку в столицу и представлять ко двору? Давайте, как и планировали, сыграем скромную свадьбу у вас в поместье, а потом внезапная болезнь... В конце концов, она может умереть, рожая мне наследника. Обычное дело. И никто ничего не заподозрит. Никогда.

– Виллем, девочка стала мне родной. Она не опасна. Вы сами убедились, что она ничего не помнит. Я дал ей свое имя, для всех она моя дочь. Старые слуги остались в приграничном замке, куда мы не наведываемся. Они даже не догадываются, что на самом деле произошло с моей дочерью. О ритуале знает только кормилица, но она поклялась в храме, на крови. Она будет молчать.

– О боги! Гарет, вы несете вздор! Эти игры в любящего отца нелепы! Вы просто выживший из ума старик! Почему я послушал вас? Почему не разобрался с ней еще тогда? Вы дали ей имя, чужое имя. Эта девка не имеет права носить его. Вы дали ей жизнь, и ее жизнь оскорбляет саму память о Тали!

Тали судорожно цеплялась за перила. Она никак не могла осмыслить подслушанный разговор. О ней ли идет речь? Почему она не Тали, а какая-то девка? Может, она незаконнорожденная? Не дочь той красивой и печальной женщины, чей портрет украшает стену отцовского кабинета? Могло ли так случиться, что законная дочь умерла, а ее место занял плод греха, прижитый со служанкой? Даже если так, даже если она не Талиэн д'Варро, а подменыш, почему Виллем жаждет расправиться с ней?

– Я вам уже все сказал и решения своего не изменю. Осенью, если позволят обстоятельства, мы поедем в Дирм, там я выведу дочь в свет. Попробую устроить фрейлиной в свите императрицы, – голос отца (отца ли?) звучал устало, но непреклонно. – Там же вы объявите о расторжении помолвки. По любой причине, какая вас устроит. Полюбили другую, недостаточно приданого, не захотели породниться с опальным бароном. Все что будет угодно.

– Нет, вы действительно безумны! Война на пороге, а вы белоярскую шпионку во фрейлины императрицы пристраиваете! Вы

какому монарху служите? Я сам все сделаю. Без вашей помощи. Главное, не мешайте. Во имя памяти Тали не становитесь на моем пути!

– Мы не уверены, что это были шпионы Кромака. Нам не удалось добиться признания. Девочка здесь совершенно ни при чем. Она же была еще совсем ребенком. Она могла оказаться с ними случайно. Вы же помните, она все отрицала, – барон говорил торопливо, опасаясь быть прерванным.

– Мы не уверены, потому что единственный выживший солдат из их отряда умер от ран, так ничего и не сказав, а девка тронулась умом под пытками. Да и не была она ребенком. Вполне зрелая девица. Память играет с вами в скверные игры.

Тали слушала, не веря своим ушам. Она с трудом держалась на ослабевших ногах. Почувствовав прикосновение к плечу, вздрогнула и едва сдержала крик. Рядом стояла Дарна, кормилица. Приложив указательный палец к губам, она поманила девушку за собой.

Тали не поняла, как очутилась в своей комнате. Путь смазался в памяти. Она сидела на полу возле кровати, спрятав лицо в ладонях. Слез не было. Голова, тяжелая и мутная, с трудом переваривала мысли. Мысли тоже были тяжелыми и мутными. «Как же так? Как такое возможно? Что теперь со мной будет?» – беспрестанно ворочалось в уме. Кажется, она даже произнесла это вслух.

– Ничего не будет! – жестко отрезала Дарна. – Ничего такого, из-за чего стоит впадать в отчаянье! Соберись, девочка! Возьми себя в руки, у нас мало времени!

Дарна никогда не церемонилась с Тали, да и с бароном вела себя весьма свободно. Нет, не позволяла себе лишнего, никаких пошлостей. Просто открыто говорила, что думает, и барон всегда прислушивался к ее мнению. Она входила в число тех, кто был на особом счету и пользовался безоговорочным доверием хозяина дома. Собственно, таких людей в окружении барона имелось немного: ординарец Верт и Дарна, которую даже экономка побаивалась.

Кормилица развила кипучую деятельность. Уверенно и стремительно перемещаясь по комнате, собирала вещи. Движения ее были выверенными, лицо сосредоточенным, но спокойным, и у Тали возникло ощущение, что к подобному развитию ситуации в доме готовились уже давно.

Перед баронессой тем временем поставили вместительную сумку, больше похожую на мешок, чем на привычные изящные саквояжи для путешествующих дам. Сумка была забита под завязку. Дарна протянула девушке сверток. Та механически приняла его, но не удержала, и он упал на пол. Сверток оказался одеждой, которую обычно носят посыльные: штаны, рубашка, дублет. Все простое и добротное. Только дублет без нашивки с гербом барона д'Варро.

Заметив неспособность подопечной к каким-либо действиям, кормилица села перед ней на корточки, взяла Тали за плечи и сильно встряхнула.

– Ну же, девочка, очнись!

Дарна всегда к ней так обращалась. Никогда не произносила имени. Просто девочка. А это подтверждает, что Тали не та, кем себя всегда считала. Она не Талиэн Валерия д'Варро. Не дочь барона Гарета д'Варро. Она свихнувшаяся под пытками девка, случайно, безусловно случайно оказавшаяся три года назад в каком-то отряде, незаконно проникшем на территорию империи, на границе которой находился замок барона, тот самый, куда, несмотря на все просьбы, отец ни разу не возил ее. Как еще, если не волей случая, в диверсионном отряде могла очутиться четырнадцатилетняя девочка? Какой из нее шпион-заговорщик?

– Слушай внимательно! – велела кормилица. – Сейчас ты переоденешься, пойдешь в конюшню, возьмешь лошадь и уедешь отсюда. Иначе быть беде! Все, что может понадобится в дороге, я собрала. В сумке одежда, деньги, еда. Самое необходимое на первое время. Поедешь в сторону реки Эброльи, на переправу. Сядешь на паром.

– До переправы же два дня пути! Как я поеду туда одна? Разве молодые барышни путешествуют в одиночку? Это же неприлично! – прервала ее Тали.

– Ох, девочка! До приличий ли сейчас? Живой бы остаться. И запомни, ты не барышня, а мальчик-посыльный, едешь к северной границе. У тебя срочное послание его светлости герцогу д'Ирву. Его лагерь стоит на границе недалеко от замка барона. Знаешь, где это?

Дарна, видя замешательство девушки, вытянула из сумки карту северных рубежей Кардийской империи и граничащих с ними территорий соседней державы – недружественного Белоярского

королевства, неиссякаемого источника политических козней и пакостей, богомерзкой земли, населенной жестокими дикарями, для которых лучший досуг – пьянка и хороший мордобой, лучшее лакомство – сердце врага. Да, и пленных они не берут. Разве что делают исключение для женщин, обрекая их на участь страшнее смерти. В свое время Тали с замиранием сердца слушала леденящие кровь истории, кои в изобилии рождала фантазия отцовского ординарца. Пока барон не прознал про это дело и не пресек такие разговоры самым решительным образом. Отметины отцовской длани держались на обескураженной физиономии Верта несколько дней.

Карта была потрепанной, засаленной и на сгибах прорывалась. Наверное, ею пользовался барон в те времена, когда еще жил в замке, пожалованном его отцу вместе с титулом за беспримерный героизм, проявленный во время последней войны с Белояром. Барон, получив в наследство замок и титул, как и отец, отвечал за безопасность северной границы. В замке располагался гарнизон, которым и командовал барон д'Варро, не покидая места службы дольше чем на пару недель. Но так было в доопальные времена. Когда, кстати, случилась эта опала? Ну да, три года назад, когда на той самой границе обнаружили вражеские отряды. Один, немногочисленный, удалось ликвидировать на месте, два других прорвались вглубь земель, находившихся под протекторатом соседствующих баронов, из-за чего и случился нешуточный скандал, и дело замять не удалось. Барон д'Варро не справился с поставленной задачей, не сберег неприкосновенности вверенных земель.

Инцидент вылился в дипломатическую истерию между империей и варварским Белояром. Кромак, король Белояра, обвинял империю в провокации, направленной на дискредитацию королевства и развязывание войны, и клялся, что его люди не нарушали границ. Дипломатическими же усилиями конфликт удалось свести на нет, а новую войну на время отложить. Виновные были найдены и понесли заслуженное наказание. Это единственное, что Тали знала.

Верт на все ее вопросы о случившемся выдавал потоки забористой брани, отчего девушка краснела, бледнела, а потом и вовсе перестала интересоваться этой темой. К тому же она искренне считала, что жизнь вдали от границы, пусть и не в таком большом и загадочном доме, как замок д'Варро, гораздо комфортней и интересней. До

столицы всего пять дней пути в карете, поэтому сплетни о придворной жизни, хоть и не самые свежие, а заодно и последние веяния моды долетали до них гораздо раньше, чем до той самой границы, о местоположении которой юная баронесса имела весьма смутное представление. Да и не дело молодой барышне интересоваться всякими там приграничными разборками, барышни должны поэмки читать да акварельки рисовать. Так по крайней мере уходил от ответов Верт, памятуя о тяжести хозяйской руки.

Размышления были прерваны кормилицей.

– Смотри внимательно, вот мы, а вот Эбролья, – Дарна водила пальцем по карте. – Переправа в этом месте. Видишь? Тут еще деревня большая есть, названия не помню, то ли Пеньки, то ли Дубки. Переберешься на другой берег, поедешь по тракту в сторону баронского замка. Вот он на карте. Но туда тебе не надо. В полудне пути от переправы будет село Перебёги, оно недалеко от замка барона, там живет моя сестра Лирка. Третий дом от леса. Запомнила?

Тали кивнула, пытаясь уложить в памяти названия и имена.

– Вот конверт, передашь его Лирке. В нем письмо от меня. Схоронишься у нее на какое-то время. Соседям скажете, что ты дочка моей подруги, сирота. А там, глядишь, все успокоится, тогда барон за тобой и приедет.

– А послание герцогу? – поинтересовалась Тали.

– Его светлости герцогу д'Ирву. Не забывай, ты мальчишка-посыльный и разговаривать должна как простолюдин, а не как благородная дама.

Тали подумала, что не научена разговаривать как благородная дама, поскольку в доме, как назло, не проживало ни одной, а с Минькой и другими дочками соседствующих помещиков она общалась, не прибегая к тонкостям придворного этикета. Она, конечно, прочитала несколько книг на тему «как вести себя благовоспитанной девице, желающей сделать удачную партию», да и события любимых романов разворачивались на балах или в салонах именитых светских львиц, где волей автора сталкивались влюбленные герои. Но этого было явно недостаточно.

Так называемых дам, путешествовавших в компании жениха и его приятелей, девушка откровенно недолюбливала. Причиной тому были ее догадки об истинном, далеко не благородном, происхождении и

роде деятельности этих самых дам. Копировать их манеру поведения она поостереглась.

– Вот письмо для его светлости. Но тебе к нему ехать не надо. Письмо на тот случай, если стражники привяжутся. – Кормилица протянула второй конверт, запечатанный сургучной печатью с гербом барона.

Дарна помогла девушке переодеться. Придирчиво оглядела с ног до головы. Игнорируя изумление Тали, выудила из шкафа полотняную шапочку, а следом простые добротные сапоги. Девушка чем угодно готова была поклясться, что еще вчера в этом шкафу находились лишь платья.

И когда Дарна все успела? Значит, барон знал о недобрых планах Виллема. Знал и имел на этот счет другое мнение.

Обувшись и натянув шапку, Тали предстала на строгий суд кормилицы. Девушка не могла похвалиться пышностью форм, поэтому мужской костюм смотрелся на ней вполне естественно, превращая ее в миловидного отрока. Только одна деталь нарушала достоверность образа: из-под шапки, сшитой из грубой ткани и формой напоминавшей перевернутую ночную вазу, свободно струились длинные волнистые пряди. С костюмом посылного они совершенно не гармонировали, поэтому Дарна усадила девушку перед туалетным столиком, сняла с нее уродливый головной убор и принялась вынимать из волос заколки и шпильки. Черные локоны мягкими волнами укрыли плечи.

Баронесса по праву гордилась своими волосами. Густые и шелковистые, сияющие на солнце и при свете свечей, они опускались ниже талии. Тали заплетала их в косу или оставляла распущенными, перехватывая у висков и на затылке заколками, но когда требовал случай, непокорную гриву укладывали в высокую прическу, отчего черты лица юной баронессы делались изящными и аристократичными, даром что дворянство было пожалованным.

Дарна, с сожалением покачав головой, взялась за ножницы. Тали не успела понять, что происходит, как первые пряди черными змейками полетели на пол. Слезы потоками хлынули из глаз. Что же это такое? Чем она прогневила богов? Почему за одно утро у нее отняли прежнюю жизнь, имя, отца, жениха (как бы ни был он противен, сам факт помолвки стал предметом черной зависти подруг,

что приятно щекотало тщеславие), чудесные платья и даже волосы? Но в полной мере предаться горю не позволила Дарна. Она нацепила шапку на взлохмаченные короткие кудряшки девушки и потянула ее к выходу, подхватив сумку. Замерла у двери, вслушиваясь, и вышла в коридор осмотреться. Не обнаружив признаков опасности для подопечной, вытолкнула ее из комнаты и потащила за собой по лестнице для прислуги. Привела к конюшне, где сдала в руки Верту. Крепко обняла на прощание и ушла не оглядываясь.

Всегда жизнерадостный, сейчас ординарец был хмур и неразговорчив. Без привычного балагурства вывел молодую кобылку, на которой ездил один из отцовских посыльных. Видно, Ласточка останется здесь, что вполне объяснимо. Слишком хороша лошадка для простого гонца. А лишнее внимание к персоне Тали сейчас ни к чему. Да, может, оно и к лучшему, что любимая лошадь, чья масть так удачно сочетается с цветом волос, будет дома, в безопасности.

Верт повязал на талии девушки пояс с ножнами и коротким легким мечом. Этот меч Тали преподнес отец сразу после странной болезни, отнявшей память, объяснив столь неординарный подарок тем, что пошатнувшееся здоровье нужно укреплять физическими упражнениями. От фехтования гораздо больше пользы, чем от бесцельного блуждания по парку, сказал он, видя недоумение на лице дочери. Тали не спорила. Фехтование определенно было интереснее математики, геральдики и этикета. Владеть мечом учил Верт. Он же обучал верховой езде в мужском седле. Как будто они знали, что все это может пригодиться.

Вслед за мечом появились два тонких длинных ножа. Мужчина вставил их девушке в сапоги. В голенищах были предусмотрены специальные крепления.

Ординарец довел Тали до ворот поместья. Стиснул ее плечи, кивнул на прощание и, не проронив ни слова, ссутулившись, пошел в сторону дома. Как и кормилица, не оглядываясь, проводя черту между Тали и ее прошлым, в котором все было просто, понятно и беззаботно. И которое уже не вернуть.

Баронесса нехотя взобралась в чужое, изрядно потрепанное седло, приторочила к нему сумку, бросила тоскливый взгляд на отчий дом и помчалась по дороге, прочь от прошлой жизни. Она пустила лошадь в галоп и вихрем пронеслась вдоль парка, затем миновала деревеньку,

что находилась неподалеку от поместья, и выехала на тракт, который через два дня должен был привести ее то ли к Пенькам, то ли к Дубкам и переправе через Эбролюю.

Глава 2

Юной баронессе и раньше доводилось путешествовать этой дорогой, но всегда в сопровождении слуг и всегда в карете. Комфорт был привычной составляющей ее образа жизни, не считая тренировок с Вертом, но к ним она относилась как к забавной игре. Верховая езда считалась развлечением, девушка умела и любила ездить верхом, но никогда раньше не совершала длительных прогулок. С галопа она довольно скоро перешла на рысь, а потом и вовсе позволила лошади идти шагом. Никто же не сказал, что Тали должна мчаться, как воинствующая саритянка, так недолго отбить то место, которым барышни обычно сидят в каретах. На третьем часу пути баронесса искренне жалела всех, чья работа требовала долгих разъездов.

Дорога убегала вдаль, растворяясь в солнечном мареве. В голову лезли тревожные мысли. Перед отъездом Тали не удалось поговорить с отцом, и она подозревала, что таково было его решение. У барона не хватило смелости сказать ей в лицо, что она не его дочь. Проще поручить слугам вышвырнуть ее из дома. Она, пожалуй, впервые за всю свою короткую жизнь по-настоящему злилась на отца.

Случалось, барон был суров. Временами проявлял жесткость. Но жесткость оправдывалась образом жизни, все-таки он военный офицер, хоть и в отставке, а суровость обуславливалась ответственностью за ее благополучие: тяжело быть отцом девицы на выданье, да еще такой неугомонной. Ни суровость, ни жесткость не переходили в жестокость. Никогда, вплоть до сегодняшнего дня, Тали не сомневалась в его любви. Она не могла представить, чтобы отец поступился ее благополучием ради собственной выгоды. Но сегодняшний день изменил все. Отец лишил ее опеки, крыши над головой и куска хлеба ради того, чтобы скрыть свое участие в каких-то политических махинациях. И даже не посчитал нужным объяснить.

С другой стороны, он мог так поступить, чтобы защитить ее от кровожадного графа. Тот явился незванным-нежданным, без предупреждения, чего раньше за ним не водилось. Принялся угрожать буквально с порога и готов был собственноручно привести угрозы в исполнение. Более чем вероятно, не выстави отец ее из дома, до утра

она бы не дожила. Сломала шею, упав с лестницы, утонула в ванне, больше похожей на большой таз, повесилась на ленте для волос. Отец хотел дать ей фору, боялся, что промедление будет стоить Тали жизни. Если так, если Дарна не соврала, самое страшное позади. Ей только нужно укрыться в приграничной деревне, переждать, когда с Виллема спадет помрачение и он забудет о своих черных планах. Тогда отец приедет за ней и отвезет домой.

Но как пережить это время? Ей, не привыкшей думать о завтрашнем дне, о хлебе насущном. Что она будет делать, оказавшись среди крестьян? Копаться в огороде? Начищать полы в крестьянской избе? Таскать воду коромыслами? Сама себе шить одежду? Чем там еще занимаются крестьянки? Может, ей придется отвешивать поясные поклоны «барам» и «барыням» и терпеть их пренебрежение? Боги, какая мерзость!

Кормилица обещала, что отец приедет за ней, как только неурядица с Виллемом разрешится. Но сам-то он ничего не обещал! Захочет ли? Вспомнит ли о ней? Нужна ли она ему, учитывая, что их не связывают узы родства? Злость сменилась страхом. Страхом за свою жизнь. Девушке хотелось вернуться, но она понимала, что это невозможно. Жених не оставит ее в покое.

За что Виллем ненавидит ее? Допустим, она не дочь барона, не Талиэн Д'Варро, но это же не повод желать ей смерти. Она не сделала ему ничего плохого, не считая мелких пакостей в виде куриного помета в туфлях и крапивы в кровати. Но он сам ее спровоцировал! Да и досталось в итоге лакею, которому Тали в качестве компенсации за понесенные страдания полгода презентовала всякие мелочи вроде пудры для парика, ваксы для башмаков или одеколona. Нет, причина, безусловно, в другом. В чем же? Неужели она и вправду когда-то была белоярской шпионкой? Или же...

Невероятные теории, одна нелепее другой, рождались в ее голове. По самой привлекательной из них Тали была незаконнорожденной дочерью белоярского короля Кромака или кого-нибудь из его приближенных. Поэтому-то ее, рискуя жизнью верноподданных, решили спасти, переправив через границу. Затем, как это обычно случается, что-то пошло не так и хорошо продуманный план с треском провалился. Она оказалась в плену, ее даже пытали (тут девушка вздрогнула и поежилась), но благородный барон, заметив фамильные

черты королевского, княжеского или еще какого-нибудь важного рода, решил спасти девочку от смерти и защитить от врагов, выдав за свою дочь. Виллем же, будучи отпетым патриотом, воспротивился этому.

Что ж. А как все было на самом деле?

Тали пыталась вспомнить свое прошлое, но, как и много раз до этого, словно уперлась в глухую стену. Она отлично помнила первый день своей жизни. Вот только случился он года три назад, и было ей на тот момент не меньше четырнадцати лет.

Незнакомая комната встала перед глазами. Тали, одолеваемая слабостью, лежала на кровати. Стоило ей открыть глаза, как странный молодой мужчина бросился к ней. Она не узнала его и испугалась неожиданных объятий. Вокруг поднялась суматоха. Тот, молодой, привел другого мужчину, постарше. Они, перебивая друг друга, принялись сыпать вопросами. И Тали осознала, что не понимает их речи, не знает языка, на котором к ней обращаются. Попыталась объяснить, но тут ее ждал провал. Голова разрывалась, она была полна языков и диалектов, вот только это больше мешало, чем помогало общению. К тому же Тали испытывала смертельный страх. В итоге беседа не состоялась. К девушке приставили надзирательницу – ее кормилицу. Точнее, не ее, а той, умершей Тали, о которой так деятельно скорбел Виллем.

Пару дней она провела в полубредовом состоянии, пока в сознании теснились неизвестные слова и малопонятные образы, вызывая страшнейшую мигрень. Потом вернулось – появилось? – понимание языка. И начались расспросы. Помнит ли она, кто такая? Как здесь оказалась? Как ее зовут? Сколько ей лет? Тогда она поняла, что ничего не знает о себе. У нее не было воспоминаний, не было прошлого. Ничего. Пустота. Словно она родилась несколько дней назад.

Ей разрешили вставать с постели, но не позволили выходить из комнаты. Да она и не стремилась, чувствуя, что силы не торопятся возвращаться. Барон проводил с девушкой все свободное время, рассказывая забавные истории из ее детства. Взамен утраченной памяти ей дали новую. Она – Талиэн Валерия д'Варро, дочь барона. Тяжелая болезнь едва не унесла ее жизнь, но отступила, забрав память. Случай, безусловно, редкий. Самое главное, что она осталась жива, а память, дадут боги, рано или поздно вернется.

Когда Тали окрепла, ее перевезли в другой дом, который находился в одной из центральных провинций и, как она позже выяснила, в свое время перешел в наследство матери, теперь уже покойной. На границе, в замке д'Варро, девушка больше не бывала. С ней отец отправил кормилицу Дарну и ординарца Верта. Им он доверял как себе. Позже, уладив дела, барон поселился в поместье покойной жены, и жизнь Тали стала такой же, как у большинства сверстниц.

Первый год за ней неотступно, сменяя друг друга, следовали Дарна и Верт. Постоянно интересовались, не возвращается ли память, не посещают ли странные сновидения. Память упорно не желала возвращаться, сны посещали самые приятные, иной раз не вполне пристойные, и ее, наконец, оставили в покое, рассудив: если девушка что и вспомнит, сама об этом расскажет.

В дом приходили учителя, с которыми Тали осваивала книжные премудрости, по большей части разрозненные, никак не систематизированные, не вызывавшие особого интереса у ученицы и не слишком способствовавшие развитию девичьего ума. Но от девицы ее положения общество не требовало познаний в точных науках. Того скудного осадка, что остался после трех лет домашнего обучения, вполне должно было хватить, чтобы сделать хорошую партию и не ударить в грязь лицом в приличном обществе. К ее чести, она полюбила чтение, но книги выбирала преимущественно легкие для восприятия и задевающие тонкие струны ее чувствительной души, а именно сентиментальные романы.

Как и любая хорошо воспитанная юная леди, она изучала живопись и искусство игры на лютне. Правда, вскоре выяснилось, что художника из нее не выйдет, а от потуг освоить музыкальный инструмент страдала не только лютня, но и все обитатели поместья. Махнув рукой на живопись, баронесса тем не менее продолжала увлеченно терзать лютню. Причина ее творческого подвига появлялась в доме дважды в неделю, имела высокий рост, тонкие черты, белокурые волосы и незначительную примесь эльфийской крови.

Учитель музыки, вызывавший повышенное внимание у своих учениц, но ни разу не уличенный в связях с ними, снискал репутацию добропорядочного мужчины. В дом он попал по рекомендации одной милой дамы, водившей знакомство с бароном. Этот красавец стал

первой тайной и трагической любовью Тали. Ради его похвалы она по несколько часов в день старательно выполняла все заданные упражнения и, со слов лютниста, начала делать значительные успехи.

Закрепить их, однако, не позволил барон, который в неурочный час решил лично проверить, как обстоят дела в музыкальной части дома, и застал в гостиной пасторальную картину, повергшую его в нешуточную ярость.

За окнами буйствовал май, в комнате витал аромат цветов, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву растущих возле окон кустов и деревьев, наполняли помещение мягким, приглушенным светом. Юная баронесса и молодой учитель о чем-то нежно беседовали, склонив друг к другу головы так близко, что легкий порыв ветра на миг смешал черные и золотистые пряди. Мужчина сжимал в своей руке тонкие пальчики старательной ученицы и, видимо, намеревался осыпать их поцелуями. Громкое покашливание заставило красивую пару вздрогнуть, влюбленные отпрянули друг от друга, но было уже поздно.

Отец молча сделал знак лютнисту следовать за ним. Учитель так же молча подчинился, бросив на Тали прощальный взгляд, полный сожаления и скорби. Уроки музыки после этого прекратились. Появившаяся на смену молодому красавцу престарелая лютнистка не смогла вызвать в девушке прежнего интереса к предмету. Лишь иногда, когда легкая грусть закрадывалась в душу, жертва несчастной любви и родительского произвола закрывалась у себя в комнате, брала в руки инструмент и наигрывала милые сердцу мелодии. Первая любовь вскоре затерлась новыми увлечениями и впечатлениями, потускнела и забылась.

Предаваясь воспоминаниям, девушка подъехала к небольшому городку, где решила найти ужин и ночлег. Стражник у городских ворот не обратил особого внимания на робкого щуплого паренька и, скупно ответив на его вопросы о постоянных дворах и корчмах, вернулся к прежнему занятию – жадному разглядыванию приехавших в город молодых женщин.

Тали какое-то время поплутала в поисках названного заведения, потолкалась на узких грязных улочках, ведя кобылку под уздцы, была обругана нищей старухой, получила пару раз локтем в ребра в давке на базарной площади и, наконец, добралась до длинного деревянного

двухэтажного строения, над дверью которого крепилась вывеска с поистершимся изображением летящего голубя и надписью «Почтари». На этом постоялом дворе чаще всего останавливались посыльные. Здесь можно было недорого поесть, снять комнату и дать отдых лошади. Мальчишка-привратник затребовал два медяка, забрал поводья и увел кобылу в конюшню.

Тали с силой толкнула дверь и попала в шумное, заполненное чадом и набитое людьми помещение корчмы. Договорившись о комнате, заплатив за кров и стол, она направилась на поиски последнего, надеясь найти свободное место. Таковое вскоре обнаружилось на лавке за длинным дощатым столом. Напротив сидел крепкий парень, потертый дублет которого имел знак с гербом неизвестного Тали аристократического дома. Незнакомец с интересом поглядел на нового соседа в надежде найти в его лице собеседника и собутыльника, чтобы весело скоротать вечер. Он держал в руке ополовиненную кружку с пивом, другая, уже пустая, стояла рядом. Молоденькая прислужница подала Тали тарелку жаркого и стакан красного вина, хохотнув на подмигивание парня. Девушка отпила вино и поморщилась. Сосед воспринял ее гримасу как хорошую возможность завязать разговор.

– Еда здесь так себе, вино и подавно. А вот пиво отменное, неразбавленное. И девчонки красивые.

Последнее было адресовано служанке, убиравшей со стола. Она улыбнулась парню и ответила бойкой шуткой, на что тот добродушно осклабился. Видно было, что он здесь частый гость. Подавальщица с интересом оглядела Тали и многозначительно подмигнула ей. Беглая баронесса зарделась, скосив глаза на тарелку. Заметив смущение красивого паренька, прислужница насмешливо фыркнула и занялась другими посетителями, бросая на Тали игривые взгляды.

– А ты ей понравился. Ее Вейкой кличут. Горячая девчонка. Я Милек, а для здешних девчонок – милек, – парень засмеялся собственной не слишком изящной шутке, протягивая руку.

– Верт, – отвечая на крепкое рукопожатие, буркнула Тали первое имя, какое пришло в голову.

– Куда направляешься, Верт?

– На границу, с поручением к его светлости герцогу.

Тали не продумала как следует фальшивую биографию и сейчас корила себя за то, что время в дороге потратила на фантазии и светлые воспоминания, вместо того чтобы сочинить правдоподобную историю своей новой жизни.

– И ты к старикашке Ирву! Ну, там, брат, сейчас беспокойно. Говорят, белоярцы планируют заварушку. Так что ты поторопись: и туда, и оттуда.

В этот момент вернулась прислужница и принялась протирать стол, беспокоясь не столько о его чистоте, сколько о производимом на красивого юношу впечатлении. Она изгибалась столь усердно, что ее внушительные прелести едва не выпали в стоящую перед Тали тарелку. Прелести эти в иной ситуации вызвали бы у девушки приступ черной зависти и черной же меланхолии, но сейчас, поняв, чего добивается служанка, она пристально разглядывала столешницу, чувствуя, как наливаются жаром щеки. Схватила стакан с вином, сделала большой глоток и поперхнулась. Милек заржал как конь, а Вейка стала нежно похлопывать ее по спине. Не зная, как прекратить этот фарс, Тали подняла на Вейку слезящиеся глаза, кивнула и поблагодарила. Служанка расценила ее поведение по-своему. Уселась рядом, гораздо ближе, чем того требовала царившая за столом давка.

– Милек, познакомишь меня со своим другом? – Прислужница кинула томный взгляд из-под густых ресниц на парня, затем перевела его на Тали.

– Запросто, – ухмыльнулся парень, – знакомься, Верт. А это Вейка. Золотая девка, не пожалеешь.

В этот момент Вейку окликнул хозяин, и она с неохотой поднялась, пообещав, впрочем, скоро вернуться. Тали с облегчением выдохнула. Милек же тем временем принялся сыпать советами, как получить от Вейки желаемое, приправляя рекомендации сальными остротами. Девушка подумала, что получить от Вейки не нужное ей «желаемое» можно и без всяких там советов, гораздо ценнее были сведения, как отделаться от прилипчивой служанки.

Тали слушала болтовню захмелевшего Милека, задавая вопросы и переводя темы, едва тот начинал интересоваться ее жизнью и службой. Вейка несколько раз подходила к Тали, подливая вина в стакан, всякий раз словно невзначай касаясь ее плеча пышным бюстом. Подобные действия горячо поощрялись Милеком и сопровождались

пошлейшими комментариями. Во время одного из Вейкиных подходов Тали поднялась, пожелала новому приятелю спокойной ночи, поблагодарила подавальщицу, оставив на столе монетку, и отправилась наверх в отведенную ей комнату. Милек и Вейка удивленно переглянулись, после чего прислужница, сцапав монету, пожала плечами и задержалась у стола поболтать с парнем.

Тали закрыла дверь на засов. Устало опустилась на кровать. События дня, перевернувшие с ног на голову всю прежнюю жизнь, и вино, которого она выпила больше, чем следовало, благодаря Вейкиным стараниям, тяжелым грузом давили на нее. Она с трудом стянула сапоги и уснула, не снимая одежды.

Пробуждение было стремительным и малоприятным. Девушка почувствовала, что лежит в крайне неудобной позе, отчего затекло и онемело тело. Попыталась подняться, но поняла, что руки привязаны к спинке кровати. Она с силой рванулась вперед в безуспешной попытке освободиться.

Густая темнота комнаты отреагировала желчным смешком, затем чиркнула спичка и зажглась свеча. В беспокойных отблесках огня Тали различила знакомое лицо, но радости от узнавания не испытала.

На стуле рядом с кроватью сидел ее жених, граф Виллем д'Оррет собственной персоной, и с холодным интересом наблюдал за метаниями своей жертвы. В скудном освещении молодой мужчина казался красивее, чем обычно. Вот только красота эта не будила в Тали светлых чувств. Рот жениха кривился в привычной высокомерной усмешке. К высокомерию примешивалось злорадство.

– Заставила же ты меня побегать, дорогая невестушка. При других обстоятельствах это придало бы особую остроту нашей встрече. Тем не менее должен поблагодарить тебя за то, что облегчила мне задачу. Избавиться от тебя сейчас труда не составит, и барон не будет путаться под ногами.

– Но зачем? – с недоумением воскликнула Тали. Чем она так насолила жениху, что он готов убить ее без суда и следствия? – Что я вам сделала? Почему вы не расторгнете помолвку и не оставите меня в покое?

– Чтобы ты вернулась к папеньке и продолжила дурить ему голову? А затем подобралась поближе к императору и его семье и реализовала план Кромака? Думаешь, я полный идиот? Сейчас я

оказываю очень большую услугу барону. Он поймет это позже. Поймет и будет благодарен за то, что я сделал за него всю грязную работу.

– Я не знаю ни о каких планах Кромака и к императору не собираюсь! – дыхание перехватило. Тали скатывалась в панику, наблюдая, как мужчина снимает ремень и натягивает его, оборачивая концы вокруг ладоней. – Ну почему? За что? Объясните, прошу вас!

– Хочешь поболтать? Что ж, будем считать это последним желанием приговоренного. Тогда слушай и не дергайся.

Виллем понимал, что девушка надеется выиграть время, но не стал препятствовать этому. Он сам, как ни пытался быть убедительным, оказался не готов собственноручно привести в исполнение вынесенный им же приговор. Мужчина рассчитывал на то, что попавшая в капкан белоярская шпионка начнет выкручиваться привычными способами: попробует соблазнить, откупиться или завербовать. Одним словом, признает свою вину. Ему во что бы то ни стало требовалось получить ее признание. При таком раскладе он будет не банальным душегубом, а защитником империи. Виллем не ожидал, что девчонка начнет отпираться, взывать к справедливости и задавать вопросы, ответы на которые ей хорошо известны. Ясно как день, она лишь прикрывается маской святой невинности. На самом же деле перед ним настоящая змея, хитроумная и ядовитая, как гюрза.

И он получит ее признание. А пока, так и быть, расскажет свою историю.

– Как ты сама знаешь, это случилось три года назад. Я гостил у Гарета. Барон расставил дозоры у белоярских земель. На границе было беспокойно. Мои люди патрулировали территорию вместе с его солдатами. Но в те дни мы с бароном оставили лагерь и находились в замке. Моя невеста – его дочь Талиэн – была тяжело больна. Болезнь оказалась неизлечимой. Тали долго, но безуспешно боролась за жизнь. Лекари не в силах были помочь, оставалось лишь проститься с ней. Но во мне теплилась надежда, что я могу сохранить ей жизнь. Пусть не в ее теле, в чужом, но это все равно была бы она, моя Тали. Для воплощения моей задумки требовалась другая девочка, ее ровесница, и некромант. Некромант у нас был. Отец, светлая ему память, поддался на мои уговоры и нанял сильного мага, не побоявшегося нарушить закон за достойное вознаграждение. Запретные ритуалы караются

довольно жестоко. Маг и сказал, что нужно найти того, кто отдаст Тали свое тело.

Видя ужас и отвращение на лице девушки, мужчина тоскливо усмехнулся.

– Вряд ли ты поймешь. Но мне все равно. Я любил эту девочку. Наших отцов связывала давняя дружба, и я часто проводил время в замке барона, да и Тали подолгу гостила у нас. Я играл с ней, наблюдал, как она взрослеет. Мне всегда хотелось, чтобы у меня была сестра. Поначалу я так и относился к Тали, как к младшей сестре. Но чем больше времени проводил с ней, тем яснее понимал: отнюдь не братские чувства вызревают в моем сердце. С Тали происходили те же метаморфозы. Когда ей исполнилось тринадцать, она призналась мне в любви и сказала, что хочет скорее повзрослеть, чтобы стать мне женой. Тогда я впервые поцеловал ее и пообещал всегда быть рядом, любить и оберегать до конца своих дней и тогда же попросил у барона руки Тали. Мы обручились. А потом я узнал о болезни. Легочная чума. Болезнь обнаружилась слишком поздно, чтобы чем-то ей помочь. Лекари дали год. Она угасала, таяла на глазах.

Виллем на минуту умолк, и лицо его подернулось печалью. Впервые за все время их знакомства Тали увидела на этом красивом лице что-то помимо привычной надменно презрительной маски.

– Но я нашел способ спасти любимую. Оставалось получить согласие ее отца. Барон наотрез отказался от моей затеи. Решил, что я тронулся умом, – Виллем с горечью хмыкнул, – но в итоге мне удалось убедить его. Кроме дочери у барона никого не осталось. Жену несколько лет назад забрала та же болезнь. Я нашел похожую на Тали девчонку. Пообещал неплохое вознаграждение за услуги. Привез ее и некроманта в замок барона. Вот только девчонка почувала неладное и сбежала. Требовалось срочно найти замену. До ритуала оставалось всего два дня. Жизнь покинула Тали, но некромант привязал ее душу к телу, однако задержать уход надолго не мог. Как назло, ни одной девушки возраста Тали в замке и окрестностях не было. Мы с бароном разослали людей в деревни и села, что находились на его землях, дав указание привезти любую девушку, которой недавно исполнилось четырнадцать. Мне стало уже неважно, будет ли она похожа на Тали. Накануне ритуала в замке появились люди барона с сообщением, что несколько вооруженных отрядов перешли границу недалеко от

охраняемой территории. Одну группу лазутчиков удалось ликвидировать. В живых оставались солдат и девчонка, которая была с ними. Солдат умер от ран, едва его довели до замка, а девчонка оказалась целой и практически невредимой, только вся в синяках и ссадинах. Парни объяснили, что она серьезно сопротивлялась: кого ранила, а кого и вовсе убила. Вот они на ней и отыгрались за своих. Барон приказал допросить ее. У него тогда были люди, умевшие разговорить даже немоего. Но девчонка оказалась упертой. Все твердила «не знаю» на любые вопросы.

– Но я и вправду могла ничего не знать! – закричала девушка, поняв, о какой именно девчонке говорит Виллем. – Вы не думали о том, что я оказалась там случайно?

– Думал. Поначалу я именно так и думал. А потом мне довелось поприсутствовать на одном из допросов. Хотел бы я, чтобы у моих людей была такая же стойкость и сила духа. Тогда-то я и понял: ты не простая белоярка, по глупости или случайности оказавшаяся среди лазутчиков. В тебе были ярость, ненависть и цель, у тебя имелась какая-то цель, ради которой ты терпела невыносимые муки. И оружие, которое отобрали у твоих товарищей, оно тоже выглядело странным. В империи такое не делают. Из неизвестного металла, способного разрубить камень. И люди, которых ты положила там, на границе... Солдаты потом подтвердили, дралась ты на редкость умело. Тебя явно обучали этому с детства.

Граф прикрыл глаза, погрузившись в воспоминания. Затем продолжил:

– Но я отвлекся. За те два дня, что у нас оставались, ни мои люди, ни люди барона не нашли подходящую девушку. Сдается мне, не особо искали. Однако у нас была ты. По внешним параметрам подходила идеально: сильная, крепкая, да и возраст на первый взгляд совпадал. Тянуть время больше было нельзя. Некромант осмотрел тебя и подтвердил, что можно проводить ритуал. Я был там вместе с бароном. Вначале все шло как положено. Очерченный вокруг алтаря круг, два тела на алтаре. Тали казалась живой, просто спящей. Я смотрел на нее, стараясь запомнить любимые черты, чтобы потом попытаться найти их в тебе. Но обряд сорвался. Видимо, некрмант напутал в своих заклинаниях. Пространство внутри круга полыхнуло огнем. Маг попытался вырваться из него, но не смог. И хорошо. Иначе смерть в

огне показалась бы ему легкой. Потом, спустя несколько минут, огонь погас, словно его и не было. Некроманта тоже не было. Лишь горстка пепла у расколовшегося алтаря. И Тали не было. Осталась только ты. Твоя одежда сгорела, а на тебе ни следа. Ни от огня, ни от пыток. Мы надеялись, что все прошло удачно: ты поменялась с Тали и скоро она откроет глаза и улыбнется мне. Но глаза открыла ты. Я искал ее в тебе и не находил. Ритуал не удался, я понял это сразу, а вот барон вбил себе в голову, что Тали проявит себя, нужно лишь время. Я дал ему три года. Через три года, если Тали не проявится, он должен был убить тебя. Он поклялся в этом. А я поклялся, что сам убью тебя, если у него не поднимется рука. И вот срок подошел.

– Но зачем вам меня убивать? Пусть я не Тали, но кому помешаю, если останусь жива? Или вы так сильно ненавидите меня за то, что я это я, а не она, что готовы убить беззащитную женщину?

– Ты невнимательно слушала. Когда тебя схватили, мы обязаны были сообщить командованию, передать тебя императорским следователям, которые рано или поздно выбили бы из тебя правду о том, с какой целью ты оказалась на территории империи. Ты представляла собой угрозу безопасности империи тогда, представляешь ее и сейчас. Даже теперь, живя в доме барона, ты продолжаешь преследовать свои цели. Как еще старику могла прийти в голову мысль представить тебя при дворе и пристроить фрейлиной к Хлодвиге?

Тали мотала головой, кусая губы и проклиная себя за детское желание попасть в императорский дворец, о чем отцу все уши прожужжала. Выходит, сама виновата. Не загорись она этой, казавшейся теперь безумной, идеей, жила бы себе тихо в отцовском поместье.

– В любом случае, оставь мы тебя в живых, всплывет вся правда о том дне. Так что прости, милая, но другого пути у нас нет.

Граф понимал, что проиграл, что она не признается, однако не собирался отказываться от своих планов. Лучше погубить невинного, чем выпустить в мир демона, который разрушит империю.

Виллем поднялся со стула и, сжимая в руках удавку, приблизился к девушке. Тали, холодея от мысли, что сейчас умрет (а кто хочет умирать в семнадцать лет?), начала яростно метаться по кровати, пытаясь освободить руки. Поняв, что кроме рук отбиваться можно еще

и ногами, со всей силы пнула мужчину, и, видимо, удачно. Виллем согнулся пополам, хватая ртом воздух, когда же отошел от удара, поднялся с перекошенным от бешенства лицом. Злость туманила его разум, избавляя от ненужных сомнений.

– Так, значит, быстрая и безболезненная смерть не входит в твои планы? Очень хорошо. Развлечемся немного. Кроме того, ты должна мне брачную ночь.

Тали не сразу поняла, о каких развлечениях и каком долге идет речь. Но когда жених перехватил ее ногу, которой она намеревалась наградить его новым пинком, и придавил тяжестью своего тела, оказавшись на кровати, да что там на кровати, прямо на ней, она пронзительно закричала. Две сильные пощечины оборвали крик, оставив противный металлический привкус во рту и гулкий звон в опустевшей голове. Виллем стянул с нее штаны и принялся шарить под рубашкой. Когда он, расстегивая брюки, чуть ослабил хватку, Тали рванулась так яростно, что мужчина повалился на пол, и она изо всех сил, какие у нее оставались, издала истошный вопль, который должен был перебудить всех постояльцев гостиницы.

Дверь слетела с петель от первого же удара. На пороге, полуголый, с мечом наперевес, стоял недавний знакомец, Милек, взлохмаченный, но тем не менее вполне бодрый, несмотря на позднее время. Оценив открывшуюся его взору картину, он, недолго думая, подскочил к встающему с пола Виллему и со всей дури приложил того по голове рукоятью меча. Граф снова оказался на полу, но в этот раз уже не делал попыток подняться. Парень же подошел к кровати и освободил Тали от веревок. Отступив к двери, перевел взгляд с распростертого поперек комнаты мужчины на девушку, дрожащими руками натягивающую штаны и поправляющую рубаху. Поскреб затылок.

– М-да, случится же такое. Я, признаться, когда услышал голоса, решил, раз тебе Вейка не глянулась, ты другую девку привел. Я тут, в соседней комнате остановился, за стенкой. – Милек махнул головой в сторону стены, за которой, должно быть, находилась его комната. – Но кто ж мог подумать, что в таком приличном заведении найдутся любители молоденьких мальчиков? Развелось содомитов, житья от них совсем не стало! Скоро страшно будет с соседом по столу словом перекинуться. Скажешь «здрасьте», глядишь, он уже сзади

пристраивается. А орешь ты хорошо, громко так, любая баба позавидует. Да не реви, все, он к тебе больше не полезет. Отбегался, похоже.

Однако, к изумлению Милека, Тали и не думала плакать. Ее скрутил приступ хохота, и теперь она, привалившись к кровати, смеялась до слез от одной только мысли, что заносчивого графа д'Оррета причислили к лицам с пикантными вкусами. Вполне заслуженная кара.

Тали поднялась, вытирая мокрые щеки, и заметила, что народа в комнате прибавилось. Вейка, взъерошенная, в рубашке, надетой наизнанку, решительно выталкивала за дверь любопытных постояльцев.

– Куда вы рожи суете? Все, концерт окончен. Поссорился благородный господин со своей служанкой, обычное дело. Идите спать, нечего тут толпиться.

Дело действительно представлялось обычным. Не прельстившись местными красотками или не прельстив ни одну из них, благородный господин мог привести женщину с улицы. А там денег ли не додал, из-за чего скандал разгорелся, или просто до особых развлечений любителем оказался, да только не всякая девка на такие развлечения согласна даже за деньги. Кто их разберет, этих благородных господ с их причудами. Поняв, что ничего интересного не происходит, любопытствующие разошлись по своим комнатам досматривать сны.

Вейка тем временем суежилась вокруг Тали, помогая остановить кровь, лившуюся из разбитого носа. Милек же внимательно изучал лежавшее на полу тело, шарил в карманах. Нашел кошелек, подкинул его в руке, одобрительно хмыкнув.

– Жив, – прокомментировал Милек тревожный взгляд девушки. – Добить?

Тали помотала головой, отвела в сторону руки Вейки и склонилась над Виллемом. Возможно, когда-нибудь она пожалеет о своем решении. Возможно, другая она – та, что дралась не хуже мужчин и не сломалась под пытками – прикончила бы графа, пользуясь его беспомощностью. Но нынешняя Тали так поступить не могла. Она не знала той девушки, о которой рассказал Виллем, но чувствовала всем сердцем, что не способна убить человека, каким бы

ужасным он ни был, тем более если этот человек безоружен и лежит себе спокойно лицом в пол.

– Из благородных, – дала свою оценку неподвижному телу Вейка.

– Да, – снова поскреб затылок парень и, глядя на Тали, доверительно сообщил: – Мотать отсюда надо. А ты придумай, что сказать хозяину. И содомиту, когда он очухается, – с этими словами парень высыпал Вейке в ладони половину монет из кошелька Виллема. – Собирайся, валим, – предназначалось уже Тали.

Служанка, перешагнув через графа, повисла на шее Милека, жадно целуя его. Парень неохотно прервал поцелуй и, шлепнув девицу по крепкому задку, пошел за вещами. Вейка подскочила к Тали, чмокнула в щеку на прощанье.

Глава 3

Рассвет они встретили в пути. Милек, не спавший ночь, дремал в седле. Тали вначале подивилась такой способности, но потом поняла, что это привычный для него отдых.

Когда солнце поднялось достаточно высоко и по тракту, поднимая пыль, принялись сновать повозки и экипажи, Милек заметил, что его спутник постоянно оглядывается и тревожно вжимает голову в плечи, стоит только показаться одинокому всаднику. Рассудив, что, хоть ночной гость его нового друга не скоро сумеет сесть в седло, ему ничто не мешает отрядить за ними погоню, Милек решил прибавить ходу и при первой же возможности сменить дорогу.

Парень держал путь в ставку герцога д'Ирва и направлялся туда не первый раз, поэтому дорогу до границы знал хорошо. Ехать к самой границе, а уж тем более к герцогу в планы девушки не входило, и она уже пожалела, что назвала Милеку именно эту причину своего путешествия. Но поняв, что с попутчиком удобнее и безопаснее, а после переправы можно исчезнуть не попрощавшись или придумать благовидный предлог для изменения маршрута, Тали выразила признательность и за спасение, и за сопровождение.

Едва на тракте появилась развилка, Милек, не раздумывая, свернул на нее, и девушке ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Дорога вела к одной из деревень, до которой, по словам парня, было полдня пути и через которую тоже можно добраться до переправы, хоть ехать и дольше, чем по тракту.

Путешествие надоело баронессе еще в самом его начале. Короткие привалы – ноги размять – не приносили отдыха. Еда всухомятку – голод забить – не доставляла удовольствия. Погода не радовала. Небо безоблачное – плохо. Солнце палит. Голова под уродливой шапкой преет. Тали хотела последовать примеру Милека, который был простоволос и вполне доволен жизнью, но боялась сомлеть на солнце. Еще упадет в обморок, начнет приятель приводить ее в чувство, тут и откроется, что никакой она не паренек. Поэтому шапочка осталась на прежнем месте, досаждасть владелице.

Красота природы не трогала измученного сердца баронессы. Дорога, петлявшая вдоль полей и пролесков, заставила бы иного путника замереть в восхищении, но Тали никакого восхищения не испытывала. Вокруг родного поместья такой красоты вдосталь. Вот только дома, если устала, можно удобно устроиться в кресле, и никто тебя не потревожит, еще и чаю нальют или лимонада.

Мыслями своими девушка со спутником, понятное дело, не делилась. Страдала молча. Тот, если и обратил внимание на дурное настроение попутчика, вида не подал. Списал на бессонную ночь и пережитое от встречи с приبلудным содомитом потрясение. Да еще на отсутствие опыта. Невооруженным глазом видно, что паренек впервые так далеко с поручением направился. Зеленый еще. В седле сидит, как дрын проглотил, что гвардеец на параде. Поводья теревит без нужды, а надо бы расслабиться и дать лошади волю. Она сама пойдет, без понуканий. Видно же, лошадь к такой работе, в отличие от всадника, привычная. Но Милек не лез к спутнику ни с советами, ни с помощью. Наступит время – своим умом дойдет. Помотает его по стране, научится в седле есть, в седле спать. А пока Милек делал ненужные ему привалы, чтобы мальчишка не спекся раньше времени.

К вечеру, когда добрались до места, Тали чувствовала себя совершенно разбитой.

Оказалось, в деревне Милек был персоной широко известной. Вот только слава эта, судя по перекошенным лицам попадавшимся навстречу мужиков, имела неприятный душок и сулила недоброе.

– Неудачники, – спокойно ответил он на вопросительный взгляд девушки и широко улыбнулся.

– Не пришлось бы нам отсюда среди ночи сбегать, – прокомментировала Тали, на что парень лишь пожал плечами, оставляя все на волю богов.

В приютившей путников крестьянской избе Милек уже бывал. За символическую плату им позволили переночевать на сеновале, накормить лошадей и разделить с хозяевами трапезу. За ужином Милек вежливо общался с хозяйкой дома, развлекая ее байками из своей насыщенной событиями кочевой жизни и последними новостями большого мира. При этом он старательно игнорировал зазывные взгляды хозяйской дочери.

Девушка оказалась недурна собой, и Тали искренне недоумевала, почему Милек всячески избегает ее внимания и не сыплет комплиментами, что было привычной для него манерой общения с представительницами прекрасного пола. Однако, когда на кухне появилось трое могучих мужчин, Тали поняла причину сдержанности спутника. Молодая пейзажница в присутствии хмурых братьев сникла и стала вести себя, как полагается дорожающей своей честью девице.

После ужина Тали собралась помыться в нетопленной бане. Милек порывался составить компанию, но, встретив отпор в виде сбивчивых, несуразных возражений и списав стеснительность попутчика на недавно перенесенную душевную травму, терпеливо дождался своей очереди, после чего куда-то пропал. На сеновале появился уже глубокой ночью. Девушка сквозь сон слышала, как он взобрался на свою лежанку, что-то сказал ей и, не дождавшись ответа, уснул.

Весь следующий день они провели в дороге. За спиной оставались селенья, обширные пастбища и заливные луга, где крестьяне косили траву. Было несколько привалов среди таких сенокосов, во время которых Милек, окруженный веселыми деревенскими девками и молодыми бабами, не сдерживал природного обаяния, в результате чего сумки путников пополнялись свежей провизией, а спины дымились от прожигавших их злобных взглядов мужиков.

Ближе к ночи приятели добрались до большого поселения, раскинувшегося на берегу широкой реки Эброльи и носившего название Дубравы. Видимо, это и были те самые то ли Пеньки, то ли Дубки, про которые говорила кормилица.

Переправляться решили утром, а пока нашли единственный в поселке постоянный двор, расположенный практически у самого берега. В большой широкой комнате, где подавали ужин, царило оживление. Все посетители, да и сам хозяин, увлеченно обсуждали вести с северных рубежей. Недавно белоярцы пытались прорваться через границу, что с успехом пресекли имперские пограничники. Империя спешно подтягивала новые силы для укрепления пограничных отрядов, и собравшиеся делились предположениями о перспективах надвигающейся войны. Тали несколько раз слышала имя отца и влезла в самую гущу, желая узнать последние новости.

– Говорят, они хотят вернуть свои земли, что на том берегу Эброльи.

– Нам только этих северных овцетрахов под боком не хватает, пожри их Мара! Им того берега мало будет, они и наш заграбастают!

– А император-то куда смотрит? Мало того что налоги дерут, половину урожая графу отдаем, парней наших в дружины забирают, так еще и прижать этих вшивых ублюдков не могут как следует.

– Да отдали бы им хоть какие-то земли. Тройка жирных баронов без наделов останется, зато нас, глядишь, и не тронут. А то как займется, куда бежать-то? Урожай в поле. Скотину девать некуда. Граф-то не больно о нас беспокоится.

– Слыхали, у барона, который на том берегу замок держит, дочку украли? Жених ейный ее разыскивает. Его дружинники повсюду листовки развесили. Тому, кто баронеску найдет, обещают награду. Даже за мертвую, говорят, денег дадут, но за живую больше.

Тали от такой новости поперхнулась воздухом.

– Поди, белоярские ублюдки ее и уворовали.

– Да на кой она им сдалась? Своих, что ли, девок не хватает?

– Так наши-то краше, а дочка барона, говорят, первая красавица.

– Да видал я эту красавицу, тощая, что твоя доска. А белоярцы-то, поди, не дураки, любят, когда бабу пощупать можно.

Девушка одарила комментатора пристальным взглядом, сияясь вспомнить, при каких обстоятельствах они были представлены друг другу и когда тот успел рассмотреть ее прелести, точнее отсутствие оных. Лицо измученного жизнью бородатого крестьянина оказалось ей незнакомо. Видимо, он относился к тому типу людей, которые, стремясь продемонстрировать свою осведомленность в любых вопросах, не чураются плести небылицы. Благо проверить правдивость их рассказней некому.

– Не знаю я ничего про то, есть ли у нее что пощупать, но вот затеять войну из-за девки вполне могут.

– Да какой дурак из-за баронской дочки будет войну начинать? Кромак давно уже у нашего землю свою назад требует. Вот из-за этого-то и будем воевать, а не из-за баб. Отдали бы по-хорошему, да и жили себе в мире. А баб на всех хватит. Ведь какой год покоя нет.

Потолкавшись еще немного возле стойки, где толпились завсегдатаи, и не услышав ничего дельного, Тали вернулась к Милеку.

За их столом разместились вооруженные мужчины, с которыми парень что-то сосредоточенно обсуждал. Когда Тали подошла к Милеку, один из них кивнул ей и подвинулся, уступая место рядом с попутчиком.

– Плохо дело, – обратился к Тали парень. – Война начнется со дня на день. Главное, успеть пакет отдать и смотаться, а то в солдаты загребут. В гарнизонах людей не хватает. Говорят, будут ополчение из местных набирать, чтобы продержаться до прихода основных сил.

– А далеко до границы? – спросила девушка.

Один из солдат, услышав ее вопрос, осуждающе покачал головой.

– Ну, ты, парень, даешь! За рекой граница начинается. Вот замки баронов Колле, д'Варро, д'Арта и графа д'Оррета.

Мужчина высыпал на стол соль из солонки, провел рукой, распределяя горку тонким ровным слоем. Солонку, перечницу и две кружки с пивом расставил в порядке, изображавшем расположение замков, кругами очертил территории, принадлежавшие баронам и графу. Провел широкую линию перед ними.

– Это Эбролья. Вот переправа, – ткнул пальцем, оставив ямку рядом с линией, обозначавшей реку. – Здесь Эбролья огибает земли графа и барона Колле и отделяет Белояр от империи. – На солевом слое река сделала крюк, протянулась и расширилась, прокладывая условную границу между империей и королевством и замыкая между двумя солевыми притоками земли барона Колле и часть земель графа д'Оррета. – А здесь сухопутная граница и непроходимые леса, откуда эти твари и появляются. Вот тут ждем первого удара. – Палец провел черту от перечницы, обозначавшей замок и земли барона д'Варро, до кружки пива, назначенной замком д'Арта. Где-то между перечницей и кружкой располагался лагерь герцога д'Ирва.

– Мы сейчас на землях графа д'Оррета? – поинтересовалась Тали, холодея.

Дружный кивок развеял все сомнения.

– Да, земли графа тоже граничат с Белояром. Мы как раз на заставу собираемся. Гонялись по поручению графа за его невестой. Девчонка пропала третьего дня из отцовского дома. Видно, не больно-то ей замуж хочется.

– Слышал, баронеску белоярцы украли, – подал голос Милек.

– Нужна она им, – хмыкнул один из солдат. – Увидала будущего муженька, да и дала деру. Граф у нас суров не по годам. С невестой,

видно, тоже не мармеладничал. А в нынешних мамзельках дури больно много. Цветы им подавай, песни под балконами, поцелуи при луне. Любовь, одним словом. А он мужик конкретный: то в столице, то на границе. Не до серенад, в общем.

Девушка содрогнулась, вспомнив последнюю встречу с конкретным мужиком.

– Вот, может, видали?

Перед Тали и Милеком легла листовка с изображением женской головки. Рисунок сопровождался текстом, в котором граф д'Оррет обещал щедрую награду любому, кто вернет ему невесту живой. Стоимость мертвой невесты снижалась вдвое, но и эта сумма впечатляла. Цена будущей графини интриговала, портрет тоже.

– Тю-ю. А говорили, красавица! – Милек разочарованно протянул лист Тали.

Сбежавшая невеста принялась тщательно изучать собственное изображение, силясь обнаружить сходство. Один глаз значительно меньше другого, да еще косит, нос картошкой, рот – тонкая истеричная полоска, волосы собраны в подобие высокой прически, которая не поместилась на листе бумаги, в результате чего портретное изображение завершала насыпь с ровной площадкой. Интересно, кто это рисовал? Может, граф именно так ее и видит? М-да, странно, что супружеский долг потребовал. Оно и к лучшему. Поняв, что быть узнанной ей не грозит, девушка честно ответила: «Не, не видали» и вернула листовку охотникам за ее головой.

Совсем стемнело, когда Милек и Тали попрощались с солдатами и пошли спать. Все приличные номера на постоялом дворе были заняты. Пустовала лишь небольшая каморка под крышей. Милек видел в этом отличный способ сэкономить выданные на дорогу деньги, благо отчет о расходах хозяин не требовал, потому разницу можно было оставить себе, к тому же ни одной симпатичной девчонки, с которой захотелось бы уединиться в отдельной комнате, в гостинице не нашлось. Столы в харчевне накрывали необъятная хозяйская жена и старая горбатая прислужница. Ни той, ни другой не удалось пробудить в парне мужского интереса.

Кровать в комнате оказалась одна. И пусть она была достаточно широкой, чтобы свободно вместить двух путников, Тали всерьез раздумывала над тем, чтобы лечь на полу. Ее сомнения развеял Милек.

Он занял место у стены, накрылся покрывалом, великодушно уступив одеяло попутчику, буркнул, что мужскими задницами не интересуется, отвернулся и мгновенно уснул.

Девушка боязливо прилегла на свободную половину ближе к краю, натянула одеяло до самого подбородка и принялась размышлять над своей судьбой. Вот она, приличная барышня из благородной семьи, делит постель с мужчиной, который не является ее мужем. Память услужливо явила содержание пособия по этикету, настоятельно предписывавшего избегать ситуаций, способных скомпрометировать добропорядочную девицу.

Добропорядочная девица обреченно осознала, что после сегодняшней ночи ни один достойный мужчина на ней не женится. Становиться супругой Милека не хотелось категорически. Значит, остаются лишь два пути: в монастырь или в падшие женщины. В монастырь идти было скучно, в падшие женщины – интересно, но страшно.

Упиваясь горестными мыслями, Тали уснула.

Ранним утром она стояла на причале, ожидая парома. Поднявшийся за ночь густой, как сметана, туман окутал реку и берег. Мир исчезал в плотном мареве уже на расстоянии полушага. Тали боялась пропустить момент, когда судно причалит к берегу, и старательно вслушивалась в белесую пустоту, но кроме размеренного плеска волн не различала ничего. Парома все не было.

Устав от ожидания, она сошла с деревянных мостков и медленно двинулась вдоль реки по песчаной полосе. Туман постепенно рассеивался, и стало видно, как Эбролья монотонно, будто через силу, накатывает на прибрежный песок. Тали подошла к воде, и волна лизнула кончики ее сапог, затем, отступив за границу белой пелены, вернулась и, как подношение древней богине, бросила к ногам человеческое тело. Мужчина в форме офицера имперской армии был мертв.

Река алела в лучах восходящего солнца, но не рассвет стал тому причиной. Тела солдат, облаченные в красные военные мундиры, раскачивались на волнах Эброльи, которая дымилась клочками тумана. И не было конца этому багряному приливу.

Ехать к границе теперь бессмысленно. Границы больше не существовало. Белоярцы вступили на территорию империи.

Тали, терзаемая недобрым предчувствием, вошла в реку и побрела по пояс в воде, раздвигая тела, вглядываясь в лица. Ей чудилось, еще немного, и она увидит знакомые черты. Эта мысль так захватила ее, оказалась настолько важной, что она внимательно осматривала каждый труп, при необходимости разворачивая его, если тот плавал спиной кверху. Она до дрожи, до тошноты боялась обнаружить знакомое лицо и, в конце концов, обнаружила. Смерть и пребывание в воде не пощадили барона д'Варро, но все же Тали узнала его. Она стояла в реке, не чувствуя холода, оцепенев от горя.

Оставить все как есть, бросить отца на прокорм обитателям Эброльи Тали не могла. Расталкивая мертвецов, она тянула тело барона в сторону берега. Очередной труп, судя по форме – офицер, развернулся от волны, созданной ее суетливыми движениями. Ледяная сморщенная рука задела брючину, но Тали уже привыкла к случайным прикосновениям мертвецов и перестала обращать на них внимание. Но тут осклизлые пальцы сомкнулись на ее запястье. Она попыталась вырвать руку. Тщетно. Мертвый Виллем, граф д'Оррет, крепко держал свою живую невесту. Он, не моргая, смотрел на Тали стеклянными глазами. Синие губы шептали: «Это еще не конец. Мы непременно встретимся. Тебе не сбежать от меня».

Тали подскочила в кровати, судорожно глотая воздух и слезы. Огляделась по сторонам в поисках угрозы. Но ни жениха, ни отца поблизости не оказалось, и она с облегчением рухнула на подушку.

Небо за окном серело, приближался рассвет. Милек лежал рядом. Он, раскинувшись, спал на спине, одной рукой сжимая запястье девушки. Лицо парня было беспокойным, похоже, и его мучили тревожные видения. Тали осторожно, чтобы не разбудить приятеля, расцепила хват, подвинула руку Милека, повернулась на бок и стала смотреть в светлеющий проем окна. Сон не шел. Вскоре захлопали двери, послышались торопливые шаги, потянуло жареным луком и выпекаемым хлебом. Наступило утро.

Виллем, граф д'Оррет, проснулся с тяжелой головой, мутной и гудящей, как от сильнейшего похмелья. Он страдал от жажды и жара. Жар растекался по телу, ослабляя, досаждая, добавляя к головной боли новые мучения. Неужели заболел? Как не вовремя! У него столько нерешенных дел, война начнется со дня на день, а тут еще жар. Жар и

тяжесть. Виллем простонал сквозь стиснутые зубы, попытался подняться и понял, что дело нечисто.

Приоткрыв глаза, граф обнаружил себя в чужой камерке, похожей на комнату для прислуги в дешевой таверне, с грязным оконцем, пропускавшим сквозь мутные стекла припыленный солнечный свет, с давно не знавшим побелки потолком и дощатыми стенами, к которым местами были прищиплены выцветшие вырезки из модных каталогов.

Причина жара и тяжести оказалась весьма прозаичной и вместе с тем загадочной. Он лежал на сбитых несвежих простынях чужой постели, придавленный горячим телом. Обнаженным женским телом с невероятно аппетитными формами. Привычным жестом обняв незнакомку, Виллем глубоко задумался, напрягая больную голову в попытках вспомнить, какая нелегкая занесла его в эту кровать и кто эта женщина. Не то чтобы раньше с ним не случалось подобного. Военная академия славилась на весь Дирм пьяными лихачествами будущего цвета имперского офицерства. И Виллем в последние годы учебы целиком отдавался попойкам, стараясь забыть самый страшный кошмар своей жизни, топя в вине и загулах неутрахающую боль величайшей утраты.

Много раз он просыпался в чужих кроватях, рядом с посторонними женщинами, не всегда привлекательными, не всегда молодыми. И столько же раз зыбкий образ, придуманный им идеал, в котором мало оставалось от настоящей, некогда живой Тали, возникал перед ним. В ее нежном облике не было ни укора, ни презрения. Лишь печаль и сожаление. Так в детстве на Виллема смотрела мать, прознав о его шалостях. Два светлых лика, две утраты – мать и возлюбленная – сплелись в один, и он сам не мог бы объяснить, из-за кого рыдал, перед кем каялся.

И этим утром сердце сжалось в предчувствии бурного раскаяния. Но его оборвали на самой пронзительной ноте. Случайная любовница заворочалась и проснулась. Приподнялась на локтях. Одарила Виллема восхищенным взглядом, заставляя позабыть и о головной боли, и о жажде, превращая жар из пытки в удовольствие. А после само собой случилось то, что случается обычно между молодым здоровым мужчиной и молодой красивой женщиной, оказавшимися в одной постели.

– Милая, – застегивая рубашку, обратился Виллем к незнакомке, подарившей ему чудесное утро. – Прости, запамятовал твое имя. Уверен, оно так же прекрасно, как и его обладательница.

– Веренея, милостивый государь, – жеманно хихикнула девица.

Замысловатое, наверняка выдуманное имя, деланный смех, покрасневшиеся пухлые щеки, огромная грудь, рыхлый живот и натруженные руки с широкими ладонями и короткими толстыми пальцами показались графу донельзя вульгарными, а сама ситуация – пошлой до омерзения. Утро вмиг утратило былую привлекательность. Виллему захотелось броситься куда глаза глядят, только бы подальше от этой грязной комнатухи и ее обитательницы, чтобы стереть из памяти случившееся между ними. Он уже было шагнул в сторону ободранной двери, но остановился, вспомнив о деле, которое привело его на постоялый двор. Обернулся. Девица впопыхах натягивала платье.

Он вспомнил ее. Вечером в общем зале постоялого двора, где он выследил белоярскую шпионку, эта девка подавала еду и убирала со столов. Флиртowała со шпионкой, ошибочно приняв ту за смазливого юношу. И откликнулась на менее вычурное и более подходящее ей имя. То ли Вийка, то ли Вейка.

– Веренея. Что ж, и вправду, чудесное имя. Расскажи-ка мне, любезная Веренея, как я очутился в твоей комнате.

– Нешто вы не помните, сударь? – вполне искренне изумилась девица.

– Увы. Я должен был встретиться здесь с одним своим знакомым. И, если мне не изменяет память, встреча состоялась. Вот только детали ускользают от меня.

– Ох, сударь! – девица всплеснула руками. – Да как же так? Вы же, сударь, настоящий герой! Вы заступились за меня! За честь мою девичью. Меня же наемники насильничать хотели, прямо в коридоре. Я так кричала, так кричала, на помощь звала, да все без толку. Постояльцы-то и хозяин попрятались по своим норам, как крысы трусливые. И лишь вы на мой крик откликнулись и один, безоружный, с тремя наемниками управились. Только вас во время драки по темечку – р-раз! и тюкнули, – вот вы чувств-то и лишились. И запамятовали обо всем. А я вас к себе в комнату волоком притащила, чуть спину не сорвала. Но ради такого доброго сударя мне ничего не жалко.

Веренея врала складно, как по писаному. Но что врала, Виллему было очевидно. Слишком важное дело привело его на постоялый двор. И крики трактирной подавальщицы не отвлекли бы его от цели. Да и честь свою девичью она давным-давно продала заезжему торговцу, а после за вознаграждение делила койку с постояльцами. Стал бы он безоружным бросаться на помощь потасканной прислужнице и вступать в заведомо проигрышную при таком раскладе схватку с наемниками? Отделался бы, ввязавшись в драку, одним ударом по голове? Маловероятно. Но по голове его все-таки приложили довольно ощутимо. И напали исподтишка, со спины. Возможно, позарились на туго набитый кошель, которого он не обнаружил среди своих вещей, заботливо развешенных на стуле. И пока он валялся без сознания, белоярская шпионка улизнула.

Девушка, справившись со своей одеждой, помогала ему надеть мундир. Заливалась соловьем, восхваляя рыцарство и доблесть доброго сударя, и определенно переигрывала. Устав слушать лживые дифирамбы, он сжал ее горло. Не слишком сильно. Но этого хватило, чтобы она умолкла и начала сипеть.

– А теперь послушай меня, Веренея, или как там тебя на самом деле зовут. Я не спрашиваю, где мой кошелек. Понимаю, его уже не вернуть. Не спрашиваю, где твои сообщники, по чьей милости я получил по голове. Даже если ты выдашь их, у меня попросту нет времени рассчитаться с ними. Все, что мне нужно знать, так это то, куда делась девчонка, возле которой ты вчера весь вечер крутилась.

Вейка продолжала сипеть, вращая выпученными покрасневшими глазами, в которых дрожали слезы. Виллем разжал пальцы.

– Говори!

Напуганная до полусмерти служанка судорожно вдохнула, обхватив горло ладонями.

– Девчонка? – прохрипела она. – Не понимаю, о чем вы, благородный господин.

– Девчонка, переодетая в мужской наряд. Смазливая, кудрявая, синеглазая.

Вейка не сразу поняла, о ком вел речь благородный господин. Она и представить не могла, что красивый скромный паренек окажется переодетой девицей.

– Так это... ранним утром... еще до зари уехал. Уехала.

– Куда она направилась?

– Да почему же мне знать, сударь? Я у постояльцев не спрашиваю, куда и зачем они путь держат. Не мое это дело.

Сильные пальцы снова сомкнулись на Вейкиной шее.

– Не шути со мной, Веренея. Девчонка из-за собственной глупости может попасть в беду. Она повздорила с отцом и сбежала из дома. По его просьбе я ищу ее, чтобы вернуть любящему родителю, который от беспокойства сна лишился. У меня нет времени ходить вокруг да около, убеждая тебя помочь. Поэтому или ты сейчас отвечаешь на мой вопрос правдиво и без уверток, или мы идем в ратушу, где я, граф д'Оррет, выдвину обвинение против трактирной служанки Веренеи в соучастии в похищении дочери барона д'Варро. Из ратуши ты прямиком попадешь в тюрьму, а после – на виселицу. Штрафом или поркой в этом случае не отделаешься.

Вейка была не настолько безрассудна, чтобы рисковать жизнью ради неизвестной девицы. Если граф не врет и вчерашний юноша, которого она, очарованная его миловидностью и застенчивостью, собиралась приласкать совершенно безвозмездно, – благородная леди, пропавшая из отчего дома, и если к этой пропаже приплетут Вейку, последней несдобровать. В суде она сорвет голос, доказывая, что непричастна к похищению баронской дочки, что и похищения-то никакого не было. Она может призвать половину постоялого двора в свидетели, да все без толку. Что значит слово простолюдина против слова аристократа?

Спустя несколько минут Виллем д'Оррет покинул постоялый двор. Служанка, испугавшись угрозы, рассказала все, что узнала накануне из болтовни с девчонкой и ее соседом по столу. И этот рассказ подтвердил опасения графа. Белоярская шпионка направлялась в ставку герцога д'Ирва под личиной посыльного. У Виллема не было сомнений насчет ее целей. Они очевидны. Втершись в доверие к герцогу, она займется тем, для чего и была направлена в империю: сбором секретных сведений и передачей их врагу.

Барон д'Варро – редкостный простак, давший приют и собственное имя белоярской змее. Но так ли этот человек прост? Не исключено, что они заодно. Виллем, давно не навещавший Гарета, во время последнего визита заметил, что дела барона явно идут в гору. Дом отремонтирован и обставлен новой мебелью. Сад облагорожен.

Слуг в поместье прибавилось. На какие деньги барон, обычно крайне стесненный в средствах, произвел столь значительные улучшения? Не получает ли он вспомоществование из белоярской казны? Не переметнулся ли на сторону извечного врага, не купился ли на щедрые посулы? Виллему не хотелось верить в предательство несостоявшегося тестя, но факты подтверждали: барон не благонадежен.

Граф торопился к границе, в ставку герцога д'Ирва. Перед отъездом он дал указание своим солдатам найти художника, который по словесному описанию нарисует баронессу, и, имея на руках ее портрет, отправиться на поиски. Виллем рассчитывал перехватить шпионку до того, как она окажется в приграничном лагере и нанесет непоправимый урон интересам империи.

Глава 4

Народу на паром набилось немало. В основном солдаты с лошадьми и повозками, груженными оружием и провиантом. Местных, переправлявшихся на ту сторону, практически не оказалось, а те, что готовились к отправке, вскоре должны были составить часть народного ополчения, про которое накануне говорил Милек. Прощаясь с мужьями, сыновьями и братьями, были в голос, нагоняя тоску, крестьянки, и Тали с нетерпением ждала, когда судно отчалит от берега.

Плыли недолго. Другой берег смутно виднелся еще с пристани. По мере приближения к нему девушка смогла разглядеть толпу, ожидавшую судно. Людское море исступленно колыхалось. Жители приграничных сел, в спешке покинувшие свои дома и огороды, металась по берегу. Над рекой разносились мычание коров, бляенье овец и визгливая ругань до смерти напуганных баб.

Милек смачно выругался.

– Началось, – обреченно буркнул парень. От обычной жизнерадостности не осталось и следа. – В самое пекло задницу тащить.

Тали еще утром, едва проснувшись, решила после переправы смешаться с толпой, скрыться от Милека и повернуть обратно. Домой. Сейчас же, видя картину надвигающейся войны, она утвердилась в своих намерениях, понимая, что графу будет не до нее. Войска Виллема наверняка уже на границе, и встретить его самого там шансов гораздо больше, чем в родном доме. Ехать в приграничное село, куда Тали направила кормилица, равносильно самоубийству. Такие села сметаются вражескими отрядами в первую очередь. О том, что оборону не удержать, непрозрачно намекнули вчерашние собеседники из отряда графа. Император слишком небрежно отнесся к донесениям разведки и не укрепил своевременно приграничные гарнизоны, оставив охрану северных рубежей на попечение баронов и графа. Отряд герцога д'Ирва, стоявший на границе, также был невелик. В общем, начнись война завтра, земли до самой переправы отойдут

северянам без особых усилий с их стороны. Так рассуждали вчерашние ее сотрапезники.

Неожиданная мысль заставила девушку отказаться от своего плана. Из того, что она услышала от графа д'Оррета в гостиничном номере, где лежала привязанная к кровати, находясь в полной его власти, Тали четко уяснила: барон д'Варро не отец ей. Она усомнилась, что возникшее у него когда-то отцовское чувство не уступит инстинкту самосохранения и он не надумает избавиться от названной дочери как от доказательства своей нелояльности короне. В военное время паранойя на почве шпионажа существенно возрастает.

Рисковать не хотелось. Девушка посчитала, что шансов выжить в творящейся в армии неразберихе больше, чем в родном доме, где Виллем оставил соглядатаев – своих дружков. Она отмела сомнения и приняла решение продолжить путь в ставку герцога. Мысль слиться с толпой беженцев и затеряться на просторах империи не пришла ей в голову.

Сойдя на берег, Милек и Тали продолжили путь в компании солдат графа и крестьян из ополчения. Через пару часов небольшой отряд свернул на запад, а парень с девушкой погнали коней на север. Полдня прошло в напряженном молчании. За каждым кустом мерещились затаившиеся белоярцы. Наконец дорога вывела к ставке герцога.

Постовые задержали путников, велели спешиться, выспросили, по какому делу прибыли. Один из них взялся проводить молодых людей.

Военный лагерь занимал широкое поле, вытопанное солдатскими сапогами. Всюду, куда ни кинь взгляд, стояли палатки. В лагере бурлила обычная жизнь: горели костры, сновали туда-сюда люди.

Проходя между рядами палаток, Тали с интересом наблюдала армейские будни. Над кострами висели котлы, на натянутых веревках сушилась одежда, кто-то точил и чистил оружие. Заметив женщин, свободно передвигавшихся по лагерю с корзинами не то с бельем, не то со снедью, девушка удивилась.

– Маркитантки, – пояснил Милек, но Тали не знала значения этого слова, а спрашивать не стала, побоялась вызвать подозрение.

Раньше она мало думала о войне, практически не интересовалась ею. Героические баллады, сложенные бардами древности в честь доблестных рыцарей, не описывали прозаичный быт армейской жизни.

В полюбившихся ей романах тема войны, в том числе последней, с тем же Белояром, не затрагивалась вовсе.

Проходя мимо занятой обедом женщины, еще молодой, но уже потертой жизнью, Тали, оглянувшись на Милека, заметила, как оживился парень.

– Солдатские жены, – с пошлой ухмылкой сказал он.

Женщина поймала взгляд Тали и улыбнулась ей.

– Любят тебя девки, – не удержался Милек.

– Ты тоже судьбой не обижен, – не осталась в долгу девушка.

Идти до офицерских палаток пришлось довольно долго. Постовой привел молодых людей к самой вместительной.

Охранявшие вход солдаты велели разоружиться. Милек, достав из ножен меч, положил его у входа. Тали последовала примеру товарища. О том, что в сапогах у нее два кинжала, девушка попросту забыла.

В герцогском шатре трое мужчин склонились над столом, сосредоточенно изучая карту и оживленно обсуждая планы предстоящих маневров. Увидев вошедших, офицеры замолчали. Самому старшему из них было лет шестьдесят на вид. Высокий, поджарый, с военной выправкой и благородной сединой в волосах, он непроизвольно внушал трепет. В его присутствии и Милек, и Тали вытянулись, как солдаты на плацу.

– По какому вопросу? – обратился к ним один из офицеров.

– Пакет от графа Валерио, – не глядя на задавшего вопрос мужчину, Милек отрапортовал герцогу и протянул бумаги.

Офицер перехватил пакет и вручил адресату. Последний вскрыл его, достал пачку писем, пробежал глазами некоторые из них. Содержание, похоже, удовлетворило герцога. Он передал письма офицеру. Пока тот сосредоточенно изучал их, позвал одного из солдат, охранявших палатку.

– Накормить, через полчаса привести ко мне, – распорядился герцог.

– Вернешься – получишь ответ, – предназначалось Милеку.

Парень с облегчением выдохнул, понимая, что сегодня же отправится обратно, и покинул палатку, кивнув Тали на прощание.

– Письмо от барона д'Варро, – следуя примеру Милека, сказала Тали.

Письмо из ее рук герцог взял сам. По рассказам Верта девушка знала: с герцогом у отца давняя дружба. Именно он ходатайствовал перед императором за барона три года назад, благодаря чему тот избежал трибунала за халатность в охране вверенных рубежей.

Герцог читал письмо, время от времени бросая на Тали короткие взгляды. Закончив, на минуту задумался.

– Барон хочет, чтобы я дал тебе место в своем отряде. Просит приглядеть за тобой и обучить. Видит в тебе перспективы, которые сам развить не в силах. – Мужчина скривился, словно откусил лимон. – Сколько тебе лет?

– Семнадцать, – робко ответила Тали.

От такой новости у нее едва не подкосились ноги. Попала, нечего сказать! Из огня да в полымя.

– А по виду не скажешь. Грамоте обучен?

– Умею читать, писать, ваша светлость. Владею мечом... немного. – При последних словах герцог снова скривился.

– Звать как?

– Верт.

– На подвиги потянуло, Верт? Дома не сидится? Мать-то как отпустила такого?

– Сирота, ваша светлость. Желая служить родине, – голос от страха сделался тонким, почти детским.

Службу родине она представляла себе иначе. Вышивать вместе с другими юными патриотками платки или кошелки для солдат, писать незнакомым офицерам трогательные воодушевляющие письма, навещать раненых в госпитале. Этим, пожалуй, ее патриотическое рвение и исчерпывалось.

– Служить родине можно и в тылу, – подтвердил мысли девушки герцог. – Но юность жаждет подвига. Славы. Вот только война – это прежде всего вши, кровавый понос и гнойные раны. Сотни новобранцев погибают в первом же бою, и лишь единицы обретают вожделенную славу, чаще всего посмертно. Что тут скажешь, война плодит романтиков. Восторженные мальчишки рвутся на поиски геройской смерти. И это только начало, – обратился к офицерам герцог. – Скоро костями таких вот патриотов будут усеяны все поля в устьях Эброльи. Ни силы, ни выучки. Да и ума... Ладно, просьбу барона уважу. Будешь вестовым, – сказал он Тали, – а там посмотрим.

Как раз есть сообщение для барона. К нему и отправишься, благо лагерь его недалеко от поместья д'Варро. Да ты и сам знаешь. Может, он одумается и отправит тебя обратно в тыл. А нет, так вернешься, продолжишь родине служить.

Из шатра девушку вывел младший офицер, отдал приказ солдату. Тали забрала свой меч и в сопровождении солдата последовала в палатку вестовых, ведя за собой лошадь.

В палатке, рассчитанной на четверых, находились двое немолодых воинов. Перекинувшись с ними парой фраз, Тали расстелила на земляном полу то, что должно было служить постелью, и легла, положив под голову сумку. После нескольких дней верхом ныло все тело. Непривычные к подобным испытаниям мышцы отзывались саднящей болью на каждое движение. А впереди еще путь до лагеря барона.

Направляясь в ставку герцога, Тали не подумала, что отец тоже окажется на границе. Хотя где еще ему быть в такое время? До недавних пор она вообще не интересовалась политикой. О возможности нападения белоярцев слышала краем уха, но не воспринимала это всерьез. Гораздо сильнее она переживала по поводу свадьбы с графом и отсутствия других перспективных поклонников.

«Только бы Виллема там не оказалось», – думала девушка. Смирившись с предстоящей встречей с приемным отцом, она понадеялась на благоприятный исход, чему, безусловно, могло помешать присутствие в лагере барона мстительного жениха. Оставалось уповать на то, что граф занят организацией обороны на собственном участке.

Отдых прервал недавний солдат.

– Генерал ждет тебя.

В герцогском шатре прибавилось народу. Вокруг стола толпились офицеры. Герцог, он же генерал, вручил Тали конверт, ткнул пальцем в карту, указывая на лагерь барона. Она отдала честь (низко опустила голову, затем вздернула подбородок – подсмотрела этот жест в лагере) и вышла. На миг ей показалось, что среди присутствующих был Виллем д'Оррет. Но, сделав пару глубоких вдохов и выдохов, девушка успокоилась. Могло и привидеться. Она уже не раз вздрагивала и порывалась бежать, когда сталкивалась с кем-нибудь из офицеров, имевших такой же, как у графа, рост и похожую прическу.

Из ставки герцога Тали рванула галопом. Донесение срочное, да и очень хотелось увидеть отца. Тали старалась отогнать сомнения по поводу его отношения к ней, надеясь, что предстоящая встреча положит конец ее мытарствам и вернет к спокойной, размеренной жизни. Она неслась навстречу заходящему солнцу, туда, где был замок отца, недалеко от которого располагался его лагерь. Нужно успеть до темноты, чтобы не плутать на ощупь по незнакомым тропам.

Когда до пункта назначения по самым смелым подсчетам оставалось не больше часа, а на лес, сквозь который вела дорога, опустился вечерний сумрак, послышался перестук копыт. Кто-то нагонял ее. Тали не придала этому особого значения, рассудив, что кроме нее дорогу вполне могут использовать другие вестовые.

Лошади поравнялись. Тали бросила на случайного попутчика короткий взгляд и, вскрикнув, рефлекторно натянула поводья. Кобыла встала на дыбы, а девушка от неожиданности вылетела из седла. Замерла на миг, приходя в себя, затем кинулась в сторону леса, подальше от знакомого всадника.

Виллем д'Оррет наслаждался произведенным эффектом. Нагнал ее в несколько секунд и, глядя, как невеста мечется в безысходности, пытаясь обогнуть коня, выдал:

– Все, сучка белоярская, отбегалась. В этот раз долгих разговоров не будет.

Спешившись, он обнажил меч и направился к Тали, рассчитывая на скорую расправу. Понимая, что ничего другого не остается, девушка выхватила из ножен клинок, который в сравнении с мечом жениха казался зубочисткой, заняла оборонительную стойку и приготовилась отражать нападение. Мужчина рассмеялся и занес оружие. После парированного удара смех оборвался.

– Кошечка выпускает коготки! Я ни секунды не сомневался, что ты не так проста, как хочешь казаться.

Тягучий лязг металла перекрыл щебетание птиц и стрекот кузнечиков. Тали, не задумываясь, на голых инстинктах, делала выпады, нанося удары и уходя от них. Все, чему учил Верт, вспомнилось в одночасье. Но кроме этого было жгучее желание выжить, повинаясь которому тело, невзирая на усталость, включило неведомые доселе навыки.

«Мышечная память», – почему-то пришло на ум. Учитель музыки говорил когда-то, что пальцы сами вспомнят, как играть на инструменте, даже после долгого перерыва. Видимо, сейчас скрытые резервы организма пришли на помощь.

Совершенно случайно ей удалось зацепить противника, но несерьезно. Наконечник меча слегка чиркнул по плечу мужчины, рассек рубашку. Ткань облепила руку, заалела вокруг пореза.

При других обстоятельствах девушка порадовалась бы собственным успехам в ратном деле. Но сейчас она сознавала, что достать жениха удалось лишь потому, что тот не ждал серьезного отпора. На самом же деле умения Тали были далеки даже до посредственных.

Трезвая оценка своего мастерства наполнила ее горькой отчаянной силой. Если уж отдать жизнь непонятно за что здесь, на пыльной, истоптанной лошадыми и повозками дороге, то отдать задорого. Так, чтобы любезному жениху надолго запомнился этот первый и последний их совместный танец.

Виллем больше не усмехался. Он устал гонять по придорожной траве ускользящую невесту. Силы девушки давно были на исходе. В какой-то момент граф перехватил удар, крутанул свой меч и резко дернул его в сторону. Клинок, выскользнув из мокрых, онемевших девичьих ладоней, полетел в кусты. У нее попросту не хватило сил удержать собственный меч. Она с безысходностью глядела в ненавистное лицо и понимала, что времени броситься за отлетевшим оружием катастрофически не хватает.

Неужели все? Конец? Мужчина не сомневался в этом. Его губы расплылись в торжествующем оскале. Короткий взмах меча...

Виллем содрогнулся всем телом. Замер. В его груди торчали металлические наконечники, белый хлопок рубашки окрасило, стремительно расплываясь, багровое пятно. Не сводя с невесты мутнеющего взгляда, граф рухнул на колени, а после упал лицом в траву.

Тали упала следом, прижавшись к земле. Кем бы ни был ее неожиданный спаситель, в чудесное избавление она не слишком верила.

Вмешаться в поединок двух имперцев столь фатальным образом могли лишь их заклятые враги – белоярцы. Ждать от них добра не

приходилось. В памяти ожили рассказы Верта о зверствах извечных противников Кардийской империи.

Надо бежать. Но как это сделать, не словив стрелу?

Тали, распластавшись по земле, ползла к лошади, когда почувствовала, как на спину опустилось что-то тяжелое, мешая продолжить движение. Она медленно повернула голову.

Их было трое. Один держал в руках взведенный арбалет. Другой с мечом наизготовку стоял чуть поодаль. Сапог третьего прижимал Тали к земле.

Девушку рывком подняли на ноги. Затем последовал удар в живот, после которого ее, согнутую пополам, задыхающуюся от боли, связали, и, натянув ей на голову мешок, закинули на коня, как поклажу.

Тали не помнила, сколько проехала, болтаясь поперек чужого седла. Голова, гудящая от прилившей крови и нехватки воздуха, билась о чужое колено. Любая попытка хоть немного изменить положение тела вызывала у всадника раздражение, которое он тут же срывал на пленнице, награждая ее ругательствами и тычками. Тали чувствовала, как затекли и онемели связанные руки, как пекло бедро и намокала брючина. В горячке боя девушка не заметила, что Виллему удалось зацепить ее, сейчас же порез пульсировал болью в такт лошадиному шагу.

Когда движение прекратилось, пленницу стянули с коня и, ухватив за подмышки, куда-то поволокли. Заскрипела дверь. Ударилась о ступеньки ноги. Носками сапог она проскребла по дощатому полу, пересчитав половицы. Ее усадили на стул, привязав локти к спинке, лодыжки к ножкам. Сорвали с головы мешок.

Тали глубоко, жадно вдохнула чистый воздух, больше не отдававший плесневелой ветошью, поморгала, привыкая к свету, осмотрелась. Она оказалась в центре маленькой убогой комнатухи, большую часть которой занимала внушительных размеров печь из небеленого кирпича. Кособокий, грубо сколоченный стол, такой же самодельный топчан у стены, служивший чьей-то постелью, да пара стульев, один из которых Тали уже успела нагреть, – вот и вся обстановка.

Возле стола, заваленного ворохом вещей, ее вещей, судя по растерзанной дорожной сумке, брошенной там же, негромко

переговаривались мужчины. Двоих она помнила по недавней встрече на лесной дороге.

– Позови Брана, – велел одному из мужчин незнакомый офицер.

Он держался так, словно был здесь главным. Тали с жадным интересом разглядывала его. До сегодняшнего дня ей не доводилось встречаться с врагами империи. На сложившийся в ее представлении образ безумного берсерка белоярец не походил. Выглядел вполне цивилизованно.

Судя по выправке, движениям и интонациям, с которыми мужчина обращался к солдатам, он был офицером не младшего состава, чем-то неуловимо напоминая герцога д'Ирва. Не внешностью. И уж точно не возрастом. Скорее, манерами, привычкой повелевать, не сомневаясь, что его распоряжения незамедлительно исполнят.

Белоярца можно было смело назвать привлекательным. Высокий лоб, выраженная горбинка носа, упрямая линия рта и решительный подбородок выдавали породу. Мужчина совершенно точно входил в число знати. Светлые волосы – редкость в империи – были чуть длиннее, чем предписывала мода. Серые глаза белоярца внимательно изучали Тали.

Скрипнула дверь. Вернулся солдат, которого послали за Браном, в сопровождении молодого мужчины, видимо, того самого Брана. Пришедший так сильно походил на офицера, что сразу угадывалось родство. От старшего родича его отличали романтично восторженное выражение лица, на котором еще сохранилась юношеская припухлость, и легкий взгляд человека, не успевшего испытать ударов судьбы.

– С ними девчонка была. – Главный протянул Брану письмо, адресованное сестре кормилицы.

– Было только двое, – прозвучал уверенный ответ солдата. – Этот мальчишка и мужик, которого мы того... Мужика мы с дороги убрали. В канаву скинули. Если найдут, то нескоро. Скорее звери растащат. Лошадей увели.

– А мужика-то зачем «того»? – недовольно поморщился главный. – Пригодился бы. Наверняка больше знал, чем этот.

– Так дрались они. Мальчонка уже помирать приготовился. Вот я арбалет и разрядил в мужика-то. Все, что у него было, мы забрали.

Главный кивнул, велел всем, кроме Брана, выйти, после чего приблизился к Тали. Схватив за подбородок, задрал ее голову так, что их глаза оказались на одной параллели.

– Кем был тот человек, которого убили мои люди?

Тали не сразу поняла, чего от нее хотят. Не дав ей собраться с мыслями, мужчина отвел руку и хлестнул ладонью по лицу с такой силой, что она упала вместе со стулом. Стул подняли.

Белоярец занес руку, готовясь повторить удар.

Церемониться с пленником не входило в его планы. Он с нескрываемым раздражением рассматривал напуганного паренька и понимал, что вылазка разведчиков оказалась провальной: вместо сколь-нибудь пригодного информатора его люди притащили нечто невнятное. Юного патриота, не иначе. Самое дурное племя. Глядя на него, не поймешь, на что он готов: то ли принять геройскую смерть во славу империи, скандируя идиотские лозунги, то ли в штаны наложить. Одно другому, впрочем, не мешает.

С помощью оплеухи белоярец добился от пленника нужной реакции. Тот закивал, демонстрируя расположенность к диалогу.

Тали сквозь пелену слез и мокрые, облепившие лицо пряди глядела на белоярца. В ушах звенело, отбитая щека горела огнем. Ситуация была хуже некуда. Как разрешить ее в свою пользу, девушка не представляла. Она догадывалась: сейчас ее будут пытаться. Потом, поняв, что она ничего не знает, попросту убьют, а истерзанное тело бросят в лесу. В том, что ее ждет именно такая участь, беглая баронесса ни секунды не сомневалась. Достаточно было присмотреться к мужчине, возвышавшемуся над ней.

Она хотела жить. Ледяной, пробиравший до костей ужас перед лицом смерти, боязнь боли, гораздо более сильной, чем от пощечины, простая и ясная мысль, что она не герой, всего лишь слабая женщина, заставили ее принять решение: рассказать все, что ей известно. И если боги смилостивятся, белоярец пощадит ее.

Тали собрала остатки сил. Открыла рот, из горла вырвался наглый хрип.

– Граф Виллем д'Оррет, – ответила она, едва совладав с голосом.

Бран присвистнул.

– И что же он делал на лесной дороге один, без своих людей? – наклонился ближе к девушке ее мучитель.

– Меня убивал. А люди? Не знаю... Не было с ним людей. Может, следом ехали.

– Чем же ты был ему так дорог, что он сам лично тебя убивал?

– Это вы у него спросите.

Необдуманный ответ привел к новому удару по лицу. С одной стороны ладонью, с другой – полком. Когда стул вернули на место, белоярец ухватил девушку за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза, в которых не было ни жалости, ни милосердия.

– Дерзишь, – угрожающе протянул мужчина. – Повторить вопрос?

Тали замотала головой, давая понять, что прекрасно помнит его, да и дерзить более не намерена.

– Он думал, что я шпионю на белоярцев.

Мужчины недоуменно переглянулись.

– А где девчонка, которая с тобой ехала?

– Не было со мной никого. Честное слово, не было! – отчаянно вскрикнула Тали. – Я по поручению герцога д’Ирва ехал к барону д’Варро. Не было со мной никаких девчонок!

Бран жестом подозвал мужчину. Принялся что-то вполголоса втолковывать ему, показывая письмо. Мужчина кивнул. Вернулся к Тали.

– Не было, говоришь, девчонки? А мне сдается, что была. – И, схватив ворот ее рубахи, резко рванул.

Ткань с треском разошлась, не оставляя сомнений в половой принадлежности допрашиваемого. Тали, еще секунду назад готовая принять очередной удар, съежилась и, насколько позволяли путы, пригнула голову к коленям. Но ее подбородок снова вздернули вверх. Мужчина медленно повернул ее лицо сначала в одну сторону, затем в другую. Плавно, даже нежно провел шероховатыми пальцами по щеке, будто хотел стереть след от пощечины, затем прочертил линию по шее, а после его рука неторопливо продолжила затейливый путь к девичьей груди. При этом мужчина внимательно наблюдал за реакцией пленницы.

Тали трясло от ужаса и отвращения. Она хрипела и билась, как птица в силках, пытаясь вырваться из омерзительного плена чужих наглых лап, но путы держали крепко.

– Все, Дар, достаточно. – Бран перехватил руку главного.

Тот без особого удовольствия отступил. Бран тем временем разрезал веревки, державшие девушку. Как только он освободил ее, она запахнула то, что некогда было рубашкой. Бран опустил ладони на ее плечи, успокаивая и ободряя.

– Как тебя зовут? – мягко спросил он.

– Ууууу.

Его голос, такой теплый и человечный, с ласковыми интонациями, столь неожиданными в этом страшном месте, где ее, без сомнений, ждала мучительная смерть, пробил плотину едва сдерживаемых эмоций. Девушка судорожно всхлипнула, а после и вовсе разрыдалась, прижавшись к незнакомому мужчине, белоярскому варвару, как к родному. Тот же обнял ее и ждал, пока она успокоится.

Сбиваясь, захлебываясь слезами, девушка пыталась рассказать, как очутилась на дороге один на один с вооруженным человеком, желавшим уничтожить ее. Мужчины обменивались растерянными взглядами, не понимая в этом икании и заикании ни слова.

Когда истерика схлынула, Бран помог Тали подняться и подойти к столу. Баронесса упала бы, не поддержи он ее. Пленницу усадили на топчан у стены. Дар поставил перед ней кружку с водой. Руки девушки так тряслись, что кружка ходила ходуном, а вода выплескивалась, заливая одежду и стол. Бран держал ее ладони, пока Тали пила. Она вновь попыталась заговорить, но вместо слов вырывались всхлипы.

На смену кружке пришла фляга, которую Дар пристроил к губам девушки, вынуждая сделать глоток. Он едва ли не силой вливал в нее горькую зловонную жидкость, удерживая Тали за плечи, пока она плевалась и откашливалась. Отвратительный на вкус напиток обжег горло, зато по телу растеклось приятное тепло, смывая напряжение.

– Можешь говорить? – поинтересовался Дар у осоловевшей пленницы. – Успокойся. Никто тебя не обидит. Призналась бы сразу, что девчонка, я не стал бы с тобой так... – в его голосе слышались сожаление и досада.

Мужчина поставил стул напротив Тали. Сел и продолжил допрос.

– Как тебя зовут?

– Тали, – пролепетала девушка.

– Полное имя, – не удовлетворился ответом Дар.

– Талиэн Валерия д'Варро. Баронесса д'Варро, – громко, с вызовом глядя в его глаза, ответила она.

Бран присвистнул. Дар замер, обдумывая услышанное. Обдумал. Решил задать следующий вопрос.

– И почему же граф д’Оррет хотел убить тебя, баронесса д’Варро?

– Потому что замуж за него не хотела, – ляпнула Тали первое, что пришло в голову.

Мужчины переглянулись и захохотали.

– Имперские выродки не умеют принимать отказы? – спросил Дар.

– Потому имперские дамы учатся владеть оружием, – поддержал Бран.

За этим последовал очередной взрыв хохота.

Отсмеявшись, Дар бросил снисходительно:

– Будешь хорошей девочкой, расскажешь все, что тебе известно, и мы вернем тебя папочке. Слово офицера.

– Мне назад нельзя, – замотала головой Тали. – А все, что знаю, я вам и так расскажу. Только известно мне немного. Зря вы графа убили, он наверняка был в курсе планов генерала.

Тали подозревала, что Виллем успел сообщить герцогу д’Ирву, кем на самом деле является его вестовой. Исчезновение графа не останется незамеченным, не такая он фигура, и ее возвращение к отцу может навлечь беду на них обоих. В том, что герцог велит повесить ее на первом же суку, девушка ни секунды не сомневалась. Так же, как и в том, что барону вряд ли удастся второй раз избежать трибунала. Если, конечно, он вступится за названую дочь, а не примется самолично узлы на веревке вязать. Тали ясно сознавала, что назад дороги нет.

Руководствуясь этими доводами, девушка решила подробно пересказать события последних дней и доверить свою судьбу белоярским воинам.

В том, что ей сохранят жизнь, она больше не сомневалась. Тали заметила, как доброжелательно глядит на нее Бран. Помнила, как заботливо накрыл он ее плечи своим мундиром. Очевидно, что этот юноша – дворянин. Простые вояки не носят такие мундиры и не ведут себя столь благородно, вступаясь за честь незнакомых дам. Безусловно, благороден и... да, хорош собой. Он не даст ее в обиду. Возможно даже, возьмет в жены. После всего, что здесь произошло, он как благородный человек просто обязан на ней жениться. В голове промелькнула мысль, что жениться на ней по-хорошему должен менее

благородный, на ее взгляд, Дар, который скомпрометировал ее. Скомпрометировал же? Но девушка отмахнулась от подобного вздора. Ну нет. Он дикарь. Самый настоящий зверь. Порывистый, непредсказуемый. И потом, Бран же присутствовал на допросе? Присутствовал. Следовательно, тоже ее скомпрометировал. Значит, Бран. Решено.

Ресницы девушки трепетали, пока она, доверчиво глядя Брану в глаза, делилась своими горестями, попутно выкладывая сведения о настроениях в ставке герцога д'Ирва, его планах и численности войска. Дар ловко задавал наводящие вопросы, выуживая необходимую информацию и с трудом пряча улыбку. Его забавлял неумелый флирт пленницы, адресованный Брану, равно как и заинтересованный блеск в глазах юноши.

– Относительно той истории трехлетней давности, не знаю, поверишь или нет, могу сказать наверняка: наших людей на границе не было, – сообщил Дар, после того как допрос подошел к концу. – Полагаю, так имперцы в очередной раз пытались развязать войну. Кого-то из ваших не устраивает шаткий мир между нашими государствами. Те диверсии, скорее всего, были спланированы кем-то из имперских дворян. Не исключаю, что графы д'Орреты, и старший, и молодой, замешаны в том деле, это объясняет стремление твоего жениха избавиться от тебя как от последнего свидетеля. Тем более что империя готовится начать войну. И для ее развязывания используют уже опробованные методы. Не о благе империи беспокоился твой жених, а о том, чтобы не всплыло его участие в той грязной аванюре. Видишь ли, никто из солдат, участвовавших в той операции, не выжил. Пленных не брали, а если кто и сдался, с ними расправились на месте. В результате допрашивать было некого. Мертвые тела в форме белоярской армии – самые красноречивые свидетели. Очень удобно, не правда ли? Задание изначально было задумано с таким исходом. Вопрос лишь в том, с какой целью тебя послали вместе с ними. Полагаю, в такие отряды набирали отъявленных мерзавцев. Сколько тебе тогда было?

– Четырнадцать, наверное, – пожала плечами Тали. – Я ведь уже объяснила, что ничего не помню.

– Странно, зачем избавляться от ребенка, да еще таким способом?

Мужчины какое-то время обсуждали, как с ней поступить. В результате Дар принял решение:

– Остаешься у нас. Своим людям велю, чтобы тебя не трогали, но учти: попытаешься бежать – убьют на месте.

Тали закивала, всем своим видом демонстрируя, что сбегать не намерена.

– Бран, устрой ее. А парням скажи: начнут приставать – разговор с ними будет короткий.

Бран взял девушку под локоть и вывел из дома.

Белоярцы разбили лагерь на лесной поляне. Бревенчатая изба, в которой допрашивали Тали, была единственным основательным строением, остальное пространство занимали палатки. Лагерь оказался небольшим, в ночной темноте девушка с трудом различила пять палаток. В одну из них Бран завел ее. Зажег свечу. Язычок пламени заплясал, разгоняя тьму по углам.

Слабый свет явил скудную обстановку: кровать, точнее походное одеяло, брошенное на землю, вещевой мешок и свечу в металлическом поддоне.

– Пока будешь спать здесь. Это моя палатка. – Бран повел рукой, обозначая свои небогатые владения. – Сегодня переночую у Дара. Не бойся ничего и, главное, не пытайся бежать. Дар не шутил. Убьют.

– Мне некуда бежать. – Трагичный вздох, опущенные долу глаза и трепет потяжелевших от слез ресниц. – Бран, спасибо! Вы так добры! У меня нет слов, чтобы выразить свою признательность! Вы спасли меня. Я никогда этого не забуду!

Под смущенное бормотание Брана «что ты... не стоит... я ничего, собственно, и не сделал... Дар не так плох, как могло показаться... он бы никогда... он не такой... тебе ничего угрожает... мы позаботимся о тебе...» Тали подошла к импровизированной кровати. Раненая нога напомнила о себе, прострелив болью, едва девушка попыталась опуститься на постель. Тали вскрикнула и повалилась на здоровый бок.

Собравшийся было уходить, Бран вернулся. Склонился над ней, сосредоточенно оглядывая. Заметив темное пятно на брюках девушки, нахмурился.

– Так, давай-ка посмотрим, что тут у нас.

Бран, аккуратно орудуя ножом, разрезал штанину. Тали ойкнула, заерзала, пытаясь встать. Мужчина бережно, но твердо удержал ее, поднял свечу, осматривая рану. Достал из походного мешка бинт и флягу.

– Здесь самогон. Ничего лучше сейчас все равно не найти. Я обработаю края раны. Постарайся не двигаться.

Не двигаться не получилось. Во время процедуры Тали дергалась, мычала от боли и кусала кулак, боясь переполошить криками весь лагерь. Но белоярцу это не мешало. Судя по сноровке, иметь дело с ранами ему доводилось не раз.

– Пока так, – сообщил он, закончив перевязку. – Завтра покажем тебя нашему лекарю. Сейчас его не добудиться. Ты тоже спи. Но для начала выпей-ка, – протянул флягу.

Тали не стала спорить. Сделала большой глоток и задохнулась на миг. Напиток был крепким, как и тот, которым она против воли угощалась в избе. Бран пристроил флягу рядом с постелью, извлек из мешка плащ, накрыл им девушку и вышел из палатки. Тали попыталась было поразмыслить над очередным безумным витком своей переменчивой судьбы, но голова гудела от усталости, а может, от того, что она, оставшись одна, еще не раз приложилась к фляжке. Земля размеренно покачивалась под телом, отчего девушка быстро провалилась в глубокий сон.

В лесной избе горел свет. Два офицера белоярской армии – родные братья, сыновья хорошо известного как по эту, так и по ту сторону Эброльи князя Ольхема Лестерского, первого советника короля Кромака, – сидели за столом, рассматривая вещи несостоявшегося «языка» и обсуждая письмо герцога д'Ирва барону д'Варро.

– Они ждут нашего нападения со стороны леса. Причем ждут со дня на день, – констатировал Дар.

– Но мы же не собираемся наступать. И развязывать войну в наши планы не входит.

– Сдается мне, это вопрос уже решенный. Что помешает Ирву или тому же Варро сымитировать нападение на любое приграничное селение? Способ проверенный. Думаю, так они и поступят. Что мы можем сделать? Метаться по всей границе в поисках лжебелоярцев в

надежде обнаружить и ликвидировать их и тем самым разрушить планы императора Арвиса? У нас мало людей, сам знаешь, – Дар сокрушенно покачал головой. – Завтра же направлю письма командирам приграничных застав, пусть готовятся к длительной осаде. Отцу уже написал, изложил ситуацию, объяснил, что нужно как можно больше солдат. Надо укреплять крепости. Боюсь, война уже началась. Главное, успеть поднять княжества до того, как имперцы подтянут основные силы.

– Думаешь, успеем? Кромак до сих пор не верит, что Арвис решится нарушить мирный договор.

– Задача отца – убедить Кромака в реальности наступления. Полагаю, девчонка нам в этом поможет. Я написал отцу, что мы взяли пленника, который участвовал в провокациях трехлетней давности, и что вероятно повторение ситуации, только с другим исходом. Приложил письмо генерала д'Ирва. Думаю, с девчонкой отец сам захочет побеседовать. Нельзя допустить, чтобы она сбежала.

– Девочка ничего не помнит, – осторожно начал Бран.

Пленница будила в нем симпатию и еще какое-то непривычное, очень теплое чувство. Ему хотелось оградить ее от знакомства с князем Лестерским, ибо Бран справедливо полагал, что методы отца будут не мягче, чем способы ведения допроса братом, а то и покруче.

– Бран, неужели эта имперская шлюшка задурила тебе голову? Ты что-то задержался с ней в палатке. Может, она успела тебя ублажить?

Дар усмехнулся, наблюдая за тем, как вытягивается лицо брата. Нужно избавить его от неуместного романтического настроения. И Дар ему в этом поможет. Бран еще слишком молод, не искушен. Позволяет девкам крутить собой.

– Только не надо делать выводы о ее непричастности лишь потому, что она была не против.

– Да я рану бедняжке перевязывал! – возмутился Бран. – Ее тот тип по бедру полоснул. Рана небольшая, но глубокая. Утром отведу девочку к Ванку, пусть осмотрит. А ты, перед тем как ей лицо уродовать, лучше бы проверил, все ли в порядке с пленником.

– Бран, я женщин не бью и не пытаю, – поморщился Дар.

В отсутствие брата он всерьез размышлял над тем, вымыть руки с мылом или сразу опустить в крутой кипяток. Настолько отвратительным было осознание, что эти самые руки хлестали по лицу

женщину, существо заведомо слабое, да и не слишком разумное. Но Брану того знать не следовало.

– Этим и отличаюсь от палачей тайной канцелярии. В остальном же я, как и они, служу интересам своей страны. Я понятия не имел, что передо мной девчонка. Когда ее привели, первое, что мне от нее было нужно, – информация о той возне, которую имперцы устроили на границе. По бедрам шарить как-то недосуг было. Зато тебе самое приятное досталось. Ты у нас парень добрый, хороший, жаль только, как девку пригожую увидишь, так сразу дурак дураком делаешься. Девчонка похожа на пешку в чьих-то умелых руках или же ведет свою игру. Тебя не удивляет ее история? Слишком запутанная и не в меру драматичная.

– В том-то и дело, что удивляет, – согласился Бран, привычно пропуская мимо ушей подначки брата. – Действительно, история странная. Но подумай, стала бы шпионка придумывать такое? Соврала бы, что за женихом на войну отправилась или что-нибудь в подобном духе. И, к слову о женихе, именно его убили наши парни. Да не просто жениха, а графа д'Оррета – не последнего человека в империи. Разве это не подтверждает ее слова?

– Кого убили наши парни, неизвестно. То, что это именно граф д'Оррет, равно как и то, что они были помолвлены, может оказаться такой же выдумкой, как и некромантский обряд с потерей памяти. И хорошо бы если так. Смерть графа – прекрасный повод для объявления войны. А за девчонкой я буду очень внимательно наблюдать. И ты присматривай, да не увлекайся.

Утро было пасмурным. Настроение тоже. Тяжелый сон не принес бодрости. Нога болела, по телу разливался жар, сменяясь ознобом, отчего Тали металась в постели, то скидывая служивший одеялом плащ, то кутаясь в него с головой и стуча зубами от пробиравшего до костей холода. Бран зашел проверить, как обстоят дела, и, понаблюдав за тем, как девушка неуклюже пытается встать, убедился, что они весьма плачевны. Велел лежать и направился за лекарем.

Лекарь оказался веселым коренастым мужиком, почти до самых глаз заросшим бородой, с богатырским торсом, мощными волосатыми руками, лукавыми глазами и простонародным именем Ванок. Такому лесорубом быть, а не лекарем, подумала Тали. Дело свое он, однако,

знал. Практически безболезненно избавил девушку от старой, задубевшей от крови повязки, внимательно осмотрел рану и приступил к манипуляциям, сопровождая их прибаутками. Рану обработали, зашили, перевязали. Тали напоили горьким снадобьем, после чего велели лежать день, а лучше два.

– Надо бы пациентку в домик перенести, пока жар не спадет, – обратился к Брану Ванок. – На улице дождь, в палатку натекает. Нехорошо ее на сырой земле держать. Барышня нежная, к суровой жизни непривычная, да еще с такой раной.

Бран без разговоров завернул Тали в плащ, подхватил на руки и понес в дом. Пинком открыл дверь и, игнорируя недоуменный взгляд брата, положил девушку на топчан, который служил Дару постелью.

– На печи поспишь, – таков был ответ на вопросительно вздернутые брови.

– А совещания мне тоже на печи проводить? И приказы с печи отдавать?

– В моей палатке можешь и совещания проводить, и приказы отдавать, и на бой благословлять. В общем, делать все, что тебе заблагорассудится. Ванок сказал, ей нужно находиться в сухом и теплом помещении. На улице дождь зарядил, и, судя по всему, надолго. Девочке необходима пара дней, чтобы в себя прийти. Жар спадет – вернется в палатку.

Видя, что брат непреклонен, Дар сдался. Подошел к Тали, потрогал лоб. Распахнул плащ, убедился, что нога перевязана.

– Ладно, пусть остается. Позови Ванка, чтобы за ней приглядывал, и идем в твою палатку. Совещаться и благословлять.

Весь день Тали провела в домике под присмотром Ванка, пила микстуры и отвары. Других раненых в лагере не оказалось, и мужчина оттачивал на ней свое мастерство, заодно развлекая пациентку байками из лекарской жизни. Заговаривать на темы, связанные с пребыванием белоярского отряда в лесу, ему строго-настрого запретили.

Поздним вечером, когда Тали уснула, Дар отпустил Ванка. Сам же долго стоял перед топчаном и рассматривал спящую пленницу, пытаясь понять причину беспокойства, которое та вызывала в нем. Он старался убедить себя, что это беспокойство – не что иное, как забота о безопасности королевства, а девушка, безусловно, не так проста, как

полагает Бран, и оказалась у них отнюдь не волей случая, а преследуя свои интересы, которые наверняка расходятся с интересами страны, оберегать которую он поклялся, едва взял в руки меч. И этот милый образ невинной простушки, провинциальной дворяночки, не более чем маска, скрывающая акульи оскал прожженной интриганки. Слишком легко она втерлась в доверие к брату. Слишком быстро расположила к себе отряд.

Тали ощутила пристальный взгляд, почувствовала опасность. Заворочалась во сне, и плащ, служивший одеялом, стек на пол. Кроме рубашки и бинта на ней ничего не было. Ничего, что могло бы угрожать жизни Дара или его брата, и уж тем более интересам Белояра. Зато были длинные стройные ноги, которые едва прикрывала сбившаяся рубашка, тонкая шея, изящество которой подчеркивали короткие темные пряди, и нежная белая кожа, отражавшая мерцающий свет свечи. Дар подавил тяжелый вздох, поднял плащ и накрыл девушку.

Лежа на печи, он размышлял о том, что слишком долго мотается по гарнизонам и крепостям, лишая себя тех маленьких радостей, которые частенько перепадают его солдатам. Стремления отца устроить выгодный брак Дар жестко пресекал. Ему хватило одного такого, короткого, оборвавшегося в один миг вместе с жизнью молодой жены, к которой он едва успел привыкнуть. Слишком хрупкой для этого мира, слишком болезненной, чтобы выносить и родить наследника.

Свой долг перед родом Дар считал исполненным. Теперь пусть брат воплощает честолюбивые планы старого князя. Мимолетные интрижки с придворными дамами заканчивались каждый раз при попытке очередной любовницы повести Дара под венец. А потом, с того момента, как на границе стало беспокойно, он большую часть времени проводил на заставах, лишь изредка прибегая к услугам тех женщин, чьим основным делом было дарить уставшим воинам радость плотских утех и иллюзию любви. Но подобные встречи будили брезгливость и оставляли неприятное послевкусие, как от скисшего вина.

Подниматься с кровати Тали позволили на третьи сутки. Жар спал в первый же день, но Ванку не хотелось лишаться благодарного

пациента и внимательного слушателя, поэтому девушке для закрепления лечебного эффекта был предписан постельный режим. Несколько раз заходил Бран, говорил о пустяках, держал за руку и ласково улыбался. Он был похож на брата и одновременно сильно отличался от него. На общих чертах лица сходство заканчивалось. Бран был мягким и жизнерадостным человеком с открытым, веселым, добродушным взглядом. С девушкой вел себя обходительно и мило. Во время его посещений Тали томно вздыхала, трепетала ресницами и цвела румянцем. Дар же, став случайным свидетелем пары подобных встреч, мрачнел, как грозовое небо, и бросал злобные взгляды исподлобья в сторону брата. Радел о безопасности королевства.

На подоконнике и столе словно сами собой множились букетики полевых цветов. Это солдаты из отряда Дара, те, кому по разным причинам довелось побывать в избе (а таких, кто не зашел поинтересоваться здоровьем юной пленницы, попросту не оказалось), выражали свою симпатию и желали Тали скорейшего выздоровления. Дар раздраженно наблюдал за тем, как его рабочий стол превращается в клумбу. Когда же количество цветов превысило порог его терпения, собрал их в охапку и выкинул на улицу. Тали слышала, как он отчитывает кого-то за дверью.

Через несколько минут на поляне поднялся шум, в котором хорошо различался звон металла. Тали бросилась к окну, ни секунды не сомневаясь, что на лагерь напали имперские солдаты. Никакого нападения, к счастью, не случилось. Просто командир решил выпустить пар, а заодно размяться и потренировать солдат. Баронесса собиралась вернуться к прерванному занятию, грезам о скорой свадьбе с Браном, но пластика будущего деверя заворожила ее.

Свесившись с подоконника, Тали увлеченно следила за ходом боя. Живя в доме барона, она частенько наблюдала за тем, как тренируются его солдаты, да и сама училась владеть мечом по настоянию отца. Случалось присутствовать и на поединках, которые забавы ради устраивали местные дворяне. Но ей ни разу не доводилось видеть настолько отточенной техники.

Танец с мечами совершенно преобразил мрачного белоярца. Куда-то делась тяжеловесная угрюмость, давившая на Тали, когда им приходилось оставаться наедине. Он словно посветлел лицом. Да что там, мужчина за какую-то долю секунды удивительно похорошел.

Восхищение мастерством Дара усилилось, когда против него решился выйти Бран. Он практически не уступал брату, и их спарринг увлек не только Тали, но и всех, кто был на поляне. Зрители принялись делать ставки.

Как ни хорош был Бран, Дар, похоже, родился с мечом в руке. По итогам боя младший брат лишился оружия и приличного куска рубахи. Дар же, отсалютовав ему, направился к углу дома, где стояла деревянная бочка с дождевой водой.

Мужчина умывался, раздевшись до пояса. Тали, позабыв о стыдливости, завороченно смотрела, как по крепкому телу белоярца струится вода, как ходят мышцы у него под кожей. Поймав его взгляд, она отшатнулась от окна. Сбила стакан с букетиком незабудок, и, запутавшись в плаще, с визгом рухнула на пол. Подскочила, ударившись головой об угол стола.

Едва она угнездилась на прежнем месте, потирая отбитую об стол макушку, в дом вошел Дар. Мужчина на ходу вытирал лицо и торс. Три шага – и он уже навис над Тали. Девушка вжалась в стену, сквозь опущенные ресницы наблюдая за мужчиной. Он же достал из-под лавки свою сумку, вынул чистую рубашку, но не надел ее. Присел на кровать.

Дар внимательно, выжидающе смотрел на Тали. Она склонила голову, закусив губу, время от времени бросая на него короткие смущенные взгляды. Близость полуобнаженного мужчины пугала и притягивала Тали. Она одновременно и понимала, и не понимала, чего тот ждет от нее. Кружилась голова, захватывало дух, словно Тали стояла на краю пропасти.

Мужчина рассматривал девушку, искренне любуясь ею. Так же, как, он не сомневался в этом, она любовалась им.

Так зачем отказывать себе в том, что является естественной частью жизни? Не зря же они встретились в этом лесу? На секунду его посетила мысль, что не слишком-то порядочно обходиться подобным образом с невинной девицей, но, вспомнив горящий первобытным голодом взгляд, который он перехватил, умываясь, Дар отмел ее. Девица не столь невинна, как хочет казаться. А голод у них один на двоих. Хорошо знакомый и успевший порядком поднадоесть. Так почему бы не утолить его? Он опытный любовник и сумеет доставить ей удовольствие. Он щедр и достойно отблагодарит ее. Возможно

даже, возьмет с собой в Родгард или, что более вероятно, оставит в каком-нибудь хорошо укрепленном городе, коих по дороге встретится в избытке, где девчонка переживет беспокойные дни, чтобы после вернуться домой. А отцу он придумает, что сказать. Сбежал пленник. Или погиб, не выдержав тягот пути. Такие случаи не редкость.

Дар потянулся к девушке и, не встречая отпора, накрыл ее губы своими.

Тали не успела понять, что произошло. Вот он сидел и сверлил ее пронзительным взглядом, миг – и она уже в руках мужчины, а его язык вытворяет у нее во рту невероятное. Девушка даже не знала, что так можно.

Это был далеко не первый ее поцелуй. Первый-то и вспомнить противно. Соседский дворянчик, едва ли не моложе Тали, тискал ее, не без позволения надо отметить, под старой яблоней, пока их не обнаружила Дарна и не задала обоим подросткам хорошей трепки. Первый целовальный опыт оказался настолько неудачным, что Тали твердо решила: ни одному мужчине никогда больше она не позволит слюнявить себе рот и подбородок. Решимость эта, однако, была не столь прочной, как думалось поначалу. Вскоре малоприятный поцелуй затерся другими, более ловкими, но почти невинными, романтично целомудренными, легкими и невесомыми, точно крылья бабочки, какими награждал ее приходящий лютнист. После него была еще пара дворянчиков. С одним она целовалась возле памятной яблони, с другим – на балконе. Впопыхах, пугливо, торопливо и так же неумело, как и впервые, но уже гораздо менее слюняво. Последний же раз ее целовал жених, напористо, грубо и похотливо, в ту ночь, что едва не стала для нее последней.

Если сложить все эти поцелуи в один, то даже он, совокупный, не выдерживал никакой конкуренции с тем, что творил с ее губами и языком умелый рот белоярца. Тали довольно быстро захмелела и перестала сопротивляться. А зачем сопротивляться, когда так хорошо? И потом... Потом, потом... а потом свадьба, естественно.

– Дар, – как гром среди ясного неба раздался голос Брана. Так некстати! – Дар!!!

Бран стоял посреди комнаты, сжимая кулаки. Ни Тали, ни Дар не слышали, как он вошел.

– Можно тебя? – с этими словами взбешенный Бран махнул головой в сторону выхода.

Мужчина оторвал от себя девушку. Улыбнулся уголком рта, оценив ее растерянный и разомлевший вид, и неторопливо последовал за братом на улицу.

– Дар, зачем ты делаешь это?

– Я делаю то, что хочу, то, что считаю нужным, – уверенным, не терпящим возражения тоном ответил брат. – Мне кажется, я не должен отчитываться перед тобой.

– Тали нравится мне. Она понравилась мне с первой минуты, и ты это знаешь. Я уверен, что могу рассчитывать на симпатию с ее стороны.

– Симпатию? Симпатию с ее стороны? – Дар зло рассмеялся, с удивлением обнаружив, как внутри заворочалось что-то тяжелое и темное. – Ты говоришь так, будто собрался сделать ей предложение.

– Я думал об этом. И если она согласится, я назову ее своей невестой.

«Зря ты это сказал». Тьма поднялась, оскалилась и затопила сознание.

– Бран, братишка, ты головой никак ударился? – Желчный смешок. – Кто такая эта имперская шлюшка, чтобы ради нее жертвовать своим положением? Ты знаешь ее всего три дня.

– Ты тоже, – упрямо ответил Бран.

– Но я не собираюсь брать ее в жены! Мне, в отличие от тебя, подобные глупости на ум не приходят. И потом, у тебя уже есть невеста. Ты не забыл?

– Не забыл. Как не забыл и то, что не я ее выбирал. Тебе хорошо известно, таково решение отца. Ты, кстати, тоже не единожды был помолвлен и всякий раз разрывал помолвки. Так что у меня есть замечательный пример. И я решил ему последовать.

– Я не ты. Я могу пойти против воли отца, а ты нет. Кроме того, я уже был женат. А посему волю отца исполнил в полной мере в свое время. Считаю, я оказываю тебе большую услугу: спасаю от глупостей. Ты меня потом благодарить будешь. Мирра – девушка из древнего рода, за ней дают хорошее приданое. Она – единственный ребенок в семье. Так что со временем ты унаследуешь земли и титул. Отец

заботится о тебе, и ты не можешь не понимать этого. А спутаешься с Тали, что тебя ждет? Ладно бы ты просто развлечься хотел, но твое благородство не позволяет сделать девчонку любовницей. Ты же под венец ее вести собрался. Если ты так поступишь, отец откажется от тебя, лишит содержания, и ты станешь нищим.

– Значит, ты станешь еще богаче, Дар. Давай прекратим этот разговор.

– Ну уж нет! Я не позволю какой-то девчонке навредить твоему благополучию!

– То есть ты таким своеобразным способом проявляешь заботу о моем благополучии? Дар, оставь Тали мне. Ты же можешь взять себе любую, зачем тебе она?

– Ты тоже можешь взять любую, но эта – моя. Я старше тебя не только по праву рождения, но и по званию. Я твой командир. А Тали – моя добыча, военный трофей, если хочешь. И на этом основании я буду решать, как поступить с ней.

– О боги! Дар, вслушайся в то, что ты говоришь! Ты же сломаешь ей жизнь! Она дворянка, а ты хочешь поступить с ней как с рабыней. Но в нашей стране нет рабов. И ты не можешь просто пользоваться ею в свое удовольствие.

– Могу, Бран, могу. В нашей стране нет рабов, но она и не рабыня. Сейчас Тали моя пленница. Причем в моей воле убить ее или сохранить ей жизнь. Но я не собираюсь расправляться с ней, отдавать солдатам, бросать посреди леса или возвращать имперцам. И не переживай так о ее благополучии. Я позабочусь о ней. Она ни в чем не будет нуждаться. Но если эта девчонка так дорога тебе, дождись, пока она мне надоест, и женись, если желание к тому времени не пропадет.

Услышав это, Бран с размаха ударил в ухмыляющееся лицо брата. Дар замер на миг, смахнул кровь, что потекла из разбитого носа, и двинулся на обидчика. Неизвестно, чем бы закончилась драка, не растащи мужчин солдаты.

Дар стряхнул державшие его руки и направился в лес. Он шел к ручью, который бежал неподалеку. Умывая лицо ледяной водой, мужчина пытался усмирить бушевавшую внутри ярость. Дар был зол на Брана, за то, что тот вмешался, зол на себя, за то, что не мог сдержать своего желания, зол на девушку, за то, что встала между ним и братом, явившись причиной их первой серьезной размолвки. Он

чувствовал влечение к ней, какого давно не испытывал ни к одной из знакомых женщин. Сама ситуация, при которой он встретил Тали, азарт, подогреваемый искренним интересом брата к ней, ее зависимое положение – все это будоражило Дара. Последние две ночи, ворочаясь без сна, он думал о ней. Она находилась в полной его власти. Она была близко. Так близко, что он слышал ее дыхание. И эта близость, и невозможность преодолеть расстояние в несколько шагов между их постелями заставили его принять то решение, которое он озвучил Брану.

Такое решение, по мнению Дара, было единственно верным. Сделав Тали своей официальной любовницей, он даст ей защиту от собственного отца, от долгих жестоких допросов и пожизненного заточения в казематах тайной канцелярии короля Кромака, обеспечит безбедное существование ей и их детям, если таковые появятся. Ну не жениться же ему, старшему сыну князя Ольхема Лестерского, правой руки и советника белоярского короля, на безродной девчонке, которая даже своего настоящего имени не знает. Дар считал, что брат поймет его, до этого они всегда понимали друг друга с полуслова. Но Бран не понял, и пришлось говорить жестко и совсем не то, что следовало сказать.

После ухода Дара Тали решила бежать из лагеря. Свадьбы не будет. Ни с одним из братьев. Это она поняла с кристальной ясностью. А то, что будет... Нет, уж лучше стрела между лопаток, чем то постыдное положение, которое Дар уготовил ей. Братья не таились, выясняя отношения, и их разговор слышали не только все солдаты, но и девушка. Она, прихрамывая, металась по комнате в поисках своей сумки. Нашла ее возле печи, бросилась к двери, столкнувшись с входящим Браном. Его губы были разбиты, на скуле наливался синяк.

– Тали, я выведу тебя, – сказал Бран, сжимая плечи девушки. – Со дня на день мы должны отправиться в западный гарнизон. Думаю, я могу поехать туда прямо сейчас. Ты со мной. Там и решим, как быть дальше. Не бойся меня, я не причиню тебе вреда.

Тали кивнула. Бран, в отличие от брата, не вызвал в ней страха. Она верила ему.

– Мне нужно мое оружие, – произнесла девушка. – Знаешь, где оно?

– Жди здесь. Я скоро вернусь, – с этими словами Бран вышел из дома.

Едва он скрылся, Тали услышала Дара. Он не терпящим возражения тоном отдавал распоряжения солдатам. В дом братья вошли практически одновременно.

– Собирайся, ты едешь в гарнизон, – приказал Брану Дар. – Уходите прямо сейчас. Людей я предупредил. Мы слишком задержались здесь.

– А ты? – спросил Бран.

– Я и еще двое парней – завтра.

После этих слов Бран взял Тали за руку и собрался вместе с ней покинуть комнату.

– Девушка остается, – холодно, с деланным безразличием сообщил Дар. – Уйдет завтра с нами.

– Дар, Тали поедет со мной. Так будет безопасней.

– Девчонка остается, – с угрозой в голосе повторил мужчина. – Ты уезжаешь. Сейчас. Это приказ. Хочешь нарушить его? Ты знаешь, что за такое бывает.

Бран долго сверлил брата злобным взглядом, но, поняв, что это не сработает, с каменным лицом протянул Тали меч с кинжалами и вышел из дома, от души хлопнув дверью. Дар тут же отобрал оружие и последовал за братом.

Лагерь свернули быстро. На поляне одиноко высилась палатка, в которой должны были ночевать оставшиеся с Даром солдаты. Тали сидела у окна, глядя, как уезжает Бран. Вместе с ним ее покидала надежда, уступая место полной безысходности. Будущее виделось в самом мрачном свете.

До сумерек Дар не появлялся. Он уехал проводить своих людей и заодно осмотреть дорогу. Пользуясь его отсутствием, девушка попыталась сбежать. Но стоило открыть дверь, как Тали очень вежливо попросили не покидать дом до возвращения командира. Пришлось подчиниться. Тали стала обыскивать избу в поисках хоть какого-то оружия. Из оружия обнаружилась только кочерга.

Девушка придумала план побега. Нужно дождаться, когда один солдат покинет поляну, позвать в домик второго, вывести его из строя ударом кочерги – и путь свободен. Но план не сработал. На просьбу принести воды ей попросту поставили флягу на подоконник.

Следующая попытка также потерпела крах. Когда один из охранников скрылся из виду, Тали громко закричала. Потом встала за дверью и принялась ждать. Но вместо одного, как она рассчитывала, в дом ворвались оба. Причем второй умудрился перехватить кочергу, нацеленную на затылок соратника. Оружие изъяли, велели не маяться дурью, принесли еды и оставили наедине с грустными мыслями.

– Надеюсь, в доме больше нет тяжелых предметов? – от голоса Дара Тали вздрогнула. Судя по вопросу, ему успели доложить о поведении пленницы. – Не хотелось бы проснуться с пробитой головой.

Он смотрел беззлобно, с насмешкой. От бывшего напряжения не осталось и следа. Дар избавился от соперника в лице брата и чувствовал непривычную легкость.

– Держись от меня подальше, и твоя голова не пострадает!

Мужчина улыбнулся и покачал пока еще целой головой.

– Тали, есть два варианта, как ты можешь провести сегодняшнюю ночь. В первом случае ты спишь связанная по рукам и ногам. Во втором – в моих объятьях.

Он не собирался пугать или принуждать девушку. Лишь надавить слегка. Если она та, кем он ее считает, если она имперская шпионка, его ждет приятная ночь. Много приятных ночей, которые помогут избавиться от неожиданно возникшего наваждения, а заодно и от ставшего привычным напряжения.

Но, похоже, пленница не хотела принимать правил его игры. Ее лицо посмурнело. Она прикусила губу и задумалась над его словами. И мысли эти заставляли ее хмурить лоб.

– Выбираю первый вариант, – отреагировала, наконец, девушка.

– Видишь ли, выбор вариантов – моя прерогатива, – Дар решил не отступаться от своего плана. – Тебе же остается смириться с моим решением.

Тали тяжело опустилась на стул. К топчану, служившему кроватью, она подходить не хотела. Боялась, что белоярец расценит это как согласие. Сгорбилась, спрятав лицо в ладонях.

– Я не хочу, – простонала она сквозь зубы, ломая сложившееся у Дара представление о ней. – Не хочу! Понимаешь? Почему ты не оставишь меня в покое?! Почему вы все не оставите меня в покое?! Сначала Виллем, теперь ты!

– Тали, так будет лучше для тебя, – уже без особой уверенности сказал Дар. – Пока ты моя, никто не обидит тебя. Я могу дать тебе защиту, какую не в силах обеспечить Бран. Поверь мне. В случае если Бран объявит о вашей помолвке, ты первая попадешь под удар. Наш отец не позволит этому браку свершиться. Во-первых, у Брана есть невеста, их свадьба – вопрос решенный, осталось назначить дату. Во-вторых, брак с тобой, с одной стороны, мезальянс, в случае если ты безродная девушка, а с другой – серьезный риск навлечь на наш род обвинения в шпионаже на враждебное Белояру государство. Если забыть твой рассказ и рассматривать тебя как законную дочь барона д’Варро. Хотя брак княжича и баронессы тоже мезальянс. Для заключения подобного союза требуется согласие короля. К тому же у нас много врагов, Тали. Не всех устраивает положение моего отца при дворе, и эти враги используют тебя во вред нашему роду. Отец не станет рисковать. От тебя избавятся очень быстро. У него есть способы сделать так, что ты незаметно исчезнешь и о тебе никто никогда не вспомнит.

– Но можно же обойтись без брака и без того, чтобы я была твоей наложницей, – не сдавалась Тали. – Отпусти меня, и я уйду.

– Слишком многие знают о тебе. Мои люди, отец: я написал ему о том, что мы взяли пленника, при котором находились важные бумаги. Если я отпущу тебя, отец пострадает. И мы с Браном тоже. Я обязан доставить тебя тайной канцелярии. И вряд ли ты выйдешь от них живой. Жизнь тебе могут сохранить лишь в том случае, если найдут в этом выгоду для государства. Для обмена военнопленными, например. Согласись, не лучший вариант для тебя.

– Но как то обстоятельство, что я буду греть твою постель, поможет мне? Как это избавит твою семью от подозрений в шпионаже? – недоумевала Тали.

– Ты мой пленник и к тому же женщина. По законам военного времени ты мой трофей. Как старший по званию в этом отряде я могу распоряжаться твоей жизнью и твоим телом по своему усмотрению. Изменить что-то в твоей судьбе может лишь верховный главнокомандующий, то есть король. Например, если захочет взять тебя себе. Такой вариант едва ли придется тебе по нраву. Пока ты принадлежишь мне, тайная канцелярия может допросить тебя, но арестовать или казнить имеет право только в том случае, если

выяснится, что ты представляешь прямую угрозу безопасности государства. Ответственность за твои действия буду нести я и только я.

– Война не началась! Ты не захватил мой дом! Я не могу быть военной добычей!

– Если император Арвис официально обратится к королю с просьбой вернуть тебя, эту просьбу почти наверняка удовлетворят. Но до тех пор твоя судьба будет решаться так, как я уже сказал. Если тебе дорога жизнь, есть только один путь: принять мое покровительство. Разве я неприятен тебе?

– Да, именно так! – воскликнула Тали. – И ты, и то положение, которое ты мне навязываешь, глубоко противны мне! Я благородная девушка из хорошей семьи. Меня воспитывали для достойного замужества, а не для того, чтобы быть покорным инструментом в любовных утехх дикаря!

– Допустим, я не дикарь. А что касается благородной девушки из хорошей семьи, то вряд ли таковая пряталась бы от нее в военном лагере под личиной вестового и скрывалась от будущего мужа – достойного человека. У тебя есть время подумать над своим решением, Тали. Завтра, когда мы приедем в гарнизон, ты должна дать ответ, принимаешь ли мое предложение. Не хочу тебя пугать, но это действительно единственный способ сохранить жизнь и избежать ненужных страданий.

Дар отступил. Понял, что проиграл эту битву, что не может, да и не хочет брать пленницу силой. Он дождетя ее ответа. Положительного ответа. Она придет к нему сама. Предложит себя. Придет, если не дура, если хочет избежать боли, если хочет сохранить жизнь.

Забрался на печь и уже оттуда сказал:

– Даже не думай о побеге. Мои люди отличные стрелки, и у них команда бить на поражение.

После этих слов Дар довольно быстро уснул. Тали же какое-то время ждала, когда охранявшие дом солдаты уйдут спать, чтобы в очередной раз попытаться бежать. Но те, вопреки ее планам, не думали покидать пост. Один расположился на ночлег на крыльце дома, второй же был назначен дозорным и засыпать не собирался.

Выезжали на рассвете. Девушке вернули меч и кинжалы, но о том, чтобы использовать их против троих вооруженных мужчин, она даже

не думала.

Ехали через лес по едва заметной тропе друг за другом. Впереди двое солдат, за ними Тали, Дар замыкал небольшую колонну. Пока чаща не поредела, кони шли шагом, едва же бурелом закончился, четверка рассредоточилась, пустив лошадей рысью.

Когда впереди показалась излучина реки, а лес остался за спинами, лошадь под Тали взбрыкнула, захрипела и начала заваливаться на бок. Соскочив с падающей кобылы, девушка рухнула рядом, укрывшись ее телом. Лошадиный бок был утыкан короткими толстыми стрелами. Несколько просвистело над головой Тали, вынуждая ее распластаться на земле, прижаться к еще теплому крупу кобылы.

Дар развернул коня, на полном скаку наклонился к Тали, подхватил ее за шиворот, втянул в седло и помчал в сторону реки. Девушка видела, как один за другим падают пронзенные стрелами белоярские солдаты. Спиной почувствовала, как вздрогнул, словно от удара, Дар.

– Скачи вдоль берега, через полчаса увидишь замок, – командным, не терпящим препирательств тоном велел он. – Там стоит гарнизон. Скажешь Брану, чтобы выслал подмогу. Постараюсь продержаться до его прихода.

Он спрыгнул с коня, ничего больше не объясняя. Лишь одарил на прощание коротким взглядом, от которого все в ее душе перевернулось. Мужчина хлопнул коня по холке, и тот сорвался в галоп. Тали прижалась к шее животного, подгоняя его ударами пяток, стараясь как можно быстрее покинуть зону обстрела.

«Не оборачивайся, только не оборачивайся», – твердила она себе, удаляясь от опасной поляны. Однако, вопреки голосу рассудка, девушка оглянулась, и сердце ее похолодело. Дар опустил на одно колено, отбивая мечом стрелы, летевшие со стороны леса. Он был ранен. Тали отчетливо видела стрелу, пробившую его спину чуть ниже лопаток. Видела, как к нему приближаются двое вооруженных мужчин. Видела, как он отражает удар одного, уворачивается от другого...

Тали понимала: не успеет она доехать до гарнизона, как Дар уже будет мертв. А еще осознала, что, оставаясь на поляне, он спасает ей жизнь. Неизвестно, сколько имперских солдат перешло границу и

отважилось напасть на них. Одного седока лошадь домчит быстрее, а Дар тем временем отвлечет внимание нападающих на себя, давая Тали возможность уйти от преследователей и оказаться под защитой крепостных стен. Не могло быть сомнений в том, что, когда поднятый по тревоге Бран примчится на злополучную поляну, все, что ему останется, – забрать тело брата для достойного погребения.

Тали замерла, с трудом удерживая хрипящего, разгоряченного коня. Мысли вихрем проносились в голове. Кто ей этот человек? Что значит для нее? Отрицательный персонаж героического романа, стоящий на пути двух влюбленных? Но она не успела полюбить его брата, да и Дар не реализовал своих угроз, не принудил к позорной связи. И совсем не похож он на злодея. Злодей не стал бы жертвовать собой ради нее. Выбросил бы как балласт из седла, уходя от погони.

К демонам! Жизнь – не роман. Она не оставит его умирать. Не примет этой жертвы. И будь что будет.

Девушка развернула коня и поскакала назад, на помощь Дару. Над ухом просвистела стрела. За ней вторая. Тали вытянула из голенища нож. Все, что случилось после, помнилось смутно. Ее тело, будто сменив хозяина, зажило собственной жизнью, не связанной с ее волей. Она уверенно гнала лошадь к лесу, чудом уходя от стрел. Не знала, не видела – чувствовала, где затаился стрелок. Стремительно махнула рукой в сторону густой зеленой кроны. Нож летел по известной только ему траектории. Короткий вскрик и последовавший за ним треск веток сообщили о том, что лучника удалось снять.

С одним из нападавших Дар справился довольно быстро. Второй был более осторожным, но это не делало его хорошим бойцом. Дар, несмотря на рану, обрушил на противника град ударов. Тали не стала ждать окончания поединка. На скаку рубанула имперца. Дар добил. На этом бой закончился. Лазутчиков оказалось трое. По всей видимости, они были разведчиками, и вслед за ними в любой момент могли появиться остальные.

Едва опасность миновала, из Дара словно силу выкачали. Он грузно рухнул на колени, опираясь руками о воткнутый в землю меч. Свесил голову, тяжело, со свистом, втягивая воздух. По белому лицу струился пот, тело сотрясилось в лихорадке.

Тали спешила и бросилась к мужчине. В груди заныло так, словно не у него – у нее в легких засела вражеская стрела.

– Дура! Я велел тебе убираться! – прохрипел Дар. – Какого демона ты меня не послушалась?

– Я не солдат и твоим приказам не подчиняюсь, – огрызнулась Тали, перекидывая руку мужчины через плечо и рывком поднимая его на ноги.

Он был невероятно тяжелым, и она, стиснув зубы, стонала от напряжения.

Девушка помогла Дару взобраться в седло, сама села позади. Очень скоро мужчина обмяк и повалился на шею коня. Тали, как могла, держала его, прищипывая коня, чтобы тот мчал быстрее. Стрелу вынимать не стала, опасаясь, что мужчина истечет кровью до того, как они доберутся до гарнизона.

Когда показалась крепость, Дар был без сознания.

Их заметили издалека. Навстречу неслась волна всадников. Когда они поравнялись, Тали с облегчением узнала среди встречающих Брана. Молодые люди поменялись лошадьми. Выслушав сбивчивый рассказ девушки, Бран велел прочесать лес, забрать тела оставшихся на поляне белоярских солдат и, придерживая брата, поскакал к крепости.

Замок, в котором располагался приграничный гарнизон, представлял собой основательное сооружение, окруженное высокой стеной из грубо обтесанных каменных плит и широким рвом, заполненным мутной зловонной жижей. Такой форт был способен держать многодневную осаду, отпугивая не столько мощью стен, сколько невероятной силы миазмами. «Нечистоты они сюда сливают, что ли?» – подумала Тали и не ошиблась.

Внутри форт был даже больше, чем казался снаружи. Не замок, а целый город, подумалось девушке. Настолько он отличался от всего, что ей прежде доводилось видеть.

Едва всадники въехали в ворота, сразу несколько рук протянулось к ней, помогая спешиться.

– Не ранен? – спросил один из белоярцев.

Ее приняли за мальчишку, поняла девушка. Она покачала головой и кинулась к Дару.

Солдаты бережно сняли его с лошади и понесли в замок. Тали последовала за ними.

Глава 5

– Рана сама по себе несерьезная, но он потерял много крови, – устало сообщил Ванок. – Я сделал все, что мог. Если дотянет до утра, жить будет. Я останусь с ним, а ты отдохни. Тебе тоже сегодня пришлось непросто.

– Можно я здесь посижу? – спросила Тали. – Если что-нибудь понадобится, я смогу помочь.

– Ты раньше ухаживала за ранеными? Есть опыт?

Девушка помотала головой.

– Тогда тем более тебе здесь делать нечего. Ты отважная девочка, спору нет. Но сейчас не отвага нужна, а умение и забота. Янника свое дело знает, – Ванок качнул головой в сторону высокой пышнотелой женщины, – да и я тоже. Дар в надежных руках. Иди спать. Твоя комната рядом, так что, если понадобишься, я позову. – Последнее было сказано лишь для того, чтобы успокоить девушку.

Тали послушалась лекаря и вот уже третий час беспокойно ворочалась в кровати. Несмотря на усталость, сон не шел. В голове вихрем проносились картины минувших дней. Дар, идущий на верную смерть, чтобы спасти ее. Его прощальный взгляд, полный горечи и отчаянной решимости стоять до конца, сколько потребуется, лишь бы она оказалась в безопасности, хлопок по холке коня. Дар, отражающий удар одного противника и уходящий от другого. Дар, стоящий на коленях, опираясь на свой меч. Белое как снег лицо, капли пота, стекающие по лбу и щекам, мутнеющий взгляд. Тяжесть сильного тела, которому она с огромным трудом помогала подняться и взобраться на коня. Живые, потемневшие от страсти глаза, с жадностью смотрящие на нее. Тиски его рук на ее запястьях. Стук его сердца под ее ладонями. Его поцелуй, на который она неожиданно для себя отозвалась.

Поступок Дара переменял все, что случилось между ними. Стер все зло, какое девушка приписывала ему. Он мог бросить ее там, у реки, и спастись. Виллем поступил бы именно так, Тали не сомневалась в этом ни секунды. Но Дар предпочел пожертвовать собой, чтобы жила она. Просто жила, когда его уже не будет. Ходила

по земле, радовалась новому дню, смеялась, болтала о пустяках. Почему-то он решил, что ее жизнь представляет большую ценность, чем его собственная. Разве озабоченный низменными удовольствиями человек поступил бы так? Кто она для него? Очередная девица, коих у него наверняка было немало и будет еще больше. Если он переживет эту ночь.

Целую ночь! Долгие, бесконечные минуты, в любую из которых его может не стать. Сейчас Тали готова была на все, только бы Дар выжил.

– Богиня-мать, Великая Макошь, прошу тебя, умоляю, не забирай его! – сбивчиво шептала девушка. – Я сделаю все что угодно! Дам ему то, что он хочет. Только пусть выживет! Пожалуйста!

Едва рассвело, Тали, ни на секунду не сомкнувшая глаз, пробралась в комнату Дара. Мужчина неподвижно лежал на кровати, укрытый одеялом до самого подбородка. Бледная кожа, посиневшие губы и заострившиеся черты лица делали его похожим на мертвеца. Лишь слабое движение груди и почти неслышное хриплое дыхание говорили о том, что он до сих пор жив. В кресле у окна спала лекарка. Ванка в комнате не было, из чего девушка сделала вывод, что жизнь Дара вне опасности.

Тали села на стул возле кровати. Она понимала, что от нее сейчас мало пользы, но оставаться в своей комнате попросту не могла. Переживания за Дара сводили ее с ума, не давали заснуть. Здесь же, рядом с ним, она перестала волноваться. Тишина и мерное посапывание сиделки действовали умиротворяюще, и девушка, сама того не заметив, уснула, привалившись на кровать.

Сквозь утекающий сон Тали почувствовала, как чья-то рука гладит ее по голове, перебирая спутанные кудряшки. Ощущение было настолько приятным, что она не двигалась и не открывала глаз, чтобы не выдать себя, наслаждаясь приятным моментом невинной и одновременно чувственной ласки. Грубые, шероховатые пальцы скользнули по оголенной полоске кожи на шее, заставив вздрогнуть.

Тали поднялась, выпрямилась на стуле, только сейчас поняв, что неожиданно для себя уснула. Дар с грустью смотрел на нее. Насколько непривычным казалось выражение его обычно волевого и сурового лица, что страх за его жизнь обрушился на девушку с новой силой.

– Тебе плохо? Позвать Ванка?

Мужчина замотал головой. Показал взглядом на стакан воды. Тали помогла ему напиться, после чего он без сил повалился на кровать и замер на какое-то время.

– Почему ты не послушалась меня? – хриплым слабым голосом спросил Дар. – Там, у леса. Они могли убить нас обоих.

– Если бы я послушалась, то сегодня возлагала бы цветы на твою могилу. Терпеть не могу похорон, – попыталась отшутиться Тали. – На редкость унылая церемония.

Спорить не хотелось, равно как и объяснять, что его поступок в один миг изменил все ее представления о нем, после чего сама мысль бросить его, раненого, умирать на поляне в неравной схватке казалась попросту невозможной.

– Дура, – сиплый, прерывистый голос Дара.

Он, наконец, понял, что никакая она не имперская шпионка. Просто несмышленная девчонка, которая, сама того не ведая, пробудила в нем позабытые чувства. И, похоже, в силу своей неопытности, не осознает, боится этих чувств. А сам он? Не боится ли того, во что выльется его мимолетное увлечение «имперской шлюшкой»? Сможет ли воспользоваться своей властью, правом сильного после того, как она поставила на кон собственную жизнь, чтобы вытащить его из передраги? Едва ли. Нет, он не сможет принудить девчонку. Он ее должник. До конца жизни. Дар тяжело, рвано вздохнул, и кровавая пена проступила на губах.

Дура? Да, дура, мысленно согласилась Тали. Причем полная. А все потому, что хочу обнять тебя, прижавшись лицом к окровавленному бинту на груди, и завывать в голос, выплескивая весь ужас сегодняшней ночи, когда боги решали, забрать тебя или оставить мне. Дура, потому что, несмотря на ту унижительную роль, которую ты отвел мне в своей жизни, хочу, чтобы ты жил, жил и обнимал меня своими сильными руками. Боги, о чем я только думаю! Тали спрятала лицо в ладонях, пытаясь сдержать слезы, готовые хлынуть из глаз.

– Не надо, прошу тебя, не плачь, – хриплым горьким шепотом только усугубил ситуацию. Девушка уже не сдерживала рыданий. – Я не хотел обидеть тебя. Ты спасла мне жизнь. Я в долгу перед тобой и не забуду этого.

– Так-так. Кому суждено утонуть, того не застрелят? Тали, деточка, ты решила утопить нашего командира в слезах? Не лучшее

решение, скажу я тебе. Мы его насилу откачали, – раздался в комнате жизнерадостный голос Ванка. Вместе с лекарем в комнату ворвались дневной свет и поток чистого воздуха. – Ну как ты, Дар? Хотя сам вижу, что хорошо, раз уже успел довести до слез девицу. Да притом какую! Воительницу! Настоящую имперскую волчицу!

Дар через силу улыбнулся. Ванок своим появлением помешал ему сказать нужные и важные слова. Слова, которые он тщательно подбирал, когда, очнувшись, увидел спящую у его кровати Тали.

– Позови Брана, – распорядился Дар.

– А что его звать-то? Он с ночи возле твоей комнаты крутится. Уж я его и гнал, и уговаривал. Передохнуть тебе надо денек. Потом поговорите, – лекарь увещевал мягко, но настойчиво.

– Успеется. Зови, – распорядился Дар. – Тали, ты иди, отдохни, устройся. Мы еще увидимся позже.

Девушка не стала спорить. В коридоре она столкнулась с Браном. Судя по измученному виду парня, он тоже провел бессонную ночь, переживая за жизнь брата.

– Дар зовет тебя, – обратилась к нему Тали.

Бран шагнул к девушке. Взял ее ладони в свои, крепко сжал. И почему этот жест нисколько не волнует ее? Почему ей вдруг стало безразлично внимание этого симпатичного, приветливого юноши?

– Тали, как ты? Дар не обидел тебя?

Тали решительно замотала головой.

– Слава богам! – с чувством произнес Бран. – Я знал, конечно, что Дар не станет принуждать тебя, но очень уж странно он себя вел. Я его таким еще не видел.

– Я в порядке, Бран. Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Дар рисковал жизнью ради меня, хотя мог этого не делать.

– Если я правильно понял, как раз ты рисковала жизнью, чтобы спасти его. Спасибо, Тали! Еще вчера хотел поблагодарить тебя, но не успел. Ты молодец! Как тебе удалось убить лучника? Солдаты сказали, что нож попал ему прямо в сердце.

– Не знаю, Бран, – искренне ответила Тали, пожимая плечами. – Правда не знаю. Все произошло так быстро, что я ничего не поняла. Метнула нож и попала. Просто случайность.

– Счастливая случайность!

– Не заставляй Дара ждать, иди, – перевела тему Тали. – Только не позволяй ему много говорить, он еще очень слаб.

Расставшись с Браном, девушка поплелась в комнату, которую ей отвели. Крошечная комнатка располагалась рядом с покоем Дара и, судя по наваленному в ней металлическому хламу, а также вороху бумаг на столе, принадлежала адъютанту начальника гарнизона, в чьей спальне разместили раненого. Сам начальник, суровый, скупой на слова немолодой мужчина, перебрался в казарму и сейчас занимался организацией обороны. Адъютант последовал за ним.

Спать не хотелось. Сидеть в неудобной комнате тоже. Пользуясь предоставленной свободой, Тали решила осмотреть окрестности. Осмотр начала с кухни, которую легко нашла по будоражащим пустой желудок ароматам. Выяснилось, что в замке она личность популярная. Стоило девушке появиться в дверях помещения, состоявшего, казалось, из одной огромной печи, на которой громоздилось невероятное число бурлящих котлов и скворчащих сковородок, как ее за рукав утянули к ближайшему столу и расставили на нем такое количество снеди, коего хватило бы на целый полк голодных солдат.

Стайка молодых поварих и прислужниц окружила Тали. Со всех сторон неслись вопросы о давешнем происшествии в лесу и ее роли в нем. Тали с набитым ртом пыталась отвечать и улыбаться, но получалось не очень. Расспросы прекратила появившаяся на кухне лекарка Янника. Она грозно шикнула на девчонок, и те с неохотой вернулись к работе. Лекарка, поприветствовав Тали, устроилась рядом. Девушка благодарно улыбнулась ей. Уж очень не хотелось пересказывать события минувшего дня, тем более что она сама многого не понимала и собиралась все тщательно обдумать, прежде чем с кем-то обсуждать.

– Зайди ко мне, когда сможешь, – обратилась Янника к Тали, когда та выбралась из-за стола. – Я почти все время провожу в лечебнице. Спроси любого, тебе покажут дорогу.

Девушка кивнула и отправилась исследовать территорию.

Крепость оказалась довольно большой. Собственно, сам замок занимал не больше четверти пространства, замкнутого внутри широкого кольца крепостной стены. Остальная часть была отведена под различные постройки: казарму, конюшню, кузницы, мастерские, небольшие одноэтажные домики, в которых обосновались жители

гарнизона, преимущественно семейные. Всюду царила деятельная суета. Замок готовился к возможной осаде.

Картину дополняли стайки детей, с визгом носящихся по узким улочкам, деловитые гуси, важно вышагивающие по своим делам, занятые поиском корма куры и вальяжные свиньи, развалившиеся в возникших то ли из-за вчерашнего дождя, то ли после сегодняшней стирки лужах.

На широкой площадке перед казармой молодые солдаты тренировали навыки ближнего боя. Здесь же висели мишени для упражнений в стрельбе из лука и арбалета и мешки с соломой для отработки ударов пиками.

Тали решила подняться на крепостную стену и осмотреться сверху. Открывшийся вид изумил ее, заставив задохнуться от восторга. Справа от стены, переливаясь под лучами солнца, неспешно текла река. Берег ее обрамляли ивы, опустившие в воду длинные гибкие ветви. Река в этой части разливалась настолько широко, что другой берег был едва различим и терялся в утренней дымке. Слева от реки раскинулись зеленые луга. Местность была холмистая и оттого еще более живописная. На пригорках тут и там возникали рощицы. Линия горизонта утопала в густом лесу.

Любуясь видами, Тали прогуливалась по стене, выглядывала из-за зубцов. Один раз даже свесилась с каменной кладки бойницы, чтобы лучше рассмотреть наружную часть. Временами она встречала дозорных, которые проводили время за игрой в карты и разговорами.

– Для чего это? – спросила девушка солдата, махнув рукой в сторону колокола.

– Сигнальный колокол. Бить тревогу в случае нападения, – охотно пояснил парень с простоватым веснушчатым лицом. Ему скучно было сидеть без дела, и он с удовольствием включился в беседу. – Ты новенькая? Раньше я тебя здесь не видел.

Мужской наряд Тали не помешал ему распознать в ней девушку.

– Да, я тут недавно.

Тали неожиданно вспомнила, что она вроде как пленник, а пленнику не полагается слоняться по пунктам обороны и задавать подозрительные вопросы. Вдруг еще решат, что шпионит на империю.

– Ну, мне уже пора. Дел много, – с этими словами она повернула в сторону лестницы.

– Пстой, – окликнули ее. – Ты где работаешь? В лазарете, на кухне или в замке прислуживаешь? Может, встретимся вечером? Меня перед ужином сменят. Могу крепость показать.

Тали весело рассмеялась в ответ и, покачав головой, побежала вниз по ступеням. Спустившись со стены, столкнулась с Янникой. Целительница несла две корзины с бельем, одну из которых тут же вручила девушке, велев следовать за собой.

Лечебница располагалась внутри замка. Сразу за огромным залом находились просторные палаты, предназначенные для больных и раненых, операционная и несколько подсобных помещений. В одно из них Янника привела девушку.

– Ты почему в таком виде по замку разгуливаешь? Новых приключений захотелось? – принялась отчитывать ее лекарка.

– У меня нет другой одежды, – смущенно пояснила Тали.

– Раздевайся, надо осмотреть твою ногу. Ванок сказал, тебя ранили. Потом подберем что-нибудь подходящее.

– Да у меня уже все зажило. Просто царапина, – отмахнулась девушка.

Ей совсем не хотелось раздеваться перед незнакомой женщиной, даром что та целительница. Янника вела себя так, словно Тали была ее прислужницей. Сначала всучила корзину, потом отчитала за внешний вид. Причем таким тоном, будто имела на это право. Но суровый взгляд не расположенной к долгим уговорам женщины заставил Тали подчиниться. Она покорно стянула штаны.

– Ты племянница Ванка, – сообщила Янника, разматывая бинт. Не спросила, а именно поставила перед фактом. – Родом из приграничного села Подлипки. Всю жизнь до этого дня прожила там и никогда его не покидала. Родители умерли, и Ванок взял тебя к себе. Теперь будешь помогать нам в лечебнице. Тебе все понятно?

Тали кивнула.

У нее появилась новая биография. Третья за последнюю неделю.

– Рана затянулась. Сейчас сниму швы и наложу повязку. Постарайся пару дней ногу не нагружать. Это значит: на стену не лазать, мечом не махать, на лошади не скакать. Кстати, работы у тебя будет достаточно, чтобы не заниматься всякими глупостями.

– Вы жена Ванка?

– Ты что, глаз на него положила? – ревниво насупила брови женщина.

– Нет. С чего вы так решили? – недоуменно спросила девушка.

Она даже не представляла, что ее, дворянку, можно заподозрить в тайной страсти к немолодому грузному выходцу из крестьянского сословия.

– Просто если вы его жена, значит, тоже моя родственница, тетка то есть. Должна же я знать, есть ли у моего дяди жена, – пояснила она.

Женщина нашла доводы разумными, помотала головой, опровергая возможное родство, и протянула Тали платье и передник. Девушка послушно переделалась и подошла к старому пыльному зеркалу, висевшему на стене. Унылое коричневое платье с чужого плеча, болтавшееся на тонкой фигурке, напоминало чехол для клавиатур. Белый фартук, перекинутый на груди крестом и повязанный на талии, несколько освежал общий вид, но картина, представшая взору Тали, была довольно безрадостной. Прическа тоже не добавляла облику миловидности. Девушка печально провела рукой по коротким спутанным кудряшкам.

– Насчет волос не переживай. Расспрашивать не станут. Вши – обычное дело, – успокоила лекарка.

– Что! – возмущенно воскликнула девушка. – Нет у меня никаких вшей и не было никогда!

– У тебя, может, и не было. А вот у деревенской племянницы Ванка вполне могли завестись. Ладно, не кипятись. Если спросят, скажешь, что долго болела, пришлось отрезать. А пока не отрастут, можешь носить платок, – с этими словами Янника протянула белую косынку.

Тали повязала косынку, посмотрела на свое отражение и еще сильнее опечалилась. Из зеркала на нее большими грустными глазами глядела тощая тифозная крестьянка в мешковатом платье. Хорошо, что Дар ее сейчас не видит. На такую девицу он точно не позарился бы.

Янника не дала девушке погрустить вволю. Вывела через запасной выход во двор. На лавке возле стены стояло большое, полное мутной воды корыто, в котором плавали грязные бинты. Выдав кусок мыла и объяснив, что с ним делать и где развешивать постиранное, лекарка оставила баронессу заниматься неблагодарным делом.

Ледяная вода обжигала кожу, мыло выскользывало из рук, бинты не желали принимать чистый вид. Намучившись с первой в своей сознательной жизни работой, выполнив ее со всем старанием, на какое только была способна, Тали рухнула на лавку и прислонилась к стене. Она сидела и бездумно смотрела в одну точку. Пальцы покраснели и распухли, спина ныла, перед глазами мельтешили мушиные стайки. В душе надежно обосновались муторная тоска и горечь. Новая роль, роль батрачки, нисколько не радовала ее.

Шорох гравия возвестил о приближении постороннего. Тали подготовилась к бессодержательной беседе с очередным жителем замка, бросила утомленный взгляд на дорожку и воодушевилась. Губы сами собой растянулись в улыбке. В ее сторону направлялся Бран. Она уже собиралась поприветствовать его, но юноша вошел в лечебницу, даже не заметив ее, словно девушка была частью пейзажа. Похоже, судьба повернулась к ней другой своей стороной, той, что противоположна лицу и расположена на порядок ниже. Если мужчина, еще два дня назад готовый вступить в битву с родным братом и целым миром за право назвать ее своей женой, сегодня прошел мимо, не удостоив даже взглядом, то чего теперь ждать от жизни?

Тали закрыла глаза и позволила отчаянию затопить душу. Она не сразу поняла, что уже не одна. Кто-то легко коснулся ее плеча.

– Я зашел попрощаться, – смущаясь и избегая ее взгляда, сообщил Бран. – Пришло письмо от отца. Я должен ехать к нему. То есть Дар должен, но так как он не может, ехать мне.

Он говорил, сбиваясь, отводя глаза, будто стыдясь того, что вынужден бросить ее в этом захолустье. Или того, что приходится объясняться с поденщицей. Последнее больше походило на правду. Именно так Тали воспринимала свое нынешнее положение.

– Как он? – спросила девушка.

– Нормально. Ванок сказал, до полного выздоровления нужно недели три. Но я своего брата лучше знаю. Он через неделю будет в седле мечом размахивать.

Тали слабо улыбнулась. Ей почему-то казалось, что Дар уже на третий день попытается влезть на коня.

– Янника объяснила, кто ты теперь? – на всякий случай уточнил Бран.

Девушка скривилась, но кивнула.

– Так нужно, Тали. Чтобы не навлечь на тебя подозрений. Дар писал отцу, что на границе мы взяли пленника. Я скажу, что пленник погиб вместе с нашими людьми при нападении имперцев. Если кто-то будет спрашивать, как ты оказалась здесь, отвечай, Ванок забрал тебя из дома, и ты вместе с ним направилась в гарнизон. О своем участии в бою не распространяйся. Очень прошу, не демонстрируй свои навыки. Сейчас важно, чтобы на тебя никто не обращал внимания.

– Ты знаешь, оказывается, это очень легко сделать. У меня уже неплохо получается. Боюсь, скоро я сама себя замечать перестану, – в ее голосе прорвались нотки отчаяния.

– Потерпи, Тали. Так надо. В первую очередь для твоей безопасности. Постарайся понять. Что ж, мне пора. Надеюсь, еще увидимся, – с этими словами Бран взял ее за руку и неожиданно для Тали коснулся губами тыльной стороны ладони, прощаясь.

Она оторопела на миг, осознав, что уже позабыла, каково это, когда с тобой обращаются галантно и соответственно твоему положению.

– Бран, – окликнула Тали уходящего юношу.

Он обернулся, в его глазах засветилась надежда.

– Будь осторожен!

– Постараюсь, – улыбнулся Бран и ушел, оставив ее в одиночестве.

В тот же день Тали перебралась в лечебницу. Ей отвели каморку с крохотным оконцем, заваленную плетеными корзинами. Из мебели в ней были только кровать, стол и табурет. Здесь же Тали предстояло гладить, сворачивать бинты и раскладывать их по корзинам.

Новая жизнь была скучной, однообразной и наполненной бинтами. Днем девушка стирала и развешивала их, вечером собирала и гладила тяжелым чугунным утюгом, который сама же нагружала тлеющими углями, затем складывала бинты в корзины, занимавшие большую часть комнаты. Тали выдавали большие белые полотна, которые она резала на полосы, сворачивала в клубки и сортировала. Кожа на руках огрубела, ладони покрылись мозолями, кисти украсили шрамы и свежие волдыри от ожогов. Ночами Тали снилось, что с неба на нее бесконечным потоком валятся бинты, погребая под своей мягкой тяжестью.

Дара она не видела. Янника и Ванок время от времени приносили вести о его здоровье. Тали знала, что он быстро идет на поправку и уже пытается тренироваться с мечом. Девушка постоянно думала о нем, и ее глубоко задевало безразличие мужчины. Его предложение, высказанное в лесной избушке, перестало казаться оскорбительным. Оскорбительным казалось совершенное игнорирование.

Общаясь большую часть того небольшого времени, которое оставалось на еду и отдых, с прислужницами из замка и кухарками, Тали узнала, что Дар не солгал. Он входил в число высшей знати Белояра, являлся сыном первого советника монарха, состоял в родстве с членами королевской семьи, кроме того, владел собственным княжеством, перешедшим к нему после смерти матери.

Столь долгое пребывание в ничем не примечательном гарнизоне первого жениха королевства будоражило умы всех молодых женщин. Выяснилось, что у Тали немало соперниц, большинство из которых не только не уступали девушке в красоте, но даже превосходили ее. И ни одна не была отягощена моральными принципами. Казалось, каждая кухарка и полойка только и мечтает о том, чтобы Дар заметил и обрюхатил ее. Тали слушала их глупую трескотню, скрипела зубами и темнела лицом.

День сменялся днем, корзина – корзиной. Бинты и не думали заканчиваться. В один из таких дней Тали возвращалась в лазарет с охапкой травы, которую по поручению Янники собирала на берегу реки. Целительница решила разнообразить ее труд и стала доверять новые задания в дополнение к уже имеющимся. Рано утром, а иногда и в полночь девушка должна была аккуратно срезать разные травы, которые ей показывала лекарка, а затем развешивать в палатах для просушки.

Тали уже подходила к дверям лечебницы, когда ей встретился Дар. Он узнал ее, коротко кивнул и пошел дальше по своим делам, не проронив ни слова. Девушка на слабеющих ногах добралась до каморки, швырнула душистую охапку на пол и рухнула в кровать. Пролежав несколько часов без сил, глядя в потолок, она призналась себе, что окончательно и бесповоротно влюблена в Дара, жить без него не может и другого мужчину рядом с собой не представляет, каким бы замечательным, благородным и высокородным он ни был.

Янника заметила удрученный вид девушки и расценила его по-своему.

– Мне кажется, ты уже готова к более сложной работе. Я оценила твое усердие. Это качество пригодится в приготовлении эликсиров. Завтра покажу, как делать самые простые. Основные ингредиенты тебе уже знакомы, ты их недавно заготавливала. К тому же ты обучена грамоте и сможешь самостоятельно разбирать рецепты.

Еще утром Тали порадовалась бы перемене положения: из прачки выбилась в аптекари. Сейчас же только угрюмо кивнула и отправилась спать.

Новое занятие оказалось интереснее предыдущих. Нужно было с помощью маленьких весов и крошечных колбочек отмерять необходимое количество ингредиентов, смешивать их и варить на пару в стеклянной емкости определенное время. После этого раствор охлаждался и процеживался. Самым захватывающим в процедуре было сотворение заклинания. Если технология приготовления зелья оказывалась соблюдена, а слова произнесены верно, раствор приобретал нужный оттенок, что говорило о его готовности. Первые два отвара у девушки не получились, и Янника безжалостно выплеснула их в помойное ведро. Зато третий вышел как надо. Лекарка придирчиво изучила цвет, запах раствора, попробовала его на вкус и удовлетворенно кивнула. Тали дрожащими от волнения руками перелила микстуру в большую стеклянную бутылку, которую предстояло наполнить до краев.

– А почему нельзя сразу приготовить нужное количество отвара? – поинтересовалась она.

– Не получится. Заклинание работает только на небольших объемах. Рецепт старинный и давно проверенный. Если наварить таз травы, формула не подействует, и вся работа, считай, насмарку. Так что не вздумай экспериментировать, только сырье переведешь понапрасну. Ты сейчас готовишь ранозаживляющий эликсир. Не смотри, что состав простой. Зелье очень эффективное, применяется как внутрь, так и наружно.

Янника какое-то время понаблюдала за девушкой и, увидев, что ее усилия приносят результат, похвалила и оставила в лаборатории одну. За день Тали наполнила две большие стеклянные бутылки. Вечером зашел Ванок, оценил качество работы и остался доволен.

– А ты молодец! Хорошо справляешься. Особенно для новичка. Я, признаться, сомневался, что у тебя получится с заклинаниями. Здесь особый дар нужен. У Янники он есть, а вот я обделен. Могу приготовить состав, но не более. Завтра попробуй другие рецепты.

Новая работа захватила Тали и помогла отвлечься от тягостных дум. На смену эликсирам и микстурам пришли мази. От растираний и смешиваний различных масел с целебными травами кожа на руках вновь стала мягкой и гладкой. Мозоли и ожоги исчезли. Приятной новостью для девушки оказалось то, что ее труд оплачивался. Пусть деньги были небольшими, гораздо меньше той суммы, какую выделял на карманные расходы отец, однако осознание того, что она способна прокормить себя, принесло ощущение уверенности в завтрашнем дне.

Прислуга в замке начала относиться к ней с почтением. Лекари вообще пользовались уважением не только в гарнизоне, но и во всем королевстве. И Тали теперь была в их числе. Кроме того, это приносило неплохой приработок. За микстуру от кашля, приготовленную в свободное время, девушка получила новые туфельки. Благодаря банке омолаживающей мази скудный гардероб пополнился двумя платьями.

Особой популярностью у женской половины замка пользовался эликсир от нежелательной беременности. Его формулу Тали выучила наизусть и, разбудив ее ночью, могла без запинки перечислить ингредиенты и правильно произнести заклинание. Молодые прислужницы побаивались Яннику, к Тали же относились как к своей, в результате чего существенный денежный приток обеспечивало именно это средство. Так что к неуважительному обращению «Талька», каким наградили ее безграмотные обитатели крепости, ошибочно принимая девушку за одну из них, можно было притерпеться. Янника смотрела на подработки сквозь пальцы. Не поощряла, но и не запрещала.

Задачи каждый раз усложнялись. Увидев, что Тали справляется с поручением, лекарка тут же давала новое, более сложное, но и более интересное. Ее допустили до медицинской библиотеки. Ванок помогал разбираться в терминах, сплошь на староегипетском, заставлял переписывать и учить наизусть целые главы. Случалось, она засыпала за книгами, не заметив, как наступила ночь. Девушка стала

ассистировать Яннике и Ванку на операциях, посещала больных, выписывала лечение и готовила лекарства.

Пробегая по замку с поручениями, нанося визиты больным, она несколько раз натыкалась на Дара. Тот уже полностью оправился от раны и теперь приводил себя в форму, тренируя солдат. Каждый раз, когда она замечала его, дыхание сбивалось и словно раскаленная игла впивалась в сердце. Тали наблюдала за тем, как он фехтует, и далеко не невинные мысли посещали ее голову. Ночами она ворочалась в постели и все ждала, когда же Дар придет за ответом на свое предложение, дабы погрузить ее в пучину порока. Но мужчина, похоже, потерял к ней всякий интерес и принуждать к греховной связи не собирался, тем более что женщин, готовых выполнить любую его прихоть, в замке было более чем достаточно.

Мучаясь от неразделенной любви, Тали не заметила, как в замок пришла война.

Уже почти неделю сюда подвозили раненых. Работы прибавилось. Девушка помогала при операциях, легкие раны обрабатывала самостоятельно. Она не испугалась вида крови и развороченных тел, как того опасался Ванок. Не потеряла сознания при ампутации голени молодого солдата. Старательно и заботливо выхаживала тяжелораненых. Казалось, она рождена для этого нелегкого призвания. Недавнее прошлое, в котором она была беззаботной баронессой, вспоминалось как сон, приятный, но мало походивший на правду.

В одну из ночей, во время дежурства, Тали решила ненадолго покинуть пропитанную тяжелым духом лечебницу, чтобы подышать свежим воздухом. Кроме нее в палате находилась помощница из замка, поэтому девушка не побоялась оставить пост.

Лето близилось к концу, легкий ветерок приятно охлаждал лицо. Тали захотела подняться на стену и оттуда полюбоваться звездами. Забравшись наверх, она, запрокинув голову, разглядывала чистое ночное небо. Облаков не было, и недостижимый простор пульсировал холодными искрами, луна ртутным светом заливала луга, вдалеке чернела неровная кайма леса.

Тали не планировала долго наслаждаться ночным пейзажем, ее ждала работа. Девушка уже собиралась вернуться в лечебницу, когда внимание привлек шум. Поблизости упало что-то тяжелое.

Неподалеку был пост, но дозорного она не заметила. Вероятно, отошел ненадолго или просто уснул. Ничего подозрительного. Но девушка решила осмотреться на всякий случай, удостовериться, что все в порядке. Она прошла несколько шагов и увидела лежащее на полу тело, склонилась над ним, намереваясь разбудить нерадивого охранника.

Тали сразу узнала его, насмешливого добродушного парня, которого встретила здесь же, на этом самом месте, в первый день своего пребывания в крепости. Она не раз сталкивалась с ним на кухне или в лазарете, пока не поняла: он намеренно делает так, чтобы их пути пересекались. Это было несложно, учитывая размеры замка. Получив пару вежливых отказов и один довольно грубый, когда терпение девушки лопнуло, он не затаил на нее зла. Хмыкнул, потерев отбитую девичьей ладонью щетинистую щеку, и смущенно пробасил: «Да ладно, чего ты. Ну не хочешь и не надо. Так бы и сказала. А то сама-то глазки в пол и улыбаешься. Я и подумал... Ты это... не держи зла. А если кто обижать станет, ты это... мне скажи, я разберусь». Такое великодушие вогнало готовую дать куда более серьезный отпор Тали в ступор.

Сейчас парень лежал на спине, и на сереющем лице отчетливо читались изумление и обида. Шея солдата была пробита вражеской стрелой. Что могло означать лишь одно: имперцы у самых стен замка.

Не тратя времени на долгие раздумья, Тали схватила меч незадачливого ухажера и, бросившись к колоколу, дернула за привязанную к языку веревку. Тягучий звук разбил ночную тишину. Его подхватили на других сигнальных башнях, и уже через мгновение колокольный перезвон разливался по замку и окрестностям. Из казармы, одеваясь на ходу, выбегали вооруженные мужчины.

На стене тем временем обозначились две тени. Одна из них метнулась к Тали. Девушка сделала замах по диагонали. Противник был в плотном колете, а ее удар недостаточно силен. Клинок увяз в одежде, не причинив солдату вреда. Следующая ее атака была с легкостью отбита. Мужчина окинул девушку цепким взглядом и сделал вывод, что боец из нее неважный. Тали отступила, притворившись напуганной, готовой к бегству, затем стремительно шагнула вперед, целя солдату в бедро. Он охнул и упал на колени.

Короткий взмах меча по открытой полоске кожи на шее, и брызги чужой крови оросили лицо и одежду девушки.

Второй имперец не был столь беспечен. Тали едва успевала уходить от ударов, непрерывно отступая. Противник был сильнее и опытней, он легко отбивал меч, предугадывал атаки. Она давно не тренировалась, да и чужое оружие оказалось тяжелым и непривычным. Мужчина наступал, заставляя пятиться к осиротевшему посту, и Тали, не заметив мертвого дозорного, споткнулась о тело, растянулась на каменных плитах. Солдат взмахнул мечом, собираясь пригвоздить ее к полу, но она опередила противника, вогнав наконечник меча под кожаный нагрудник. Мужчина покачнулся и медленно осел на пол.

Между зубцами показалась голова в шлеме. Тали с размаха ударила по ней рукоятью меча. Солдат сорвался и с криком полетел вниз. Следующего она отправила в полет тем же способом. Подоспевшие защитники крепости отгеснили ее и встретили незваных гостей во всеоружии.

На стене кипел бой. Звон металла, треск костей, крепкая брань, крики, стоны и хрипы смешались в единый гул. Атака захлебнулась. Нападавшие рассчитывали на внезапность и собирались взять крепость с ходу. Но задумка не удалась, и имперцы отступили. Раненых относили в лазарет, тела погибших белоярских солдат складывали у стены. С противником не церемонились: попросту скинули со стены и мертвых, и еще живых.

Дар собрал во дворе всех, кто защищал крепость во время штурма. Поблагодарил за отвагу и разделил бойцов на смены. Одних отпустил отдыхать, других оставил нести дозор. Позиции у бойниц заняли арбалетчики и мечники. Замок приготовился к осаде.

Заметив среди мужчин Тали, Дар не на шутку рассердился.

– А ты что здесь делаешь?!

– Понимаешь, я вышла погулять. В палате душно, в сон клонит. А тут такооое началось! – стала оправдываться Тали.

– Твое место в лечебнице! Сиди там и не высовывайся! Здесь опасно, а у нас каждый лекарь на счету. И нечего под ногами путаться!

Девушка хотела было возразить, но мужчина не позволил ей и рта раскрыть. Дернул на себя, принялся вертеть во все стороны, осматривая.

– На тебе кровь! Откуда? Ты ранена? – Тали только помотала головой. Казалось, от этого он разошелся еще сильнее. – Где меч взяла? Не помню, чтобы возвращал тебе его.

– Это не мой. Я его на стене подобрала, рядом с дозорным. Он ему все равно уже был не нужен. Кстати, этот меч неудобный и очень тяжелый. Верни мне мое оружие, я к нему привыкла.

– Дура! – взорвался мужчина, встряхивая девушку так, что она зубами клацала. Похоже, теперь это ее второе имя. Слишком часто он так ее называет, причем совершенно незаслуженно. – Какого демона тебя на стену понесло? – Далее последовал поток отборной брани, от которой у Тали полыхнули щеки. – Учти, еще один подобный фокус – и я велю тебя висеть!

– Да с какой стати?! Кто тебе дал это право? – от возмущения она начала задыхаться. Мало того что оскорбляют, трясут, как тряпичную куклу, так еще и угрожают телесными наказаниями. – Я кто, потвоему, рабыня или каторжанка? Отпусти немедленно! Убери от меня руки, слышишь! Солдафон неотесанный!

Крикнула – и испугалась. У Дара сделалось такое лицо, что, казалось, еще одно слово, и он убьет ее.

– Князь, тут вот в чем дело, – вмешался в перепалку начальник гарнизона. – Один из дозорных незадолго до нападения видел девочку на стене и подумал, что она к Яну пришла. Вон он лежит. Его в самом начале сняли. Причем Яна он не видел и решил, что тот уже приготовился, значит, к этому, ну... кхм... в общем... А потом раздался сигнал. Получается, девочка заметила, как дозорного убили, и подняла тревогу. Парни говорят, она там, наверху, сражалась вместе с ними. Ты бы повременил с наказанием. Разобраться надо. По хорошему мы ей жизнью обязаны. Неизвестно, чем бы все закончилось, не реши она прогуляться.

Дар внимательно выслушал начальника гарнизона, задумчиво посмотрел на Тали, затем схватил ее за руку и потащил в замок. По дороге она попыталась вырваться, но мужчина лишь сильнее сжал ее запястье.

– Дар, отпусти меня, пожалуйста! – канючила Тали. – Мне в лечебницу надо. Работы полно.

– Ничего, там Ванок с Янникой. Как-то раньше обходились без тебя, вот и сейчас справятся.

Дар взлетел по лестнице, волоча за собой Тали. Втолкнул ее в свои покои с такой силой, что она пролетела несколько шагов, почти не касаясь пола, и с грохотом захлопнул дверь.

– Раздевайся, – зло бросил Дар.

– Ты с ума сошел! – воскликнула Тали.

Она как-то иначе себе все представляла. Видимо, забыла, что имеет дело с грубым, невоспитанным мужланом, даром что высокородным.

– Раздевайся, или я разорву к демонам твои тряпки!

Спорить с ним было себе дороже. Тали трясущимися пальцами попыталась развязать передник. Дар не выдержал. Подошел вплотную, рванул фартук, отбросил в сторону. Стянул через голову коричневый балахон, а следом и нательную рубашку. Тали застыла, прижав руки к груди, боясь лишней раз воздуха глотнуть. Мужчина внимательно осматривал ее. На белой коже виднелись разводы подсохшей крови, просочившейся сквозь одежду. Желая удостовериться, что девушка не пострадала, он водил пальцами по вздрагивающим от его прикосновений плечам, спине, животу, бедрам, тщательно, насколько позволяло скудное освещение, выискивая раны. Убедившись, что она в порядке, отступил.

– Можешь одеться, – протянул рубашку и платье.

Тали послушно оделась и обессиленно опустилась на кровать, обхватив голову руками. Ночь оказалась слишком богатой на события.

Дар сел рядом, притянул к себе, обнял. Тали чувствовала размеренное биение его сердца, спокойное дыхание. Она обвила Дара руками и сильнее прижалась к нему, уткнувшись лицом в грудь. Мужчина гладил ее по волосам.

– Прости, – прошептал он. – Я испугался. Твоя одежда в крови, решил, тебя ранили.

– Я же сказала, что нет.

– Иногда так бывает: не чувствуешь боли, кажется, что все в порядке и рана несерьезная. А потом...

– Гангрена, – вспомнила Тали солдата, которому недавно ампутировали ногу. – На твоей одежде тоже кровь, так что теперь твоя очередь раздеваться.

– Если дама просит... – хмыкнул Дар, но переходить к активным действиям не стал. Продолжил обнимать девушку.

Спустя несколько минут он неохотно выпустил Тали из рук и поднялся с кровати. Ей сразу стало холодно и неудобно. Мужчина протянул меч и два ножа – ее оружие. Затем опустился перед ней на колени, поднял подол платья. Тали зажмурилась и замерла, приготовившись к тому, что сейчас теплые ладони скользнут вверх по ее бедрам. Но вопреки ожиданиям почувствовала, как голени, сначала одну, затем другую, охватывают кожаные ремни. Открыла глаза. Дар сосредоточенно застегивал на ее ногах крепления для ножен. Поместил в них ножи, опустил и расправил платье.

– Всегда носи с собой оружие. Ночью тоже не снимай. Неизвестно, что ждет нас завтра, поэтому будь готова ко всему. Сегодня меня не оказалось рядом, и я не мог защитить тебя. Боюсь, это может повториться. И раз ты не способна не лезть в драку, буду тебя тренировать. А теперь иди. Мне все труднее тебя отпустить.

Тали послушно вышла в коридор и замерла в нерешительности перед закрытой дверью. Тело просило, да что там, требовало, чтобы она вернулась. Рассудок в кои-то веки послушно молчал. Протомившись несколько минут у порога, она, наконец, решила вернуться и провести с Даром остаток ночи. Осторожно приоткрыла дверь. Неслышно скользнула внутрь. Мужчина, не сняв грязной одежды, лежал на кровати и никак не реагировал на ее появление. Подойдя ближе, она увидела, что тот спокойно спит и даже улыбается во сне. Девушка так же тихо, как и вошла, покинула комнату. На этот раз окончательно.

В лечебнице кипела работа. Большинство коек было занято. Между ними сновали прислужницы из замка, которым поручили уход за ранеными. В операционной к отсутствию Тали отнеслись спокойно. Ни Ванок, ни Янника вопросов не задавали. Девушка тщательно вымыла руки и приступила к своим обязанностям. До самого полудня зашивала и бинтовала раны, вправляла вывихи и фиксировала переломы. Когда солнце стояло в зените, а все раненые были осмотрены и перевязаны, она с трудом добралась до своей каморки и без сил рухнула на кровать.

Глава 6

Осадное положение изменило жизнь замка. Большой зал, предназначенный для проведения торжественных сборов, занимали солдаты, жившие до этого не в казарме, а в собственных домах. В коридорах обосновались воины, оправившиеся от ран, доставленные еще до осады с границы, на которой не прекращаясь шли бои. Для крестьян, проживавших вне замка, но под защитой крепостных стен, тоже нашлось место. Им отвели подвальные и полуподвальные помещения на случай, если крепостную стену придется сдать. Теперь в замке было не протолкнуться.

Рацион значительно урезали. Привычное трехразовое питание сменилось легким завтраком и ужином. Состав блюд оскудел. Мясо получали только бойцы. Исключение сделали лишь для лекарей. Но Тали не страдала от нехватки еды. Она и в доосадное время частенько забывала перекусить, увлекшись работой. Случалось, только на следующее утро вспоминала, что накануне провела день на одной колодезной воде, так не хотелось отрываться от очередного фолианта по анатомии или зельеварению. Поэтому особых перемен она не ощутила. В отличие от стремительно худеющей Янники, которая страдала от голода, отчего временами становилась раздражительной и без повода придиралась к помощницам.

Имперцы не предпринимали новых попыток штурма. Они разбили лагерь вокруг крепости там, куда не долетали стрелы ее защитников. Лишь иногда кто-нибудь из нападавших по неосторожности либо с определенным умыслом подходил ближе, после чего следовал обмен стрелами и любезностями, но не более. Днем в лагере осаждавших кипела работа. Плотники возводили осадные башни и катапульты. Но и осажденные не бездействовали. На стенах появились баллисты и пращи. Снарядами для пращей служили камни. Те, что помельче, таскали мальчишки, большие глыбы поднимались с помощью лебедек. На стене было еще одно оборонительное средство: огромные котлы. Их развесили по периметру, наполнив водой и сложив под ними дрова и хворост.

Дар сдержал слово и взялся тренировать Тали. Благо работы в лечебнице убавилось: раненые шли на поправку, а новые пока не поступали. Ранним утром мужчина и девушка вышли на тренировочную площадку, и Дар приступил к истязанию своей ученицы. Первая учебная схватка разочаровала его. Буквально через мгновение он выбил меч из рук девушки и приставил свой к ее шее.

– Убита, – констатировал мужчина. – Искренне удивляюсь, что сейчас, а не намного раньше. Видимо, противники у тебя были неважные. Только это объясняет, почему ты до сих пор жива.

Дар начал показывать простейшие приемы, которые Тали и так хорошо знала. Второй спарринг, во время которого Дар расслабленно наносил и не спеша отражал удары, окончился так же плачевно, как и первый.

– Может, дело в том, что я тебя не боюсь? Я же знаю, ты не причинишь мне вреда, – пожала плечами Тали. Она и сама не понимала, почему тело не включает элементарные навыки. – Может, просто не выпалась.

– Это, безусловно, уважительная причина, – съязвил Дар. – Враг, конечно же, дождетя, пока ты сладко выспишься, а затем вкусно позавтракаешь. После этого он церемониально поклонится тебе, – отвесил галантный поклон, – и уж потом соизволит атаковать. Именно так и будет. Следовательно, я могу не волноваться за твою сохранность. И, кстати, зря ты меня не боишься, очень даже зря. Напомнить нашу первую встречу?

Лицо мужчины приняло неприятное выражение. Он сделал шаг в сторону Тали, мерзко, плотоядно ухмыляясь.

На площадке появились первые зрители из числа солдат, которые обычно разминались в это время. Тали не сомневалась, Дар воплотит угрозу в действие и разорвет на ней рубаху, как в день их знакомства. От предчувствия неминуемого позора по телу прокатилась обжигающая волна. Щеки запылали, вспоминая, как по ним хлестко била тяжелая рука. Девушка яростно взвизгнула и кинулась на врага.

Шаг, удар, разворот. Перехватить удар, дать атакующему, вложившему в него всю силу, продолжить разгон, чуть отступить, позволяя инерции увлечь тело противника вперед, развернуться и нанести удар. Острие наконечника легко прошло по спине, располозовав ткань. Но, к счастью, не задев кожи. Увлелась. Забыла,

что угроза эфемерна. Дар не сдержал изумленного возгласа. Послышались хлопки. Солдаты выражали свое восхищение. Подбадривали свистом и криками.

Она перехватила рукоять легкого одноручного меча по-другому, не так, как учил Верт и показывал Дар. Сжала двумя ладонями, благо кисти ее были тонкими, а длина рукояти позволяла. Ноги расставлены на одной линии и чуть согнуты в коленях, помогая распределять вес тела равномерно и переносить его с одной ноги на другую. Атака, рубящий удар сверху. Мужчина, не ожидая такого маневра, едва успел отбить летящий в голову меч. Стремительный поворот, вес тела на другую ногу. Противник наносит удар – скользнуть лезвием по его мечу, повернуться, чуть касаясь своим плечом его плеча, позволить ему пролететь вперед, шагнуть за ним, сделать выпад на правую ногу, целя в коленные сухожилия.

Тали волчком вертелась на месте, с легкостью уходя от атак, обтекая Дара с разных сторон. Игра захватила ее, она с большим трудом сдерживалась, чтобы не нанести вред противнику, помня, что бой учебный. Казалось, это может продолжаться вечно. Тали не уставала, так как не нападала сама, позволяя выкладываться мужчине. Дар уловил ее маневр, начал на ходу перестраиваться под непривычную манеру боя. Скучная муштра превратилась в изучение новых приемов. Освоился он быстро.

Когда противники довольные собой и друг другом разошлись, отсалютовали мечами и вложили их в ножны, девушку окружили солдаты, дружески похлопывая по плечам и пожимая руку. Как мужчине, как равному, как соратнику. Неведомая доселе эйфория охватила ее. Тали смотрела Дару в глаза и лучезарно улыбалась.

Мужчина шагнул навстречу, сжал девушку в объятьях и смял ее губы, еще хранившие тепло улыбки, своими. Он целовал жадно, настойчиво, властно, подавляя слабое сопротивление, отвоеывая принадлежащее ему по праву. Одна его рука придерживала затылок девушки, вторая скользила по спине, спускаясь все ниже. Кровь била в висках Тали набатом, ноги подкашивались. Она судорожно цеплялась за Дара, словно не веря, что тот не даст ей упасть. Сквозь гул в голове пробились одобрительные крики, свист, аплодисменты, и Тали с ужасом осознала, что позволила поцеловать себя на виду у всего гарнизона. Девушка распрямилась, закаменела, уперлась ладонями в

грудь мужчины. Дар уловил перемену в ее настроении, остановился. Нежно, едва касаясь, провел пальцем по припухшим губам. Поцеловал лоб. Тали спрятала горящее лицо на его груди.

– Вам нечем заняться? – обратился Дар к солдатам. – Приступайте к тренировке. – И шепотом ей: – Пойдем, провожу тебя.

Поддерживая девушку твердой рукой, повел ее в сторону лечебницы. У входа в лазарет они остались одни. Пользуясь этим, Дар вновь поцеловал ее. Она с готовностью ответила, наслаждаясь неожиданной мягкостью губ и неторопливой нежностью, которая совершенно не вязалась ни с суровой непреклонностью мужчины, ни с его недавней вспышкой на тренировочной площадке.

Когда Тали уже думала только о том, чтобы пройти несколько шагов и оказаться вместе с ним на узкой кровати в ее камере, Дар отступил. Девушка разочарованно вздохнула.

– Придешь ко мне сегодня? – прошептал Дар.

О боги! Наконец-то!

Тали быстро кивнула.

– Когда стемнеет. Буду ждать.

Весь день она бродила как в тумане. Натыкалась на мебель, роняла инструменты, отвечала невпопад, когда к ней обращались. Мысли о предстоящей ночи будоражили душу. От воспоминаний об утренних поцелуях кружилась голова и дрожали колени.

– Ты, часом, не заболела? – осведомился Ванок.

– Не знаю. Который час? Должно быть, полдень?

– Половина четвертого, – хмыкнул лекарь. – Дай-ка руку. – Ванок нащупал пульс, принялся отсчитывать, затем коснулся лба. – Тали, да у тебя жар! Пойди к себе, приляг, я принесу капли от лихорадки.

– Спасибо, Ванок, не нужно. Со мной все в порядке. Я выйду на улицу, воздухом подышу, что-то душно здесь, голову кружит.

Ванок заставил девушку выпить микстуру и только после этого отпустил с наказом отправляться в кровать. Тали послушно кивнула, но пошла не к себе, а во двор, села на лавку и прислонилась к стене. Капли обладали успокоительными свойствами, благодаря чему она расслабилась. Половина четвертого, через каких-то пять часов солнце сядет, на замок опустятся сумерки, и она придет к Дару, чтобы провести с ним ночь. От этих мыслей приятная истома наполняла тело.

Едва солнце коснулось горизонта, раздался колокольный звон, извещающая жителей крепости о нападении врага. Имперцы решились на новый штурм замка. Тали перехватил молодой парень, в котором девушка узнала ординарца коменданта. Он протянул ей плотный кожаный нагрудник с тонкими металлическими пластинами и шлем.

– Зачем это мне? – удивилась она.

– Князь велел тебе не высовываться из лечебницы, пока не закончится бой. Но так как ты девка вредная, наверняка поступишь по-своему. Это он сказал, не я! – начал оправдываться парень, видя, как ее лицо белеет от злости, а в глазах разгорается недобрый огонь. – В общем, надень и не снимай.

Защитники крепости заняли позиции в башнях и на стене. Ряд лучников, перед ними мечники со щитами. Баллисты и пращи зарядили первыми снарядами, разожгли костры для котлов. Нападавшие надвигались на крепость под заслонами. Едва они подошли на расстояние выстрела, на стене прозвучала первая команда «пли», и особо неудачливые полегли первыми. Но таковых было немного. Большая часть имперских солдат успела спрятаться за дощатыми прикрытиями. В ответ на залп гарнизона осаждавшие послали шквал стрел. Мечники выставили щиты, укрывая лучников и себя. И снова выстрел по команде. Теперь лукам и арбалетам вторили пращи. Каменные снаряды пропахивали борозды в рядах противников. Но те восстанавливали строй и, укрываясь от стрел, неотвратимо приближались к стене.

В скором времени они выложили ров дощатыми мостками, а к замковой стене приставили первые лестницы. На стороне имперцев был численный перевес. К ним подтянулись новые силы, и, казалось, замку предстояло утонуть в лавине закованных в металл и вооруженных металлом людей. Едва по лестницам начали взбираться первые солдаты, на них полились потоки кипящей воды. Люди с криками срывались и падали в ров, но их место занимали новые. Дождь стрел заливал стену и внутреннее кольцо замка.

Тали вместе с персоналом лечебницы наблюдала за творившимся хаосом из окна.

Лекари в крепости были наперечет. Никто никогда не требовал от них участия в сражениях. Не обвинял в трусости, ставя в вину

занятость другим, более важным делом – спасением жизней. Не считал, что мужчина-лекарь должен уметь убивать не хуже, чем латать раны. Другого мнения на этот счет был только сам Ванок, который отдавался горячке боя с тем же азартом, с каким сражался с костлявой у хирургического стола. Он не упускал случая отправиться с патрулем на границу в тайной надежде поучаствовать в хорошей заварушке. Если таковых не случалось, Ванок становился раздражительным и выпускал пар в драке, которую сам же и развязывал язвительным словом. Только со временем устраивать драки делалось все труднее. В гарнизоне эту его особенность хорошо изучили и в дурные дни обходили лекаря стороной. Не из боязни перед ним – из уважения. И вот сейчас шло первое на его памяти достойное сражение. А он в это время, как крыса, отсиживался в погребке, прячась за бабскими подолами.

В общем, никто не заметил, как Ванок осторожно, тайком, бочком, выбрался из лечебницы и потрусил к крепостной стене. Никто, кроме Тали, которая из любопытства последовала за ним, прихватив меч и сумку с бинтами. На стене пригодятся. И бинты, и Тали с Ванком. Лишних рук в бою не бывает, особенно если руки эти знают свое дело.

Ванка она почти сразу потеряла из поля зрения.

Стена напоминала виденную когда-то гравюру с изображением ада. Казалось, все демоны преисподней вырвались на свободу и собрались в этой богами покинутой крепости на кровавый пир. В узком пространстве колыхалось людское месиво. Имперцы взбирались вверх по приставным лестницам и осадным башням. Кто-то тут же с воем валился обратно за стену, в ров. Но врагов было слишком много, и скоро невозможно стало различить, где защитники, а где нападавшие. Мужчины с перекошенными лицами перемалывали друг друга.

Тали не ввязывалась в драку. Занялась более важным делом: останавливала кровь, бинтовала раны. Оттаскивала подальше от эпицентров сражения тех, кто был еще жив, но уже не держался на ногах. Лишь раз ее попытался убить имперец. Девушка не успела выхватить меч, как в лицо противнику прилетело горящее полено, а следом арбалетный болт.

Всю ночь защитники крепости отражали одну волну атаки за другой. Врагу они могли противопоставить только ловкость и выучку

немногочисленных бойцов гарнизона да мощные стены.

Попытки взять крепость прекратились с рассветом. Утро разрезали звуки сигнальных рожков. Имперцы трубили отход. Тали сползла по стенке и без сил плюхнулась на залитые кровью каменные плиты. Она безучастно смотрела на мертвые тела своих и чужих. В эту ночь Тали поняла, что больше не является подданной империи, что своими для нее стали именно белоярцы, среди которых она прожила около двух месяцев, с которыми готова была сражаться бок о бок и ради которых, если пришлось бы, не пожалела и жизни.

Кто-то вложил ей в руки плоскую флягу, и, хлебнув из нее, девушка не сразу поняла, что там не вода. Сделала еще пару глотков, наслаждаясь жаром, разлившимся по горлу.

Знакомый с недавних пор вкус самогона, который, как выяснилось, гнал Ванок и в чистоте которого можно было не сомневаться. В этом лекарь преуспел. «Для дезинфекции», – пояснил он как-то заставшей его возле перегонного куба девушке и опрокинул в рот мензурку. «Хорош», – добавил, утирая слезу умиления и занюхивая рукавом. «Снимешь пробу?» – протягивая мензурку молодой коллеге.

Сказал бы ей кто раньше, что она вот так запросто, ухарски, станет заливать в рот адское пойло, не поверила бы. Сейчас же нехотя вернула флягу владельцу, пожилому солдату, чье лицо было покрыто мелкой сетью морщин и старых шрамов. Тали помнила это лицо. В самый разгар боя мужчина схватил стрелу, и она вытягивала эту стрелу из его плеча и рвала платье, чтобы наложить повязку. Бинты к тому времени закончились, в ход пошли вначале фартук, затем подол платья и нижней рубахи. Мужчина протянул руку, помог подняться. Тали, пошатываясь от усталости, спустилась по лестнице и направилась в сторону лечебницы, лавируя между ранеными и убитыми. Во дворе кипела работа.

Девушка подошла к колодцу, что был неподалеку от лазарета, сняла остатки рваного, залитого кровью платья и опрокинула на себя ведро воды. Ледяная волна обожгла разгоряченную кожу. Мокрая рубашка прилипла к телу и приятно холодила его. Тали вытянула еще одно ведро и повторила процедуру. После чего направилась к себе в комнату. Бросила мокрую рубаху на пол и рухнула в кровать. Перед глазами проносились картины ночного боя, в ушах стоял звон металла. Усталость накрыла тяжелой волной, очень хотелось поддаться ей,

позволить унести себя в мир снов без сновидений. «У меня еще очень много работы», – напомнила она себе. Огромным усилием воли девушка заставила утомленное тело подняться с кровати, оделась и пошла в лазарет.

Спустя день попытка взять крепость повторилась. Все, кто мог стоять на ногах, держали оборону. Неизвестно, чем бы закончился бой, если бы из далекого леса, темнеющего на фоне заходящего солнца, не появились отряды со стягами Белоярского королевства. Нападавшие не могли осаждать крепость и обороняться одновременно. Сплоченные ряды белоярской конницы сминали имперцев, не готовых к такому повороту и спешно пытавшихся перестроиться для обороны. Вслед за всадниками появились отряды пехотинцев. Бой был коротким и больше походил на расправу. Предложения сложить мечи противник игнорировал. Имперцы, несмотря на очевидный финал, не собирались сдаваться. В империи по сей день ходили слухи о зверствах белоярцев, о страшных пытках, которым подвергались пленные, поэтому и офицеры, и рядовые предпочитали пасть в бою, чем быть замученными в казематах.

Белоярское королевство. Родгард

Княжна Радич бежала по лестнице, подхватив подол и перепрыгивая через ступеньки. Нянюшка сказала, дед ждет в ее комнате. Эйлина не любила, когда кто-то входил туда без спроса. Даже горничная прибиралась под строгим приглядом княжны или нянюшки. Деду, понятное дело, никто не указ. Дом-то его. И все, что в этом большом доме находится, включая Лину, принадлежит ему. Дед слишком умен и внимателен к мелочам. Вдруг он узнает ее тайну? Лина зажмурилась от ужаса и резво застучала каблучками. В доме старого князя имелось много лестниц, и княжне предстояло преодолеть не одну из них на пути к своей комнате.

Нянюшка, строго говоря, была не совсем нянюшкой. К прислуге она не относилась. Состояла в дальнем родстве с князем Вигером Радичем и приходилась Эйлине то ли троюродной теткой, то ли двоюродной бабкой. Княжна не слишком погружалась в родословные всех нищих приживалок, коих, унылых, склочных, непристроенных девиц разных возрастов от девяти до девяноста девяти лет, в доме деда

насчитывалось десятка два. Перед князем и его внучкой они, понятное дело, лебезили и заискивали, между собой же вели бесконечную и безжалостную войну.

Нянюшка была женщиной немолодой и мудрой. Едва в доме появилась малютка княжна, она решила выделиться из толпы приживалок и предложила князю свои услуги. Дескать, родная кровь лучше наемных воспитательниц. Ход был дальновидным, возвысил нянюшку над менее удачливыми родственницами и дал ей возможность влиять на ум воспитанницы.

В дом князя Эйлина Радич попала в возрасте трех с половиной лет. Дед выкупил девочку у родной матери, после того как его единственный законный сын, Берард Радич, погиб в неравной схватке с разбойниками. Такова была официальная версия. На самом же деле княжич вел неравную схватку с бедностью, отчаянием и пьянством, которую проиграл. Лекарь констатировал смерть от алкогольного отравления, но под давлением князя Вигера заключение о смерти было переписано, а увесистый кошель, переданный лекарю, стал гарантией того, что факт подделки документа сохранится в строжайшей тайне.

Мать Лины оказалась из подлого сословия, презираемой профессии. То ли певичка, то ли актриска, подробностей княжна не знала и знать не хотела. Прожжённая дамочка окрутила наивного княжича, женила на себе, не иначе опоила приворотным, но желаемого не получила. Князь не пустил на порог ни ее, ни единственного сына, лишив молодых супругов родительского благословения и содержания, на которое так рассчитывала новоявленная княжна Радич. Берард, которому в свое время прочили блестящую военную карьеру, очутился в захудалом гарнизоне на границе с Граннором – королевством гномов. Поначалу он считал свой брак счастливым, а будущее видел пусть и небогатым, но радостным. Вместе с любимой согласен был преодолевать любые трудности, сносить любые лишения. Но супруга оказалась не готова к подобной жизни и не разделяла его взглядов.

Княжна Радич, лишившись сцены и богатых покровителей, вынуждена была нищенствовать на скудное жалованье мужа. Не такую жизнь она рисовала себе, завлекая в ловко расставленные сети простодушного княжича. Очень скоро Берард понял, что не любим и презираем женщиной, ради которой пожертвовал всем. А после по гарнизону поползли слухи: княжна Радич меняет свое расположение

на щедрые дары. Сослуживцы, движимые самыми добрыми намерениями, не постеснялись озвучить ценник. Берард бросил службу и быстро опустил ся.

Князь Вигер, отлучая сына от дома, рассчитывал, что тот одумается и придет к отцу на поклон. Мезальянс, не получивший благословения родителя, не одобренный королем, легко было расторгнуть. Князь намеревался выплатить жене сына щедрую компенсацию. Но своевольный отпрыск не шел к отцу, и отец за его спиной начал переговоры с неудобной снохой. Торг состоялся, все формальности были улажены, жена Берарда подписала необходимые бумаги, соглашаясь на развод и отказываясь от титула, в том числе от имени малолетней дочери. Именно в этот момент Берард покинул мир.

Вигер готовился к возвращению сына, но вместо него порог княжеского дома переступила малютка Лина, которой в первоначальных планах князя не было места. Судьба, безжалостная к Берарду, оказалась благосклонна к его дочери. Маги подтвердили родство Вигера и Лины, и с того момента ее судьбу решал дед.

Обо всем этом Эйлине рассказала нянюшка, когда княжна подросла.

Еще нянюшка поведала о древнем знании, которое хранили женщины рода Радичей. И начала понемногу передавать его воспитаннице. Зерна упали в благодатную почву. Лина оказалась на удивление способной ученицей.

Единственное, о чем умалчивала нянюшка, так это о том, что ежедневно она держала отчет перед старым князем, сообщая, чем занималась его наследница. И получала строгие наказания, как воспитывать княжну. Но Лина, несмотря на юный возраст, была лишена иллюзий и догадывалась, что о каждом ее шаге доносят деду. Практически о каждом. В том, что нянюшка не делилась с Вигером некоторыми деталями обучения и воспитания, княжна не сомневалась.

Было время, когда род Радичей, надолго лишившись королевской милости и прежнего влияния, едва не зачах. Вигер, тогда еще совсем ребенок, прекрасно помнил те годы. Помнил он и то, как в первых рядах стоял на центральной площади Родгарда и в его глазах отражалось пламя огромных костров, где корчились мать и бабка. Именно женщины рода Радичей открыли сезон охоты на ведьм, длившийся несколько десятилетий, когда аутодафе стало рутинной

процедурой, завершавшей едва ли не каждое воскресное богослужение. Костры полыхали во всех городах и селах Белоярского королевства. Прадед Кромака, ныне правящего короля, панически боялся ведьм. Страх этот был так силен, что первыми жертвами стали официальная любовница короля, бабка Вигера, и мать Вигера, по слухам прижитая от монарха.

С тех самых пор любое упоминание о запретной волшбе вызывало у Вигера Радича вспышку безудержной ярости. Прознай он о тайных увлечениях Эйлины и о том, кто ей эти увлечения привил, нянюшку тихо удавят в подвале княжеского особняка, а бездыханное тело замуруют в стенах того же подвала.

Княжна ворвалась в свою комнату и с трудом сдержала крик.

Вигер Радич сидел в кресле у камина и вертел перед глазами куклу. Пожилая фарфоровая леди с серебристыми буклями высокомерно смотрела на князя.

– Забавная кукла, – задумчиво произнес Вигер, не заметив, как побледнела внучка. – Очень похожа на леди Алисию. Давненько она нас не посещала. Вчера получил письмо от нее. Жалуется на непроходящую мигрень, бедняжка. сетует на возраст и нерадивых лекарей. Ты бы навестила ее на досуге, Лина. Она всегда была добра к тебе.

– Непременно, дедушка. Если ты этого желаешь, – покорно ответила княжна.

Она терпеть не могла леди Алисию, свихнувшуюся на религии старуху, считавшую своим священным долгом наставлять Лину на путь истинный, бормоча бесконечные проповеди и пугая мучительным посмертием, если девушка будет пренебрегать ежедневным славословием Пяти богов и сонма святых, мучеников и праведников, коих если взяться пересчитывать – недели не хватит.

– Боги, Лина, какой же ты еще ребенок! До сих пор в куклы играешь. А ко мне почти каждый день сватов засылают. Вот и сегодня получил очередное предложение. Весьма достойная партия. Я склонен дать согласие. Хотя смотрю на тебя сейчас и думаю: может, повременим с женихами?

– Кто на этот раз? – скривилась Эйлина.

– Второй сын графа Цегирина. Я разузнал о нем. Толковый, образованный юноша, с хорошими перспективами сделать

придворную карьеру. Готов войти в наш род. Исыхает от любовной тоски, виновницей которой стала моя внучка. Смилоставишься над юношей?

– Фуууу.

Князь хмыкнул.

– Я был готов к такому ответу. Неволить тебя не стану. Торопить тоже. Ты первая невеста королевства. Выбирай любого, кто придется по сердцу. Если не нравятся белоярские женихи, может, стоит присмотреться к ворландским дворянам? Нашим дамам горцы по нраву. О кардийцах, к сожалению, не может быть и речи. Ходят слухи, скоро война с империей, а мне ни к чему подозрения в лояльности к врагу. Еще мне известно, что юные девы благоволят этилийцам. Надеюсь, ты не разделяешь эти опасные взгляды. Этилийцы легко увлекаются человеческими женщинами и столь же быстро охлаждаются к ним. На своем веку я не слышал ни одной счастливой истории о любви человека и эльфа.

– Дедушка, я не хочу ни горцев, ни кардийцев, ни эльфов, – надула губки Эйлина.

– Уж не надумала ли ты стать монахиней?

– Упасите боги! – засмеялась княжна. – Конечно же нет!

– Значит, твое сердечко пока никто не пленил? Что ж, хорошо. Девушки твоих лет весьма влюбчивы. И я, признаться, очень рад, что ты не спешишь.

Эйлина смущенно потупила глаза.

– Погоди-ка! Неужели я рано обрадовался? Ну же, Лина, признавайся, кто занимает твои мысли! Не томи! Не сомневаюсь, ты выбрала лучшего.

– Дедушка, можно я тебе на ушко шепну? – присев на подлокотник кресла и быстро чмокнув деда в щеку, прошептала девушка.

– Проказница, – благодушно рассмеялся князь, – шепчи скорее!

Эйлина обняла деда за плечи и чуть слышно произнесла заветное имя.

Вигер Радич нахмурил лоб. Вскочил с кресла, отшвырнув куклу.

– Вздор! Вздор и блажь! Не бывать этому, пока я жив!

– Дедушка, но я люблю его! – вскрикнула княжна, прижимая ладони к груди. – Люблю больше жизни!

– Этот пройдоха соблазнил тебя?! Лишил невинности?! – взревел вмиг рассвирепевший князь. – Я убью негодяя! Повешу на его же кишках, а после скормлю псам! Пущу по миру всю его родню! Покрою его род таким позором, что вовек не отмоются! Тересе тоже достанется! Куда она смотрела?! Почему не сказала мне? Отвечай, Лина, ты была с ним? Я хочу знать, как далеко он зашел!

Напуганная княжна бросилась деду в ноги. Вцепилась в брючину, рыдая в голос.

– Дедушка, умоляю, не злись! Я ни в чем не виновата перед тобой! Я по-прежнему невинна! Любой лекарь подтвердит, если ты не веришь мне. И не угрожай ему, не надо. Он вряд ли знает о моем существовании. Мы с ним и словом не перемолвились ни разу. И нянюшку не наказывай, я ничего не говорила ей.

Вигер, поняв, что внучка не лжет, успокоился.

– Лина, ты у меня красавица и умница. Назови любого знатного юношу, и я благословлю вас. Но этому мужчине в моем доме делать нечего! И тебя я ему не отдам! Он тебе не пара. Если узнаю, что вы сговорились, ему не поздоровится. Так и знай!

Стоило князю выйти за дверь, княжна встала с колен, отряхнула подол, вытерла щеки. Сосредоточенно оглядела комнату. Кукла валялась возле камина. Кудрявый парик слетел с фарфоровой головы, обнажив обмазанную воском болванку. К воску в районе висков и затылка были прилеплены колючки, темя украшал магический глиф, старательно нанесенный красными чернилами. Княжна подобрала куклу, убедилась, что колючки держатся плотно, а символ не стерся, аккуратно посадила парик на голову, расправив спутанные серебристые букли, после чего страдающая мигренью Алисия заняла свое место в шкафу, потеснив множество таких же искусно выполненных и нарядно одетых фарфоровых леди и лордов.

Белоярское королевство. Гарнизон на границе с Кардийской империей

Замок был полон людей. Внутри не хватило места, чтобы разместить всех, кто нуждался в помощи. Во дворе разбили палатки, где отвели места легкораненым. Вопреки бытующему в империи мнению, выживших в бою белоярцы добивать не стали, в застенках не

мучили. Тяжелораненых разместили в лазарете. Остальных перевязали и заперли в подвалах. Выкуп и обмен пленными – стандартная практика военного времени, которую пока никто не отменял.

Дар собрал в своей комнате командиров белоярского войска. Просторное помещение было заполнено вооруженными мужчинами, увлеченно обсуждавшими план новой операции.

– Король велит ответить на нападение. Империя развязала войну без предупреждения. Кромак отозвал посольство из Дирма. Договор о ненападении расторгнут в связи с агрессией империи. Через четыре дня мы должны нанести удар по приграничным гарнизонам и захватить земли, которые раньше принадлежали королевству, но в результате последней войны отошли врагу.

Слово держал князь Вигер из древнего и могущественного рода Радичей. Огромный и косматый, больше похожий на медведя, чем на человека, резкий, импульсивный и скорый на расправу, считавший этикет блажью, а любые действия, продиктованные интересами родного королевства, оправданными и единственно верными, он одно время возглавлял посольство Белояра в Кардийской империи. Благодаря ему там сложилось представление о белоярцах как о дикарях со звериными повадками. Однако, несмотря на кажущуюся простоту и грубость, человеком он был далеко не глупым, в родном королевстве слыл известным интриганом и являлся политическим противником князя Ольхема Лестерского, отца Дара и Брана, в борьбе за пост первого советника короля Кромака. Факт его присутствия в замке заставлял Дара скрипеть зубами. Именно Вигер, а не Дар, был сейчас первым после короля, с чем нельзя было не считаться.

– Все земли по эту и ту сторону Эброльи должны вернуться в состав Белоярского королевства в течение ближайших недель. Здесь, здесь и здесь. – Толстый волосатый палец князя ткнул три точки на карте. – Эти крепости должны быть захвачены в первую очередь.

– Замки баронов Колле, д'Варро и графа д'Оррета, – озвучил Дар, обращаясь к офицерам за поддержкой. – Допустим, сегодня – завтра мы атакуем. Думаете, Арвис не готов к подобному развитию событий? По-вашему, он сделает вид, что не заметил, как мы перешли границу? Или милостиво предложит беспрепятственно пройти по его земле, дабы мы свершили справедливую месть? Империя стянула основные силы к Эбролье. Это они, не мы, готовились начать войну. Я был там.

Мои люди задолго до нападения сообщали об усилении границ. Вы, конечно, не поверите, но я имею представление о численном составе противника. Идея заманчива по своей сути, но нереализуема с тем количеством людей, которым мы располагаем. Когда мы подойдем к замкам, если подойдем, наши отряды основательно поредеют. Достойно пасть в неравном бою во благо короны – все, что нам остается при таком раскладе.

– Не это ли твой единственный долг как поданного Белоярского королевства? – зло парировал Вигер. – Давно ты стал таким боязливым, князь Вельский?

– Мой долг – приносить пользу королю и отечеству. Оберегать и защищать их ценой собственной жизни. Я помню об этом каждый миг и с радостью исполню свой долг по первому слову государя и при первой же необходимости, что неоднократно доказывал, благо возможности были. И не тебе, князь Радич, обвинять меня в трусости.

Дар понимал, что старый интриган целенаправленно пытается вывести его из себя, толкает к необдуманным словам и действиям, которые поставят под удар положение отца и всего рода. Понимал и пытался унять занимавшееся в крови пламя. Голову кружило от ярости, но внешне он был сдержан и спокоен.

– Я помню о своем долге. Однако это не означает, что я должен очертя голову бросаться в авантюры, которые не принесут короне ничего, кроме очевидного вреда. Положить несколько сотен, а то и тысяч на выполнение бессмысленного приказа и тем самым ослабить оборону страны? Наш король мудр, но не могло ли так случиться, что сведения об истинном положении дел на границе по какой-то неведомой причине не доводятся до государя?

– Не переживай, твоя геройская смерть не нанесет непоправимого урона королевству, – съязвил Вигер Радич. – Что до численного перевеса противника... У нас было время поразмыслить на этот счет и найти решение проблемы. Ты слишком долго мотался по лесам, одичал и, видимо, запамятовал, что у Кромака есть не только враги, но и друзья. Захватив Белояр, Арвис не остановится, и многие понимают это. Следующим пунктом в его планах значится Этилия. Ему давно не дает покоя мысль о выходе к Этилийскому морю, да и высокие этилийские сосны – лучший на всем континенте строительный материал для кораблей. Прекрасная Валир дает четыре тысячи

отборных эльфийских головорезов. Я уж не говорю о горцах. Те, едва прослышали о возможности ввязаться в драку с Арвисом, сами направили нам заверения в вечной дружбе и закрепили их, прислав свои отряды. Братский народ все-таки. Или ты не заметил, что по замку бродят хмурые бородатые парни в клетчатых юбках? Как по мне, так юбки лучше сидят на девках, но в бою каждый из этих ребят пятерых стоит, а ради такого можно потерпеть их волосатые коленки.

– Дар, к границе выступят сводные отряды, – пояснил вернувшийся с подмогой Бран. – Мы выйдем с ними, но отправимся по воде и остановимся на берегу неподалеку от баронств Коле и д'Варро. Там небольшие заставы, которые не ожидают серьезного удара. Самый многочисленный десант высадится на землях д'Варро, разделится, и часть направится к крепости д'Оррета. Удар на приграничные гарнизоны и захват замков будет происходить одновременно. Горцы и эльфы с нами не пойдут, они дадут бой у переправы, где сосредоточены основные силы Арвиса. Но и без них людей у нас будет более чем достаточно.

– Не припомню, когда я давал тебе слово, младший сын Ольхема. Видимо, отец плохо воспитал тебя, раз ты позволяешь себе перебивать старших по званию и возрасту.

От этих слов Бран поморщился, Дар же в очередной раз мысленно выругался и скрипнул зубами. Он был близок к тому, чтобы выйти на захват замков противника немедленно и в гордом одиночестве, лишь бы оказаться подальше от несносного старого перд... князя.

Согласовав тактику и стратегию дальнейших военных действий, определившись, кто какой отряд возглавит (к слову, Дар выразил желание командовать взятием замка д'Варро, против чего старый князь не возражал), Вигер распустил собрание. Выходя из комнаты, он остановился у двери, о чем-то раздумывая.

– Вот еще что, мальчики. Разделять вас не вижу смысла, думаю, вдвоем вы присмотрите друг за другом и не наделаете больших глупостей. И, Дар, что бы ты там ни говорил по поводу воинской доблести, окажи милость, побереги свою дурную голову. Сдается мне, она тебе еще пригодится.

Вигер удовлетворенно понаблюдал за тем, как вытягивается лицо князя Вельского, многозначительно хмыкнул в бороду и оставил братьев наедине.

– Ты можешь объяснить, что это сейчас было? – обратился к брату Дар.

– Не знаю, с чего и начать. Видишь ли, пока ты тут прохлаждался, дома кое-что произошло. Отец заключил с Вигером перемирие. – Видя, как ползет вверх бровь Дара, Бран решил не затягивать с интермедией. – Цена этому перемирию тебе не понравится. У Вигера есть внучка. От Берарда. Помнишь его?

– Помню, хороший был офицер, неглупый. Жаль, рано умер. – Дар кивнул, чувствуя, что разговор ему действительно не по нраву.

– Так вот, старик в своей внучке души не чает, трясется над ней, сдувает с девчонки пылинки. Заваливает ее куклами, сладостями, украшениями – в общем, потакает любым капризам. Единственная дочь единственного сына все-таки. А девица тем временем подросла, заневестилась. Сваты к ней табунами ходят. Претенденты на ее руку, надо отметить, люди достойные. И по положению, и по заслугам перед короной. Да вот беда, Вигер ей много воли дал. Сватов девица разворачивает. Говорит: никто из них мне не люб, а без любви замуж не пойду. Старик же ей всячески потворствует.

– К чему этот рассказ про малолетнюю княжну?

– Ты слушай, не перебивай. Помнишь, в прошлом году прием был у короля? По случаю приезда этилийской делегации? Княжна упросила деда взять ее на тот прием. Очень хотела на эльфов поглядеть. Дескать, в книжках читала, что они красоты неопишуемой.

– Не тяни, Бран!

– Как скажешь. Помнишь, после приема бал был? Помнишь. А деву юную, что с Вигером была, помнишь? Нет? Жаль. А вот она тебя как раз таки забыть не может. Произвел ты на нее впечатление самое неотразимое. Статью своей богатырской, выправкой да доблестью воинской.

– Прекращай паясничать!

Дар откровенно морщился, слушая брата.

– Ты погоди, я только начал, – продолжал веселиться Бран. – В общем, влюбилась она без памяти. В тебя, как ты сам уже, наверное, догадался. Стихи начала писать про несчастную любовь да на музыку их перекладывать. Паршивые, нужно отметить, музыка еще хуже. Хоть я в этих материях не великий специалист. Но есть в них один большой

плюс: образ прямо с тебя списан. В этих стихах ты герой романтический, суровый и великолепный в своей неотразимости.

– С чего ты решил, что она обо мне пишет? – Дару казалось, еще немного, и он от злости сотрет в пыль собственные зубы.

– Сейчас, сейчас, как же там было? «Дар мой прекрасный, с ликом сияющим». – Бран не выдержал и расхохотался, вытирая ладонью выступившие слезы. – Низко и недостойно смеяться над светлыми чувствами прекрасной девы. Ты меня прости, Дар прекрасный. Больше не буду. В общем, Вигер прознал про это дело, поговорил с внучкой по душам. Вначале велел выбросить из головы всякую блажь и не маяться дурью. Выбери, красавица, другого. Но потом обдумал ситуацию со всех сторон и счел идею весьма неплохой. Намекнул королю, мол, распустился цветок красоты небывалой, а достойных великой чести сорвать его и нет никого, почитай, в целом королевстве. Кроме одного витязя благородного, да только мотается он постоянно по просторам необъятной родины, исполняя королевскую волю, не щадя живота своего. А не наградить ли нам этого витязя за службу ратную женою достойной. Король все правильно понял. Быстро смекнул, что лучшей возможности примирить непримиримых врагов не найти, и вызвал отца на приватный разговор. Мол, у нас товар, у вас купец. Королю не отказывают, сам понимаешь. В общем, отец обещал подумать. Подумал и, так же, как Вигер, разглядел заманчивые перспективы в объединении двух великих родов. Дело за тем, чтобы представить вас друг другу официально, объявить о помолвке и определиться с датой бракосочетания.

– Эльфы-то ей чем не глянулись? Лучше бы о них романсы слагала, – тяжело вздохнул Дар. – М-да, не ждал я такого поворота. Слушай, а может, я еще успею быстренько помереть геройской смертью? Во славу родины, так сказать.

– Ты это брось! Нашел повод! Эйлина, в семейном кругу ее называют Линой, действительно красавица, каких поискать. Русая коса до пояса, глазищи зеленые в пол-лица, щечки румяные. Прелесть, одним словом.

– Сам и женись, – огрызнулся Дар.

– Ээ, нет. Вот если бы она написала «Бран мой прекрасный, с ликом сияющим», я бы ни минуты не раздумывал. Бросил бы свое сердце к ногам влюбленной девы, – Бран снова засмеялся. – Но, увы,

со мной она была холодна и безжалостно расспрашивала о тебе. К слову о девах, ты же неспроста решил брать замок д'Варро? Надеешься разузнать о Талиэн?

– Это тоже, – кивнул Дар. – Еще рассчитываю свести к минимуму разрушение замка и, если доведется встретиться с бароном, постараюсь не допустить его гибели. Другие церемониться не станут.

– Вряд ли барон решит отсидеться за крепостными стенами, не такой человек. Более чем уверен, он будет биться на границе, там, куда придется основной удар. Помешать ему выполнять свой долг ты не в силах. Выживет он или нет, тут уж как повезет.

– В любом случае Тали о наших планах знать не должна, – сказал Дар. – Еще бросится отца спасать. От нее всего можно ожидать. Поговори с ней, Бран. Сам я не могу. Не хочу привлекать к ней внимание Вигера. Старик хитер, как лис. Если заметит мой интерес, решит использовать ее в своих целях. А методы у него грязные, сам знаешь. Увезти бы ее в столицу, там затеряться легче. Здесь она у всех на виду, и есть те, кто помнит, как девушка к нам попала. Отправь ее с Ванком, пусть пристроит в какой-нибудь лечебнице. Когда все закончится, я приеду за ней.

– С Тали я поговорю. Но ты мне вот что объясни: ты так и не отступился от своих планов в отношении нее?

– Неволить не стану. Навязываться тоже. Если сама захочет, так тому и быть. Но позаботиться о ней я обязан. Она мне жизнь спасла. Ты не забыл?

– Я-то не забыл. Не был уверен, что ты помнишь.

– Не знаю, чем закончится эта война, но, если Тали пожелает, вернется домой, в империю. Если же возвращаться будет некуда, там и решим по обстоятельствам, как поступить дальше. Сейчас самое главное, чтобы о ней не прознали отец с Вигером. Если со мной что-нибудь случится, прошу тебя, позаботься о Тали.

– Уж как-нибудь разберусь. Она мне тоже не чужой человек.

Тали от зари и до глубокой ночи была занята ранеными. Как ни странно, о Даре она не вспоминала. Попросту некогда было.

Бои закончились, но смерть не думала покидать гарнизон. Для лекарей битва продолжалась каждую секунду. Ванок тоже был на посту. Он почти не пострадал во время своей безрассудной вылазки на

стену. «Отделался царапинами». Янника штопала эти «царапины» и во весь голос распекала нерадивого лекаря, который из-за собственной дурачности и лихости едва не оставил замок на Яннику и Тали, а они и так с ног валяются от усталости. Ванок не придумал ничего умнее, кроме как поцеловать рассвирепевшую лекарку. Янника швырнула инструменты в лоток и в слезах вылетела во двор. Перевязку заканчивала уже Тали. Потом лекарь отправился за Янницей, искать которую пришлось недолго. Она рыдала на заднем дворе, повалившись на лавку. Эти двое довольно быстро разобрались со своими чувствами и вернулись к работе, отодвинув любовь на потом.

А люди тем временем умирали. Утром, осматривая и перевязывая раненого, Ванок говорил, что прогноз благоприятный, состояние стабильное и тому подобное. Хотя неясно было, кому предназначались и кого успокаивали эти слова: тех, стабильных, которые чаще всего не переживали следующую ночь, или Тали. Сам он давно привык к смерти, за годы службы повидал ее всякую. И такая, от ран, была, пожалуй, даже легче и в чем-то чище, чем та же легочная чума, не говоря уже о дизентерии или, не приведи боги, холере, косившей поболее народу. Да, мало, прямо скажем, от холеры удовольствия. Усратья до смерти, в чем уж тут доблесть?

Для Тали же все было в новинку. Слишком много раненых, среди которых каждый тяжелый. Легкие на своих ногах приходили на перевязку или же не считали нужным из-за всяких пустяков дергать лекарей и лечились самостоятельно, по большей части брагой, первачом или еще чем не менее приятным. Горячительного здесь и в довоенные времена было вдосталь: кто пиво варил, у кого жена ягодное вино настаивала. Тот же Ванок не гнушался самогоном приторговывать. А с подходом к крепости союзных войск, запасливые маркитанты которых могли предложить заграничные аналоги любимых напитков на любой вкус, ассортимент и вовсе расширился.

Тали никак не могла примириться с тем, что оказываемая ею помощь не всегда, да что там, почти никогда не могла вернуть умирающего к жизни. Она жертвовала сном, едой, душевным покоем, жертвовала собой в надежде, что боги увидят ее жертву, примут ее, и раненые, наконец, начнут выздоравливать. Но этого не случалось.

Как-то по просьбе старого солдата она бросилась к баку с водой, а когда вернулась с наполненной кружкой, мужчин не мигая смотрел в

потолок. И похожие случаи происходили слишком часто. Особенно обидно было, когда раненый из числа тех, про кого Ванок безошибочно говорил «не жилец», радовался внезапному улучшению, уверялся и уверял равнодушную лекарку в своем выздоровлении, начинал делиться планами и вдруг умирал. Причем происходило это всякий раз, когда окрыленная Тали ненадолго оставляла несчастного, чтобы уделить время другим страждущим. Девушке даже начало казаться, что стоит ей на шаг отойти от очередного тяжелого, как его тут же приберут приспешники Мары.

Заставая юную коллегу в слезах, Ванок пытался донести до нее мысль: даже боги не всемогущи, что уж говорить о простых смертных. Бывают случаи, когда лекарь может лишь облегчить отход, и никто не ждет, не требует от него чуда, а посему не след изводить себя понапрасну, пользы от этого никому: ни Тали, ни пациентам. Но по прищуренным глазам, по упрямо поджатым губам понимал: все его увещевания пропадают втуне.

В один из таких полных безысходности дней ее, в гуле и смраде лечебницы, забитой койками и брошенными на пол матрасами, нашел Бран. Он с трудом узнал в бледной, шатающейся от переутомления лекарке, больше похожей на привидение, чем на живого человека, девушку, от взгляда на которую его сердце всегда билось сильнее.

Тали тоже не сразу узнала его. Боев в ближайшее время не предвиделось, и юноша нарядился в городской костюм, привычный для Родгарда, но совершенно неуместный в приграничной крепости. Выглядел Бран франтовато и нелепо. Особенно в помещении лечебницы, где шейный бант, дорогое сукно сюртука и туфли с золочеными пряжками вступали в болезненный контраст с убожеством обстановки. Бран морщился не столько от больничных миазмов, сколько от облака собственного парфюма, которым он после долгих раздумий зачем-то воспользовался перед самым выходом из комнаты и который еще сильнее демонстрировал его инородность в этом скорбном месте, как бы утверждая превосходство парня над полунищими ранеными солдатами. Он выглядел дураком и чувствовал себя дураком. И поэтому не злился на раненого солдата, когда тот в справедливой злобе смачно плюнул на вычищенные до блеска туфли «столичного хлыща».

Бран долго искал Тали среди увечных и спящих между ними прислужниц из замка, приставленных в помощь лекарям. Увидев, пошел навстречу, ощущая на себе злобные и насмешливые взгляды, сжал ее ладони и склонился, целуя их под свист и улюлюканье солдат.

Тали застыла в недоумении, затем отмерла и, схватив Брана под локоть, потянула к выходу.

Уже во дворе он снова хотел поцеловать ее ладонь, но она мягко отняла руку, ласково погладив его по плечу.

– Я так рада, что с тобой все в порядке, Бран! – совершенно искренне сказала Тали, и его щеки вспыхнули.

– Да что со мной будет! – воскликнул он. – Это же ты пережила осаду! Ты! Не я. А я что? Так, скатался до Родгарда да вернулся с подмогой, которую без меня же и собрали. Мне в этой битве, стыдно сказать, даже меч вынимать не пришлось. Возле Вигера отирался. Так что без меня, как видишь, справились.

– Не расстраивайся, навоюешься еще.

Девушка улыбалась, глядя на него, но улыбка ее была бледной, вымученной.

– Тали, дорогая, как ты? – обеспокоенно спросил Бран.

Улыбка растаяла, растворилась в скорбной складке дрожащих губ.

– Плохо, Бран. Очень плохо, – честно ответила она. – Тут же ужас что творилось! Вспомнить страшно! Но и сейчас не лучше. Осада позади, а они всё умирают, умирают, умирают! А мы... Мы совсем ничего не можем сделать!

Последние слова Тали произнесла с таким отчаянием, с такой болью, что Бран не удержался и обнял ее. Обнял и радовался. Не тому, что ей плохо, а тому, что целая и невредимая, пусть и истаявшая почти до невесомости, но такая теплая, такая живая. Живая! До него только сейчас дошло, как рисковала она, оставаясь на территории охваченного войной приграничья. И какой он был дурак, что бросил ее здесь, хотя мог забрать с собой в Родгард. Испугался новой ссоры с братом. Трус. Трус и дурак.

Но теперь-то все будет иначе.

– Давай прогуляемся как-нибудь за пределами крепости, – предложил Бран, желая хоть как-то отвлечь девушку от горьких дум. – Пройдемся вдоль берега. Места здесь красивые, живописные. К тому

же сейчас безопасно стало. А то ты в гарнизоне уже три месяца, а что видела, кроме этой своей лечебницы?

– Когда? Когда мне прогуливаться, Бран? – возмущенно воскликнула Тали. Мысль покинуть пост даже ненадолго казалась ей кощунственной. – Здесь же ни на минуту нельзя никого оставить! Только отвернешься, а он уже умер!

Бран подумал, что солдаты, и раненые, и здоровые, будут умирать независимо от того, глядит на них Тали или нет. Но побоялся озвучить эти мысли. Юная лекарка возложила на свои хрупкие плечи непомерный груз ответственности за чужие жизни и, похоже, собиралась тащить его еще долго. Хотя умирать, когда рядом сидит такая красавица, да еще всеми силами старается вырвать тебя из цепких лап костлявой, должно быть, довольно приятно. Какой, однако, вздор лезет ему в голову! Прав Дар, нужно увозить Тали подальше отсюда. В Родгард. В столице девушка мигом отвлечется и позабудет об ужасах гарнизонной жизни. А потом закончится эта дурацкая война, и он приедет к ней.

Глава 7

Белоярское королевство. Родгард

Родгард, столица Белояра, раскинулся на широких, некогда зеленых холмах. Самый большой из них венчал королевский дворец, величественное светло-серое сооружение, высокие шпили которого уходили в синее небо и, казалось, терялись в легких перистых облаках. Изначально возведенный как военный форт с широкой крепостной стеной, дворец впоследствии неоднократно достраивался и совершенствовался. И нынешний его облик являл собой срез различных эпох, наглядно демонстрируя эволюцию белоярского зодчества. Тяжеловесные пузатые дозорные башни с узкими бойницами перемежались с ажурной вязью невесомых галерей и тонким, словно созданным из цветного стекла донжоном. Такая эклектика нисколько не портила впечатления, наоборот, притягивала взгляд, призывала любоваться как всей открывающейся картиной в целом, так и отдельными ее деталями, заставляя отдавать дань мастерству древних архитекторов и их молодых последователей. Вокруг королевского дворца зеленели парки, а склоны холма были застроены особняками приближенной к королю аристократии.

На соседнем холме располагалась в прежние времена загородная, а теперь, когда город расширился, летняя резиденция белоярских королей. Построенная в прошлом веке по проекту этилийских архитекторов, она являлась истинным шедевром эльфийского зодчества. В отличие от королевского дворца, летняя резиденция возводилась не как оборонительное сооружение, а как образец паркового искусства, где среди сильно прореженного и окультуренного леса и искусственных водоемов возникали тонкие анфилады дворцов, храмов, а также белые ротонды и беседки, которые использовались для отдыха знати и увеселительных мероприятий, проходивших на свежем воздухе. Нижняя часть парка была открыта для простых горожан.

Полноводная Яра, судоходная река, огибала Родгард с двух сторон. Несколько ее рукавов терялись между холмами, разливаясь тонкими речками, вписавшимися в городской пейзаж и украшенными

зелеными набережными с легкими мостами. Из этих рек подземные трубы тянули воду для городских фонтанов, коих в столице было неисчислимое множество. Безусловно, дружба Белояра с эльфами принесла этому городу только пользу.

Тали, едва завидев раскинувшуюся панораму, невольно задержала дыхание. По мере приближения город раскрывался перед ней во всей красе, и она вертела головой по сторонам, восторженно ахая. Ехавший рядом Ванок был польщен такой реакцией на столицу родного края. В отличие от девушки, он знал и видел не только парадный фасад, но и трущобы бедных кварталов, едкий смрад мануфактур, злачные проулки мастерских и доков, да и массу других мест, где не всякий вооруженный мужчина решит прогуливаться в одиночку, что уж говорить о нежной барышне. Он знал и любил этот город со всеми его достоинствами и недостатками и теперь искренне радовался тому, что Тали разделяет его чувства, не скрывая своего изумления. Охваченная восторгом, девушка как нельзя лучше соответствовала образу молодой крестьянки, волей судьбы оказавшейся в столице королевства.

Ванок собирался устроить Тали на службу в городской госпиталь при монастыре Богини-Матери. Настоятельница монастыря в компании знатной дамы, возглавлявшей попечительский совет и от нечего делать руководившей работой госпиталя, тщательно изучила выданные Даром рекомендации. Женщины внимательно выслушали Ванка, который в красках описал старательность и преданность лекарскому делу своей племянницы, посетовав на горькую судьбу, лишившую ее родительской опеки в столь юном возрасте.

– Почему же, господин Подлипный, вы решили расстаться с такой незаменимой помощницей? – поинтересовалась леди Орида, немолодая холеная дама с седыми, забранными в высокую прическу волосами.

– Война, леди Орида. Тали единственная, кто у меня остался, и я не хочу больше рисковать ее жизнью, – почтительно ответил Ванок.

– Что же, уже и жизнью рисковать приходилось? – Крашенная бровь изогнулась, демонстрируя удивление.

– Приграничная крепость, где Тали служила в должности моего ассистента, подверглась нападению и держала многодневную осаду. Там и сейчас неспокойно. Я должен вернуться в отряд князя Вельского и продолжить службу, но девушке, тем более такой юной, там не место.

Слишком опасно, да и хватит на ее век тех ужасов, которые уже довелось пережить.

– Так, значит, опыт ухода за ранеными у вашей племянницы имеется? – вступила в разговор настоятельница. – Хорошо. Это пригодится. А почему у тебя волосы острижены? – обратилась она к Тали.

– Я долго болела, матушка. Не было возможности ухаживать за косами, вот и остригли их.

В голосе Тали звучала неподдельная грусть. Девушка с тоской вспомнила о своих роскошных волосах.

– Не огорчайся, до свадьбы отрастут, – подмигнула ей настоятельница. – Леди Орида, если у вас нет возражений, я приму девочку на службу.

Возражений у леди Ориды не было, как не было и необходимости участвовать в беседе с соискательницей на место ассистентки лекаря. Но леди Орида являлась женщиной энергичной и деятельной и считала своим долгом вникать во все дела заведения, находившегося под ее патронажем.

Тали выделили крохотную комнатку, одну из тех, какие обычно предоставлялись не имеющим собственного угла незамужним женщинам, служившим в госпитале. Сумма жалованья, назначенного ей, существенно превышала ту, что она получала, работая у Янники на подхвате. Девушка обрадовалась этому, еще не зная, насколько жизнь в столице дороже, чем в приграничном гарнизоне. Тали была полна светлых надежд и ожиданий. Теплый прием, оказанный настоятельницей монастыря, матерью Данелией, радушие персонала, состоявшего в основном из женщин и трех убеленных сединами хирургов-мужчин, вселили уверенность в завтрашнем дне, и лишь мысль о том, что Дар теперь далеко и рискует жизнью, заставляла хмурить лоб. Новые коллеги приняли ее грусть за тревогу о дяде, всячески утешали и подбадривали.

Вечерами после работы Тали в компании двух приятельниц, служивших вместе с ней в госпитале, прогуливалась по набережным и паркам. Любовалась фонтанами, разглядывала разномастную публику, болтала о пустяках. В выходные бегала к причалу смотреть на военные и торговые суда. Здесь она впервые увидела эльфийский корабль и долго замороженно наблюдала за тем, как ловко снуют по канатам и

реям парусника удивительные существа, чудеснее которых, думалось, нет никого на свете.

Война казалась ей теперь чем-то далеким, словно старое, поблекшее со временем детское воспоминание. И только грамоты на столбах одной из площадей, куда девушка ходила дважды в неделю, чтобы ознакомиться со сводками с линии фронта, говорили о том, что ничего еще не закончилось, и заставляли сердце тревожно сжиматься.

В очередное воскресное утро по сложившейся традиции Тали неспешно шла на расположенную неподалеку от госпиталя площадь, откуда можно было потом спуститься к порту. Середина октября выдалась не по-осеннему теплой. Легкий ветерок гонял по брусчатке сухие листья, солнце приятно согревало, а небо радовало глубокой синевой и полным отсутствием облаков. Тали привычно залюбовалась узкими улочками, сбегаящими к реке, аккуратными разноцветными фасадами двухэтажных домиков, стоящих вплотную друг к другу. Вдохнула полной грудью, вбирая в себя всю прелесть уходящей осени.

Людей на площади в этот час было мало, и у столба с грамотами Тали оказалась единственным читателем. Она быстро пробежала глазами по спискам награжденных офицеров и солдат, погибших дворян, взятых земель. Знакомое сочетание букв заставило ее вздрогнуть и податься вперед, едва ли не вплотную прижаться лицом к листу бумаги. Тали закрыла глаза, надеясь, что, когда откроет их снова, этих слов не окажется на желтой казенной бумаге. Но скупая фраза «баронство д'Варро» была на своем месте и расплывалась перед глазами из-за набежавших слез.

– Отец, – прошептала девушка, кусая губы.

На ватных ногах она добрела до ближайшей скамейки и рухнула на нее, спрятав лицо в ладонях. Немногочисленные прохожие изредка бросали на нее взгляды, кто сочувствующие, кто равнодушные, и спешили по своим делам. Картина, ставшая уже привычной. Война.

Кардийская империя

Каменные ступени отвечали на шаги людей недовольным гулом. Эхо ворчливо разносило его по пустым коридорам. Необходимые распоряжения отданы. Осталось последнее на сегодня дело, и можно будет, наконец, нормально выспаться в настоящей кровати, под

надежной крышей, а не полотнищем продуваемой всеми ветрами палатки. Осада затянулась. Кто мог подумать, что барон окажется в замке и организует оборону настолько умело, что многократно превосходящий силой противник будет ломать зубы об эту старую крепость больше месяца. Если бы у осажденных не закончился провиант и способные держаться на ногах люди, упрямый барон не поднял бы белый флаг и не открыл ворота. Каково же было удивление победителей, когда, войдя по спущенному подвесному мосту во внутренний двор, они увидели лишь десяток солдат, изможденных голодом и ранами.

– Я сдаю крепость, – обратился барон к Дару, безошибочно определив в нем главного. – Прошу пощадить моих людей. Они исполняли свой долг. Со мной же можете поступать, как посчитаете нужным.

– Сколько человек в замке?

– Все, кого вы перед собой видите.

– Сколько было?

– Около полусотни. Мы не ждали нападения, – с этими словами барон отстегнул пояс и бросил к ногам Дара свой меч.

Дар наклонился, поднял оружие, передал стоящему рядом солдату.

– Ни вы, ни ваши люди не пострадаете. Естественно, при условии, что никто не предпримет попытки к бегству. Оружие вам вернут, когда будет такая возможность.

Разомлевший после горячей ванны Дар сидел в мягком кресле у камина и бездумно смотрел на огонь. В дверь постучали, затем, не дожидаясь ответа, ввели пленного. Дар кивком указал на соседнее кресло. Сейчас барон определенно выглядел лучше. Переодет, гладко выбрит, накормлен. Перевязанная рука подвешена на груди в соответствии со строгими правилами лекарской науки.

– Бран, останься. Прочие свободны.

Когда в комнате не осталось никого, кроме троих мужчин, Дар взял кувшин с вином и три бокала. Расположил их на столике у камина. Принес стул для брата и окликнул его.

Бран стоял у массивного рабочего стола и задумчиво рассматривал портрет, висевший на стене напротив. Сидящая на скамье в летнем парке девушка держала в руках лютню и слегка

улыбалась. Глаза цвета неба глядели с хитринкой, черные густые волосы были распущены, тугими кольцами спускаясь по плечам, фарфоровые пальцы нежно перебирали струны. Из-за этого портрета Дар переменял решение оставить барону его покои. Хозяина замка перевели в одну из гостевых комнат, а Дар перебрался сюда и первый час своего пребывания в кабинете провел за созерцанием картины.

– Моя дочь, – пояснил барон. – Портрет написали, когда ей исполнилось пятнадцать.

– Она совсем не изменилась. Только волосы теперь короче, – ответил Бран.

Дар видел, как вздрогнул, подскочил, а затем ссутулился в кресле, опустив голову, барон.

– С ней все в порядке. Она сейчас в полной безопасности. Если получится, вы еще увидите, – успокоил его Дар.

– Если ты... Если вы... Если хоть кто-то из вас хотя бы попытается тронуть ее... – голос барона сорвался.

– Я же сказал, она в безопасности и находится под моей защитой. Вам не о чем беспокоиться. Даю слово, ей не причинят вреда.

Дар рассказал барону подробности своего знакомства с Тали, упустив некоторые моменты. Мужчина успокоился и покачал головой.

– Надо же, лекарка. Кто бы мог подумать, – улыбнулся барон. – Благодарю вас за то, что позаботились о ней. Клянусь, я этого не забуду!

Бран с трудом сдержал горькую усмешку.

– Гарет, – обратился к барону Дар, – Тали раскрыла нам причину своего побега из дома. Я хотел бы узнать подробности ее появления у вас.

– Не знаю, поверите ли вы мне или же сочтете этот рассказ фантазиями выжившего из ума старика.

На старика он больше не был похож, даже если таковым себя и ощущал. Барон еще не смирился с поражением, но поражение это не принесло ожидаемого позора, боли и ужаса. Белоярцы оказались совсем не такими, как он себе представлял. А добрые вести о Тали согрели сердце надеждой.

Братья приготовились внимательно слушать рассказ барона, чему немало способствовало терпкое вино, разлитое по бокалам.

– История довольно странная, – начал тот. – Девочку и ее спутников схватили на границе, недалеко от моих владений. С ней было несколько хорошо вооруженных мужчин. Взять живыми никого из них не удалось. Они отказались сдаваться и слишком умело дрались. Их попросту расстреляли. Девочка была связана. Когда ее освободили, она напала на моих людей. Голыми руками убила двоих солдат, нескольких покалечила. После ее скрутили всем скопом и жестоко избili. Уже здесь, в замке, я пытался ее допросить. Она молчала. Пришлось применить силу, – барон поморщился, – однако это ни к чему не привело. Твердила как заведенная «не знаю» на любые вопросы. Во время очередного допроса у меня возникло подозрение, что она попросту не понимает, о чем ее спрашивают. Словно незнакома с нашим языком. В общем, мы так и не узнали, кто она и как очутилась на границе.

– Тали говорила, вы ее приняли за белоярскую шпионку.

– От этой мысли я отказался сразу. Вместе с девушкой привезли тело одного из ее спутников, или, точнее, конвоиров. Я осмотрел труп. Могу сказать наверняка, он не был ни белоярцем, ни подданным империи. Я до сих пор не уверен в человеческой природе того существа. Внешне очень похож. Если бы не рана. Одна из стрел крепко засела в груди, я никак не мог ее вырвать, решил вырезать ножом. Сделал надрез: там, где у нормального человека должны быть ребра, у него оказался металлический корпус. Мой лекарь провел вскрытие. Я раньше не видел ничего подобного. Жуткое зрелище, скажу я вам. Железный голем с натянутыми поверх металлического каркаса мышцами и кожей, вместо вен и артерий – эластичные трубки, заполненные неизвестным раствором. Порождение безумного мага, не иначе. Под волосами на шее у него обнаружилась довольно странная татуировка. Ровный ряд черных полосок. У девушки была похожая, только на порядок светлее, на первый взгляд незаметная, но осязаемая на ощупь, словно застарелый шрам. Я решил проверить, может, пленница тоже из железа. Надрезал запястье, но под кожей и слоем мышц оказалась обычная человеческая кость, да и реагировала девушка, как нормальный живой человек. – Барон снова поморщился, выпил вина и тряхнул головой, пытаясь отогнать неприятное воспоминание.

– Потом был некромантский обряд, о котором вы знаете. Девочка совсем не походила на мою дочь. Да и сама идея мне совершенно не нравилась. Но Виллем, жених дочери, к тому моменту почти обезумел от горя. Он так стремился вернуть ее к жизни, что готов был использовать для этого любую женщину, находившуюся в замке. И девочка оказалась как нельзя кстати. Жертвовать своими слугами мне не хотелось, да и слухи были бы неизбежны. Девочка же все равно рано или поздно погибла бы. Ее попросту замучили бы в казематах тайной канцелярии. А так ее ждала безболезненная и быстрая смерть.

– Почему вы решили выдать постороннего человека за своего ребенка? – спросил Бран.

– Как вам объяснить?.. – задумчиво протянул барон, глотнув вина.

Он смотрел на бокал, которому заботливый Бран не давал опустеть. Тогда перед ним тоже стоял бокал с вином. И мысли были похожи на те, что вчера заставили принять решение сдать замок.

Барон д'Варро всерьез размышлял о самоубийстве. Решение, собственно, было уже принято. Осталось определиться со способом. Выбор был небогат. Как говорится, что боги послали. Боги милостью своей послали пузырек с ядом насыщенного пурпурного цвета, крепкую пеньковую веревку и хорошо заточенный кинжал. Перечисленные предметы лежали на широком столе, перед которым в глубокой задумчивости сидел барон.

Склянку с ядом он, недолго подержав перед глазами, любуясь глубоким драматичным оттенком, отставил в сторону. Аптекарь, воровато озираясь и жадно пересчитывая золотые (от ассигнаций отказался, бумажки в приграничье были не в чести), обещал быструю и легкую смерть врагам «вашбродия». Уснут, говорил, и не поймут, что преставились, касатики.

Барон устало потер переносицу. «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда мы сбросим этот смертный шум». Нет, яд не годится. Яд – орудие скомпрометированных девиц и экзальтированных салонных бездельниц. Мужчине, воину такая смерть не пристала.

Веревка была хороша. И в морском деле, и для развешивания преступного элемента на крепких ветвях раскидистых дубов и вязов. О морском деле барон имел весьма смутные представления, зато лесного сброда передавить пришлось немало, пока не навел твердой рукой

порядок на собственных землях, по-своему трактуя законы империи. И такая вот веревка неизменно показывала себя с наилучшей стороны: не давала осечек, да и время экономила изрядно. С той прекрасной и светлой поры, поры его шальной юности, этого добра в замковых закромах скопилось предостаточно. Да только лишать себя жизни столь подлым способом дворянину зазорно. Покойный отец не поймет, и тогда в чертогах Мары самоубийцу ждет холодный прием и всеобщее осуждение. Ронять фамильную честь и поступаться дворянской гордостью, равно как и рисковать уютным посмертием, в планы барона не входило.

Оставался единственный способ – кинжал. Верный друг, не раз спасавший ему жизнь, сейчас эту жизнь должен был отнять, причем с лекарской точностью. Тут ведь как: промахнешься на полдюйма – и месяц в койке, а потом, чего доброго, приставят охранников, чтобы не помышлял больше о всяких глупостях. Хотя кто осмелится? Кто озаботится? Не осталось больше того, кому была бы небезразлична его судьба. Кому теперь достанется все, что он приумножал годами рачительного управления? Кто будет сидеть в этом кресле, разбирая жалобы крестьян или подбивая счета? Кто станет добросовестно хранить границу от извечного и коварного врага империи – проклятого Белояра?

Это, впрочем, уже не его забота.

Барон нащупал щель между ребрами, приставил кинжал к груди, сделал глубокий вдох, протяжно выдохнул и...

Дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену. В кабинет ворвался взволнованный молодой мужчина. Именно мужчина – не мальчик, не юноша. Как повзрослел Виллем за эти дни! Страшные дни, связавшие их крепче, чем давняя дружба барона с отцом Виллема – графом д'Орретом, чьи владения располагались по соседству.

– Вот вы где! – воскликнул Виллем. – Наконец-то! Весь замок оббежал, пока вас нашел.

Виллем замер на миг, заметив в руках барона кинжал, а на столе склянку и веревку.

– Что это вы удумали, Гарет? Никак спятили? Нашли время! И когда? За миг до спасения Тали! Не ожидал от вас такого малодушия, право слово.

– Все бессмысленно, Виллем! Понимаете? Бессмысленно! У нас ничего не выйдет! Вы придумали какой-то вздор. Опасный, преступный вздор, а я пошел у вас на поводу. Доверился вам. Но теперь-то знаю: все бесполезно. Я потерял ее! Потерял свою девочку! Мне больше незачем, не для кого жить.

Барон в отчаянии уткнулся лицом в ладони. Беспомощно всхлипнул.

– Да вы пьяны! – Виллем брезгливо поморщился.

Оскорбительное заявление привело барона в чувство. Заставило собраться с силами.

– Трезв как стекло, – честно ответил он.

Действительно, высокий бокал оказался полон вина, но единственным его предназначением было смягчить вкус яда, если барон остановит свой выбор на самом безболезненном варианте.

– Хоть в чем-то повезло сегодня. Собирайтесь, все готово. Обряд начнется через десять минут.

– У нас ничего не выйдет, – тяжело, через силу поднимаясь, сказал барон.

– Мы хотя бы попробуем. Идемте же! Скорбеть будем позже, если не получится. Но я знаю: старик не подведет. Идемте! Уже сегодня вы сможете обнять Тали. Живую Тали! Я верю в это! И вы верьте!

Уверенность молодого мужчины передалась и барону. Придала сил. Поманила надеждой. Хоть барон и устал от пустых надежд. Сколько он надеялся, сколько верил. Клятвенным обещаниям, что поможет именно это вот лекарство, новейшая придумка, потому-то и стоит как новый экипаж вместе с четверкой лошадей. А что девочка мучается, так то вполне естественно, выздоровление, оно всегда через муки. Такова уж природа человеческая. Несовершенная. Пара недель – и полегчает, а там больная и вовсе на поправку пойдет. Кстати, можно еще зельице одно попробовать. Недешевое, как вы понимаете. Или вот обрядец, крови пустить, сперва петушиной, потом овечьей, а там и у страдальцы немного взять. Сколько их было! Лекарей, магов, жрецов, бабок-шепталок. Боги милосердные, милосердия не ведающие! Сперва Элеонор, а теперь и Тали! Но Виллем не думает сдаваться, стало быть, и ему не след.

Вместе они направились в сторону часовни Пяти богов, которая притулилась во дворе, зажатая хозяйственными постройками. Барон не

страдал излишней набожностью и не требовал богопочитания от челяди и солдат. Кроме того, не считал нужным платить содержание жрецу, здраво рассудив, что аппетиты у храмовников непомерные и постоянно растущие, а деньги лучше потратить с умом, пустив их на содержание замка и освоение угодий или отдав в рост арендаторам. В итоге домашний храм использовался крайне редко, из-за чего пришел в запустение.

Ночь уже затопила замок, но в часовенке было непривычно светло. Горящие свечи занимали все свободные поверхности: ниши перед дешевыми лепными фигурками богов, две разошедшиеся от древности лавки, пол вокруг массивного каменного стола.

Барон бросил взгляд на стол для ритуальных подношений, и его затрясло. Он чувствовал мелкую противную дрожь во всем теле. Заходили ходуном заледеневшие руки. Липкий пот проступил под рубашкой. Зубы застучали бы, не сожми он крепко челюсти. Иррациональный страх охватил его, зрелого мужчину, повидавшего в своей жизни такого, что не каждый выдержит.

Пол был испещрен неизвестными барону магическими символами и письменами. Широкая меловая черта опоясывала располагавшийся на небольшом возвышении стол. Державшаяся на пузатой ножке круглая каменная шляпа стола была предназначена для даров, традиционно подносимых богам по праздникам, и при бароне ни разу не использовалась по назначению. Сейчас же, словно в насмешку, на столе недвижимо лежали человеческие тела. Тонкие девичьи тела, когда-то живые и гибкие, а сейчас застывшие. Одно – навечно. Другое – как боги рассудят.

Его девочка, его единственный ребенок, его Тали лежала в белой льняной сорочке, едва доходившей до острых коленок, от вида которых останавливалось сердце. Как же все неправильно! Ей бы сейчас лежать в самом лучшем своем платье, том, что сшито загодя ко дню рождения, ни разу не примеренном из-за жестокой болезни, отнявшей все силы, которых и так было немного в этом хрупком, почти детском теле. С цветами, заплетенными в поредевшие косы. В атласных перчатках, которые скроют страшные некротические язвы на веточках-пальчиках. В обитом шелком гробу.

Барон смотрел на свою дочь. На ее изнуренное болезнью восковое лицо с тонким носом, бескровными губами и острыми скулами,

обращенное туда, откуда, по мнению жрецов, на нас взирают боги. Боги, которым плевать на девочку, сторевшую до срока, на него, потерявшего вначале жену, а после ребенка. Боги, которые остались глухи к его мольбам.

Все, решено: когда эта безумная затея, этот кошмарный ритуал, этот затянувшийся день закончатся, а они закончатся рано или поздно, ибо таков естественный ход жизни, барон вернется в свой кабинет, приставит кинжал к груди и рука его не дрогнет. Как же он устал! Устал от безумной погони за здоровьем жены, возле окоченевшего тела которой, прогнав всех, даже Тали, просидел истуканом двое суток, пока его насильно не вывели из спальни, дабы подготовить усопшую к погребению. Затем пришел черед дочери. Он устал от поиска лучших лекарей, бравших огромные деньги, но не дававших никаких гарантий и не приносивших ни малейшего облегчения двум страдающим женщинам. Какая же мука видеть растянутую во времени агонию любимых! Видеть и не иметь возможности помочь. Он устал. Смертельно устал. И хотел лишь одного: чтобы все это прекратилось раз и навсегда. Желательно сегодня.

Рядом с дочерью лежала другая девочка. Хотя нет, не девочка, скорее уж молодая женщина. Лицо ее казалось юным и нежным, а тело изящным и легким. Вот только эти легкость и нежность были обманчивы, скрывая невероятную волю к жизни. И то, как он обошелся с ней, не давало ему покоя. Честнее было бы прирезать девушку по-тихому или повесить. Раз уж сердце неожиданно дрогнуло, и он решил проявить милосердие и не сдавать белоярскую шпионку тайной канцелярии. Да только шпионка ли она? Сколько часов провел он, наблюдая за действиями Шунта, тупого до крайности, но умелого палача, знавшего свою работу и, в отличие от большинства представителей этой братии, не имевшего садистских замашек, за что и ценил его барон. Девчонка терпела. Сжимала зубы, плевалась кровью, но терпела. А если и кричала, то только единственное: «Я не знаю! Не знаю!» И настолько правдоподобны были крики, что он им верил.

Видят боги, он не хотел для нее такого финала. Она произвольно внушала уважение своей стойкостью. А еще страх. Барона пугало, что женщина может быть насколько сильной. Нет, не заслужила она подобной участи, но это не его вина. Это все Виллем со

своими безумными затеями. Сам барон давно смирился с потерей и готов был отправиться следом за дочерью. Но Виллем... Виллем уговаривал, требовал, угрожал. И барон сдался. Может, Виллем прав и надежда есть? Скоро все решится. Сегодня. Сейчас.

– Господа, вы готовы? Я могу начинать? – прервал горькие мысли барона пришлый некромант.

Он не был стариком, как со свойственной юности прямолинейностью охарактеризовал его Виллем. Ненамного старше барона, а тот не считал себя старым. Рука его крепка, глаз зорок, зубы на месте. А что седина разлилась в волосах, так то от пережитых бед. Богатое облачение некроманта свидетельствовало о том, что он не бедствует, следовательно, спрос на его услуги велик и опыт имеется немалый. Он был собран, серьезен и деловит. И это внушало доверие. Дарило надежду.

Барон кивнул. Виллем последовал его примеру. Юноша заметно нервничал. Не меньше, а то и больше барона переживая за исход ритуала переселения душ.

– Тогда отойдите к двери и не мешайте. Что бы ни случилось, не пытайтесь войти в круг. – Маг рукой указал на отмеченную мелом и истекающими воском свечами окружность, опоясывающую стол. – Из часовни до конца ритуала не выходить! Внутри никого не впускать! Иначе за результат не ручаюсь. Вам все ясно?

Мужчины снова кивнули, принимая условия некроманта. Ответить иным способом они не могли. Голос отказал им.

Маг взял в руки уголь и принялся наносить на лица, руки и ноги девушек неведомые письмена. Потом, напевая заклинания на неизвестном языке, завис с ножом над белоярской шпионкой. Провел лезвием по фиолетовым от гематом запястьям, оставляя тонкие росчерки, вмиг налившиеся кровью. Этой кровью смочил губы Тали, мазнул по скулам и векам, отчего ее лицо приняло вульгарный, отталкивающий вид. Его девочка стала похожа на мертвую шлюху.

Барон беспомощно всхлипнул. Он почувствовал, как его ладонь сжали пальцы Виллема. И сердце наполнилось теплом и благодарностью. Без Виллема он не вынес бы подобного зрелища.

Некромант, по-прежнему напевая вполголоса, бродил вдоль стола, временами касаясь то одного, то другого тела. На миг барону показалось, что белоярская шпионка дернулась, пытаясь освободиться.

Но это было попросту невозможно, учитывая количество сонного зелья, силой влитого в нее, да и маг для верности применил обездвиживающее заклинание. И барон отмел эту мысль, списав ее на разыгравшееся воображение. Тут и не такое привидится. Некромант ничего не заметил. Значит, показалось.

Маг копошился меж телами, переплетая волосы девушек: живой и мертвой. Взял руку белоярской шпионки, положил ее ладонь на грудь Тали и, призвав Мару, размахнулся и ударил в центр девичьей ладони ножом.

Каменный пол содрогнулся. Из-под купола посыпалась труха.

Затем полыхнул стол. Некромант закричал. Тонко, страшно. Он рванул прочь от стола, в сторону прижавшихся к запертой двери мужчин, но не смог ступить и шагу за границу очерченного им же круга. Круг не выпускал его. Одежда мага задымилась и вспыхнула. Он с воплями и визгом метался вдоль меловой границы, бился телом в незримую стену. Но все без толку.

Некромант исчез в лавине огня. Крики стихли. И только пламя, первородное, как грех, кипело, замкнутое магическим кольцом.

Сколько длилось буйство стихии, барон не мог определить. Дни, часы или минуты? Время превратилось в смолу, стало тягучим и вязким. Возможно, он потерял сознание. Но когда огненная лавина схлынула, обнаружил, что стоит на ногах. Пусть нетвердо и колени отбивают дробь, как у ветхого старика, но тело держат.

Виллем первым кинулся к столу. Барон, слегка покачиваясь, – следом.

От некрманта осталась лишь горсть пепла. От Тали не осталось даже этого. Ничто не указывало на то, что его дочь когда-то лежала на холодной каменной поверхности.

Белоярская шпионка была полностью обнажена. Магический огонь уничтожил рубашку, в которую обездвиженную девушку облачили перед ритуалом, а заодно стер следы от пыток, щедро оставленные исполнительным Шунтом. Красивое женское тело белело в уютном полумраке, создаваемом догорающими свечами.

Виллем осторожно прикоснулся к тонкому запястью, пытаясь поймать ускользающую нить пульса.

– Жива! – потрясенно выдохнул он. – Тали жива! У нас получилось!

Юноша крепко обнял барона. Но тот стоял как истукан, так до конца и не осознав случившегося.

– Вы слышите, Гарет! Тали жива!

Виллем тряс его за плечи, пытаясь вывести из оцепенения. Барон махнул головой, скинул руки молодого мужчины со своих плеч и осторожно коснулся щеки девушки. Ресницы ее затрепетали. Она едва приоткрыла глаза, плеснула затуманенной синевой, после чего голова безвольно склонилась набок.

Виллем был вне себя от радости. Целовал чужое лицо, чужие руки, звал белоярку чужим именем. Барон отстраненно наблюдал за происходящим, и холод сковывал его грудь. Он понял, что обряд не удался. Тали не вернулась. Его девочка бежит сейчас туманными тропами в чертоги Мары, и белоярская шпионка за ней следом. Та женщина, что лежала на столе для подношений, не была ни его дочерью, ни его случайной пленницей. Он понимал это с кристальной ясностью. Виллем поймет чуть позже. Но поймет обязательно.

– Гарет, мы создали монстра! Не знаю, кто это, но точно не Тали! Некромант вытянул демона из преисподней и подселил его в тело белоярской шпионки! Нам нужно избавиться от нее, пока она не восстановилась после ритуала и не вошла в полную силу.

Юноша взволнованно метался по кабинету, хватаясь за голову и разбрасываясь проклятьями в адрес почившего некрманта и его чудом выжившей жертвы. Он был совершенно изможден: не спал и не ел несколько суток, не прерывая караула возле кровати, на которой, не приходя в сознание, лежала та, что должна была заменить барону дочь. Когда девушка, наконец, очнулась и недоуменно уставилась на Виллема, он кинулся обнимать ее, но натолкнулся на неумелое сопротивление, сопровождавшееся негодующим криком.

Виллем едва ли не волоком притащил барона в комнату, принадлежавшую раньше его дочери. Гарет д'Варро, сколько мог, оттягивал посещение гостыи. Он решил называть незнакомку так, пока не определится ее участь. Мужчина не видел смысла стоять в дозоре у тела девушки. Для этого есть Дарна, кормилица Тали. Барон, в отличие от живущего грезами Виллема, на чудеса особо не рассчитывал.

Гостыя, натянув одеяло до подбородка, жалась в стену. Переводила затравленный взгляд с одного мужчины на другого. Она казалась

старше Тали, но ненамного. Уже не четырнадцать, еще не семнадцать. И уж точно в ней не было ничего от белоярской шпионки. Кроме телесной оболочки, конечно же, которая, сменив хозяина, и выглядеть стала иначе. Другая мимика, другие жесты, другая реакция. Мелочи? Ничуть. Именно из таких мелочей складывается полновесный портрет человека.

Барон в некотором смятении смотрел на испуганную девушку, не зная, что предпринять. Виллем никак не помогал, скорее мешал, нагоняя на гостью жути своим пронизывающим взглядом, в котором отчаяние перемежалось с ненавистью.

– Милая леди, – откашлявшись, наконец, начал барон, – позвольте поинтересоваться вашим самочувствием.

Девушка не ответила. Нахмурилась, свела брови, чуть подала голову вперед. Впрочем, тут же втянув ее обратно в плечи.

– Позвольте узнать ваше имя, – не сдавался мужчина. – Вы помните, как вас зовут и как вы тут очутились?

Гостья внимательно смотрела на барона, на то, как шевелятся его губы. Попыталась что-то сказать, да так и замерла в растерянности с открытым ртом.

– Похоже, она нас не понимает, – первым догадался Виллем. – Странно. Белоярский язык от нашего не сильно отличается. Да и в Ворланде разве что диалект другой, но это никогда не мешало общению с горцами.

Он принялся задавать те же вопросы на певучем эльфийском, но девушка лишь растерянно хлопала ресницами.

– Граннорского я не знаю, увы, – развел Виллем руками. – Гномьи общины беседуют с нами на имперском. На саритянку она не похожа. Те чернокожи. Может, вы попробуете?

– Не думаю, что из этого выйдет что-то дельное, – задумчиво мотнул головой барон. – Давайте оставим нашу гостью в покое на несколько дней. Может, дело как-то образуется. А нет, так будем обучать с нуля. Как младенца.

Такое заявление неожиданно привело Виллема в негодование. Видимо, сказалось утомление. Он едва не устроил безобразную сцену прямо возле кровати девушки, не заботясь о том, что приводит ее в состояние, близкое к панике.

Теперь барону пришлось волочить упирающегося юнца в свой кабинет, чтобы напомнить тому о манерах. Но, очутившись за закрытыми дверьми, Виллем повел себя совершенно непредсказуемо, проявив дремавшую доселе кровожадность, требуя расправы над невинной жертвой их противозаконных магических махинаций, совершенно не заслуживающей тех характеристик, которыми награждал ее разочарованный юноша. Не было в ней ничего от тварей преисподней. Барону, понятное дело, не доводилось встречаться ни с одной из них, но он не сомневался, что те ведут себя иначе, чем напуганная до полусмерти гостя. Если уж на то пошло, будущий граф гораздо больше подходил под это определение.

Барон понимал причины поведения Виллема, его реакцию. Он любил Тали и считал дни до того момента, когда сможет ввести ее в свой дом на правах законной жены. Юношеская любовь отдавала фанатизмом, но отец Виллема не видел препятствий на пути этого союза. Граф, чье приграничное поместье располагалось недалеко от земель барона, благоволил ему. Наносил дружеские визиты, когда появлялся на границе, приглашал на званые обеды и балы, которые при жизни так любила устраивать графиня, всячески привечал Элеонор и Тали. Дочь, можно сказать, выросла в поместье графа. Да и Виллем подолгу гостил в замке барона.

Гарет и Элеонор упустили тот момент, когда дети увлеклись друг другом. Барон полагал подобное невозможным, учитывая пропасть, разделявшую пожалованного дворянина во втором поколении и потомственного аристократа, входившего к императору без доклада. Если бы он не был так слеп, вовремя пресек бы опасное увлечение дочери: запер девочку в замке, отказав Виллему от дома, или увез в поместье жены. Но его занимали иные заботы. Элеонор к тому времени была серьезно больна, и барон направил все силы на спасение супруги. Мать же не вникала в сердечные драмы дочери по причине изматывающего недуга. Так в опасный период робкого расцветания девочка осталась без родительского надзора. Некому было присмотреть за ней, предостеречь ее. Виллем увлекся Тали столь серьезно, что на коленях молил ошарашенного барона отдать за него дочь. Юноше на тот момент исполнилось восемнадцать.

– Я люблю Тали! – восклицал Виллем, которого барон иначе как ребенка не воспринимал. Да, он вытянулся и окреп, но это же мальчик,

вчерашний мальчик.

Мальчик, ростом и размахом плеч перегнавший барона, что он с досадой обнаружил только в тот момент, пылал любовным жаром. И жар этот разожгла его малолетняя дочь. Как такое возможно?!

– Умоляю, не препятствуйте нашему счастью!

У барона закружилась голова. Он оказался не готов к тем проблемам, которые составляли естественный ход жизни всех отцов взрослеющих дочерей.

Виновница переполоха в платьице, открывавшем голени, с выглядывающими из-под подола оборками панталон никак не соответствовала образу молодой женщины, способной вызывать трепет в мужских сердцах и распалять страсти. Она боязливо жалась к дверному косяку, кусая пальцы в ожидании вердикта.

Тали едва минуло тринадцать, и выглядела она примерной девочкой, занятой исключительно книгами и куклами. Она еще рядилась в детские платья. Элеонор умерла, и некому было заняться гардеробом дочери. Его Тали – невеста? Что за вздор! Она же совсем ребенок! С нескладной фигурой подростка. Чем она могла завлечь графского сына, уже выезжавшего в свет и наверняка познавшего женщин?

Ситуация выглядела донельзя комичной, и, окажись барон сторонним наблюдателем, рассмеялся бы, ей-богу. Но ему было не до смеха. Он пришел в ужас от мысли, что пронырливый графенок мог воспользоваться неопытностью Тали и совратить ее.

Тали еще слишком мала для плотских утех, успокаивал себя вмиг прозревший отец, пристально окидывая ее придирчивым мужским взглядом. На груди едва обозначились выпуклости, но это, к сожалению, ни о чем не говорило. Элеонор не могла похвастаться развитыми женскими прелестями, была худощава, но изящна. И барон боготворил ее. Тали переняла изящество матери, которое уже прорывалось сквозь подростковую угловатость. Да, его дочь еще ребенок, но это не мешает ей попасть в сети сластолюбца. Барон повидал жизнь и прекрасно знал, что есть люди, облеченные властью, наделенные деньгами и имеющие расположенность к девочкам такого вот нежного возраста.

ТЬфу, какая невыносимая пошлость! Виллем не походил на таких людей. Его романтический порыв был искренен. Из глаз, с отчаянной

мольбой глядевших на барона, брызнули слезы. Боги, какой вздор! Какая нелепость! И когда они успели сговориться? И как отреагирует граф?

Граф на удивление благосклонно принял новость о том, что единственный сын решил связать свою жизнь с дочерью барона. Самолично выхлопотал высочайшее дозволение на брак, который должен был состояться по достижении Тали брачного возраста – семнадцати лет. Граф принял барона, и, обсудив все детали, мужчины пришли к выводу, что в чувствах Виллема больше покровительства и желания опекать, чем плотской страсти. Решили, что, если к означенной дате дети не охладеют друг к другу, так тому и быть. Отцы дорожили своими отпрысками и прекрасно понимали, что препятствия лишь разожгут пламя юной любви. А куда это пламя может завести две дурные головы, гадать не приходилось. Свет знал немало историй с трагическим финалом, героинями которых, как правило, становились неискушенные девы из небогатых семей. Таких, как семья барона, к примеру.

В присутствии барона граф взял с Виллема нерасторжимую клятву не посягать на девичество Тали до того момента, пока она не станет его женой. Отцовское сердце на время успокоилось, чтобы через полгода содрогнуться от новой беды. У Тали проявились симптомы той же болезни, что свела в могилу ее мать.

Барон догадывался о причине острой неприязни, которую гостя вызывала у Виллема. Юноша бросил все силы души на спасение любимой. Эта идея захватила его целиком. Он отыскал способ сохранить Тали жизнь, пусть и в другом теле, пошел против закона, наняв некроманта. Ликовал после свершившегося обряда. Терпеливо ожидал ее пробуждения. И лишь сейчас осознал, что Тали больше нет. Горе обрушилось на него, и он не знал, как управляться с ним.

Девушку, оказавшуюся на месте Тали, Виллем считал самозванкой. И, некогда добрый и отзывчивый, жаждал поквитаться с ней, обвиняя в трагедии, к которой та была непричастна. Воистину, не очаровывайтесь и не разочаруетесь!

– У вас, помнится, был яд. Такая красная склянка. Подмешаем ей в еду и устраним проблему.

Барон не одобрил идею.

– Виллем, успокойтесь! Нет никакой проблемы! И не нужно никого устраниать. Одумайтесь! Придите в себя! Ступайте отдохните, отоспитесь. Вернемся к обсуждению, когда вы сможете рассуждать здраво.

– Нет, мы все обсудим сейчас! И не указывайте мне, что делать! Во-первых, мы совершили преступление...

– О котором никто никогда не узнает, – со скепсисом парировал барон.

– Я бы не был столь уверен! Ваши люди, убившие лазутчиков и взявшие в плен девчонку, могут проболтаться.

– Не переживайте, я придумаю, что им сказать. Совру, что девочка умерла после пыток.

– Врать необязательно. Она умрет, а значит, своим людям вы скажете правду.

Барон хлопнул ладонью по столу.

– Виллем! Вы не тронете ее! После того, как мы с ней поступили, она заслуживает толики милосердия!

– И мы милосердно поможем ей покинуть этот свет. Безболезненно. Она белоярская шпионка. Мы обязаны передать ее тайной канцелярии. Уж они-то едва ли вспомнят о милосердии.

– Мы никому не будем ее передавать! Это мое последнее слово! И потом, вдруг нужно время, чтобы душа Тали освоилась в новом теле и проявила себя? Вы не думали об этом? Некромант погиб, а мы не удосужились заранее поинтересоваться последствиями ритуала. Вдруг то, что мы сейчас наблюдаем, лишь начало? Вы готовы перечеркнуть все, через что нам пришлось пройти, только потому, что Тали вас не узнала? Ну так дайте ей время!

Виллем покинул замок через семь дней после памятного разговора в крайне скверном расположении духа.

– Три года, Гарет. У вас есть три года. Если вы не решитесь, я сам все исправлю, – бросил он на прощанье.

Они расстались едва ли не врагами, что крайне печалило барона. Виллем был ему как сын.

В отношении гостьи барон принял решение.

Всю неделю он присматривался к ней. Девушка делала первые несмелые шаги, как младенец, доверчиво цепляясь за его руку. Была настолько потерянной, беспомощной и жалкой, что лед в его сердце

дал трещину, чтобы после разлиться полноводной рекой отеческой любви. Он сам поразился тому, что еще в состоянии испытывать подобные чувства.

Не это ли пусть и запоздалый, но ответ на его отчаянные мольбы, думал барон. Боги забрали у него одну дочь, однако взамен дали другую. А кто он такой, чтобы отвергать дар богов?

Огонь в камине догорал, и Дар подбросил поленья. Кувшин опустел, но Бран выглянул в коридор, и через несколько минут им принесли новый.

Братья молча слушали исповедь барона.

– Когда она пришла в себя, то была словно чистый лист. В том, что передо мной не моя Тали, я не сомневался. Но и от прежней личности не осталось следа. Понимаете? Совершенно другой человек. Больной, напуганный ребенок. Она так тянулась ко мне, радовалась каждому доброму слову, каждому ласковому прикосновению. Девочка нуждалась в заботе, а я мог ей эту заботу дать. Она была так очаровательна в своем стремлении угодить мне, вспомнить то, чего не могла знать. У меня умерла жена, затем дочь. Я остался совершенно один. И тут словно сама Макошь дала мне второй шанс. Мог ли я оттолкнуть бедняжку, причинить ей вред? В общем, я сильно привязался к девочке. Иначе как родную дочь не воспринимаю. Нет, она никогда не заменит Тали, ту, настоящую. Но я подумал, что у меня могло быть две дочери. Эта, старшая, и та, младшая, которую забрала смерть.

– Примерно в то же время белоярцами... кхм... была предпринята попытка диверсий на границе, – продолжил барон после небольшой паузы. – По известным вам причинам я не смог отследить их появление на нашей территории и проконтролировать ликвидацию. Это сделали мои соседи. Из-за того случая разгорелся крупный международный скандал. Но я абсолютно уверен, что моя Тали и ее спутники не имели никакого отношения к диверсии. Слишком разные методы.

– Белоярцы не замешаны в тех событиях, – сообщил Дар. – По долгу службы я несколько лет контролирую приграничную зону. Подобные действия мной не планировались и со мной не согласовывались. Наших там не было. Могу лишь предположить, что

ту операцию спланировали графы д'Орреты. Недаром последний отпрыск этого рода столь настойчиво пытался избавиться от девочки. Уверен, корни происхождения Талиэн следует искать в империи.

– Я уже говорил вам, но повторюсь. Сопровождавшие Тали люди не были похожи ни на кого из прежде виденных мной. Она абсолютно точно не из империи. Вы позволите, я кое-что покажу?

Барон подошел к портрету, отодвинул его. Холст скрывал за собой сейф. Мужчина достал из него несколько предметов, выложил на стол.

– Скажите, вам доводилось такое раньше видеть?

– Что это? – нарушил тишину Бран.

– Оружие. Вот этим, – барон осторожно взял в руки маленький продолговатый предмет черного цвета, – убили нескольких моих людей. Оружие плевалось огнем и разрывало нагрудники. Солдаты, попавшие под прицел, умерли на месте. Края ран были словно оплавлены. Это никому не известное магическое оружие. Я о таком раньше не слышал. Скажите, у вас на вооружении есть что-нибудь подобное?

– Абсолютно точно нет. Мне непонятен принцип его действия. – Дар задумчиво повертел прибор перед лицом.

– Осторожно! Оно может сработать.

– Я должен его забрать. Надеюсь, вы не будете против?

– Поступайте, как считаете нужным, – махнул рукой барон. – Но еще раз предупреждаю: будьте осторожны. Непонятно, как оно работает, но сила у него убийственная.

– Гарет, по приказу короля я обязан доставить вас в Родгард как ценного пленника. Мы отправимся послезавтра. Я полагаю, мне не нужно вам объяснять, что этот разговор должен остаться между нами. Равно как факт пребывания вашей дочери в столице. Об этом, – Дар красноречиво посмотрел на неведомое оружие, – тоже распространяться не следует. Мне безразлична судьба Талиэн, и я не хотел бы привлекать к ней лишнее внимание.

– Я собирался просить вас о том же.

Глава 8

Белоярское королевство. Родгард

Княжна Радич любила зеркала, и те отвечали ей взаимностью.

Эйлина придирчиво вглядывалась в отражение, но ее копия по ту сторону зеркала была безупречна. Изумрудный атлас платья сочетался с цветом глаз, делая их ярче и выразительней. Нежнейшее белое кружево ворота притягивало взгляд к глубокому декольте, в котором пышной груди, казалось, было тесно, и она стремилась вырваться наружу. Тонкая талия, утянутая вошедшим в моду корсетом, делала фигуру еще более соблазнительной. Все было прекрасно в ее облике. Вот только проклятый рост подкачал. Из-за него она в свои неполные семнадцать выглядела совсем ребенком, несмотря на вполне развитые женские прелести. Но, к счастью, это можно исправить с помощью каблучков. Она уже не дитя. Не «малютка Лина». Она красивая взрослая женщина.

Княжна послала отражению обольстительную улыбку и подошла к секретеру. Достала из ящика стеклянный флакончик, сунула в декольте.

Против этого средства ее возлюбленный точно не устоит.

Год прошел с того дня, как княжна впервые увидела его, и с тех пор ее разум отравлял яд неразделенной страсти. Год этот был наполнен муками первой любви и дурманом проснувшейся чувственности, когда девочка осознала себя женщиной.

Эйлина знала цену своей внешности. Не раз она наблюдала, как, встретившись с ней взглядом, краснеют, теряются и сбиваются с мысли учителя, смущаются и отводят глаза слуги. Удивление вызвал лишь тот факт, что в ее присутствии терялись не только мужчины, но и некоторые женщины. Давняя знакомая отца, считавшая своим долгом уделять внимание небедной сиротке, в последний год расцвета Лины томно глядела на нее, покусывая губу, и всякий раз как бы невзначай старалась коснуться ее, едва представлялась такая возможность.

Да, Лина не сомневалась в своей красоте, но, без памяти влюбленная в мужчину, которого не знала, которого, по сути,

придумала себе сама, решила действовать на опережение. Она не видела себя в роли разменной монеты между двумя сильнейшими родами королевства, не хотела довольствоваться долей большинства женщин, чьи браки были устроены для усиления положения в обществе одного из супругов. Она желала любви. Страстной, всепоглощающей, взаимной. Желала немедленно.

Для достижения своей цели она раздобыла рецепт безотказного приворотного зелья. Выполнила все в точности. Сама собрала нужные травы, обнаженная танцевала в свете полной луны, шепча формулу заклинания, наполнила флакон своей кровью. Проверила действие зелья на конюхе, которому потом отказали от места, обнаружив его ночные бдения под балконом равнодушной возлюбленной. Зелье работает, ошибки быть не может.

В назначенный час княжна спустилась в парадную залу. В доме было много гостей, но лишь один занимал все ее мысли.

Лина вложила дрожащие пальцы в раскрытую ладонь. Задохнулась, когда он, следуя этикету, поцеловал ей руку.

– Моя внучка Эйлина, дочь Берарда, – представил ее дед.

– Дар, князь Вельский, сын князя Ольхема Лестерского, – ответил возлюбленный. – Очень рад знакомству. Молва о красоте дочери Берарда летит по всему Белояру. Но лишь теперь я понимаю, насколько убога человеческая речь в попытках передать такое великолепие. Я восхищен, Эйлина!

Потом был долгий разговор между дедом и Даром, во время которого последний бросал на нее задумчивые взгляды, разгадать которые девушка не могла. Непонятна была нескрываемая радость Брана – брата будущего жениха. Разве не должен он печалиться, что самая красивая девушка королевства обещана не ему? Хотя Лина слышала что-то о помолвке Брана, но с его невестой не была знакома. Знала лишь, что та происходила из знатного рода и являлась единственной наследницей своего отца. Но это мелочи, главное, Дар заинтересовался Линой. Дело за малым, привязать его к себе так, чтобы он как можно сильнее возжелал брака.

К немалому огорчению Лины, Дар не стремился уединиться с ней. Не делал попыток признаться в своих чувствах и немедленно объявить о помолвке, которая, как она надеялась, должна была состояться именно сегодня. Воспользовавшись тем, что никто не смотрит на нее,

девушка, взяв у лакея бокал вина, щедро плеснула туда приворотного зелья. Подошла к Дару и, с нежной улыбкой глядя возлюбленному в глаза, протянула бокал. Князь с благодарностью принял его, залпом выпил вино, и судорога на миг исказила лицо. Княжна с замиранием сердца ждала результата.

– Эйлина, мне очень жаль расставаться с вами, но меня ждут дела. Извинитесь за меня перед князем Вигером. Я должен идти, – с этими словами самый желанный мужчина королевства поклонился и ушел, оставив Лину в полной растерянности.

Князь Вельский отпустил кучера сразу, как подъехал к особняку Радичей, и, наскоро разделавшись с обязательствами, возложенными на него заботами отца и Кромака, быстрым шагом направился в сторону дома.

Небо уже потемнело, но в этой части города под вечер всегда зажигали фонари, да и свет лил из окон роскошных особняков, разгоняя сумрак. В других обстоятельствах Дар побродил бы по улицам, наслаждаясь покоем мирной жизни или досадуя на навязанный брак и сопряженные с ним хлопоты. Но не в этот вечер. Сейчас Дар спешил домой. Едва он простился с Эйлиной, как ее образ тут же выветрился из головы. Другое лицо стояло перед глазами, другая девушка занимала мысли, и сердце замирало от радости, предвкушая скорую встречу.

Не нужна ему княжна Радич. Не нужно расположение ее деда. Свадьбы не будет. Он сознавал это предельно ясно. Осталось достучаться до здравомыслия отца и Кромака.

Работы в госпитале оказалось на удивление мало, и Тали легко справлялась с ней. Сложных задач перед молодой лекаркой не ставили, и в свободное время, которого было с избытком, она, томимая неизвестностью, изводила себя мыслями об отце или вспоминала Дара. Девушка перебирала эти воспоминания бережно и трепетно, как сокровища, которые боязно испортить. Дни тянулись один за другим неотличимо, не выделяясь ни особыми радостями, ни потрясениями.

Как-то раз в госпитале совершенно неожиданно появился Ванок и уговорил мать Данелию отпустить Тали на недельку, чтобы провела время с дядей. Настоятельница благосклонно согласилась. Сидя в

наемной карете, девушка выпытывала у лекаря маршрут их поездки и причину столь неожиданного отдыха. Но мужчина мастерски уходил от ответов, посмеиваясь в бороду.

Карета привезла их в Верхний город, ту его часть, где проживали самые именитые представители знати, и остановилась возле величественного особняка. Лекарь помог Тали выйти из кабины и повел к запасному входу. Особняк охранялся. Даже у неприметной двери черного входа стояли стражники. Ванок показал какую-то бумагу, после чего путников пропустили внутрь. Они долго петляли в полумраке лестниц и коридоров, пока не очутились у нужной двери, также охраняемой двумя солдатами. Ритуал с предъявлением бумаги повторился, но в двери девушка вошла уже одна.

Она оказалась в уютной гостиной, обстановка которой состояла из кресел и маленького столика, сервированного к чаю. Комната, судя по наличию нескольких дверей, была проходной. Тали опустилась в кресло, размышляя о причинах своего появления в чужом доме. Она надеялась, что Дар вернулся в город и наконец вспомнил о ней.

Когда одна из дверей отворилась, девушка радостно вскрикнула. Меньше всего она рассчитывала увидеть отца, почти не надеясь, что их встреча когда-либо состоится. Устав терзаться мыслями о его судьбе, она смирилась и стала ждать, когда Дар или Бран захотят навестить ее, чтобы при встрече умолять их найти его, живого или мертвого.

После объятий, поцелуев и радостных слез умиротворенная Тали сидела с ногами в кресле и ела пирожное, запивая его горячим чаем.

– Представляешь, я всегда считал белоярцев кем-то вроде диких зверей с садистскими повадками, – тихо говорил барон. – Сколько страшных историй я слышал в детстве о последней войне. Очевидцы рассказывали о том, как безжалостно белоярцы расправлялись с пленными, в захваченных селах не щадили ни детей, ни стариков. Что творили с женщинами, вообще умолчу. Правда, и наши зачастую вели себя не лучше. Но это было сорок лет назад. Видимо, за последние десятилетия мир изменился.

Барон сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Мы не готовились к нападению на замок. Полагали, белоярцам будет не до этого. Основные силы армии оказались брошены на территорию Белояра, на захват приграничных земель. Большая часть

моих людей находилась у переправы, я поручил их герцогу д'Ирву. Там, по донесениям разведчиков, готовился ответный удар белоярской армии. Берег реки постоянно патрулировался. До сих пор не понимаю, как им удалось подойти к нам незамеченными. Сам же я разыскивал тебя по всем окрестным деревням. Безуспешно, как знаешь. Виллем нагрянул к нам не только чтобы расправиться с тобой, но и для того, чтобы передать приказ организовать оборону. Я знал о грядущей войне и ждал приказа со дня на день, однако не предполагал, что он возьмет на себя роль посыльного. Мне казалось, я удачно спланировал твой побег. Я задумал так: отошлю тебя поближе к границе, подальше от Виллема, а там уж укрою в замке и смогу защитить. Лучше бы в пансион отправил или в монастырь, ей-богу! Ну да ладно. Раньше надо было думать.

Тали склонила голову, всем своим видом показывая, что понимает чувства отца, вынужденного метаться по охваченной огнем границе в поисках блудной дочери.

– В замок я вернулся буквально на пару дней, оставить распоряжения и встретить подводы с провиантом и оружием. Но они запаздывали, а потом, видно, и вовсе были перехвачены. Я собирался обороняться до последнего, умереть с оружием в руках, но не сдавать крепость, пока есть хоть один солдат, способный держаться на ногах. Однако у нас кончились запасы провизии, они и так подходили к концу, а тут еще осада. Лекарей в замке не было. Люди гибли от ран, сходили с ума от голода. И я решил сдать крепость. На милосердие рассчитывать не приходилось, слишком красочны были рассказы старожилов. Но мне подумалось, лучше умереть от рук белоярцев, чем подыхать от голода. Я надеялся, захватчики ограничатся моей жизнью и пощадят остальных. Но чего совершенно не ожидал, так это благородства и гуманизма. Сейчас я гость князя Вельского. Правда, нахожусь под постоянным надзором. Но только подумай: меня практически ни в чем не ограничивают, позволяют прогуливаться по городу, пусть и под конвоем, разрешили увидеться с тобой! А ведь я не такого высокого полета птица, чтобы со мной церемониться. Могли просто запереть в каземате до окончания войны. Князь говорит, я проявил невиданное мужество, а белоярцы умеют ценить доблесть. Я дал слово не пытаться бежать до конца войны или очередного обмена пленными, он же в свою очередь поручился за меня перед королем и

предоставил собственный дом в мое распоряжение. Князь сказал, что ты можешь погостить здесь до конца недели, пока он будет в городе. Единственное его условие – нас никто не должен видеть вместе вне дома. Для всех ты племянница его лекаря, которой позволили пожить в доме, пока тот не вернется на фронт.

Через пару часов за Тали пришел Ванок, отвел в ее покои. Девушке выделили просторную комнату с отдельной ванной и гардеробной. Особняк был модернизирован с максимальным комфортом: в нем имелся не только водопровод, но и подогрев воды, поэтому в ванной Тали задержалась надолго. В гардеробной обнаружилась одежда и обувь ее размера. Особо не раздумывая, Тали выбрала неброское удобное платье простого кроя.

Девушка чувствовала голод. Пирожные, конечно, были вкусными, но сытный ужин, к которому она привыкла за время службы в госпитале, заменить не могли. Она уже подумывала направиться на поиски кухни, как в дверь постучали. Две служанки внесли подносы, заставленные фарфоровыми блюдами со снедью. Молчаливо и поспешно сервировали стол и, пожелав приятного аппетита, удалились. Тали, подивившись количеству еды, решила, что ужин предназначен для двоих. Вероятно, отец составит ей компанию. Раз так, нужно его дождаться.

Однако вместо барона появился Дар. Увидев его, Тали растерялась. Живя в Родгарде, она вдоволь наслушалась столичных сплетен, которые с особым удовольствием смаковали новые подруги, и была в курсе того, что князь Вельский – желанный гость на любом приеме, в каждом аристократическом доме. Благородные матери столь же благородных дочерей регулярно открывали на него сезон охоты, обкладывали потенциального жениха красными флажками и, не гнушаясь подлыми уловками, гнали на охотников. Но князь оказался битым матерым зверем, и ни одна матрона еще не преуспела.

Очувтившись в его особняке, оценив грандиозность, великолепии, а главное, оснащенность этого дома по последнему слову техники и бытовой магии, девушка осознала нелепость своих упреков. Вне всякого сомнения, Дар не являлся ни дикарем, ни мужланом. К тому же он был невероятно, сказочно богат. Тали теперь только осознала, насколько велика пропасть между ней, дочерью барона, имевшего весьма скромный доход, и любимым мужчиной.

Девушка молчаливо приветствовала Дара неловким реверансом. Она вмиг позабыла, как следует вести себя в подобных случаях. Все заученные фразы вылетели из головы. Мужчина заметил ее растерянность. Неспешно подошел к ней, взял за руку и поднес ее ладонь к губам. Он старался быть галантным, чувствуя, что сейчас они знакомятся заново.

Дар подвел девушку к столу, пододвинул стул, сел рядом. Наполнил ее бокал вином, положил на тарелку мясо и овощи. Тали испытывала смущение, и бокал слегка подрагивал в ее пальцах. Она хотела лишь пригубить немного, но едва сделала маленький глоток, не смогла отказать себе в желании попробовать еще. Вино было настолько изысканным и мягким, что девушка незаметно для себя опустошила бокал и смутилась еще сильнее. Чего доброго Дар решит, что она не умеет вести себя за столом. Но мужчина вновь наполнил ее бокал и подбодрил словами:

– Вино легкое, от него не опьянеешь, зато можно в полной мере насладиться вкусом.

За ужином говорил в основном Дар. Про то, как взяли в плен ее отца, рассказывал неохотно, долго думал, прежде чем ответить на очередной вопрос об осаде замка. Выразил восхищение мужеством и доблестью барона.

– Если бы в империи таких людей было больше, повернуть ход войны в пользу Белояра оказалось бы намного труднее.

Тали кивнула. В отце она никогда не сомневалась.

– Что ждет нас теперь? Отца и меня, – задала девушка вопрос, который давно мучил ее.

– Гарет на какое-то время задержится в Родгарде в положении военнопленного с особыми привилегиями. Я просил у короля позволения предоставить ему свой дом, под собственную ответственность, разумеется. Кромак проявил благосклонность. Официально твой отец находится под домашним арестом.

– Король не удивился такой просьбе?

– Не особо. Гарет вызывает у меня уважение и симпатию. Король знает, что я ценю достойных противников. И мне разрешены некоторые вольности. Помнишь герцога д'Ирва?

Тали кивнула. Их встреча оказалась короткой, но в памяти осталась надолго. Благодаря событиям, которые за ней последовали.

– Так вот, он тоже сейчас в столице. Примерно в том же положении, что и твой отец, только находится в королевском дворце. Под охраной, естественно. Герцог дружен с бароном и переживает за его судьбу. Даже просил за него короля. Таким образом, Кромак убил двух зайцев: продемонстрировал расположение к своему почетному заложнику и развел двух потенциальных заговорщиков по разным клеткам. Что касается тебя, я имел возможность пообщаться с Гаретом и в крепости, и по пути в Родгард. Он подтвердил твой рассказ. Ты действительно не его дочь, но он воспринимает ситуацию иначе. Официально ты Талиэн д’Варро со всеми вытекающими, и он готов засвидетельствовать это перед каждым, кто посмеет в чем-либо усомниться. О том, что ты сейчас в городе, никому кроме Брана и Ванка не известно. Когда война закончится, ты сможешь вернуться домой и продолжить привычную жизнь провинциальной дворянки или остаться здесь, если пожелаешь. Хотя барон будет настаивать на первом варианте. Кстати, в Родгарде находится еще один твой знакомый: Виллем д’Оррет.

– Виллем здесь? – Девушка с ужасом посмотрела на Дара. – Но он же погиб! Твои люди застрелили его у меня на глазах!

– На редкость живучий тип. Оклемаля. Немало крови нам попортил, пока в столицу доставили. Неоднократно пытался бежать, один раз почти удачно. Подстрекал пленных к бунту, пытался подкупить и завербовать конвоиров. По понятным причинам церемониться с ним не стали, даром что друг императора. Закрыли в Кинстауте – королевской тюрьме. На территории Белояра встреча с ним тебе не грозит, можешь не сомневаться. А вот после возвращения в империю... за это не поручусь. Надеюсь, у барона будет возможность защитить тебя от него.

Тали обдумывала услышанное. После войны она вернется домой. Они уже успели обсудить это с отцом. Но вот о воскрешении жениха и его нынешнем положении барон почему-то умолчал. Для соседей и домочадцев, тех, кто не знал о побеге баронессы из отчего дома, была придумана история о том, что девушку отправили в пансион, подальше от границы и связанных с неизбежной войной опасностей. Но Виллем-то знает правду, а значит, ее возвращение навлечет беду не только на нее, но и на отца.

Лицо девушки отражало все, что творилось у нее на душе, пальцы суетливо комкали скатерть, плечи подрагивали, будто от рыданий. У Дара сжалось сердце от ее вида. Он придвинул стул и обнял ее, пытаясь успокоить. Тали уткнулась ему в грудь, и все опасности жестокого мира остались далеко за пределами теплой и уютной комнаты. Ей было хорошо в его объятиях. Хорошо и спокойно. Пока он рядом, Виллем не властен над ней и не сможет причинить вреда. Никто не сможет. Она понимала, что небезразлична Дару. Безразличный не позаботился бы о ее отце. Как бы ни воспевал князь доблесть барона, не в доблести дело. Сохраненная жизнь – уже достаточная награда. Но Дар сделал намного больше. О ней, о Тали, он тоже позаботился. Не сам же Ванок догадался отвезти ее в Родгард и скрыть от любопытных глаз за высокими стенами монастыря.

Тали любила Дара. Любовь дополнялась благодарностью. Девушка хотела, чтобы он принял ее любовь, ее благодарность и ее желание, которое от его близости разгоралось все сильнее, туманя разум. Но Дар не пытался воспользоваться моментом. Казалось, ему достаточно простых, до смешного целомудренных объятий. Словно это не он когда-то склонял ее к греховной связи, а она навязывала ему себя.

Объятия затянулись. Дар разорвал их и неожиданно поднялся.

– Я расстроил и утомил тебя разговорами. А ты, наверное, устала. Доброй ночи, Тали. Увидимся завтра.

Он наклонился поцеловать ей руку, и она, вопреки правилам приличия, кинулась к нему, прижалась всем телом. Дар заледенел, сжал ее плечи, осторожно отодвинул от себя. Горячая волна стыда за свой поступок захлестнула девушку. Она чувствовала, как пылают щеки, и опустила лицо, боясь, что Дар заметит подступающие слезы. Мужчина взял ее за подбородок, вынуждая поднять голову, посмотреть в его глаза. Она видела борьбу, которую он ведет с собой, но не понимала почему, зачем.

– Дар, – прошептала нежно его имя.

Мужчина осторожно коснулся губами ее щеки.

– Не уходи. Остайся.

От ее горячего шепота у Дара закружилась голова. Не он ли хотел, чтобы Тали была с ним? Принадлежала ему? И вот свершилось! Так

что же вынуждает его отказаться от своих желаний? Слово, данное ее отцу. И не только.

Дар слишком долго ждал этой минуты и сейчас боялся, что не сможет сдержаться: напугает, причинит боль, навсегда оттолкнет, отвратит от себя.

На границе, в доме барона, в одном из шкафов письменного стола, он обнаружил медальон с ее портретом, списанным с картины, висевшей на стене. Он присвоил миниатюру, надеясь, что, если барон когда и обнаружит пропажу, заподозрит простых солдат, прельстившихся драгоценной безделушкой и нарушивших приказ не разграблять замок. Ночами, ворочаясь без сна на холодной земле, Дар подолгу рассматривал портрет, изучая линии лица, представляя, как целует мягкие, податливые губы, зарывается лицом в шелковистые волосы. Он помнил все ее черты и, казалось, мог нарисовать с закрытыми глазами.

И вот Тали рядом, прижимается к нему. Находится во власти того же наваждения, что и он. Что это, как не наваждение? Она слишком молода, не разбирается в людях, в жизни. Готова поступиться принципами, которые так яростно защищала в лесной приграничной избе. Но что происходит с ним? В Родгарде способов снять напряжение в избытке. Он уже не в гарнизоне, где Тали выгодно отличалась от остальных обитательниц. Дар не понимал, почему мысли о ней не покидают его. Его никогда не прельщали юные девы. Слишком хлопотное и рискованное дело. Он предпочитал опытных женщин ненамного младше себя. Именно таких Дар выбирал на роль любовниц, не опасаясь обжечься и обжечь. Рассудительных и ненавязчивых. Таких, с которыми можно расстаться легко, без лишних драм. Но сейчас, он сознавал, выходило по-другому. Не так, как он привык. Выходило, как он когда-то хотел, но все же не совсем так. Он чувствовал неотвратимую силу рока, затягивающую его в водоворот, из которого не вырваться без потерь. И понимал, что у него не хватает воли сопротивляться этой силе.

– Тали, я не могу, – с нескрываемой горечью сказал Дар. – Я обещал твоему отцу, что не обижу тебя, но видят боги, как тяжело дается мне мое слово.

– Нет, не уходи, не сейчас! – Тали обхватила его руками, впиалась пальцами в плотную ткань мундира. – Я так давно ждала тебя. Не

отталкивай меня, пожалуйста!

Наконец-то он был рядом. Наконец ничто не разделяло их, кроме несвоевременно проснувшегося в Даре чувства долга. Какое ей дело до тех обещаний, которые он раздавал ее отцу. Она при этом не присутствовала, ее мнение в расчет не бралось.

Сейчас сквозь несколько слоев ткани Тали чувствовала жар его тела. Его руки сжимали ее плечи, сминали волю, заставляя забыть обо всех условностях. Дар настороженно смотрел на нее, словно просил остановиться. Как будто это в ее силах! Сколько бессонных ночей она мечтала о том, как проведет губами по его коже, пробуя ее на вкус, хмелея от ее запаха, запустит пальцы в отросшие светлые волосы, покроет поцелуями каждый сантиметр крепкого, покрытого шрамами тела, изучая, запоминая его на всю оставшуюся жизнь. Тоска по Дару сводила Тали с ума, отодвигая на задний план все происходившее с ней в последнее время. Живя в Родгарде, вдали от него, она ни на миг не забывала о нем. Ей казалось, она любила его всегда, сколько себя помнила, и даже задолго до этого. До их первой малоприятной встречи, до его первого благородного поступка, до первого ласкового слова. Все время, прожитое до знакомства с ним, она ждала его. Каждый день. Каждую минуту. Его и никого другого.

Нет, она не хочет, не может отпустить его. И в подтверждение Тали еще крепче вжалась в него.

– Оттолкнуть? Тебя? Как только это пришло тебе в голову? – прошептал он, и его дыхание обожгло ее.

С пуговицами и крючками Дар справлялся ловко. Несколько ударов сердца – и платье на полу. Дар подхватил ее на руки и отнес в кровать. Навис над ней. Тали дрожащими руками пыталась расстегнуть пуговицы его сорочки. Он тихо рассмеялся, глядя на ее бесплодные усилия, и быстро избавился от мешавшей одежды. Отбросил ее в сторону. Накрыл девушку своим телом. Она ощущала его тяжесть, тепло его кожи, чувствовала лихорадочное биение сердца. Его? Своего? Неважно. Как же долго она этого ждала!

Дар проснулся от солнечного света. Окно не было зашторено, и первый луч осеннего солнца разбудил мужчину. Он проспал непозволительно долго по собственным меркам, но вставать совершенно не хотелось. Тали лежала рядом, прижимаясь к нему всем

телом, забросив на него руку. Он с трудом подавил стремление крепко обнять ее и разбудить поцелуем, а потом повторить все то, что они делали ночью. Мысль о том, что теперь, по прошествии времени, девушка может пожалеть о случившемся, нежелание видеть раскаяние на ее лице остановили его. Дар осторожно выбрался из нежного плена и торопливо оделся. Обернулся. Тали спала, обхватив его подушку, прижимая ее так, как еще минуту назад обнимала самого Дара. Он подошел к кровати, наклонился над девушкой, провел рукой по спутанным черным кудряшкам, погладил щеку и осторожно коснулся губами высокого лба. А после заставил себя выйти из комнаты.

Тали не заметила ухода Дара. Проснувшись, она огорчилась, не увидев его, и еще долго не хотела покидать постель, хранившую воспоминания о минувшей ночи. Наконец, собралась с силами и направилась в ванную. После водных процедур бросила взгляд в большое зеркало и охнула. Прошедшая ночь оставила на ее теле памятные следы: шею, плечи и грудь покрывала россыпь кровоподтеков, губы распухли, глаза лихорадочно блестели. Одного взгляда будет достаточно, чтобы понять, чем она занималась. Как она объяснит свой вид отцу?

К счастью, в недрах гардеробной обнаружилось закрытое платье с глухим высоким воротом, а на туалетном столике – банка с пудрой. Пусть теперь Тали выглядит очень бледной, едва ли не больной, зато следы страстного свидания надежно скрыты.

Дар объявился после обеда. Тали с отцом сидели в библиотеке и строили планы на дальнейшую жизнь, которая начнется после войны, когда они вернутся на родину. Князь поцеловал девушке руку, обменялся поклонами с бароном. Поинтересовался, не нуждается ли тот в чем-либо. Получив ответ, что он и так прекрасно устроен, намного лучше, чем мог ожидать человек в его положении, Дар попросил у барона разрешения показать Тали город, ту его часть, куда нет доступа обычным горожанам. Барон поблагодарил князя за заботу о дочери, и Дар увел девушку, пообещав вернуть к ужину.

Он отвез ее в летнюю резиденцию короля, точнее в верхний парк, открытый только для знати. Несмотря на вошедшую в силу осень, парк оставался зеленым. Деревья здесь не сбросили листву, росла трава и благоухали цветы.

– На зиму над верхним парком раскидывают магический купол, который создает эффект оранжереи, поэтому здесь круглый год лето, – объяснял Дар, помогая девушке избавиться от теплого плаща. Верхнюю одежду они оставили в карете возле ажурной ограды.

В парке было немногочисленно, и влюбленные долго гуляли по засыпанному желтым песком дорожкам, держась за руки. В одной из беседок Дар притянул Тали к себе и поцеловал. Потом спустился губами к шее и недоуменно посмотрел на девушку.

– Почему ты выбрала именно это платье? Я велел доставить в твои покои самые модные наряды. Они тебе не понравились или ты решила таким образом охладить мой пыл?

Тали принялась расстегивать высокий ворот, наблюдая, как на лице Дара расцветает озорная улыбка. Затем выражение изменилось, улыбка погасла. Он сквозь зубы помянул демонов.

– Прости. – Мужчина был явно сконфужен. – Я слишком увлекся. Потерял голову. Повел себя как мальчишка.

Тали рассмеялась в ответ на сбивчивые извинения. Обняла и поцеловала. Потом они долго бродили по парку, любуясь скульптурами и фонтанами. Увлеченно целовались в тени галерей, увитых вечнозеленым плющом. В чайной, куда они ненадолго зашли отдохнуть и подкрепиться пирожными, Дар вдруг переменялся в лице, уставившись на одну из дорожек, которая, причудливо изгибаясь, вела к очередному фонтану. Тали проследила за его взглядом и заметила две удаляющиеся женские фигуры.

– Что случилось? – поинтересовалась она.

– Ничего особенного, показалось, что увидел знакомого. Но это неважно. Так, ерунда. Нам пора домой. Я обещал вернуть тебя к ужину.

На ужин заглянул Ванок и весь вечер забавлял собравшихся байками. Барон тоже рассказал несколько анекдотов, бывших в моде в империи. Тали вспомнила пару курьезов, случившихся с ней в госпитале. Курьезов на самом деле было больше, но не все они оказались уместны для застольной беседы. Даже Дар, у которого после прогулки отчего-то испортилось настроение, оживился, присоединившись к общему веселью.

Когда барон с Даром уединились в библиотеке, чтобы обсудить какие-то дела, девушка, захмелевшая от вина и усталости, заметила, что Ванок серьезно глядит на нее. От прежнего весельчака не осталось и следа.

– Тали, я, конечно, чужой тебе человек, и ты не обязана слушать меня. Но я вижу, между тобой и Даром что-то происходит. Точнее, прекрасно понимаю, что именно между вами происходит. Это не мое дело, и лезть в него я не собираюсь. Но вряд ли твой отец обрадуется, если ему станет известно о вас. Поэтому постарайтесь быть осторожными. Я про взгляды, которые вы друг на друга бросаете весь вечер. И это тоже не повредит. – Лекарь протянул смущенной девушке небольшой пузырек. – Как им пользоваться, ты знаешь.

Тали кивнула и убрала флакон в кошелек, висевший на поясе. Сама она об этом совершенно забыла. Беременность в ее непростой ситуации – непозволительная роскошь. Странно, но она не терзалась мыслями о поруганной девичьей чести, не переживала из-за того, что, по сути, сама предложила себя Дару, хотя несколько месяцев назад готова была с кочергой наперевес защищать эту самую честь от белоярского дикаря. Произошедшее между ними теперь казалось ей совершенно естественным. Она гнала прочь мысли о будущем, четко сознавая, что никакого общего будущего у них нет. Есть только настоящее, именно им сейчас следует жить, стараясь как можно больше взять у судьбы.

Ночью Дар пришел к ней. Они, не дойдя до кровати, упали на ковер, срывая друг с друга одежду. Проваливаясь в сон, Тали почувствовала, как ее подняли на руки и отнесли в постель. Мужчина бережно накрыл девушку одеялом, лег рядом, крепко обнял и, зарывшись лицом в ее волосы, прошептал:

– Не представляю, что ждет нас. Но знаю совершенно точно: я никому не позволю навредить тебе.

Тали хотела возразить, что будущее их ждет самое светлое. И никто не осмелится вредить ей. Кому она нужна? Не надо думать о плохом, когда жизнь так прекрасна. Но сон затягивал, и она просто улыбнулась, засыпая.

Тали проснулась оттого, что ей вдруг стало неудобно. Не открывая глаз, потянулась к Дару и, не найдя его, разочарованно застонала. В

ответ раздался тихий смех. Она распахнула глаза и увидела, что он, одетый, стоит рядом с кроватью.

– Не хотел будить тебя. Спи, еще рано.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, и девушка, пользуясь моментом, обхватила его за шею и потянула к себе. Мужчина, потеряв равновесие, рухнул в постель. Тали оседлала его, прижимая руками к кровати, не давая подняться.

– Собрался сбежать, не попрощавшись? Сначала соблазнил, теперь бросаешь?

Дар рассмеялся и помотал головой.

– Готов загладить свою вину. – Он провел руками по ее бедрам. – И продолжить соблазнение.

Тали принялась расстегивать пуговицы его сорочки. Они сопротивлялись, предательски выскользывая из пальцев.

– Где ты берешь эти кошмарные рубашки?! – возмущенно зарычала девушка.

Дар снова засмеялся, закинул руки за голову и, прищурив глаза, принялся наблюдать, как она борется с его одеждой.

– Наш ответ вашим корсетам.

– Я не ношу корсеты. В империи это считается дурным тоном. Ты мне поможешь? Или так и будешь валяться без дела?

Мужчина через голову стянул сорочку, откинулся на подушки, продолжая с интересом наблюдать за тем, как девушка сражается с застежкой его брюк.

– Да что это такое!

– Какая ты неумеха.

Издевается, подлец!

– Ууу. Ага! – Застежка, наконец, поддалась.

Тали была сверху. Дар и не думал менять позу, сквозь полуприкрытые веки любясь ею и внезапной вспышкой дикой страсти.

– Все-таки уходишь? – спросила она, когда он шагнул к двери.

Дар с улыбкой посмотрел на нее, обнаженную, бесстыдно разнеженную, похожую на разомлевшую на солнце кошку.

– Пройдусь немного. Куплю пирожных. Ты какие любишь?

«Я тебя люблю», – едва не сорвалось с губ, но она сдержалась.

– Не знаю. Разные. Но больше такие кругленькие, с миндальным кремом.

– Значит, кругленькие с миндальным кремом. Я запомню, – кивнул он и вышел.

И как теперь спать? Одной, в этой большой кровати, предназначенной для двоих?

Они гуляли по городу. Дар развлекал Тали рассказами о том, что, когда и по какому поводу было возведено.

– Этот фонтан Эрих Второй велел построить для своей жены ко дню ее рождения. Сейчас он отключен на зиму.

– Красиво, – прокомментировала Тали, любуясь скульптурами причудливых морских чудовищ и грудастых дев с рыбьими хвостами.

– Согласен. А помнишь, в верхнем парке я показывал тебе один из дворцов, возведенных по проекту известного эльфийского зодчего? Он еще называется Небесным из-за цвета потолков. – Девушка задумалась, вспоминая, кивнула. – Так вот, тот дворец тоже был построен по приказу Эриха Второго, но уже в подарок своей фаворитке в честь рождения их второго ребенка.

– И как королева это стерпела? – изумилась Тали.

– А что ей оставалось делать? Пока Эрих был жив, не подавала вида, а как только умер, выдворила его любовницу из дворца и устроила в нем музей изящных искусств.

– Опять же польза городу, – посмеялась Тали над мстительностью покойной королевы.

На набережной, возле уютной полупустой кофейни, он ненадолго оставил ее.

– Выбери столик, закажи что-нибудь на свой вкус, я подойду минут через десять.

Тали смотрела, как он исчезает в переулке. Девушке не хотелось в одиночестве сидеть в кофейне, и она решила немного побродить по улице, не отходя далеко, чтобы Дар не потерял ее, когда вернется.

– Тали, вот так встреча! – Перед ней возник запыхавшийся Бран с довольным, раскрасневшимся лицом. – Я не сразу узнал тебя!

Неудивительно. Тали больше не походила на рядовую лекарку. Муаровое платье с пышным подолом, подбитый мехом бархатный плащ, кокетливая шляпка, из-под которой легкомысленно выглядывали

пружинки локонов, превратили ее в светскую даму. Схожим образом, правда гораздо скромнее, она наряжалась в прошлом, когда с полным правом носила титул баронессы д'Варро. Сейчас же ее облик свидетельствовал о высоком статусе и серьезном достатке, которыми Тали не обладала. Одним словом, выглядела она, как любовница очень обеспеченного мужчины, каковой и являлась.

Бран принял изменения в ее облике как само собой разумеющиеся. Его радость от встречи была бы не меньше, окажись она в ставшем уже привычным наряде небогатой горожанки. Он не испытывал неловкости от вида разодетой Тали. Неловко было Тали. В присутствии Брана она вдруг почувствовала себя не на своем месте. Пролетит сказочная неделя, и она вернется к работе и прежнему виду. Наряды же останутся в особняке князя. «Ряженая», – кольнула неприятная мысль.

– Я хотел навестить тебя в лечебнице, но Ванок наотрез отказался назвать адрес. У Дара спрашивать бесполезно, как понимаешь. Я успел побывать в трех, но про тебя там не слышали.

– Переулок Благодетельных дев, монастырь Явления Благодатной Матери на Яре. При монастыре есть госпиталь, в котором я служу, – с улыбкой сказала Тали. – Только не нужно приходить ко мне, Бран. Не подумай, что я не рада тебе. Просто Дар считает, так безопаснее для меня. Хотя чего мне опасаться, не понимаю. Даже если кто и узнает, что я имперская баронесса, что такого? Мало ли на свете людей, ищущих лучшей доли.

– Знаешь, Дар прав. Все-таки не стоит привлекать к тебе внимание. Я как-то не подумал об этом. Глупо вышло. Не бойся, я не нагряну неожиданно. Отправлю записку.

– Ты в Родгарде насовсем?

– Нет, – помотал головой Бран. – Всего лишь до конца недели. Еще три дня – и возвращаюсь в ставку князя Вельского, Дара то бишь. Вместе с ним, понятное дело.

– Будь, пожалуйста, осторожен! Береги себя!

Бран рассмеялся.

– Тали, милая, не переживай обо мне! С этим прекрасно справляется Дар. Шагу не дает ступить без надзора. Слово я не офицер, а младенец. Надоел уже, честное слово. Превратил меня в штабную крысу, перед друзьями стыдно. Я бы в другой отряд подался,

да отец не позволяет. Боюсь, так до конца войны и провожусь с бумажками.

Тали в очередной раз восхитилась заботливостью Дара, который берег брата, не позволяя ему рисковать понапрасну. Бран со свойственной юности горячностью рвался в бой, жаждал пролить кровь, свою и чужую, мечтал проявить себя и прослыть героем. Он устал находиться в тени старшего брата. Девушка догадывалась: рано или поздно он проявит твердость и сбросит постылую опеку, но надеялась, что это случится нескоро. Она искренне переживала за юношу.

– Бран, что ты здесь делаешь? – холодно поинтересовался Дар.

Тали не заметила, как он подошел, держа в руках завернутый в тонкую бумагу букет роз и продолговатую коробочку, обитую плотным шелком.

– Навещал друга, только что освободился, – легкомысленно ответил Бран. – Я смотрю, вы гуляете. Может, и мне...

– Ты уже познакомился с Миррой? – перебил его Дар.

– Познакомился, – сквозь зубы процедил юноша, вмиг растеряв благодушный настрой.

– Назначили дату свадьбы?

Бран исподлобья посмотрел на брата, заиграл желваками.

– Мы решили не торопить события, – хрипло, не скрывая злости, проговорил Бран. – Мирра оказалась очень разумной девушкой. Приглядимся друг к другу, а там уж решим, стоит ли затевать помолвку.

– Отец будет недоволен, – сурово сказал Дар.

– Безусловно, – кивнул Бран, многозначительно глядя на него. – Крайне недоволен. Особенно когда узнает, что кое-кто водит его за нос.

– Ты не посмеешь, – угрожающе припечатал Дар.

Бран смотрел в сторону. Тали видела, что он злится. Понимала, что в диалоге братьев есть двойной смысл, но никак не могла уловить его.

– Бран, составишь нам компанию? – спросила девушка, пытаясь развеять напряжение, возникшее в разговоре.

– Он торопится и не сможет присоединиться к нам, – ответил за брата Дар. – Но очень сожалеет об этом.

– Сожалею. Ты даже не представляешь насколько!

– Бран! – повысил голос Дар. – Тебе пора!

Юноша повернулся к Тали, склонился над ее рукой.

– Думаю, мы еще увидимся перед отъездом, – сказал он девушке. – И обстоятельно поговорим, – последнее было адресовано Дару.

Кофейня после улицы показалась сумрачной. Таким же стало настроение Дара. Но он быстро справился с собой и, сделав заказ, протянул Тали букет и коробочку. Половой поставил на стол вазу, и букет разместили в ней. В коробочке оказался золотой браслет, инкрустированный самоцветами. Дар с улыбкой принял восторги Тали.

Принесли заказ. Тали, помешивая ложечкой кофе, размышляла над тем, что подарок она, конечно, заберет в госпиталь, вот только надеть его будет некуда. Да и перед отцом не похвалиться. Придется объяснять, с какой стати ей преподносят драгоценности. Барон с трудом стерпел ее внезапное преобразование в элегантную леди, сознавая, из чьего кармана оплачены обновки, но недоумевая по поводу причин подобной щедрости. Дар отмахнулся от натянутых благодарностей, сказав, что это ничего не стоящие пустяки. Барон так не считал, но возместить расходы ему было нечем, а запрещать князю, чьим пленником он, по сути, являлся, тратить деньги на дочь не мог. О том, где и как проводит ночи хозяин дома, барону, понятное дело, знать не следовало.

Складывалась двусмысленная и скандальная ситуация.

Скрывать от отца правду Тали было неприятно. Да и самой ей такая правда начинала казаться неприятной. Делая шаг навстречу Дару, она не предполагала, что у любви может быть настолько горькая изнанка.

Следующим вечером особняк князя Вельского посетил Бран. Барон тепло приветствовал юношу и был заметно рад его приходу. Из разговоров с отцом Тали поняла, что младший брат нравится ему намного больше. С ним он легко нашел общий язык и непринужденно общался, тогда как с Даром вел себя довольно сдержанно.

После ужина, слишком быстрого, скомканного, с обменом натянутыми многозначительными фразами, в основном между братьями (остальные перебрасывались недоумевающими взглядами и

не рисковали высказываться), Бран и Дар скрылись в кабинете последнего. Беседа длилась долго и, судя по лицам, была не слишком приятна. Бран, к огорчению барона, почти сразу откланялся, а Дар, сославшись на неотложные дела, заперся у себя.

Ночью он пришел к Тали.

Утром в день отъезда Тали прижалась к нему и долго всхлипывала, уткнувшись лицом в сорочку с уже ставшими родными пуговицами. Дар гладил ее по волосам, не решаясь оторвать от себя. Потом Ванок отвез девушку в госпиталь, взяв с нее слово во время его отсутствия не навещать отца.

Они сидели в карете и потому не видели, что после отправления экипажа от ограды особняка отъехала крытая повозка и сопровождала их до самого госпиталя, где Ванок высадил Тали.

Глава 9

*Из отчетов Департамента собственной безопасности
Министерства межмировых коммуникаций*

Как показывает практика, залогом успешной интеграции миров является развернутая агентурная сеть. В работе над проектом «Ойкум-12» задействовано большое количество специалистов Министерства.

Качественное внедрение предполагает полную ассимиляцию резидента на территории иномирного государства. Многолетнее проживание в осваиваемом регионе делает резидента неотличимым от обитателей мира. Присутствие сотрудников Министерства во всех слоях общества позволяет получать достоверную информацию о политическом и социальном устройстве мира, что в свою очередь способствует формированию действенных подходов к планируемой интеграции.

За все время деятельности Министерства на территории Ойкума-12 выявлен единственный случай провала миссии, что свидетельствует о высоком уровне профессиональной подготовки сотрудников Министерства.

Наемный экипаж остановился у одного из доходных домов не самого респектабельного квартала Родгарда. Из кареты выбралась маленькая, закутанная в плащ фигурка. Скрипнула входная дверь, в стенах дома раздался топот торопливых шагов, который затих на лестничном пролете второго этажа. Быстрый брезгливый стук в обшарпанную дверь. Томительное ожидание в грязном, пропахшем помоями коридоре, после чего дверь отворилась, и укрытый плащом человек поспешил скользнуть внутрь.

– Зачем сама явилась? Могла служанку послать.

Высокая женщина, хмуро смотревшая на снимающую плащ девушку, выглядела весьма колоритно. Красного цвета балахон не позволял толком рассмотреть фигуру, создавая лишь общее впечатление дородности и монументальности, медная спутанная грива

была забрана в высокую прическу, длинные золотые гроздья сережек свисали почти до самых плеч, на запястьях мелодично позвякивало множество браслетов, пухлые пальцы унизывали массивные перстни.

– Пустяки, – махнула рукой девушка, – дед как-то узнал, что я к тебе обращалась. Поэтому таиться от него не вижу смысла.

– Не самая приятная новость, – покачала головой женщина. – Что тебе нужно от меня, княжна?

– Не работает твое зелье, Мариса. Вот, смотри сама. – Эйлина Радич протянула гадалке флакон.

– А ты все правильно сделала? – Женщина взяла пузырек, открыла крышку и принялась.

– Естественно! – фыркнула княжна, владевшая навыками тайного искусства.

С Марисой княжну свела нянюшка. Сама Тереса Радич не промышляла приворотом и, не обладая достаточным опытом в столь деликатной сфере, решила доверить дело профессионалу.

– Я сначала зелье на слуге испытала, после чего тот две недели меня преследовал, пока его не выгнали, – торопливо объясняла княжна. – А когда дала жениху, ничего не произошло.

– Идем в комнату, будем разбираться.

Женщина подняла занавесь, отделявшую прихожую от гостиной, затем прошла в комнату, где принимала посетителей. Помещение было оформлено в темных тонах, окна в любое время суток зашторивались плотными гардинами, на стенах висели устрашающего вида маски, с каминной полки неприветливо скалился череп, а в центре круглого стола размещался прозрачный шар из цельного куска горного хрусталя. Несколько свечей, горевших в тяжелом старинном подсвечнике, добавляли общей картине мрачной таинственности, благодаря чему посетитель отвлекался от убогости интерьера и, погружаясь в колдовскую атмосферу, уже не думал, где находится. Складывалось впечатление, что основным назначением комнаты было подавлять психику не вполне уравновешенных посетителей и вгонять их в состояние, близкое к мистическому трансу или, что случалось чаще, в панику.

Женщина махнула девушке рукой, приглашая садиться за круглый стол. Княжна робко прошла к столу, присела на краешек стула.

– Рассказывай, – повелительным тоном велела гадалка.

– Зелье не действует на него. Совсем. Он за неделю ни разу не пришел к нам, не искал встречи со мной. И у него есть другая!

– Это точно?

– Абсолютно! Я видела их вместе в верхнем парке летней резиденции. Он целовал ее. Понимаешь?! Целовал! И это на следующий день после того, как выпил вино, в которое я лично подмешала зелье. Выпил, глядя мне в глаза, и сразу же ушел к ней! Как такое возможно?

Гадалка плеснула из флакона в стеклянную пиалу. Поднесла ее к свече и долго изучала содержимое на просвет, затем приблизила к лицу, с закрытыми глазами втянула воздух, принюхиваясь. После чего отставила пиалу в сторону.

– Зелье сварено правильно. Силы в нем более чем достаточно. Должно действовать безупречно, – вынесла вердикт женщина. – Расскажи о сопернице.

– Да что о ней рассказывать? – поморщилась Эйлина. – Ничего особенного. Лицом не красавица, фигура плоская, положения в обществе нет, бедна как церковная мышь. Я наняла людей проследить за ней. Ничего интересного выяснить не удалось. Обычная простолюдинка, работает в городском госпитале при женском монастыре. Не понимаю, что он в ней нашел! Может, эта девица его приворожила?

– Возможно... Посмотреть надо. У тебя есть что-нибудь из ее вещей?

– Вот, фартук. Она его в госпитале постоянно носит.

Эйлина протянула гадалке предмет рабочей формы Тали, который выкрал один из доверенных людей, снаряженных следить за Даром и его любовницей.

Гадалка положила фартук перед собой, прикрыла глаза и принялась водить над тканью руками, монотонно напевая. Процедура длилась несколько минут, после чего женщина дернулась, застонала и откинулась на спинку стула, сжимая пальцами виски, как будто ее одолел внезапный приступ мигрени. Эйлина внимательно следила за ней, а когда женщина подняла веки, вздрогнула и отпрянула. Прищуренные глаза гадалки полыхали злобой, лицо кривилось, подобно страшным маскам, висящим на стенах.

– Ничего особенного, говоришь? – зашипела она. – Ты сама-то понимаешь, с кем связалась? Хотя куда тебе, с твоими-то мозгами! А теперь слушай меня внимательно и не перебивай. Жениха своего забудь. Забудь, я тебе говорю! Если она его выбрала, то уже не отпустит, пока не наиграется. А вот когда тот ей надоест, если, конечно, надоест, и она его прогонит, тогда и пригодится твое зелье. Сейчас оно попросту бесполезно. Пока эта женщина любит, никакой приворот его не возьмет.

– Она ведьма? – дрожащим голосом спросила княжна.

– Нет. Тут все намного сложнее, – задумчиво протянула гадалка. – Здесь задействованы силы такого уровня, который тебе не дано постичь. Представь на минуту, что известный тебе мир – шахматная доска, где существа высшего порядка, не боги, конечно, но в твоём понимании некто близкий к ним, разыгрывают партию. Представь теперь, что эта женщина – пешка, которая дошла до края шахматной доски и стала королевой, благодаря чему может позволить себе любой ход. Так вот, эта пешка-королева в какой-то момент решила не подчиняться шахматистам и начать собственную игру. По моим сведениям, ее должны были остановить, уничтожить. Но эта вещь, – гадалка указала на фартук безымянной лекарки, – свидетельствует об обратном. Ева вернулась, чтобы завершить партию, и чем она закончится, только боги знают. Этот соперник тебе не по зубам, деточка. Даже не пытайся состязаться с ней. Переходить дорогу Еве смертельно опасно, ее противники не выживают, уж поверь мне. Тебя она раздавит и не заметит. Поэтому отзови своих псов, пока она тебя не раскрыла, если еще не раскрыла, и не выходи из дома без охраны. Хотя не уверена, что охрана спасет, если Ева решит заняться тобой всерьез.

– А как же Дар? Он ведь может пострадать!

– Твоему жениху ничто не угрожает. По крайней мере, до тех пор, пока он не решит пойти против нее. Но Дар всего лишь человек и сопротивляться ее силе, в том числе силе обаяния, попросту не сумеет. Теперь он ее цепной пес. Так что можешь не волноваться за его жизнь. А сейчас уходи и дорогу сюда забудь!

Гадалка выпроводила напуганную гостью. Вернувшись в кабинет, приподняла хрустальный шар, надавила на дно подставки и принялась

ждать, когда разойдется белесый туман, а в шаре появится изображение собеседника.

– Лис, у меня новость для тебя, – женщина решила не затягивать со вступлением и пропустила стандартные для такого случая приветствия. – Ева снова в игре. И в этот раз играть станет по своим правилам.

– Ты уверена? – собеседник не выразил никаких эмоций, словно допускал такой вариант развития событий.

– Не могу сказать, что на все сто. Ты же знаешь, у меня свои методы. Они не дают абсолютной гарантии.

– Наблюдай.

– Как всегда.

Женщина отключила переговорное устройство и осмотрела комнату, определяя, какие вещи взять с собой, чтобы уйти налегке. Остаться здесь она не собиралась. Если Ева доберется до девчонки, то расколется в считанные секунды, а там и на Марису выйдет. Кто знает, что у Евы на уме. Вполне вероятно, она собирается отомстить обидчикам. Мариса именно так и поступила бы на ее месте. Ева в своем праве, учитывая, как с ней обошлись. В таком случае церемониться с Марисой она не станет. Вытрясет всю интересующую информацию и уберет, чтобы замести следы. Придется перебраться в убежище, пока буря не уляжется. В том, что буря грядет, женщина не сомневалась.

Эйлина Радич сбежала по ступенькам доходного дома и, подгоняемая ужасом, бросилась к карете, ища защиты в ее ненадежном укрытии. Захлопнув дверцу, она попыталась восстановить в памяти разговор с гадалкой. Женщина сильно напугала ее. Даже сейчас, сидя в кабине мерно покачивающегося экипажа, княжна вздрагивала от пережитого. Но отказываться от Дара не собиралась. Слишком страстно она желала завладеть его сердцем. Кроме того, Эйлина привыкла получать желаемое, не прикладывая никаких усилий. До недавних пор она ни в чем не знала отказа.

Впервые в жизни княжна столкнулась с серьезным препятствием. Но у нее еще оставался козырь, который она приберегала до поры до времени: древняя кровь Радичей, таившая в себе темную силу. Цена этой силы была непомерно высока, но Эйлина, чьими мыслями

полностью завладел один-единственный человек, не отдавала отчета своим поступкам и не задумывалась о последствиях. Она решила прибегнуть к крайним мерам.

С отъездом Дара Тали погрузилась в ставший уже привычным размеренный ритм трудовых будней. Днем работала в госпитале, ассистируя опытным лекарям, вечерами, когда выпадала ее смена, посещала больных на дому. Случались и ночные дежурства. Война не отразилась на работе госпиталя, так как тяжелораненых выхаживали в полевых лазаретах, организованных неподалеку от линии фронта, либо в приграничных гарнизонах. До столицы довозили только тех, кто мог выдержать недельный переезд, а таких было немного. Эпидемия простудных заболеваний пока не давала о себе знать. Чуть позже, через месяц-другой, когда зима войдет в полную силу и ударит мороз, работы ощутимо прибавится. Так говорил ее новый наставник, когда она жаловалась на отсутствие интересной практики. А пока девушка проводила свободное время за изучением анатомических атласов, зубрежкой медицинских терминов да веселыми посиделками в компании подруг.

Лед еще не сковал полноводную Яру, и навигация в этом году пока не закончилась. Планировался очередной визит этилийской делегации, и большая часть горожан устремилась в порт, дабы собственными глазами узреть королевский выезд. Поговаривали, что в связи с последними событиями на фронте Родгард почтит своим присутствием брат королевы Валир – эльфийский принц Ильрохир. По слухам, он собирался остаться в городе до весны, точнее до окончания войны, которую король Кромак с помощью союзников планировал завершить к тому времени. Принц Ильрохир должен засвидетельствовать факт капитуляции империи и подписать мирный договор от лица Этилийского королевства.

По такому случаю Тали и ее приятельницы нарядились в лучшие свои платья, которые, к их великому сожалению, скрывались под теплыми плащами скучнейшего фасона и расцветки.

– Эх, попасть бы на прием во дворец, мы бы показали, на что способны свободные лекарки, – кручинилась субтильная миловидная блондинка Эрна.

– Это точно, ты бы показала! Ни один эльф не устоит перед твоим напором, – привычно подначивала подругу пышнотелая красавица Лара, наматывая рыжую прядь на палец.

– Зря смеешься. Эти придворные воблы мизинца нашего не стоят. Только и умеют, что охать, ахать да в обмороки падать. Тоже мне великая наука соблазнения. Будь у меня возможность, я бы продемонстрировала пять лучших приемов для привлечения принца.

– Ах, ну да, ты же у нас теперь ученая. Книжку «Выйти замуж за принца» прочитала. Двух серебряных не пожалела за эту писанину, – продолжала подтрунивать Лара.

– Ой, можно подумать, не ты ее у меня неделю выпрашивала. Читала по ночам, а потом на диету села. Аж на целых два дня, – не осталась в долгу Эрна.

– Сучка, – беззлобно отозвалась Лара.

– Стерва, – поддакнула Тали.

Она спокойно слушала привычную перебранку подруг и наблюдала за тем, как воздушное судно ловко швартуется у причала. Оцепление королевских гвардейцев стойко сдерживало натиск охочей до зрелищ толпы. Девушки, несмотря на давку, пробились в первые ряды, и Лара, пользуясь случаем, кокетничала с молодым стражником, который оказался командиром отряда и решил взять под опеку приглянувшуюся ему красотку и ее подруг, благодаря чему их никто не пихал и не пытался обругать.

Трап был застелен ковровой дорожкой, которая вела к ряду карет, стоявших в отдалении. Корабль закончил швартовку, и под протяжный вздох публики на берег ступила эльфийская делегация. Родгарт являлся портом международного значения. Благодаря близости Этилийского моря и широким взглядам королей Белояра на отношения с соседями, всяческих иностранцев, людей и нелюдей, здесь было великое множество. Горожане считали признаком дурного тона пялиться на тех, кто хоть сколько-нибудь выбивался из привычного образа. Эльфов в городе тоже хватало, и люди давно привыкли к их красоте. Однако прибывшие сумели поразить избалованных впечатлениями столичных жителей.

Первым на белоярскую землю ступил принц Ильрохир. То, что это именно принц, горожане поняли по тому, с каким почтением согнулся в поклоне старый князь Вигер Радич, ответственный за внешнюю

политику королевства. Старик, несмотря на застарелый ревматизм, задержался в поклоне дольше, чем того требовали правила, выражая глубокую радость от приезда долгожданного гостя, благодаря которому Белояр смог повернуть ход войны в свою пользу. Ответный поклон принца был ровно таким, какого требовал придворный этикет от лица с его статусом. Легкое, едва уловимое движение головы, не более.

Принц был удивительно хорош. Черные незаплетенные волосы едва доходили до середины шеи, что разительно отличало его от большинства эльфов, предпочитавших сложные причудливые прически из кос, временами достававших до талии. Загорелая кожа, черные брови и ресницы оттеняли ярко-голубые глаза, как правильно подобранная оправка подчеркивает красоту редких сапфиров идеальной чистоты. На фоне соплеменников он, благодаря щедрой примеси человеческой крови (поговаривали, мать Ильрохира относилась к людскому племени), выделялся ростом и развитой мускулатурой, чем, безусловно, вызывал повышенный интерес у белоярских дам. И только тонкие черты лица и нечеловеческая грация выдавали в нем представителя иной расы.

Девушки увлеченно следили за обменом любезностями. Цветистые фразы практически не доносились до них. Гомон толпы перекрывал любые звуки. Равнодушный взгляд высокородного эльфа скользнул по праздной публике, задержавшись на Тали. Принц замолчал, напряженно всматриваясь в ее лицо. От холодного высокомерия не осталось и следа. Он словно увидел кого-то знакомого, не слишком приятного, но не настолько незначительного, чтобы обойти своим вниманием. Девушка непроизвольно дернулась и с огромным трудом подавила желание развернуться и бежать. Бежать, расталкивая толпу, прочь от этого места, из этого города, из этой страны. Куда угодно, лишь бы оказаться как можно дальше от пронзительного, переворачивающего душу взгляда прищуренных эльфийских глаз, не сулившего ей ничего хорошего.

Принц повел себя нестандартно. Вместо того чтобы пройти к ожидавшему его экипажу, он двинулся в сторону гвардейцев, сдерживавших натиск людской массы. Толпа захлебнулась восторгом от проявленного к ней интереса. Послышались женские крики, свист, раздались аплодисменты. Толпа была польщена вниманием.

Принц подошел к лекаркам. Гвардейцы, не имевшие инструкций на такой случай, пропустили девушку и ее подруг за живое ограждение.

– Какая неожиданная встреча! – обратился эльф к Тали. – Не думал, что снова увижу вас. Очень неосмотрительно с вашей стороны, не находите?

– Простите, ваше высочество, – робко произнесла Тали, поднимаясь из глубокого реверанса, – мне кажется, вы обознались. Я не имела чести быть представленной вам и с абсолютной уверенностью могу сказать, что с вами не знакома. Это попросту невозможно. Я в Родгарде совсем недавно. До этого же не только не покидала родного дома, который находился на границе с Кардийской империей, но и ни разу не общалась с эльфами. Мне очень жаль, однако я не хочу вводить вас в заблуждение и пользоваться вашей ошибкой, – Тали с трудом выговаривала слова, теряясь от незаслуженного внимания к своей персоне.

Голос ее дрожал, а руки нервно теребили тесемки плаща. Сейчас она как никогда ранее походила на простую деревенскую девчонку.

Эльф внимательно изучал ее. От пристального взгляда Тали смутилась еще сильнее и готова была провалиться сквозь землю.

– Видимо, я и вправду обознался. Когда долго живешь на свете, забываешь, что человеческая жизнь быстротечна. Вы напомнили мне одну знакомую. Но она, безусловно, старше вас и сейчас выглядела бы несколько иначе. Вы же очень юная и попросту не можете быть ею. Извините. Я не хотел напугать вас.

Девушка, не найдя достойного ответа, вновь склонилась в реверансе.

– Если вы не против, я хотел бы встретиться с вами. В другой обстановке, конечно же, – произнес принц не терпящим возражения тоном.

– Ааахх, – протянула стоящая рядом Эрна, закатывая глаза. Похоже, она собиралась рухнуть в самый что ни на есть настоящий придворный обморок.

– Оооохх, – вторила ей Лара, выпучив и без того немаленькие глаза.

– Где я могу найти вас?

– Мы работаем в городском госпитале при монастыре Богини-Матери на Яре, – выпалила стремительно приходящая в себя Эрна. – Спросите любого, вам укажут дорогу. Неужели мы сможем увидеть вас? Снова?

– Почту за честь познакомиться с вами, сударыни. – Эльф отвесил галантный поклон и направился в сторону ожидавшей его делегации.

Несколькими минутами позже девушки двигались к кондитерской и увлеченно обсуждали случившееся. Эльф произвел на подруг неизгладимое впечатление.

– О боги, какой же красавец! А глаза, вы заметили, какие у него глаза? Как осеннее небо. Такие нереально голубые. Такие бездонные, – тараторила Эрна. – А волосы-то какие! Черные как смоль и блестящие, словно алмазы. Так и хочется в них руки запустить.

– А фигура! Вы обратили внимание на мышцы? Не то что у остальных эльфов. Они все просто дохляки по сравнению с ним. Какой разворот плеч! Какие руки! А мундир на нем как сидит! Он просто великолепен! – не отставала от подруги Лара.

– Какой красавец! Ммм... – слаженным дуэтом простонали девушки.

– Ох, Тали, как мы тебе завидуем! В Родгарде всего ничего, а уже такого кавалера отхватила!

– Девочки, да он же обознался! – принялась оправдываться Тали. – Спутал меня с какой-то знакомой. Не более. Осознал свою ошибку и забыл о нас. – Она искренне надеялась на это.

Эльф напугал ее. Она пыталась понять причину своего страха, но получалось плохо. Стоило вспомнить пронизывающий взгляд, жесткое, даже жестокое выражение лица, как сердце тревожно сжималось, а тело сковывало льдом. Она хмурилась и судорожно стискивала озябшие пальцы.

При других обстоятельствах Тали любовалась бы им, как любят красивую картину или статуей, так же радостно и увлеченно обсуждая эльфийские стати с подругами. Сейчас же принц не вызывал в ней никаких чувств, кроме страха. Может, из-за отдаленного сходства с Виллемом, ее несостоявшимся женихом? Все-таки внешне они относятся к одному типу мужчин. Виллем тоже темноволосый. Ростом и телосложением боги его не обделили. Тоже красавец. С эльфом, понятное дело, не сравнится, но тем не менее. И,

несмотря на свою красоту, вызывает у Тали острое отторжение. Наверное, причина в этом. И пусть принц не Виллем, но как бы там ни было она всеми силами постарается избежать возможной встречи с ним. Из госпиталя до весны носа не покажет, пока эльфы не уберутся к себе домой.

Вопреки надеждам Тали новая встреча с принцем состоялась спустя несколько дней. Едва закончилась смена девушки и на город опустились ранние осенние сумерки, ее по пути в комнату перехватил сторож. Вручил букет белых лилий и конверт. Добравшись до комнаты, она распечатала письмо, пробежала по нему глазами. Настроение резко испортилось.

«Милая сударыня! Прошу вас уделить мне немного своего драгоценного времени и провести сегодняшний вечер в моем скромном обществе. Со своей стороны гарантирую полную анонимность, безопасность и приятный отдых. Надеюсь, вы не откажете в столь ничтожной просьбе. Жду вас у входа.

Искренне ваш, Ильрохир эн'Лаэт».

Девушка понимала, это не что иное, как ультиматум, облеченный в ироничную форму. Отказа он не примет и, если Тали не выйдет к нему, лично направится на ее поиски. Объяснить потом матери-настоятельница и любопытному персоналу госпиталя причину посещения скромной лекарки столь высокой персоной она точно не сможет. Наверняка о ней пойдут нелепые слухи, и случится то, чего ей строго предписано избегать: она станет объектом пристального внимания со стороны соответствующих служб королевства. Делать нечего, придется выполнить требование принца.

Девушка достала из шкафа свой лучший наряд. Купленный в Родгарде в салоне готового платья на особый случай (хотя какие в ее нынешнем положении могут быть особые случаи?), он стоил непомерно дорого для простой работницы госпиталя, но так сильно напомнил о прежней беззаботной жизни, когда Тали была дворянкой, не стесненной в средствах, что она не смогла удержаться и выложила за него сумму, равноценную двухмесячному жалованью.

Девушка встала перед мутным зеркалом, приложив к себе платье. В отражении она увидела баронессу Талиэн Валерию д'Варро, воспитанную девицу из благородной семьи. «Нет, не то», – подумала она и убрала платье обратно. Она же лекарка, простолюдинка. Откуда у мещанки может взяться подобный наряд? На что он ей? Тали надела обычное выходное платье горожанки со скромным достатком, в котором по воскресеньям посещала торжественную службу в храме, ходила в музеи и на выставки в компании подруг. Пригладила кудри. Волосы отрасли до плеч, но еще недостаточно, чтобы заплести их в косу. Закончив приготовления, она накинула плащ и отправилась на встречу с навязчивым принцем.

Карета с королевским гербом стояла у главных ворот. Особого внимания она не привлекала. Госпиталь располагался в благополучном районе, пользовал именитых пациентов, среди монахинь было несколько высокородных особ, удалившихся от суетного мира для обретения духовной чистоты и поиска смысла жизни. Так что экипажи, в том числе из королевского дворца, останавливались у ограды по несколько раз на неделе. Молодой кучер спрыгнул с козел, услужливо распахнул перед девушкой дверцу кареты, помог забраться внутрь.

– Добрый вечер, сударыня, – поприветствовал Тали эльф.

В черном мундире, расшитом серебром, он был удивительно хорош. Темные волосы отражали тусклый свет лампы, глаза загадочно блестели. Невозмутимое лицо не выражало ничего, кроме приличествующей случаю вежливости. Принц спокойно и даже несколько равнодушно смотрел на девушку.

– К сожалению, я не имел чести узнать вашего имени.

– Добрый вечер, ваше высочество. Меня зовут Тали.

– Тали, а дальше?

– Просто Тали. Там, откуда я родом, не принято давать сложных имен. Тали из Подлипок, если пожелаете. – Девушка порадовалась острой памяти, сохранившей название родной деревни Ванка. Раз она его «племянница», то может по праву называть это место своим домом. – Фамилия, как вы понимаете, свидетельствует о том, где я родилась. Согласитесь, Тали Подлипная – звучит неважно.

– Что ж, Тали из Подлипок, рад нашему знакомству. А насчет фамилии могу сказать, что не такая уж она неблагозвучная. Встречаются более нелепые варианты. Как-то случилось мне

проезжать мимо двух рядом расположенных селений. Как, думаете, они назывались? Большие Запоры и Малые Запоры. Вот уж кому не позавидуешь. Да и этот случай не самый курьезный. Так что не хмурьтесь, Тали из Подлипков. Кроме того, ваша проблема решается довольно легко. Постарайтесь вдумчиво подойти к выбору супруга. Если повезет, станете Кузнечной или Шорной, к примеру.

Девушка даже не пыталась понять, издевается принц или такова его привычная манера общения с дамами, потому решила не отвечать на эти выпады.

– Тали из Подлипков, из-за меня вы лишились ужина. Я хочу компенсировать это и пригласить вас в одну весьма недурную ресторацию с этилийской кухней. Надеюсь, вы не будете возражать?

– Как вам угодно, ваше высочество. Я бы не хотела отвлекать вас от дел, и мне крайне неловко, что вы тратите на меня свое время, – ответила девушка, мысленно пожелав принцу провалиться куда-нибудь поглубже вместе со своей этилийской ресторацией.

Вместо спокойного вечера ее ждала малоприятная и плохо освоенная работа лицедея. В кругу коллег и приятельниц Тали не боялась выдать себя и обнаружить свое происхождение. Вежливость и хорошие манеры воспринимались окружающими как боязливость, правильная речь – как признак набожности, умение есть суп без раздражающего хлюпанья и разделывание птицы с помощью вилки и ножа – как стремление найти себе мужа из приличной семьи. Подруги временами подтрунивали над показной, по их мнению, манерностью, копируя при этом жесты и интонации Тали. Сейчас же, под пристальным взглядом эльфа, ей придется изображать малообразованную девицу, которая недавно приехала из глухой деревни в большой город и ни разу не бывала в местах, посещаемых знатью.

Карета остановилась недалеко от главной площади столицы. Наперекор ночи, рано опустившейся на город, на улице было светло как днем. Ярко горели фонари, из окон дворцов бил свет, лилась музыка. Здание городской ратуши, украшенное барельефами и изразцами, было хорошо видно благодаря подсветке. Ночной город заиграл новыми красками. Тали вышла из кареты и остановилась, восторженно осматриваясь. Она бы с радостью променяла самый изысканный ужин на возможность прогулки по великолепным улицам

Верхнего города, куда даже днем побаивалась приходиться в одиночку, стесняясь своего скромного внешнего вида.

– Нравится? – заметил ее восхищение принц.

– Очень! Невероятная красота, – выдохнула Тали.

– Действительно, недурно, – ответил принц. – Если бы вам довелось побывать в Этилии, вы очень скоро перестали бы удивляться достопримечательностям человеческих городов. Родгарт перенял много полезного у нашего королевства, что благотворно отразилось на его облике. Пожалуй, это самый достойный из человеческих городов. Но с Этилией не сравнится. Вы были когда-нибудь в Эйтилиэне?

– Нет, – покачала головой девушка. – Я практически нигде не бывала. А что это за город?

Уроки географии она помнила смутно, ибо в свое время не уделяла им должного внимания.

– Эйтилиэн – столица Этилии, – с нескрываемой досадой ответил эльф. Он впервые столкнулся со столь невежественным собеседником и был немало удивлен тому обстоятельству, что кто-то мог не знать о величайшем городе мира. – Город хрустальных башен, пронзающих небо. Прекраснее его нет ничего на свете. Если представится возможность, обязательно посетите его.

– Это вряд ли. В смысле, вряд ли мне представится такая возможность, – пояснила Тали недоуменно глядящему на нее мужчине. – Мой доход не позволяет путешествовать за пределы королевства, да и одинокая девушка, странствующая по свету в поисках красивых мест, мягко говоря, странное явление.

– Да, наверное. Как-то не подумал об этом. Что ж, идемте. Вы замерзли и, должно быть, проголодались. Невежливо держать вас на пороге ресторации.

Эльф галантно отставил локоть, который Тали после недолгих раздумий подхватила, и повел к ступеням знаменитого на весь город и невероятно дорогого заведения.

Швейцар, отвесив глубокий поклон, открыл массивную резную дверь. Внутри услужливый метрдотель помог посетителям избавиться от верхней одежды и повел их к столику в глубине зала. Помещение сияло розовым мрамором и позолотой, сверкало хрусталем гигантских люстр и бриллиантами высокородных дам. У Тали зарябило в глазах, задрожали колени, и она непроизвольно сжала локоть эльфа. Ее

реакция не осталась незамеченной. Мужчина, стараясь успокоить девушку, накрыл ее пальцы своей ладонью.

Они привлекли внимание одним только своим появлением. Разговоры смолкли, отчего стала хорошо слышна музыка, виртуозно исполняемая оркестром. Все взгляды скрестились на появившейся паре. Принц Ильрохир был известной персоной. Он сам и его спутница вызвали живейший интерес. Тали мечтала провалиться сквозь землю, настолько неуместно чувствовала она себя в простом дешевом платье. Великолепие сопровождающего подчеркивало убогость ее внешнего вида. Она кожей ощущала горячую зависть и злобу, исходившие от посетительниц ресторации. Тали понимала, что ее пристально изучают и оценивают, и оценка эта явно не в ее пользу. Назавтра все столичные салоны будут бурлить новостями о том, что у эльфийского принца весьма специфический, если не сказать дурной вкус по части женщин.

Столик оказался удачно изолирован от общего зала ажурными ширмами, увитыми живыми цветами. Метрдотель придвинул девушке мягкий удобный стул, в котором Тали почувствовала себя почти уютно. Официант принес бутылку вина в серебряном ведерке со льдом. Игристое в высоком бокале помогло справиться с напряжением, охватившим ее после прохода через зал, набитый знатью. Девушка, не глядя в меню, попросила принца заказать блюда на свой вкус.

– Не уверена, что справлюсь с выбором. Мне не доводилось пробовать эльфийской кухни.

Принц кивнул и сделал заказ.

– Вам здесь не нравится, – отметил очевидное эльф.

– Нет, что вы, все замечательно. Просто непривычно. Боюсь испортить впечатление о себе и создать дурную славу вам, ваше высочество, – пояснила Тали, затравленно озираясь.

Девушка заметно нервничала, что говорило в ее пользу. Сейчас она как нельзя лучше соответствовала образу простушки, которую пыталась изобразить. Принц отметил это. Расслабился и глядел на нее вполне благодушно.

– Не стоит беспокоиться о моей репутации. Это последнее, что меня волнует. И, пожалуйста, называйте меня Ильрохиром. Я устал от титулов.

– Как скажете, Ильрохир. Позвольте узнать, для чего вам потребовалось все это? – Девушка демонстративно повела глазами.

– Видите ли, Тали, вы очень похожи на одну знакомую мне особу. Она оставила в моей душе весьма противоречивые чувства. Увидев вас в порту, я был абсолютно уверен, что судьба вновь свела нас. Но, очевидно, ошибся.

Мужчина наполнил бокал Тали, который уже успел опустеть. Сам же к вину практически не притронулся.

– Та женщина сделала что-то плохое? – попыталась прощупать почву Тали.

– Это старая история, которую не хочется вспоминать в столь приятной компании. Лучше расскажите что-нибудь о себе.

– Мне совершенно не о чем рассказывать. Моя жизнь довольно скучна. Сейчас служу в госпитале. До недавнего времени жила с дядей на границе. Помогала ему. Он тоже лекарь и многому меня научил. Это очень выручает в работе.

– Кто ваши родители?

– Простые крестьяне. Были. Я сирота. – Тали удивлялась тому, с какой легкостью выдает вымысел за правду. Она столько раз рассказывала эту историю, что сама почти поверила в нее.

– Сколько вам лет?

– Скоро будет восемнадцать. В декабре.

Практически правда.

Даты своего появления на свет Тали не знала и считала ею пятое декабря, когда отмечался день рождения Талиэн Валерии.

– В Этилии начало декабря – время первого снегопада. Знаете, как на старозельфийском называется первый снег? Талиэн.

– Красиво.

Отец говорил девушке о значении ее полного имени, поэтому она не удивилась.

– Талиэн. Тали. Так созвучно. Вы не находите? – не унимался эльф, выискивая подвохи даже там, где их, казалось, быть не могло.

– Наверное. Думаю, родители едва ли знали это слово, когда давали мне имя. Да и большую часть времени меня называли Талькой. Так уж у нас заведено. Мы люди простые. А Тали – лишь для записи в храмовой книге. Полагаю, не ошибусь, если скажу, что имя придумал жрец Макоши.

Допрос, замаскированный под светскую беседу, продолжался до тех пор, пока не принесли первое блюдо. Едва официант удалился, Тали с правдоподобным недоумением уставилась на столовые приборы. По бокам широкого блюда со скудным наполнением располагались стройные ряды вилок и ножей. Девушка прекрасно знала, какие надо выбрать, но демонстрировала полное невежество, вживаясь в избранный образ. Принц деликатно показал, какие приборы следует взять. Он внимательно наблюдал за ней и понял, что его спутница не тот человек, которого он разыскивает несколько лет.

Эльф в силу немалого возраста имел возможность наблюдать не за одним поколением людей. Он давно пришел к выводу, что в человеческом обществе ограничено число архетипов внешнего вида, и многие люди, не связанные друг с другом родственными узами, часто имеют схожие черты, вплоть до мимики, жестов и интонаций. Создавая это племя, боги не потрудились проявить фантазию. Просто девушка и его потенциальная жертва относятся к одному типу. Если бы принц потрудился поинтересоваться у Тали, как она находит эльфов, он был бы неприятно удивлен, услышав, что все представители древней расы для нее на одно лицо, пусть и невероятно красивое, и различает она их исключительно по цвету и длине волос.

Он почти потерял интерес к собеседнице и не планировал продолжать знакомство. Разве что приставить к ней наблюдателя на первое время.

Девушка вернулась в госпиталь ближе к ночи. Принц любезно проводил ее до ворот, поцеловав на прощание руку. Теперь можно было расслабиться.

Тали открыла дверь в свою комнату и поморщилась. В воздухе стоял густой удушливый аромат лилий. Маленькое помещение пропиталось им настолько, что у нее разболелась голова. Как ни жаль было цветов, девушка решила избавиться от букета. Самый простой способ – выкинуть его в окно.

Она принялась разворачивать бумажную обертку. Валяющиеся в саду без упаковки, цветы не привлекут внимания, рассудила девушка.

Из свертка выпала маленькая бархатная коробочка. Тали раскрыла ее и обнаружила серебряную брошку тонкой эльфийской работы.

Брошь была выполнена в форме цветка лилии на изящно изогнутом стебле. На лепестках каплями росы сияла бриллиантовая крошка.

Девушка с восхищением рассматривала дорогую вещь, наблюдая, как играют камни в тусклом мерцании свечи. Какое удивительное завершение дня! А ведь она не поблагодарила принца за подарок. Хотя, будь он обнаружен раньше, безо всякого сожаления вернула бы его. Теперь же можно поносить эту красоту, пока не доведется снова встретить странного эльфа.

Через несколько дней госпиталь покинула одна из сотрудниц. Она вышла замуж за состоятельного горожанина и теперь могла позволить себе не работать. На ее место приняли девушку, которая, как и Тали, недавно оказалась в столице. После длинной и печальной истории, рассказанной Катиной, так ее звали, Тали с подругами приняли новенькую в свой круг.

Катина происходила из обедневшего дворянского рода. Финансовые дела ее семьи были настолько плачевны, что после смерти родителей она осталась бесприданницей. Родной дом и жалкий клочок земли, не приносящей дохода, пришлось продать, чтобы расплатиться с кредиторами. Заботу о судьбе ребенка взяли на себя дальние родственники – двоюродный брат отца и его супруга. Девочку вначале определили в один из отдаленных пансионатов, который находился в маленьком городке на границе с Ворландом – королевством горцев. Проживание в приграничном пансионе стоило на порядок дешевле, чем в столичных заведениях подобного толка.

Воспитывать Катину вместе со своими детьми тетка наотрез отказалась. Девочка бедна, приличной партии составить не сможет и навсегда будет приживалкой в их доме, поэтому должна усвоить свое положение и ту дистанцию, которая разделяет ее и их собственных детей.

Когда срок обучения подошел к концу, повзрослевшая и похорошевшая Катина вернулась к родне. Оказалось, жизнь в пансионе, больше походившем на военно-учебное заведение, чем на школу для девочек, была легкой и беззаботной. В новом доме Катину ждали равнодушие и презрение. Тетка изводила капризами и нравоучениями, постоянно указывая на то, что девушка живет здесь из милости, дядя вовсе старался не замечать, слуги относились с пренебрежением. Последней каплей, переполнившей чашу терпения,

стало недвусмысленное внимание со стороны старшего кузена, известного ловеласа и кутилы. Катина решила покинуть ненавистный дом.

Выбор у нее был небогатый. Положение и образование позволяли устроиться компаньонкой к какой-нибудь пожилой даме, а значит, снова попасть в тот ад, из которого она стремилась вырваться, или гувернанткой в богатый дом, что тоже ненамного лучше. И тот, и другой варианты не устраивали девушку. Она искала свободы и независимости. Катина случайно узнала об одной из теткинских знакомых, леди Ориде, курирующей работу городского госпиталя. Пользуясь тем, что тетка отправила ее с письмом к приятельнице (она любила гонять девушку по городу с подобными поручениями), Катина бросилась надменной аристократке в ноги с мольбами дать работу в госпитале. Она удачно попала к леди Ориде в тот период ее жизни, когда высокородную даму охватил очередной приступ благотворительности и филантропии. Та с удовольствием посодействовала сиротке в устройстве на службу. Такую историю девушка поведала своим новым подругам.

Ближе всего Катина сошлась с Тали. Все-таки они были выходцами из одного сословия и говорили на одном языке. Катина делилась с Тали планами, которые были неосуществимы в ее положении. Тали хорошо понимала девушку и не насмеялась над ее наивными мечтами.

Как-то раз Катина предложила прогуляться по улицам Верхнего города, полюбоваться дворцами и посмотреть, как живут местные богачи. Тали с радостью согласилась. В компании подруги, превосходно знавшей эту часть города, она перестала робеть и стесняться своего внешнего вида. После долгой прогулки девушки присели отдохнуть на площади у ратуши, недалеко от той ресторации, куда водил Тали эльфийский принц, от которого, к слову, больше вестей не было. Молодые лекарки любовались дворцом, возведенным напротив ратуши, когда из парадных дверей вышли пожилой богато одетый мужчина и редкой красоты юная аристократка. Пара направилась к экипажу, стоявшему неподалеку от скамейки, где расположились девушки, благодаря чему подруги имели возможность ее рассмотреть.

– Ой, гляди, гляди! – скороговоркой проговорила Катина. – Князь Радич с внучкой. Он один из богатейших лордов Белояра. Все его имущество после смерти достанется княжне. Она самая выгодная партия королевства. Говорят, помолвлена с лордом Даром Вельским, сыном князя Ольхема Лестерского. Он тоже сказочно богат, а еще хорош собой. Повезло ей, нечего сказать.

Воздух вдруг превратился в кисель. Как ни глотай, не надышишься. И почему-то закачалась скамейка, до этого довольно твердо стоявшая на брусчатке.

Ее Дар принадлежит другой женщине!

Прошло всего-то пару недель после его отъезда. Пока они были вместе, Дар ничего не говорил о помолвке. Забыл сказать? Не посчитал нужным поставить в известность? Когда же он успел сделать предложение другой? В ту неделю, что провел в постели Тали, или раньше, еще до знакомства с ней? В аристократических кругах принято заключать матримониальные союзы между детьми, едва появится на свет будущая невеста. Но ни сам Дар, ни Бран, пытавшийся осадить брата, когда тот навязывал Тали свое покровительство, ни разу не упомянули о гипотетической невесте, и это при том, что о наличии у Брана невесты девушка знала именно благодаря Дару, пытавшемуся исключить брата из зоны ее интереса. А это значит, помолвка с княжной Радич состоялась недавно.

Сейчас ей казались неслучайными истории Дара о похождениях любвеобильного Эриха Второго. Уж не подготавливал ли он ее к тому же положению, в котором находились многочисленные фаворитки покойного короля? Скрашивать досуг утомленному семейной жизнью и государственными заботами высокому лорду. Да и будет ли она нужна ему, после того как он женится на княжне? Захочет ли променять ласки красавицы жены на объятия уже покоренной любовницы? Острый приступ душевной боли разрывал Тали на части. Только присутствие Катины, не посвященной в сердечные тайны подруги, заставило ее подавить эмоции. Но каких усилий это стоило!

Тали придирчиво изучала молодую княжну. На миг их взгляды встретились. Княжна вздрогнула, кукольные черты исказила гримаса страха и злобы. Она повернулась к деду и что-то быстро сказала ему. Когда пара погрузилась в карету, шторка бокового окна приподнялась, и Тали поймала внимательный взгляд старого князя.

Девушка слушала рассказ Катины о двух самых влиятельных родах королевства и даже представить не могла, что в отъезжающей карете на руках у деда рыдает от ужаса за свою жизнь княжна Эйлина, а тот продумывает план устранения с ее пути опасной соперницы.

Спустя неделю Катина принесла весть о прибытии в город князя Вельского. Объединенная армия союзных держав захватывала земли империи, практически не встречая сопротивления. Белояр уже восстановил былые границы, которые имел до поражения в последней войне сорокалетней давности. Приграничные владения барона д'Варро перешли королевству. Кардийские войска отступали, и император Арвис был близок к капитуляции.

Окончание войны ожидалось не к весне, как поговаривали ранее, а уже к середине зимы. Дара вызвали с фронта для участия в составлении проекта мирного договора. Практически все время мужчина проводил, заседаая в Больших и Малых советах. На отдых не оставалось ни минуты. Он возвращался домой и валялся с ног от усталости.

Оказалось, сражаться на передовой куда проще, чем срывать голос в попытке перекричать закостенелых лордов, требовавших продолжения войны вплоть до захвата Дирма, столицы Кардийской империи, и полного уничтожения императорской семьи. Каждый член Малого совета видел себя наместником белоярского короля на императорском троне. Дар спорил до хрипоты, отвергая нелепые планы раздела империи и обосновывая нецелесообразность затяжной войны. Он не верил, что им легко, как считали высокие лорды, удастся взять Дирм. Сил и средств на долгую военную кампанию у королевства не хватит. Нужно лишь дождаться предложения об окончании войны со стороны империи, закрепить за Белояром уже завоеванные земли и честно поделить между союзниками контрибуцию.

У Дара оказалось много противников, но отец и Вигер Радич поддержали его. Кому как не им было знать об истинном положении дел в королевстве. Войну нужно закончить как можно раньше. Впереди долгая зима, а зимой воевать намного труднее. Королевская казна пуста, что грозит неизбежным ростом налогов и недовольством подданных. Из-за войны и связанной с ней мобилизации почти весь

урожай остался на полях. Растянишь война на год или два, чего доброго вспыхнут голодные бунты. Солдаты, в основном вчерашние крестьяне, довольствуясь награбленным, начнут дезертировать из армии. На дорогах вновь станет опасно.

За этими заботами у Дара просто не находилось времени, чтобы навестить Тали или хотя бы отправить ей весточку. Бран и Ванок остались на фронте, а у него больше не было близких людей, которым он мог доверить свою тайну. Он по-прежнему не хотел привлекать внимания к девушке, опасаясь за ее жизнь, которая сейчас совсем ничего не стоила.

Тали не догадывалась о мотивах Дара и отсутствие вестей воспринимала по-своему. Ночами рыдала в подушку, представляя возлюбленного с невестой. Воображение услужливо подсовывало ей яркие картины страстных свиданий красивой пары. Днем, хмурая от терзаний и недосыпа, она с трудом выполняла свои обязанности.

– Тали, ты что, ждешь, когда пациент очнется и заорет? Делай разрез. Немедленно! Скальпель бери и режь. Скальпель, я сказал, а не пилу! Ты же не ампутацию проводишь!

«Скальпель. Ага. Надрез. Хм. А где резать-то? Кажется, грудная клетка. Да, вон как она вздулась. Или печень? Печень тоже видна невооруженным глазом. Пальпация не нужна. Плохая у тебя печень, мужик, не бережешь ты себя. Хотя вряд ли печень. Зачем ее вырезать? Послужит еще немного. Да и как без нее? А вот грудь как-то неестественно выглядит. Опухла, посинела. Да он весь опух и посинел! Что резать-то?»

– Тали! Убери скальпель от грудины! Ты аппендицит удаляешь, бестолочь! Режь уже, он сейчас от перитонита загнется. Да кто ж так режет-то! Какой идиот учил тебя скальпель держать?

«Вы, доктор, вы. Что ж вы так кричите-то? Уши закладывает и в голове звенит».

– Как ты разрез делаешь, дура?! Проводи небольшую ровную линию. Справа аппендикс. Справа, я сказал! Вот так, вскрыла. Хорошо. Бери щипцы. Да не эти! Этими зубы удаляют!

«Интересно, кто догадался принести сюда клювовидные щипцы? Или мне еще зубы ему удалять придется?»

– Да, так. Теперь отсекай. Отсекай, я сказал, а не отрывай! Хорошо, теперь зажим. Да оставь ты клювики! Зажим! Вон он лежит

прямо перед тобой!

«Зажим, зажим, зажим. Это такая блестящая штучка, похожая на щипчики? Так, где же ты, штучка? Ага. Нашла».

– Зажим. Хорошо. Теперь тампон. Тампон, Тали, а не губка для протирания стола! Хорошо. Теперь шей. Быстро! Он сейчас кровью истечет! Что ты смотришь на меня, как корова стельная? Шей живо!

«О боги! Не захлебнись желчью, пень старый».

– Все, доктор, я закончила.

– Поздравляю, ты забыла в пациенте тампон! Великолепно!

– Я могу снова разрезать? Сколько у нас есть времени?

– Ни секунды! Ты его только что убила! Убила!!! Ты это понимаешь?! Ты даже аппендэктомии провести не в состоянии! Ты полный бездарь!

– Доктор, ну пожалуйста, только не надо драматизировать! Он все равно уже не жилец. Вы посмотрите на его печень. Это же цирроз в последней стадии. А желудок? Он же деформирован. Боюсь даже предположить, в каком состоянии у пациента легкие.

– Маааалчать! Да как ты смеешь! Ты угробила своего первого пациента! Что я скажу его семье?

– Доктор, да нет у него никакой семьи. За ту неделю, что он провел у нас, его здоровьем ни одна живая душа не поинтересовалась. Не переживайте так, никто не узнает.

– Ты страшный человек, Тали! Ты убила своего пациента, и даже совесть тебя не мучает. Не боишься, что он тебе по ночам являться будет? – Старый хирург упал на стул и в отчаянии обхватил голову руками.

– Не боюсь, доктор. А чего бояться-то? Он уже неделю как мертв. Даже пахнет соответствующе.

– Вон! Вон отсюда! И чтобы ноги твоей в операционной не было!

– В прозекторской, вы хотели сказать?

– Пошла прочь! И не смей мне на глаза попадаться! Пять дней. Нет, неделю. Корова криворукая!

Кроме апатии к работе Тали охватило желание остаться в полном одиночестве. Она через силу общалась с подругами. После многочисленных отказов весело провести время в какой-нибудь таверне, благо в городе прибавилось молодых привлекательных мужчин, так как часть солдат прибыла в столицу для восстановления

после ранений, девушки махнули на нее рукой, и только Катина считала своим долгом уделять Тали внимание, чему последняя была не особо рада, но не могла не отметить преданность подруги.

Наступили холода, а вместе с ними в город пришла эпидемия простудных заболеваний. Ассистенток частенько отправляли наносить визиты больным, доставлять лекарства. Ночь опускалась на город рано, и возвращаться в госпиталь приходилось в темноте, хотя время было не позднее. Кварталы, которые обслуживал госпиталь, считались благополучными. Здесь обитали купцы, зажиточные горожане и небогатые дворяне, поэтому больничные кареты девушкам не выделялись, и они передвигались по улицам парами. Были и доходные дома, которые населяла менее респектабельная публика, но в целом район не представлял опасности для случайного прохожего и уж тем более для молодых лекарок, у которых из ценностей при себе имелись только небогатая одежда да скудные познания в медицине.

Тали работала в паре с Катиной. Девушки хорошо ладили, поэтому совместные выходы не слишком утомляли обеих. Частенько, возвращаясь назад, они забредали в кондитерские или кофейни, которых по пути в госпиталь было великое множество, на любой вкус и кошелек, чтобы скоротать вечерок за сплетнями и кружкой горячего шоколада или чего-нибудь более согревающего.

В этот вечер, нанеся нужные визиты, лекарки шли домой. До госпиталя оставалось несколько кварталов, когда из проулка появились трое мужчин. Судя по внешнему виду, они были завсегдатаями портовых кабаков, разбросанных возле доков. «До чего же разбойные рожи», – подумала Тали. Она решила, что мужчины заблудились. Появление таких типов в благополучном районе не могло навести на другие мысли. Катина, похоже, рассудила так же. Подруга не испугалась или не подавала вида.

– Эй, красавицы, подождите, – окликнул их здоровый детина, лицо которого уродовал кривой шрам.

Тали по лекарской привычке подумала, что, попадись парню приличный хирург, от раны на лице осталась бы лишь тонкая белая полоска. Не повезло человеку, теперь всю жизнь с таким украшением ходить.

– Не бойтесь, не обидим. Мы тут заплутали чуток. В какой стороне доки?

Катина, не говоря ни слова, махнула рукой в нужном направлении и потянула Тали за собой.

– Да постоит вы. Шустрые какие! – не унимался парень. – Может, познакомимся, вечерок приятно скоротаем?

– А говорил, не обидишь, – сказала Тали, глядя парню в глаза.

– Так и не обижу, – хмыкнул тот. – Тебе даже понравится.

– Это вряд ли. Извините, господа, но нас ждут дела. – Тали попыталась пройти.

– Деловые какие, – хохотнул другой, заступая девушкам дорогу.

Тали осмотрелась по сторонам. Как назло, на улице не было ни одного прохожего, не говоря уже о стражниках. Вечно их где-то носит, когда они нужнее всего, с досадой подумала она.

– Послушайте, денег у нас нет, драгоценностей тоже. Мы простые лекарки. Пропустите нас, пожалуйста, – вмешалась Катина.

– Крошка, кто сказал, что нам нужны твои деньги? Сами не бедствуем. Будешь паинькой, глядишь, и с тобой поделимся. А вот лекарки нам позарез нужны. Правда, парни?

Парни дружно загоготали.

Тот, что со шрамом, стиснул Тали в своих лапищах. Девушка почувствовала, как туманится ее разум, а по телу растекается кипящая волна ярости. Как уже случалось раньше, она словно разделилась надвое. Одна Тали, ничем не примечательная, напуганная девчонка, застыла, онемела от страха, вторая же, почти незнакомая с первой, чувствовала себя в своей стихии и даже радовалась предоставленной возможности сорвать накопившуюся злость на так удачно подвернувшихся гуляках.

«Господа кадеты, запомните раз и навсегда, ваше тело – самое совершенное и безотказное оружие», – прозвучал в голове незнакомый голос. За ним раздался щелчок, словно в ней включился неведомый механизм, подавая сигнал к действию. Тали топнула ногой, погружая небольшой каблук в стопу противника. Стремительно развернуться! Ударить под колено! Затем согнутыми пальцами с силой ткнуть под дых!

Парень согнулся пополам, судорожно хватая ртом воздух, и рухнул на колени.

Два оставшихся противника застыли в изумлении. Один из них выпустил из рук Катину.

– Катинка, беги! – закричала Тали.

Она понимала, что для подруги эта заминка – лучшая возможность сбежать. Другой не представится. Будь Тали одна, на этом уличная драка и закончилась бы. Она бы не стала ждать, когда придет в себя первый и отомрут другие бандиты. Помчалась бы на всей скорости к госпиталю.

Катина не послушала ее. Видимо, боевой дух Тали передался подруге. Она обрушила сумку на голову своего обидчика. Сумка жалобно звякнула бутылками и инструментами, но ощутимого вреда не нанесла. Бандит размахнулся, и от его удара Катина отлетела к стене, где и осталась лежать.

«Боги! Только бы она не сильно пострадала!»

Парни оживились. Двинулись с двух сторон. Девушка ушла от летящего в лицо кулака одного, пнула другого. Третий поднимался с земли, выдергивая из ножен короткий меч. Катина пришла в себя и закричала, закрыв лицо руками. Тали развернулась, ударила ребром ладони по горлу головореза и, пока тот, согнувшись и обхватив шею руками, хрипел, подхватила оброненный им меч. Оружие обратилось против своего владельца, располосовав ему живот от паха до грудины. Мужчина снова повалился на землю, и его уже можно было не опасаться.

Оставалось двое вооруженных противников, настроенных весьма воинственно. Тали кинулась навстречу тому, что был ближе.

Парень сжимал в ладонях кинжалы. Он не рассчитывал, что девушка разживется мечом, и, вращая клинками, отступал, пытаясь выиграть время, чтобы вытащить меч. Второй головорез двинулся на Тали сбоку, нанося прямой удар. Клинки встретились, и Тали, прокатив мечом по лезвию противника и отступив на полшага, молниеносным выпадом вогнала наконечник мужчине в горло. Второй бандит, с мечом в одной руке и кинжалом в другой, атаковал серией ударов, от которых Тали бойко уворачивалась, не касаясь лезвием чужого клинка. Когда мечи со звоном сошлись, девушка, держа рукоять двумя руками и переместив вес тела вперед, двинулась на противника, вынуждая его опустить меч, чтобы потом атаковать прямым коротким выпадом. Но мужчина, разгадав намерение, выкинул вперед руку с кинжалом. Уходя от ножа, Тали ослабила хватку, и ее меч был выбит ловким ударом.

Безоружная девушка не дала бандиту возможности обрадоваться победе. Она стремительно ушла вниз, делая кувырок в ноги мужчине, сбила его, прокатилась по земле и оказалась у него за спиной. Падая, он обронил кинжал. Тали, вскакивая на ноги, подхватила клинок и всадила его противнику в спину, целя в сердце. Мужчина замер и обмяк. Бой закончился.

Тали подбежала к Катине, упала перед ней на колени.

– Кат, сильно ушиблась? Ты ранена? – с тревогой спросила она. Катина не реагировала. – Кат, ты меня слышишь? Нам надо уходить отсюда.

Катина сидела, прислонившись к стене. Лицо ее было совершенно белым, и Тали испугалась, что от удара она серьезно повредила голову. Девушка потрясла подругу за плечи. Та перевела на нее затуманенный взгляд. Тали подобрала ее сумку, рывком подняла Катину на ноги и потащила за собой. Практически на себе.

– Скорее, Катинка, ну пожалуйста! – умоляла Тали, с трудом волоча девушку. Кто бы мог подумать, что она такая тяжелая. Бой закончился, и спасительный азарт покинул Тали, оставив лишь усталость. – Ты пойми, они могли быть не одни. Нужно убраться отсюда как можно скорее, пока нас не нашли их дружки.

Угроза подействовала. Катина прибавила шаг и к госпиталю подбегала уже вполне резво.

Тали втощила подругу в свою комнату, закрыла дверь на засов. Катина с трудом добралась до кровати и рухнула на нее в изнеможении. Тали стянула с нее сапоги, развязала плащ, но не стала его снимать. Катину знобило. Тали ощупала ее голову и обнаружила на затылке шишку. Плеснув в таз воды, девушка намочила полотенце, приложила его к затылку подруги, велев плотно прижимать и снова смачивать, как нагреется.

Сама же пошла к шкафу, бросила возле него пропыленный, испачканный кровью кафтан и вытащила на свет бутылку крепленого вина, спрятанную среди вещей. Вернувшись с бутылкой к столу, плеснула в кружку, собираясь выпить, но кружку отобрала Катина и махом влила в себя содержимое. За первой кружкой последовала вторая. Тали пришлось искать себе другую посуду.

– Они нас теперь найдут, – убежденно произнесла Катина, в очередной раз прикладывая мокрое полотенце к голове и делая

очередной жадный глоток. – Я сказала, что мы лекарки. Они найдут нас и убьют.

– Не бойся. Они нас точно не достанут, – успокоила Тали. – Оттуда еще никто не возвращался.

– Почему ты так решила? Очухаются и отомстят. Это все я виновата! Кто меня за язык тянул!

– Кат, успокойся! Не очухаются они, поверь мне. Я же лекарь и могу определить, жив человек или не совсем.

– Ты их убила? – изумленно уставилась она на Тали.

– У меня не было выбора. Я не хотела, честно. Если бы ты меня послушала и убежала, вместо того чтобы ввязываться в драку, ничего бы не случилось. Не могла же я оставить тебя одну с ними.

После этих слов Катина передернула плечами, втянула голову, нахохлилась и с подозрением поглядела на Тали.

– Как тебе это удалось? Их же было трое, а ты одна и к тому же девушка.

– Дядя научил. Он служит в приграничном гарнизоне, там постоянные стычки с имперцами. Захочешь жить – научишься владеть оружием. Ну и солдаты мне тоже кое-что показывали, – привычно соврала Тали. – Кат, послушай, пожалуйста. Никому не рассказывай о том, что случилось. Даже девочкам. У тех парней наверняка есть друзья, которые захотят поквитаться за гибель товарищей. Уверена, они будут прочесывать окрестные улицы, интересоваться у местных. Никто не должен знать. Ты меня понимаешь?

– Я никому ничего не скажу, – послушно закивала девушка. – Богами клянусь!

На самом деле Тали не опасалась мести бандитов. Она не думала, что кто-то из подельников убитых ею головорезов решит свести с ними счеты. А вот встречаться с городской стражей, поясняя, откуда у сельской девчонки такие интересные умения, ей совсем не хотелось, как не хотелось бежать из города и, скрываясь от тайной канцелярии Белояра, слоняться по зимним лесам и полям, рискуя стать жертвой обморожения, хищных зверей или разбойников. У нее нынешней не было навыков скрываться от преследования, подолгу прятаться на городских улицах, находя убежище и пропитание, и она сомневалась, что в критической ситуации эти навыки проявят себя так же, как умение защищать свою жизнь в бою.

Глава 10

*Из отчетов Департамента собственной безопасности
Министерства межмировых коммуникаций*

Проект «Ева» – сверхсекретная программа Министерства межмировых коммуникаций, финансируемая Советом Миров. Доступ к документации проекта предоставлен ограниченному числу сотрудников Министерства и членам Президиума Совета Миров. По имеющимся в распоряжении ДСБ данным, программа направлена на обучение высококвалифицированных специалистов для особых поручений Совета Миров. Установить количество резиденток, участвующих в программе «Ева», не представляется возможным по причине отказа в допуске к запрашиваемым материалам. По информации, имеющейся в распоряжении ДСБ, сотрудницы Министерства, прошедшие обучение в рамках программы, зарекомендовали себя отличными исполнителями. Случай неповиновения участника проекта «Ева» приказу координатора является беспрецедентным.

Мариса недовольно осматривала новое жилье. Точнее, очень старую квартиру, не знавшую ремонта не иначе как со времен постройки дома, которому, если верить старожилам этой клоаки, лет триста, не меньше. Несколько дней она пыталась навести порядок и создать хоть какое-то подобие уюта, но безуспешно. Ободренные обои с темными потеками и пятнами, о происхождении которых гадалка старалась не думать, наотрез отказались мимикрировать подо что-то приличное даже после того, как она развесила на стенах ажурные веера и любимые ею маски дальтекских племен.

Расшатанные, разохшиеся доски пола скрипели при каждом шаге. Печка нещадно дымила, из вьюшки плевками вылетала сажа, печная труба и потолок над ней давным-давно почернели от копоти. Роль канализации выполняло старое ведро. Ванну заменял помятый медный таз. М-да, и прежнее ее обиталище было, мягко говоря, не

номером люкс, для нынешнего же и вовсе ни одного приличного эпитета не находилось.

Женщина присела на корточки возле печки, отворила дверцу, пошевелила горящие головни кочергой, подкинула пару поленьев. С нежностью глядя на огонь, который совершенен всегда и везде, неважно, горит ли это свеча в подсвечнике или охваченный пожаром дом, гадалка протянула к нему руки и зажмурилась от удовольствия, когда яркий язычок пламени, охвативший подкинутые дрова, ласково лизнул пальцы. Женщина почувствовала, как кольнуло центр ладоней, а затем горячая волна полилась по венам, заполняя тело пьянящим жаром.

Ладони обожгло, и ей пришлось отдернуть руки. Больше взять она не могла, маловат накопитель. Слишком поздно она попала в этот мир, слишком поздно для того, чтобы в должной степени развить природные способности огневика – мага, которому служит самая опасная и непредсказуемая стихия. В ее родном мире магия не поддается человеку так, как здесь, поэтому энергетические каналы ее тела, предназначенные для принятия и переработки сырой силы, атрофировались и могли работать лишь на десятую долю отмеренного ей при рождении. Хорошо уже, что неперегоревшей силы хватило на обучение прорицанию и составлению примитивных зелий. На большее, увы, она была не способна.

Мариса приняла удобную позу: села, скрестив ноги, – и начала созерцать скачущие по поленьям отблески, погружаясь в провидческий транс. Мысли отступили, отчего восприятие окружающего мира стало чистым и незамутненным. Тело слегка подрагивало от легких вибраций. Этот мир говорил с ней, говорил посредством огня, используя привычные для гадалки способы восприятия. В жарком пламени она видела четкие картины. Прошлого, будущего ли? Пока неясно. Когда череда сменяющих друг друга образов начала повторяться, она остановила внимание на самом ярком из них, после чего водоворот видений затянул ее, чтобы отпустить лишь после того, как она поймет смысл послания.

Внутренним зрением Мариса видела огромный экран, разбитый на бесчисленное количество ячеек, которые демонстрировали картины с одним и тем же персонажем в разных, но похожих по смыслу событиях. На первой гибкая черноволосая девушка падает под дождем

стрел. На второй эта же девушка, растянувшись в луже собственной крови, тянется одной рукой к мечу, другая, отрубленная, лежит рядом. Чей-то меч с силой припиливает несчастную к земле. На третьей, уронив бокал с отравленным вином, она стискивает горло, судорожно хватая воздух посиневшими губами. И так без конца. И каждое изображение заканчивается тем, что знакомая девушка смотрит на Марису невероятной глубины синими глазами и что-то беззвучно шепчет ей. Когда множество разрозненных сюжетов сложилось в один и на экране не осталось ничего, кроме мертвого лица с широко распахнутыми глазами, глядящими в вечность, женщина услышала тихий голос: «Помоги, и я сочту твой долг исполненным».

Гадалка вынырнула из омута пугающих образов и рухнула на пол. В печи догорал огонь, яркими всполохами расплзаясь по черным углям. В комнате было тепло, но женщина дрожала от холода, притянув к животу ноги и обхватив руками колени. По щекам текли слезы.

Остаться в стороне не получится, как бы сильно этого ни хотелось. Придется очертя голову бросаться в самую гущу событий. Как ни желала Мариса оставаться простым наблюдателем, послушаться хозяина этого мира она не могла. Последствия такого поступка предсказуемы и малоприятны. Ей полностью перекроют доступ к силе, и она потеряет то небольшое, что дал ей этот мир и что было для нее единственно ценным.

На следующий день гадалка решила воспользоваться старыми связями в теневом мире Родгарда.

Купив по пути пару бутылок красного этилийского нового урожая, женщина направилась к неприметному дому, расположенному рядом с доками. Район, куда пришлось переселиться Марисе, заслуженно пользовался дурной славой. Убогие кабаки, в которых собирался всякий сброд и где можно было нанять профессионального вора или убийцу, дешевые бордели, близость доков, обеспечивавших нескончаемый приток посетителей из числа простых моряков и портовых рабочих в увеселительные заведения района – все это доставляло немало головной боли городским властям, которые старались без нужды сюда не соваться. Предпочитали не появляться тут по доброй воле и стражники, а если вдруг приходилось расследовать какое-нибудь нашумевшее преступление, собирались

целыми отрядами и в полном боевом облачении. Здесь царили свой закон и свои правила, установленные главами преступных гильдий.

Мариса миновала очередную улицу, сплошь из домов терпимости, подошла к старому двухэтажному кирпичному строению, имевшему настолько унылый и затрапезный вид, что с первого взгляда было понятно: никакой ремонт тут не поможет и нужно сносить целиком это разваливающееся убожество. Женщина взялась за ржавую ручку дверного молотка и постучала. Стук сопровождался надсадным кашлем старых досок.

– Кого принесло в такую рань? – хриплый каркающий голос за дверью не отличался радушием, но женщину не испугал.

Давно уже миновал полдень, однако этот квартал, как и его хозяин, жил по своему распорядку, утром погружаясь в сон на долгие часы, чтобы ночью распахнуть двери перед жаждущими сомнительных развлечений.

– Морж, открывай, это Мариса. У меня дело к твоему хозяину.

Загремели замки, и старая дверь с жалобным скрежетом распахнулась. Женщина терпеливо ждала, пока дряхлый однорукий дворецкий запрет на все засовы сначала старую входную дверь, служившую скорее декорацией, чем защитой хозяину дома, а затем другую, крепкую, дубовую, способную выдержать удар стенобитного орудия.

Внутреннее убранство дома разительно отличалось от его экстерьера. Дорогие ковры и портьеры, старинная мебель – настоящее произведение антикварного искусства, золоченые канделябры, хрустальные люстры, полотна известных мастеров на стенах – все это, казалось, принадлежало богатому лорду, и по части капитала владелец здания мог дать фору многим представителям знатных родов Белояра.

– Мариса, дорогая, какая встреча! Не ожидал, что когда-нибудь увижу тебя. Решила, наконец, порадовать одинокого старика своим вниманием? – радостно воскликнул крупный мужчина, обладатель внушительного живота и густой окладистой бороды, мало походивший на старика.

Он развалился на диване, взмахами руки приглашая женщину составить компанию. Одиночество его скрашивали початая бутылка игристого вина и две юные девы, упругие прелести которых едва прикрывали шелковые расписные халаты.

– Проходи, проходи, располагайся. Раздели со мной скромную трапезу. Девочки, брысь отсюда.

Обе красотки, чей род деятельности не вызывал сомнений, разом подскочили и скрылись в глубине дома. Мариса проигнорировала красноречивое похлопывание ладонью по дивану и расположилась в кресле напротив. Пожилая служанка принесла для гостыи бокал и столовые приборы.

– Долгих лет тебе, Варий, и достатка твоему дому. Прости, что потревожила в столь ранний час. Прими мой скромный подарок и выслушай просьбу.

Женщина протянула хозяину дома пакет.

– Молодое этилийское? Ты еще помнишь мои вкусы. Не ожидал. Спасибо.

– Как же, помню. Ты любишь все молодое, – произнесла Мариса, глядя, как губы мужчины растягиваются в кривой ухмылке.

– До сих пор не простила? А ведь ты можешь вернуться в любой момент, только пожелай. Снова станешь главным украшением этого дома и моей жизни.

– Спасибо, Варий, но что было, то прошло. И потом, украшений в этом доме и без меня более чем достаточно. На любой вкус.

Мужчина покачал головой.

– Я никогда не обращался с тобой как с девкой, Мариса. Да ты и не была такой, как они. Я отпустил тебя, едва только ты пожелала, хотя мог заставить силой сделать по-моему, мог и убить.

– Не нужно громких слов, Варий. Отпустил ты меня, потому что я тебе надоела, а не убил лишь по одной причине: не хотел терять профессионального провидца.

– Все-таки ты плохо меня знаешь, дорогая. Ладно, кто старое помянет... Выкладывай, что у тебя за дело, из-за которого ты решила поступиться гордостью.

– Хотела выяснить, не знакома ли тебе одна лекарка. Молодая, на вид не старше двадцати. Служит в городском госпитале, что при монастыре Макоши. Брюнетка, с кудрями до плеч, синеглазая, стройная, красивая. Может, слышал, не интересовался ли ею кто-нибудь из ваших.

Мужчина задумчиво барабанил пальцами по краю стола. Недолго помолчав, кивнул.

– Слышал. Интересовались. Обратился ко мне не так давно один знакомый этилиец.

– Эльф? – удивилась Мариса.

– Да. Извини, имени назвать не могу. Профессиональная тайна, сама понимаешь. Попросил, чтобы мои люди ненавязчиво последили за девчонкой. Я не удержался, глянул на нее. Хороша, ничего не скажешь. С огоньком. При должной выучке могла бы приносить неплохой доход, – жестко усмехнулся мужчина. – Я приставил к ней своего человечка. А у тебя к ней какой интерес?

– Попросили присмотреть, только не спрашивай кто, профессиональная тайна, сам понимаешь.

Варий хмыкнул.

– Слишком много людей интересуется ею. Мой человек рассказывает странные вещи.

– А именно?

– На нее несколько раз покушались. Сначала по мелочи. Несчастные случаи подстраивали. Однако рядом всегда оказывались мои люди. Потом отравить пытались, но мой человек принес противоядие. Девчонка даже не поняла, что с ней случилось. Списала на переутомление. Дальше – больше. Ею заинтересовался Тоший Тэд.

Мужчина, заметив, что Мариса поперхнулась, наполнил ее бокал вином.

Женщина благодарно кивнула, запивая неприятную новость. Тоший Тэд являлся главой гильдии наемных убийц, славившейся тем, что всегда выполняет контракты. Спасти человека, ставшего объектом контракта, можно было только одним способом: заставить заказчика аннулировать заказ. Похоже, перед ней стоит невыполнимая задача.

– Известно, кто ее заказал?

– Думаю, несложно догадаться. Услуги Тощего Тэда стоят недешево, сама знаешь, он доводит дело до конца, не считаясь с потерями. Вопрос чести. К тому же у него к девчонке теперь личный интерес. Она умудрилась убить его племянника. Счастливчика. Слышала, наверное, о таком? Тэд лично его натаскивал, готовил себе преемника. Хотя, поговаривали, боец из него никакой. Что и подтвердилось намеренно. Не повезло парню, попалась добыча не по зубам. Думали, дело простое, а девчонка оказалась с секретом. Покромсала Счастливчика и его ребят, а сама, наверное, даже не

представляет, с кем связалась. Что до заказчика, то у меня подозрение: это либо Вигер, либо Ольхем. Девчонка завела шашни со старшим сыном Ольхема, а у родителя на него матримониальные планы. Ольхем решил породниться с Вигером, а тут такая незадача: сынок не в восторге от планов отца, да еще девку заимел накануне свадьбы. Видимо, кто-то из стариков решил убрать девчонку с дороги, чтобы не мешала счастливому супружеству.

– Когда это мешало свадьбе? – поморщилась Мариса. – Стоит ли из-за такой мелочи нанимать профессионалов? Достаточно припугнуть или подкупить. На худой конец справиться своими силами.

– Они и пытались своими силами, но, видимо, я случайно помешал. Вот и решили довести дело до конца с помощью гильдии.

– Варий, ты сможешь узнать имя нанимателя?

– Специально этого делать не стану, – покачал головой мужчина. – Если только случайно выяснится. В процессе, так сказать. Только это уже не поможет. Я ведь тебе объяснил, у Тощего Тэда с девчонкой личные счеты.

– И что, ничего нельзя сделать? – Мариса с мольбой посмотрела на собеседника.

– Эта девчонка так дорога тебе?

– Скажем так, мне дорого то, что у меня отнимут, если я не смогу ее защитить. А без этого мне и жить незачем.

– Даже так? Знаешь, есть у меня одна идея. Но, боюсь, тебе не понравится.

Несколько дней после нападения Тали и Катина старались не покидать стен госпиталя. Однако постоянно избегать выполнения своих прямых обязанностей девушки не могли, и выходы в город пришлось возобновить.

Тали отправлялась на вызовы вооруженная по полной: к ногам крепила привычные уже кинжалы, грудь перетягивала перевязью с метательными ножами, которые от случайных глаз закрывал широкий передник, а в кожаный пояс вшила специальный карман для сюрикенов – метательных звездочек, которые купила в одной из оружейных лавок, уж очень знакомым показалось ей это экзотическое для здешних мест оружие. Там же были приобретены перевязь с ножами и кинжал для Катины. Позже в своей комнате Тали немного

обучила подругу обращаться с ними. Брать с собой меч Тали не решалась, дабы не вызывать ненужных вопросов у коллег и не пугать пациентов воинственным видом.

Вопреки опасениям девушек, повторных покушений на их честь и жизнь не случилось. Катина расслабилась и повеселела, к ней вернулась прежняя жизнерадостность, а вместе с ней неутомимая болтливость. Как назло, основная часть ее разговоров приходилась на слухи о предстоящей свадьбе князя Вельского и княжны Радич. Несколько раз во время таких рассказов Тали ловила на себе пристальные взгляды подруги, словно та проверяла ее реакцию, но девушка убеждала себя, что Катина не могла узнать ее тайну.

Как-то, утомившись от пересудов на одну и ту же болезненную для нее тему, Тали в одиночку отправилась в город. Девушка рассудила, что в благополучном районе среди бела дня вряд ли кто отважится свести с ней счеты, а поход по книжным лавкам и салонам готового платья тем более безопасен. Не станут же бандиты в примерочной нападать. Да и прошлый инцидент был не более чем досадной случайностью, стоившей жизни подвыпившим гулякам, не понимавшим слова «нет». Кроме того, если сидеть все время в четырех стенах и дрожать от страха, недолго и с ума сойти.

Тали в задумчивости бродила среди книжных полок, выбирая подходящее чтение, с которым можно приятно скоротать вечерок-другой. В сумке лежала пара уже прочитанных книжек, купленных здесь же. Владелец лавки менял старые книги на новые за незначительную доплату, чем и привлекал большую часть горожанок. Литература, собранная здесь, была примерно одного толка: детективные истории, сентиментальные и приключенческие романы.

Пока Тали возвращала старые книги и расплачивалась за приобретенные, ее взгляд зацепился за одну из посетительниц, изучавших ассортимент лавки. Женщина привлекла внимание роскошными рыжими волосами, собранными в высокую прическу. Незнакомка заметила интерес к своей персоне и улыбнулась девушке. Тали, улыбнувшись в ответ, покинула лавку. Путь ее лежал в сторону недорогой пекарни, где имелся зал для покупателей, желающих отведать свежую сдобу на месте.

Девушка заняла свободный столик недалеко от входа, заказала чай и кусок сладкого пирога.

Звякнул колокольчик, и в дверях появилась та дама, которую Тали видела в книжной лавке. Вероятно, тоже зашла погреться и перекусить. Женщина повертела головой в поисках свободных столиков, которых, увы, уже не оказалось, Тали заняла последний.

– Не будете возражать, если я составлю вам компанию? – обратилась к девушке рыжеволосая дама, приветливо улыбаясь. – Все места заняты, а искать другое заведение нет сил, да и замерзла я порядком.

– Конечно, конечно, – закивала Тали, отвечая на улыбку.

Женщина невольно располагала к себе.

– Спасибо! Ух и находилась же я по этим лавкам, ноги не держат! А замерзла как, не представляете. Какая нынче зима суровая. Меня Мариса зовут, – представилась дама.

– Очень приятно. Я – Тали, – ответила девушка. – Купили нужную книгу?

– Увы. Там такой выбор, что я немного растерялась. Может, посоветуете что-нибудь интересное?

Тали увлеченно принялась давать советы, заодно поведав о принципе работы лавки. Собеседница выражала живейший интерес к теме, кивала, повторяла названия книг и авторов, стараясь запомнить. Потом они обсудили последние городские новости. Мариса рассказала несколько свежих анекдотов из жизни высшего общества. К счастью, новая знакомая ни разу не обмолвилась о предстоящей свадьбе отпрысков двух известных княжеских домов, чему Тали была невероятно рада. Девушка сказала, что служит в госпитале, Мариса таинственным шепотом призналась, что зарабатывает на жизнь гаданиями, и поделилась парой забавных историй из своей практики, над которыми Тали от души посмеялась.

– Зайдите как-нибудь ко мне в гости. Попьем чайку, обсудим новые романы. Я вам погадаю, – предложила на прощание Мариса, когда они вышли из пекарни и собирались разойтись по домам. – Вам гадали когда-нибудь?

– Нет, как-то не выпало случая.

– Как же так? Молодая, красивая девушка ни разу не поинтересовалась своим будущим? А вдруг у вас впереди захватывающие приключения и неземная любовь сказочного принца?

– Это вряд ли, – Тали звонко рассмеялась. – Впереди у меня сопливые носы, сухой и мокрый кашель... и да, увлекательное путешествие в городской анатомический театр.

Женщина засмеялась в ответ. Неожиданно выражение ее лица изменилось, улыбка сошла с него. Мариса резко дернула Тали на себя. Девушка не устояла на ногах и завалилась на нее, чувствуя, как обожгло плечо. Мимо них, гроыхая по обледеневшей мостовой, промчалась коляска с откидным верхом. Мариса проводила ее внимательным взглядом, потом посмотрела под ноги и шумно втянула воздух.

На земле у их ног лежала короткая толстая стрела.

– Что это? – спросила Тали, прекрасно зная ответ.

– Арбалетный болт. Однако же! Стреляют среди бела дня! И это называется приличный район?! – Возмущенная Мариса перевела взгляд на спутницу. – Ой, Тали, у вас плащ на руке порван. Да вы же ранены!

Девушка чувствовала, как намокает и тяжелеет рукав, как немеет рука, отзываясь пульсирующей болью на любое движение.

– Милейший! Милейший! – громко выкрикнула женщина и замахала свободному вознице.

Мариса помогла Тали забраться в подъехавшую повозку и назвала адрес.

– Гони и побыстрее! – прикрикнула она на возницу.

– Лучше в госпиталь, тут не так далеко, – попросила девушка.

– Глупости! А вдруг, пока мы доедем, вы истечете кровью? Я живу совсем рядом и немного смыслю в медицине. Перевяжем вас, а там решим, что делать. Останетесь у меня или отвезем вас в госпиталь. Дайте-ка я посмотрю.

Женщина освободила Тали от плаща, под которым был теплый короткий кафтан. Мариса не стала его снимать, просто перетянула руку над раной собственным поясом. Тали с удивлением отметила, что действует она спокойно и уверенно, даже, можно сказать, профессионально.

– Больно? – поинтересовалась гадалка.

– Не особенно. Рука немеет, и холодно очень.

– Это, вероятно, от шока. Потерпите, скоро приедем, уже недалеко. – Мариса накинула на девушку плащ.

Когда подъехали к нужному дому, женщина не стала просить у возницы помощи. Сама помогла Тали выбраться, придерживая, повела ее в дом. Пришлось подниматься на второй этаж, и в конце пролета у Тали уже кружилась голова. Мариса усадила девушку на диван в маленькой гостиной, принесла металлическую коробку с инструментами и большую прозрачную бутылку. Поместила инструменты в глубокую тарелку, плеснула в нее из бутылки, достала бинты и бобину с шелковой нитью. Подойдя к раковине, принялась тщательно тереть руки мылом.

– Надо бы прокипятить инструменты, но у нас нет на это времени, – сказала женщина. – Вы не переживайте, я держу чистейший самогон для дезинфекции.

У Тали не было сил удивляться, откуда гадалка знает слово «дезинфекция» и где взяла хирургический набор. При обработке раны выяснилось, что арбалетный болт задел плечо, разорвав не только кожу, но и мышцы. Гадалка сноровисто зашила и обработала рану, умело наложила повязку. Во время процедуры Тали мужественно сжимала зубы, с шипением втягивая воздух, когда игла вонзалась в края раны. Наконец, попытка закончилась, и укутанная теплым одеялом девушка утомленно растянулась на диване. Гадалка принесла кружки с горячим вином, наполнив комнату пряным ароматом специй, подала одну своей гостье. Тали благодарно кивнула.

– Ну что ж, думаю, теперь мы можем поговорить откровенно, – произнесла Мариса, окинув взглядом пол перед диваном, где небольшой горкой высилось разнообразное колюще-режущее и метательное оружие, снятое с Тали при раздевании. – Довольно странный выбор инструментов для человека твоей профессии, не находишь?

– У меня есть веская причина опасаться за свою жизнь, – хмуро ответила девушка.

Ей не хотелось ничего объяснять малознакомой женщине, даром что та спасла ее от смерти.

– Сложно не согласиться. И ты, конечно, не представляешь, почему на тебя открыли охоту? Ты вино-то пей, пока не остыло. Тебе сейчас полезно.

Тали послушно сделала несколько глотков терпкого и одновременно сладкого напитка. Лежать на высоких подушках,

укрывшись теплым одеялом, потягивая горячее пряное вино, было удивительно приятно. По телу мягкими волнами разливалась усталость. После пережитого клонило в сон и совершенно не хотелось думать о том, что где-то там, за стенами этой уютной квартиры, есть люди, желающие ей смерти.

Тали уткнулась в кружку, всем своим видом демонстрируя нежелание продолжать разговор на неприятную тему. К сожалению, вино закончилось довольно быстро, и Мариса, забрав пустую посуду, принесла стул, села напротив, давая понять, что разговор не закончен.

– Как тебя зовут? – задала вопрос гадалка.

– Тали, – недоуменно отозвалась девушка. – Я ведь уже представилась, в пекарне, неужели вы забыли?

– Меня интересует твое полное имя. Ну же, какое оно?

Тали не собиралась отвечать на этот вопрос. Ей не нравилось, что беседа начинает напоминать допрос. Даже мимика и интонации Марисы резко изменились. Вместо милой и приятной собеседницы на девушку холодными внимательными глазами смотрела тайная канцелярия. Тали собиралась было сообщить свое прозвище, свидетельствующее о том, что она выходец из приграничной крестьянской семьи, но помимо ее воли с губ сорвалось:

– Талиэн Валерия д'Варро, баронесса д'Варро, подданная Кардийской империи.

– Тали, это все, конечно, очень интересно. Особенно то, как тебе за столь непродолжительный срок удалось сделать стремительную карьеру и затесаться в ряды имперской знати, но сейчас мне нужно другое. Назови свое настоящее имя.

– Я его не знаю, – прошептала девушка.

Она не понимала, что с ней происходит: почему она правдиво отвечает на вопросы гадалки, почему тело никак не реагирует на новую опасность необходимым ей сейчас всплеском спасительной ярости, почему здравая мысль «надо уходить отсюда как можно скорей» не отражается на реакциях тела. Она испытывала непривычное умиротворение, которое легко гасило слабые волны тревоги, подступающие с границ сознания.

– Я предполагала что-то в этом роде, что они сотрут надстроенную психоматрицу, но не представляла, что собственная личность может так сильно пострадать. Помнишь, кто ты такая?

– Конечно! Талиэн Валерия д’Варро, баронесса д’Варро, подданная Кардийской империи. Да что происходит-то?! Что вы со мной сделали?

– Ах, это? – Мариса махнула рукой. – Я добавила тебе в вино сыворотку правды. Эликсир истины, если использовать местный лексикон. Не переживай, его действие скоро закончится. Прости, но я должна выяснить, что ты задумала, прежде чем влезу в это дело с головой. Пойми правильно, мне совершенно не хочется рисковать жизнью ради того, кто, возможно, решил использовать меня втемную. Поэтому давай покончим с формальностями и придумаем, как тебе помочь. Прошу, не пытайся сопротивляться, все равно не получится, только навредишь себе. А теперь продолжим...

Женщина задавала вопросы, суть которых сводилась к тому, чтобы узнать, кто Тали такая на самом деле, что помнит о своем прошлом, какова ее цель пребывания в Родгарде. Гадалка захохотала в голос, когда на вопрос о планах на будущее Тали искренне ответила: «Выйти замуж за достойного мужчину из знатного рода, стать хорошей женой и матерью».

– Что смешного я сказала? – обиделась Тали. – Абсолютно нормальное желание любой порядочной девушки.

– Ничего смешного, конечно, прости. Действительно, нормальное желание. – Гадалка не сдержалась и снова прыснула от смеха. – Всё-всё, не обижайся. Просто это несколько не вяжется с тобой и твоим образом жизни. Я имею в виду твое прошлое, которого ты не помнишь. Постарайся понять: ты сегодняшняя полностью отличаешься от себя самой, какой я тебя знала раньше. Сейчас я вижу ребенка, с соответствующим уровнем развития психики и поведенческими реакциями. Да и желания у тебя такие, словно ты продукт этого мира и той среды, к которой себя ошибочно причисляешь.

– Мариса, а разве не может так быть, что вы ошибаетесь? Вдруг я не та, за кого вы меня принимаете? Вдруг я действительно, как вы выразились, продукт этого мира?

– Это легко проверить. Ты позволишь?

Женщина пересела на диван, придвинулась вплотную к Тали, повернула ее голову, освободив шею от спутанных прядей. Провела пальцами по коже на границе роста волос.

– Все верно, никакой ошибки.

– Что там? Какая-то метка? – Тали принялась ощупывать шею. – Ничего не чувствую.

Мариса взяла ее руку и приставила пальцы к тому месту, где находилась предполагаемая метка. Девушка не сразу почувствовала под подушечками пальцев ровный ряд выпуклых полосок.

– Какие-то шрамы. Раньше я не обращала на них внимания. Это что-то означает?

– Штрих-код. – Видя недоумение на лице собеседницы, гадалка принялась объяснять: – Когда выпускается товар, на нем ставится заводской и серийный номер, по которому можно определить, в какой стране и кем создано изделие, номер его партии и так далее. Это такая стандартная маркировка.

– Но я же не товар и не изделие! – возмутилась Тали. – И я впервые слышу, чтобы в каком-нибудь королевстве делали подобные метки. Обычно ставят клеймо мастера или цеха, но оно выглядит иначе. И никто! Никогда! Не метит людей!!!

– Тали, успокойся, пожалуйста. Мне сложно объяснить тебе это, учитывая твою амнезию, но я все-таки попробую. Дело в том, что в этом мире действительно не ставят подобных меток. Но ты не из этого мира. Более того, ты не совсем человек.

– То есть я раб? – понурилась девушка.

– Нет, ну что ты. Вовсе нет. В нашем мире нет рабства в общепринятом смысле этого слова. Но и абсолютно свободным человеком ты, к сожалению, не являешься, как, собственно, любой член постиндустриального общества. Твой случай особый. Ты, скажем так, улучшенная модель человека. Результат сверхсекретного эксперимента одной закрытой межправительственной организации. Биологически ты являешься представителем гуманоидной расы, но существенно усовершенствованным. Есть такая наука – евгеника, суть которой сводится к выведению идеального человека. Наши ученые не ограничились одной лишь селекцией и решили людей с выдающимися данными подвергнуть ряду операций. Подробности я не знаю. Насколько мне известно, у таких, как ты, имеются встроенные механизмы, своего рода вторая нервная система, которая существенно увеличивает потенциал носителя. Однако эта система не является полностью автономной и контролируется из центра, который очень

далеко отсюда. В твое сознание может быть загружена любая информация, например, знание языков, культурных особенностей другого мира, любые мелочи, позволяющие полностью вписаться в нужную среду. С другой стороны, ты являешься передающим устройством, и получаемая тобой информация при определенных условиях отражается и фиксируется в центре. Такие люди, как ты, являются идеальными шпионами и убийцами. Эти программы щедро финансируются правительствами нескольких ведущих держав нашего, и не только нашего, мира. В твое создание и обучение вложены огромные средства, поэтому ты, можно сказать, принадлежишь той организации, которая сделала тебя тем, кем ты сейчас являешься.

– Боги, – застонала Тали, сжимая ладонями голову, – это же бред какой-то! Я совершенно ничего не понимаю! Я идеальный убийца из другого мира? Но это же глупости! Я за себя-то постоять не всегда могу.

– Это объясняется тем, что ты отключена от центра, а встроенные программы уничтожены. Честно говоря, до недавнего времени тебя считали погибшей. Ты провалила задание. Причем сознательно. За тобой направили оперативную группу. Тебя должны были доставить домой для проведения расследования и, возможно, трибунала либо уничтожить на месте.

– Почему же не случилось ни того, ни другого?

– Скорее, случилось последнее. Мне неизвестны детали той операции, знаю лишь, что она не увенчалась успехом. Отряд погиб, и тебя решили убрать дистанционно. Заложена в вас такая неприятная функция, которая позволяет ликвидировать агента в том случае, если он выйдет из-под контроля. Я не специалист в этих вопросах, потому объясняю, как понимаю сама. Из центра поступает команда, которая стирает все встроенные программы, что в свою очередь необратимо повреждает мозг. Ты не могла выжить после такого.

– Но я жива!

– Это очевидно, – усмехнулась Мариса. – И мне совершенно непонятно, как тебе удалось выжить.

– Теперь вы сообщите обо мне тем людям, из вашего мира? И они придут за мной? Снова?

– Нет, Тали, я не стану делать этого. Не спрашивай почему. Не могу объяснить. По крайней мере, пока. Считай, что этот мир хочет,

чтобы ты осталась здесь. По какой причине, мне неизвестно. Думаю, со временем сама разберешься.

– Мариса, вы говорите загадками. Я не понимаю. Если честно, я и половины из ваших объяснений не поняла, но последнее вообще за гранью. Вы что, посланник богов?

– Да какой там посланник богов! – отмахнулась гадалка. – Просто я могу слышать и видеть больше, чем многие. Этот мир особенный, он наполнен невероятной силой, которая позволяет наделенным даром людям творить подчас невероятные вещи. Магией, одним словом. На Земле, так называется наш с тобой дом, мои способности никак не проявлялись. Там вообще нет той составляющей, которая позволяет влиять на материю, перекраивать ее по воле человека, наделенного силой. Есть и там люди, способные, по меркам Земли, на чудеса, но в сравнении с теми возможностями, которые даны местным магам, это попросту ярмарочные фокусы.

– То есть вы маг?

– Нет. Я могла бы им стать, если бы родилась здесь или оказалась на пару десятилетий раньше, – женщина вздохнула. Осознание утраченных возможностей тяготило ее. – Сейчас же я имею лишь десятую долю того, что мне было даровано при рождении. Но и это немало, поверь. Благодаря своим способностям я слышу этот мир, и иногда он говорит со мной.

– И что этому миру от меня нужно?

– Не знаю. Я только чувствую, как надвигается буря, подобной которой не было по меньшей мере несколько тысячелетий. Здесь, на Селевре, слишком долго сохраняется искусственно созданный миропорядок. Когда-то давно сильные мира сего закрепили существующее по сей день состояние биосферы. Могущественные маги препятствуют большей части естественных процессов.

– Вы сами это придумали? – спросила Тали.

Хотела добавить «или голоса нашептали?», но не рискнула, поскольку не знала, как гадалка отреагирует на саркастичный выпад. Вдруг она буйная?

– Увы, я не настолько умна. Такой вывод сделали наши ученые. И они правы. Если ты поинтересуешься историей этой планеты, то заметишь очень странную закономерность: здесь невероятно долго существует одна и та же политическая карта мира. Знаешь, сколько лет

Кардийской империи? Нет? Я отвечу тебе. Больше двух тысячелетий. Как и большинству современных держав. И все они сохраняют неизменность своих границ и этноса. Более-менее относительную. Локальные войны за несколько миль приграничных земель не в счет. Империя, Белояр, Этилия, Ворланд, Граннор и другие крупные королевства пребывают в неизменном с точки зрения исторического развития состоянии. Некоторые изменения, конечно, происходят, но они незначительны. За этот период здесь не погибло и не родилось ни одной новой цивилизации. Ландшафт практически не меняется, как и строение земной коры. Ни одного катаклизма за несколько тысячелетий: ни землетрясений, ни цунами или наводнения какого, ни мора, ни засухи. Это абсолютно немыслимо, если судить с позиции любой другой грани Вселенной. Более того, губительно для планеты. Напрашивается лишь один вывод: такой порядок поддерживается рукотворно небольшой группой сильнейших магов при полном одобрении монархов.

– Мариса, но это же бред! – не сдержалась Тали. – Вы на основании каких-то нелепых домыслов выдумали теорию заговора магов против целого мира! Что странного в том, что крупные королевства хранят свои границы? Кроме того, вашу теорию опровергает нынешняя война. Пройдет пара месяцев, и Белояр с помощью союзников завоюет империю. Вполне вероятно, от нее прежней останется лишь воспоминание, малый осколок былого, а союзники поделят ее территорию. Вот вам и новая политическая карта мира.

– Увы, Тали, это не так. Белояр лишь вернет себе исконные территории, захваченные империей сорок лет назад, что-то отойдет горцам, также возвращая их в прежние границы Ворланда. Эльфы получают контрибуцию золотом и правом беспошлинной торговли. Гномы вообще в эту войну не ввязываются, так как в прошлый раз их не трогали. Вот и все. Стоит только Кромаку или Прекрасной Валир попытаться реализовать тот план, который ты озвучила, как цепь случайных событий, загадочных явлений, включая псевдобожественные откровения, заставит их отказаться от своих намерений. Такое случалось уже не раз. Я не исключаю, что Прекрасная Валир – одна из посвященных и следит, как бы нынешняя свара не вышла за рамки. Неспроста она всеми силами препятствует

контакту с нашими представителями. Бойтся, что появление иномирян нарушит уродливое, противоестественное равновесие. На сегодняшний день Селевр – единственная закрытая изнутри грань Вселенной. Два тысячелетия абсолютной, беспрецедентной, с позиции любой населенной разумными существами планеты, стагнации – это перебор. Мир – живой организм. И как любой нормальный организм должен пребывать в состоянии изменения и развития. Эта же планета словно скована железным панцирем, не позволяющим ее телу нормально расти, уродующим его, разрушающим изнутри. И Селевру такие ограничения не по нраву. Я вижу всполохи силы, невероятные по своей мощи. Грядет эпоха глобальных перемен и глобальных же потрясений. Гораздо более разрушительных, чем если бы все изначально шло естественным ходом. Какая тебе отведена в этом роль, я не знаю. Возможно, ты станешь тем маленьким камешком, который приводит в движение горную лавину. Как знать? Время покажет.

– Мариса, пожалуйста, остановитесь! – взмолилась Тали. – У меня голова разболелась! Еще немного, и я с ума сойду! Насилие над миром, судьбы цивилизаций, ход исторических процессов! Это похоже на демагогию во время попойки студийцев. С меня хватит уже той информации, что я какой-то выродок. Вот это противоестественно!

– Ты права. Пожалуй, с тебя на сегодня достаточно. Ложись-ка спать. А мне еще предстоит разговор с моим координатором. Не переживай, я не выдам тебя. Я обещала, и не только тебе.

Мариса постелила девушке на диване в гостиной. Сама же уединилась в кабинете, где обычно принимала клиентов. Тали сквозь сон слышала голос гадалки и еще один, незнакомый, мужской. У нее уже не оставалось сил удивляться, откуда в квартире, где кроме двух женщин никого не было, оказался мужчина и как он мог незамеченным миновать гостиную. Диалог велся на неизвестном языке, который Тали, тем не менее, почему-то понимала.

– Лис, я ошиблась. Это не Ева. Просто похожая на нее девочка. Из местных.

– Я так и предполагал. В отличие от тебя, я давно перестал верить в чудеса. А жаль, Ева была бы сейчас как нельзя кстати.

– И мне жаль.

– Наблюдай.

– Как всегда.

Глава 11

Тали проснулась с восходом солнца. Она лежала на широком диване, заботливо укутанная в несколько одеял. В комнате было не топлено, и девушке совершенно не хотелось покидать уютный нагретый кокон. Однако воспоминания о вчерашнем вечере побуждали ее как можно скорее покинуть этот дом и его безумную хозяйку. Тали, конечно, была признательна за спасение и помощь, но всё, что за этим последовало, перечеркнуло хорошее к ней расположение. Гадалка просто несчастная свихнувшаяся женщина, и воспринимать серьезно ее бред не стоит. Лучше держаться от Марисы подальше.

Девушка не сомневалась: как только она окажется за дверью, всё встанет на свои места и она заживет обычной жизнью. Со временем выйдет замуж, родит детей и встретит старость в окружении внуков (если, конечно, не умрет от родов или какой-нибудь болезни), как и должно нормальному человеку. В крайнем случае останется старой девой, что тоже не выходит за рамки жизненных реалий.

И с Марисой они больше никогда не встретятся. Уж Тали постарается.

Тали слышала, как на кухне гремит посудой хозяйка квартиры. Жаль, но уйти незаметно не получится.

Девушка оделась и пошла на кухню.

– Доброе утро, – поприветствовала ее Мариса. – Садись за стол, завтрак готов.

– Доброе, – буркнула Тали. – Спасибо, не стоит. Я уже уйду.

– Сначала завтрак, потом я осмотрю твою рану, а там решим, что делать дальше.

Завтрак прошел в тягостном молчании. Тали не хотелось продолжать вчерашний безумный разговор, да и компания гадалки была ей неприятна, как и ее методы получения сведений. Девушка не могла простить тот недавний допрос. И небылицы о себе. Она хоть и не помнит своего прошлого, но это совсем не значит, что нужно верить первому встречному. Тем более когда он горюет несусветную чушь. И вообще, для себя Тали все решила. Она баронесса д'Варро и будет ею

до тех пор, пока названный отец от нее не откажется либо пока не выйдет замуж. И точка.

После завтрака Мариса осмотрела и перевязала ее рану.

– Что ж. Как я и ожидала, все в порядке. Неудивительно, с твоей-то регенерацией. Через пару лет и шрама не останется. Ну, ты, наверное, в курсе.

Тали кивнула. Действительно, ее первая боевая рана, полученная в схватке с бывшим женихом, графом Виллемом д'Орретом, затянулась быстро. Янника, неоднократно осматривавшая ее, только диву давалась тому, с какой скоростью бледнел и рассасывался шрам на бедре девушки. Лекарка не раз говорила о том, что в ее практике это первый случай полного восстановления эпидермиса и дермы у человека. Тогда же она предположила, что в родословную Тали затесались эльфы. Девушка в тот раз порадовалась возможностям своего организма. Сейчас же это вызывало лишь досаду, так как служило подтверждением рассказам Марисы. Нет уж, пусть лучше будут эльфы.

– Все, Тали, я закончила. Теперь осталось решить, как нам скрыть тебя от врагов.

– Мариса, спасибо вам за помощь. Но я вернусь в госпиталь. Я лекарь, и мое место там.

– Тали, ты не понимаешь, – покачала головой гадалка. – Вчерашнее событие – это не случайность. На тебя ведется охота, и враги не успокоятся, пока не уничтожат тебя.

– У меня нет врагов. По крайней мере, таких, которые выслеживали бы меня по всему городу с арбалетами наизготовку. Вы преувеличиваете мою значимость.

– Ничуть. Просто тебе не все известно. Например, ты не знаешь, что некая Эйлина, княжна Радич, внучка князя Вигера Радича, увидела в тебе серьезную угрозу своему браку с сыном князя Ольхема Лестерского. Настолько серьезную, что ее дед обратился в гильдию наемных убийц. Не знаешь ты и того, что один из убитых тобой головорезов – да-да, мне известно о твоих похождениях в стольном граде Родгарде – был наследником главы гильдии, и теперь твоя смерть – для последнего дело чести. Может, теперь ты передумаешь?

Тали в ответ упрямо помотала головой. После услышанного она еще больше уверилась в правильности своего решения покинуть этот

дом и никогда сюда не возвращаться.

– Хорошо. Ты вольна уйти, когда захочешь. Но прежде подумай хорошенько. Все-таки стоять в одиночку против теневой гильдии – чистое самоубийство. Я не переживала бы, сохрани ты свои прежние навыки, но сейчас ты напоминаешь беспомощного младенца, если и способного кому навредить, так только себе. Я здесь тоже надолго не задержусь. Слишком опасно. За нами могли проследить и узнать, кто помог тебе. Если вдруг передумаешь и решишь принять мою помощь, приходи в «Веселую утопленницу». Это кабак в порту. Найти его несложно, там над дверью висит фанерный лист с намалеванной на нем бабой с голой грудью и черными космами. Хозяина кабака зовут Рик, он мой старый знакомый. Скажешь ему, что от Марисы. Он поймет.

Тали попрощалась с гадалкой и направилась домой. Рана практически не давала о себе знать, жара не было, девушка чувствовала себя вполне сносно и решила проделать путь пешком, дабы сэкономить несколько монет. На подходе к госпиталю она заметила стоящую у ворот карету без гербов и каких-либо опознавательных знаков. Хотя при здравом размышлении это совершенно ни о чем не говорило, Тали насторожилась и, опустив капюшон на лицо, свернула в проулок, к храму, через который можно было попасть на территорию монастыря, а там и в здание лечебницы. Только дойти до дверей храма она не успела. Дорогу преградили несколько человек, вид которых навевал самые мрачные мысли.

Тали не стала вступать в разговор с незнакомцами, просто развернулась и побежала. Раздавшиеся за ее спиной ругань и слаженный топот лишь подтвердили ее страхи. Выходит, Мариса не обманула. На нее действительно открыли охоту.

Девушка юркнула в маленький переулок. Не сбавляя скорости, перемахнула через небольшой заборчик, оказавшись в чьем-то саду. За ним последовал еще один заборчик и еще один укрытый снегом сад, потом была широкая, выложенная булыжником улица, вдоль которой стояли ровные ряды домов. Парадные фасады зданий скрывали плотную застройку позади и дворы, напоминавшие колодцы, причудливо соединявшиеся узкими арками проходов и заваленными мусором подворотнями. Она бежала со всей возможной скоростью,

игнорируя навязчивое покалывание в боку и резь в легких, стараясь не сбить дыхание.

Один двор сменялся другим, похожим на предыдущий словно брат-близнец. За время работы в госпитале Тали не раз случалось бывать в этих домах. Она успела выучить их переплетение, различать их и находить оптимальные маршруты, чтобы от одного пациента попасть к другому, не затратив слишком много времени, и сейчас знание района помогало убегать от погони.

Впереди показалась знакомая кособокая дверь черного хода. Девушка дернула ее, перепрыгивая через ступеньки, вбежала на последний этаж, откинув крышку люка, забралась на чердак и через него вырвалась на крышу. Она рухнула у печной трубы, жадно глотая морозный воздух. Когда дыхание восстановилось, а сердце сменило бешеный галоп на привычный ритм, Тали, пригибаясь и прячась за кирпичными колоннами труб, прошла по крыше. Убедившись, что преследователей не видно, пробежала по плоским крышам двух стоящих вплотную домов, на крыше третьего дома отыскала нужный люк и через него спустилась на лестницу. Выйдя через парадный вход, она оказалась на рыночной площади, где смешалась с разномастной толпой.

Тали побродила по рынку, проверяя, нет ли хвоста. Затем свернула в сторону порта. Она долго шагала вдоль набережной, пока на смену ресторациям, кофейням и чайным, предназначенным для отдыха приличной публики, не пришли разухабистые пивнушки и кабаки самого низкого сорта.

Грудастая всклокоченная баба оказалась видна издалека. К ней девушка и направилась.

В кабаке было темно и пусто. Время постоянных клиентов еще не наступило, и сейчас в зале находилась только одна тетка, меланхолично возившая шваброй по грязному полу.

– Тебе чего? – поинтересовалась она у Тали.

– Доброго вам здоровья. Могу я увидеть Рика?

– Рик! – заорала тетка в полную силу, отчего у девушки чуть не подогнулись колени. – Рик! Тебя тут девица какая-то спрашивает!

– Хорошенькая хоть? – поинтересовался возникший у стойки высокий мужчина с развитой мускулатурой, которую не скрывала холщовая рубаха свободного кроя.

Бывший солдат или наемник, оценила выправку Тали. Похожие на него молодцы встречали ее сегодня у госпиталя.

– Хорошенькая, – констатировал он, вдоволь налюбовавшись растрепанной и покрасневшейся девушкой. – И чистенькая. Что тебе нужно от меня, милая барышня? Домашние девочки сюда обычно не заходят.

Тали подошла к стойке, поманила мужчину пальцем. Он подался вперед, наклоняясь.

– Я от Марисы, – шепотом произнесла она.

– Понятно. Не ждал тебя так скоро. Ну, иди за мной, раз пришла.

Рик отвел девушку на кухню, где хозяйничала сурового вида женщина.

– Арта, принимай гостью. Я уйду ненадолго. Пригляди за ней, пока меня не будет. Если почувствуешь угрозу, уводи.

Арта окинула девушку мрачным взглядом, не сулившим приятного знакомства, и неожиданно ласково поинтересовалась:

– Голодная, небось?

Тали ненадолго впала в ступор от такого несоответствия и на всякий случай кивнула, после чего перед ней возникли миска с горячей рыбной похлебкой, ломоть ржаного хлеба и кружка разбавленного вина. После еды, чтобы чем-то себя занять и отвлечься от ненужных мыслей, она предложила кухарке свою помощь, чем заслужила ее одобрение. Тали чистила и нарезала овощи, когда вернулся Рик в сопровождении Марисы.

– Ну как, убедилась? – с ходу спросила гадалка.

– Да. Простите, что не поверила вам. Просто столько всего свалилось на мою голову.

– Ничего. Я и не рассчитывала, что ты сразу согласишься принять помощь. И давай-ка на «ты». Все-таки не первый день знакомы. Идем, нас ожидает карета.

Карета, стоявшая у входа в кабак, выглядела довольно примечательно: украшенные позолотой кузов и колеса, шторы из розового атласа на окнах и одетый в парадную ливрею кучер на козлах. Для завершения картины не хватало лакеев на запятках.

– Что это? – Тали в изумлении уставилась на транспортное средство, больше похожее на декорацию для водевиля.

– И не спрашивай, – махнула рукой гадалка.

Женщины погрузились в экипаж, после чего Мариса плотно задернула шторы и потребовала у Тали подробного отчета о событиях, произошедших с момента их расставания. Рассказ получился сжатым, но эмоциональным, и по его окончании девушка поинтересовалась у собеседницы:

– Куда ты меня везешь?

– Боюсь, ответ тебе не понравится.

– И все же?

– В бордель, Тали... В самый лучший публичный дом Родгарда.

– Это такая шутка?

– Никаких шуток, я более чем серьезна. Тали, постой, не глупи, не нужно выпрыгивать на ходу! Да, я везу тебя в бордель, но не за тем, о чем ты подумала. Успокойся? Теперь послушай. Есть у меня один старый знакомый, который готов помочь и укрыть тебя от гильдии убийц. Он контролирует все веселые дома в городе, в том числе и тот, куда мы едем. Согласись, вряд ли тебя будут искать среди элитных проституток. Ты просто поживешь там какое-то время в качестве гостя, назовем это так. Когда все успокоится, уедешь из города или из страны.

– Какие странные у тебя знакомые, Мариса.

– Это часть моей работы: внедряться в определенные круги, собирать и передавать различную информацию, подталкивать некоторых людей к принятию нужных нам решений. Я действую на своем уровне, ты действовала на своем.

– И в чем заключалась моя работа? – поинтересовалась Тали.

– Ты должна была склонить эльфов к сотрудничеству с нами, убедить их открыть мир и войти в Совет Миров на правах полноправного члена. В какой-то мере ты даже преуспела. После трагической гибели первого наследника Этилийского государства его младший брат вышел на контакт с Министерством межмировых коммуникаций. Поначалу искал убийцу брата, потом заинтересовался нашим предложением и открывающимися перед его народом перспективами.

– Почему именно эльфы?

– Они живут несоизмеримо долго в сравнении с другими расами этого мира, что делает их более мудрыми, позволяет им видеть дальше сиюминутных страстей и прихотей, принимать взвешенные решения.

Эльфы были бы лучшими представителями Селевра, чем иные народы, движимые лишь стремлением к наживе. Но Прекрасная Валир и ее покойный брат яростно воспротивились интеграции, и это дало повод подозревать их в том, что они стоят у истоков сдерживания эволюции.

– Эльфийского принца убила я?

– Не знаю, – пожалала плечами Мариса. – Меня не посвящали в подробности твоей миссии. Но маловероятно. Вообще, Министерство использует другие методы. Радикальные меры не приветствуются, но это не невозможно. Я уже говорила, мне неизвестны детали операции. Это секретная информация, доступ к которой имеют лишь избранные. Так что извини, я не смогу ответить на твой вопрос.

– Мы были знакомы раньше?

– Да. Нас здесь немного, и мы знаем каждого.

– Каково мое настоящее имя?

– Мне известен только твой позывной – Ева Четыре. «Ева» – название проекта, видимо, сокращенное от евгеники. Ну и, согласно одной из самых распространенных в нашем мире религий, так звали первую женщину, созданную богом. Цифра означает порядковый номер изделия, так сказать. Что до настоящего имени, то оно засекречено. Видишь ли, ты несколько отличаешься от остальных агентов, да и задание у тебя было особое.

– У меня есть семья? – дрогнувшим голосом спросила Тали. – Там, в другом мире?

– Насчет семьи не в курсе. Все данные об участниках проекта, как я уже сказала, засекречены. Но маловероятно, что она у тебя есть. Для участия в подобных программах отбирают преимущественно сирот, обучавшихся в военно-учебных заведениях.

– Сколько здесь агентов?

– Этого я не могу сказать тебе, Тали, – помотала головой гадалка. – Не имею права.

Они не заметили, как остановилась карета. Разговор прервал кучер, открывший дверь со словами:

– Все, дамы, прибыли.

Экипаж стоял у парадного входа особняка, располагавшегося на границе Верхнего города, уже не в аристократической части столицы, но очень близко к ней, что и понятно, ибо негоже высокородным лордам рисковать жизнью, посещая портовые подворотни. Внешне

здание ничем не выдавало своего назначения. Выложенный из камня и кирпича, сияющий свежей побелкой двухэтажный особняк с фронтоном имел стандартный для Родгарда вид: от средней, центральной, части отходило два крыла, в результате чего строение напоминало букву П. Фасад дома украшали полукруглые, отделанные мрамором пилястры, высокие окна обрамляли декоративные наличники, широкая лестница с балюстрадой вела к массивной двери. Здание выглядело пристойно и благообразно, поэтому Тали первым делом решила, что Мариса разыграла ее. Однако, войдя внутрь, переменила свое мнение.

Миновав небольшой холл, девушка в сопровождении гадалки проследовала в просторную гостиную. Комната была уставлена мягкими диванами, оттоманками, креслами и пуфами, пол устлан коврами, окна задрапированы плотными гардинами. В интерьере преобладал красный цвет, щедро разбавленный золотом. Стены были украшены гобеленами, беглый взгляд на которые заставил Тали покраснеть до кончиков ушей. Несмотря на царивший в помещении полумрак, девушка без труда различила изображенные на них фигуры, сплетавшиеся в причудливых и невоспроизводимых без вреда для здоровья позах. Оставалось только подивиться богатой фантазии ткачей. Над камином висела огромная картина в массивной раме, изображавшая композицию из трех человек на фоне лесной поляны, хотя двое мужчин едва ли были людьми, больше походя на помесь троллей с гномами, да и тонкие точеные черты изнывающей в экстазе женщины выдавали в ней дитя старшего народа.

Красная как рак девушка пристально рассматривала носки собственных сапог, с трудом сдерживая желание взять стоящий на одном из столиков подсвечник и обойти по кругу это гнездо разврата с единственной целью: спалить всю эту коллекцию порнографического беспредела.

К гостям вышла содержательница борделя. В своем строгом, наглухо застегнутом платье и с аккуратно уложенными волосами, она выглядела как уважаемая дама. Ее холеное красивое лицо ничуть не портили следы прожитых лет и надменное выражение. Ничто в облике этой женщины не могло натолкнуть на мысль о роде ее деятельности.

Мадам окинула девушку цепким, оценивающим взглядом.

– Какая прелестная девочка! Какой аристократизм, какая утонченность! Мариса, ты уверена, что такое сокровище стоит прятать? Девочка может сделать великолепную карьеру. У нее отбоя не будет от лучших клиентов этого дома. Полгода-год, и она сможет стать хозяйкой небольшого поместья, а если подойдет к делу ответственно, обеспечит безбедную старость не только себе, но и своим детям и даже внукам.

– Лаура, у нас уговор, – строго произнесла гадалка.

– Помню-помню, – махнула рукой женщина. – Мне невыгодно ссориться с Варием. Однако какая бессмысленная расточительность с его стороны! Как представляю, какой доход она может принести нам...

– Тали, позволь познакомить тебя с хозяйкой этого дома, – обратилась Мариса к девушке. – Ее зовут Лаура, она позаботится о тебе. Здесь ты будешь в безопасности. Если потребуется связаться со мной, сообщи ей, и я приду.

Девушка кивнула Лауре и потянула Марису за рукав в сторону выхода.

– Тали, не глупи, – начала женщина.

– Не волнуйся, я пробуду здесь, сколько потребуется. Но у меня к тебе просьба. Есть в городе один человек, которому нужно сообщить, где я нахожусь. Если, конечно, ему это еще интересно.

– Догадываюсь, что за человек. Некий молодой и привлекательный князь, не так ли?

Девушка кивнула, после чего гадалка продолжила:

– Не переживай, я найду способ передать ему весточку. И да, ему это очень даже интересно. Ты сама не представляешь насколько. Зря ты отказалась от сеанса гадания, узнала бы много любопытного о своем князе, – подмигнула женщина. – Ну все, Тали, мне пора идти. Пообещай, что не выйдешь из этого дома, пока за тобой не приду я или твой князь. Ему можно верить.

– Я больше не уверена в этом, – горько прошептала девушка.

– Зато я уверена абсолютно. У меня свои методы, не забыла? Если он найдет способ взять тебя под свою защиту, я смогу спать спокойно. На него можно положиться, он не причинит тебе зла.

– У него есть только один способ взять меня под защиту. И этот способ меня совершенно не устраивает.

– Ох, Тали, ты забываешь, кем являешься на самом деле. Ты не дочь дворянина, хоть и вжилась в этот образ. Ты шпион, и твоя работа временами требует выполнения весьма пикантных поручений. Кроме того, она сопряжена с немалым риском. Так тебе ли быть пленником условностей? Живи сегодняшним днем, люби, пока есть такая возможность. Кто знает, что ждет тебя завтра, и наступит ли это завтра вообще.

– Какой благочестивый совет! – не сдержала сарказма девушка.

– Издержки профессии, – усмехнулась гадалка. – И твоей в том числе. Да и что ты хотела услышать от супруги покровителя всех публичных домов Родгарда?

Мариса ушла, оставив Тали в глубокой задумчивости. Что она знает о жизни этой женщины? Она даже о себе ничего не знает, кроме того, что Дар был отнюдь не первым ее мужчиной. Как недвусмысленно дала понять Мариса, в прошлой жизни девушка не отличалась благочестием. Есть ли вероятность, что раньше она спала с мужчинами исключительно по долгу службы, чтобы войти в доверие и выведать пару-тройку секретов, необходимых для защиты интересов родины? Это как надо родину любить, чтобы пойти на такое? Если ее выводы верны, она не имеет права считать себя лучше тех женщин, что живут здесь. Эта мысль ввела ее в состояние полного уныния. Но самобичевания прервала Мадам.

– Пойдем, милая, я покажу тебе дом и твою комнату.

Лаура провела Тали по всему дому. Первый этаж, за исключением гостиной, занимали кухня, подсобные помещения и комнаты для слуг. На втором были комнаты работниц борделя, в которых они жили и принимали клиентов. Тали отвели одну из таких комнат. Главной ее достопримечательностью была широкая кровать под балдахином. К счастью, никаких развратных картин в помещении не обнаружилось, зато имелась оборудованная по последнему слову техники ванная комната. Девушкам строго предписывалось блюсти гигиену.

Лаура увлеченно рассказывала о жизни публичного дома и правилах, которые следовало соблюдать его постоялицам. Выяснилось, что жизнь и работа проституток регламентирована не абы чем, а королевским указом, в котором отдельный раздел был отведен под описание гигиенических процедур, от прослушивания которых Тали снова покраснела, а также содержал требования к еженедельному

медицинскому освидетельствованию. Кроме того, публичные дома входили в состав гильдии, возглавляемой Варием, мужем Марисы, и платили налоги, размер которых ничем не отличался от взимаемых с купеческой гильдии.

– Тали, милая, твой наряд никуда не годится, – заключила хозяйка борделя. – Во-первых, он весь в грязи, а во-вторых, у девушек в этом доме особые платья, и, раз ты живешь здесь, тебе следует одеваться так, чтобы не выделяться. Раздевайся и прими ванну. Я велю принести тебе другую одежду. А пока ходишь в халате.

Лаура отказалась покинуть комнату, пока Тали не избавится от одежды. Она внимательно осмотрела девушку, посокрушалась по поводу перевязанной руки, переживая, что нежное плечо будет уродовать шрам, но в целом осталась довольна сложением своей новой подопечной, о чем не преминула ту известить, описывая, какие перспективы ее ждут, если она вдруг решит начать новую жизнь. Тали с большим трудом удалось избавиться от навязчивой дамы.

Едва за Лаурой закрылась дверь, девушка проследовала в ванную. Покрутила позолоченные рычажки, и в чугунную ванну сильным потоком хлынула горячая вода. Такой роскоши не было даже в доме барона, не говоря уже о госпитале. Дома ванну наполняли слуги, в госпитале же приходилось самой греть воду и носить тяжелые ведра в комнату, чтобы затем мыться в широком тазу, трясясь от холода. Разве что в особняке Дара ванная превосходила эту размерами и богатством отделки.

Когда она вышла из ванной, завернутая в широкое полотенце, в комнате ее ждал сюрприз в виде нового наряда и старой знакомой.

– Катина, а ты что здесь делаешь? – с изумлением произнесла не ожидавшая подобной встречи Тали.

– Привет, подруга. Удивлена? – насмешливо поинтересовалась Катина.

Девушка сидела на кровати, одетая в легкомысленное платье, больше напоминавшее пеньюар. Глубокое декольте едва прикрывало пышную грудь, разрезы по бокам подола начинались от середины бедра, позволяя демонстрировать во всей красе крепкие девичьи ноги, да и сам фасон платья был таков, что ткань плотно обтекала тело, не оставляя простора для фантазии.

– Я здесь живу. Ну и работаю. Как и ты.

– Удивлена, – призналась Тали. Ей не понравились ядовитые нотки в голосе подруги. Как и сама ситуация в целом. – Только ты ошибаешься, я здесь не работаю. Просто так сложились обстоятельства, и мне придется провести в этом доме какое-то время.

– Ой ли?

Катина вульгарно расхохоталась, запрокинув голову. Тали неприятно удивилась тому, как переменился образ ее подруги. Словно сбросив прежний скромный наряд, она поменяла свою суть. Куда подевалась бойкая, но милая и воспитанная девушка?

– Прошу тебя, только не говори, что оказалась здесь случайно! – скривила рот Катина. – Я столько раз это слышала, что, право, устала.

– Ты пришла позлорадствовать, или у тебя какое-то дело ко мне?

– Лаура велела передать тебе новую одежду, ну и объяснить, что к чему. Через пару-тройку часов появятся первые клиенты, нужно, чтобы к этому времени ты была готова.

– Знаешь что, Катина, проваливай к демонам! А Лауре можешь передать: если она снова попытается приставать ко мне с предложениями сделать карьеру, я покину ее гостеприимное жилище, и пусть сама потом разбирается со своим хозяином. И ЭТО я не надену! – Тали красноречиво выставила вперед руку, в которой сжимала ярко-красное нечто, по ошибке названное платьем. – Верни мне мою одежду!

– Твоя одежда у прачек. Не нравится платье, ходи голая. А слова твои я Лауре обязательно передам, пусть сама с тобой разбирается. Делать мне больше нечего, как всяким строптивым девицам их место указывать. Я просто хотела помочь. По-дружески. Поддержать, поделиться парой секретов, которые пригодятся в работе.

– Иди ты со своими секретами и поддержкой!

– Не переживай, уже уйду. Только напрасно ты думаешь, что лучше меня. Я знаю, кто твой покровитель. Он невероятно богат и хорош собой, и ты, наверное, рассчитываешь в скором времени стать княгиней. Так вот что я скажу, подруга: ты сильно заблуждаешься, если думаешь, что он заберет тебя отсюда и уж тем более женится на тебе. Этого не случится. Поверь моему опыту и опыту остальных девушек, которые работают здесь. Я пережила подобное и видела, как то же самое происходит с другими. Сначала покровитель убеждает тебя переехать сюда, чтобы, по его словам, иметь возможность

безопасно встречаться в любое время, не вызывая пересудов в обществе. Он заботится о тебе, платит содержание, иногда вывозит в город на прогулки, затем, спустя месяц или два, ты начинаешь замечать, что он приходит все реже, денег оставляет все меньше или не оставляет вовсе. И вот в один прекрасный день ты узнаешь от кого-то из девочек, что он посещает другую, здесь же, и при этом не считает нужным дальше содержать тебя. Потом появляется Лаура и очень ласково рассказывает тебе о новых обязанностях, которые ты должна выполнять, чтобы остаться тут и сохранить прежний образ жизни. Вначале ты отказываешься, и тогда Лаура печальным голосом сообщает, что в таком случае ты должна покинуть ее дом немедленно. И ты понимаешь: идти тебе некуда, помощи просить не у кого, так как в этом городе нет ни одного человека, которому не наплевать на тебя. Средств на жизнь тоже нет, ведь твой покровитель больше не приходит и денег не присылает. То есть путь у тебя только один: в шлюхи, но уже портовые или уличные. А там о тебе никто не будет заботиться и обеспечивать комфорт. Это здесь ты можешь позволить себе провести ночь с одним клиентом, в мягкой кровати, а не грязной подворотне. И любить тебя будет высокородный мужчина, а не воняющий перегаром и потом матрос или беглый каторжник. У каждой из нас своя история, но в чем-то они очень схожи. Так что смирись со своим положением и не тешь себя пустыми иллюзиями.

Закончив говорить, Катина гордо вскинула голову и вышла из комнаты, оставив потрясенную Тали одну.

До этого момента Тали считала ее подругой и переживала за ее судьбу. Сейчас же девушка переменила мнение. Она не испытывала сочувствия к Катине. Не так уж плохо ей тут живется, раз вернулась сюда из госпиталя. Наверняка доход выше и забот меньше. Тали не сомневалась, при желании Катина смогла бы найти другую работу: наняться гувернанткой или компаньонкой к пожилой даме, благо воспитание и образование позволяли, предыдущее общение с ней не оставляло сомнений в этом, горничной, на худой конец. После службы в госпитале она могла получить приличные рекомендации. Но девушка сама выбрала такую судьбу. Не исключено, что ей нравится проводить ночи с «высокородными мужчинами», есть из фарфоровых тарелок, спать на перине и не думать о том, как прожить на скудное жалованье.

В дверь постучали, затем, не дождавшись ответа, в комнату вошла Лаура.

– Милая, почему ты еще не одета? – поинтересовалась женщина.

– Я это носить не буду. Пожалуйста, верните мою одежду. Я благодарна вам за желание помочь, но, видимо, у нас разное понимание того, что такое помощь. Я не хочу больше оставаться в вашем доме и злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Все сказала? Хорошо. Теперь послушай меня. Мне встретила Катина, она передала твои слова. Не знаю, что она наговорила тебе, хотя догадаться нетрудно. Я послала ее передать новую одежду, не более. Думала, раз вы знакомы, тебе будет проще. Выходит, ошибалась.

– Вы знаете, что мы знакомы?

– Естественно. Один человек, которому я не могу отказать, велел мне выделить смышленную девочку, чтобы она какое-то время приглядывала за тобой в госпитале.

– С чего вдруг такая забота о моем благополучии?

– Не знаю. Все мои вопросы о причинах и целях остались без ответа. Видимо, кому-то очень влиятельному небезразлична твоя судьба. И это неплохо, не правда ли? Ты находишься в моем доме на особом положении. Работать тебя никто не заставляет. К слову, я вообще никого ни к чему не принуждаю. Девочки живут здесь по доброй воле и получают неплохой доход. Уж поверь мне, гораздо больший, чем в твоей лечебнице. Всю домашнюю работу выполняют слуги, коих немало. Попасть сюда считается большой удачей, поэтому держать здесь кого бы то ни было силой у меня нет ни повода, ни желания. Надеюсь, мы все прояснили и больше к этой теме возвращаться не станем. Что касается одежды... Все девушки носят подобные платья, чтобы нравиться клиентам. Все-таки здесь веселый дом, а не монастырь. Ты должна одеваться так же, если не хочешь вызвать подозрений. Кроме того, я всем сообщила, что ты живешь здесь по желанию своего покровителя. Многие попали сюда таким же образом, поэтому никто не задастся вопросом, почему ты не выходишь к клиентам. Так ты не будешь привлекать к себе внимания. Мои девочки, да и слуги, слишком болтливы, чтобы говорить им правду. Постарайся ни с кем не ссориться, даже с Катиной. Выходить тебе

нельзя, слишком опасно, а общаться с кем-нибудь да нужно. Иначе одичаешь.

Когда Лаура ушла, девушка надела свое новое платье из тонкого шелка и гипюра, покрутилась перед зеркалом. Платье обманчиво свободного кроя при каждом движении оголяло какую-нибудь часть тела: чуть поведешь плечом – открывается грудь, сделаешь шаг – из складок подола выглядывает бедро, спина и вовсе бесстыдно обнажена. Красный цвет, уместный на королевской мантии или в наряде шлюхи, с беспощадной прямолинейностью убеждал, что она отнюдь не королева. Ткань была воздушной, практически невесомой, и Тали поняла, отчего в доме так натоплено. В подобном наряде немудрено подхватить воспаление легких. Здесь действительно заботились о комфорте работниц.

Тали размышляла о личности покровителя, благодаря которому она оказалось в борделе. Кроме Дара на ум никто не шел. Только ему небезразлична ее судьба, и у него могли иметься знакомые в теневой гильдии, готовые оказать небольшую услугу. Но каким же отъявленным подлецом надо быть, чтобы придумать такую авантюру! Неужели не нашлось другого способа скрыть ее от наемных убийц? Или он такое будущее уготовил Тали? Видимо, она заблуждалась, надевая Дара достоинствами, ему не присущими. Как же плохо она его знает!

В комнате было тепло, но мысль о том, что Дар повел себя по отношению к ней так же, как и мужчина Катины, пристроивший ее в публичный дом, вызывала озноб.

Нет, она не согласна на такую жизнь и такое обращение. Она любит его всем сердцем, но не позволит относиться к себе как к продажной девке. Когда закончится война, она с отцом вернется домой, вернется, как бы ни было больно оттого, что придется отказаться от любви, но лучше провести остаток жизни с разбитым сердцем, чем повторить судьбу Катины, доверившись мужчине.

Грустные мысли прервала служанка, появившаяся с ворохом одежды, большую часть которой составляли платья, похожие на то, что было на девушке. Шкаф пополнился шелками разных оттенков красного.

Ужин подали в комнату, и Тали ела в полном одиночестве. Привыкшая к постоянной деятельности, она не знала, чем себя занять.

Чтобы не думать о Даре, девушка стала повторять в уме названия костей и мышц. После решила поупражняться с кинжалами, на что платье ответило угрожающим треском, и она бросила эту затею.

Лучше бы играла роль служанки, подумала Тали. Хоть какое-то занятие. От ничегонеделания можно и с ума сойти.

Отчаявшись, она принялась искать набор для рукоделия, но безуспешно. Видно, прошлая владелица не интересовалась такими вещами. Тали пыталась представить, чем занимают свободное время девушки, живущие в доме. Но голову заполнили картины, больше относящиеся к их работе, чем досугу. Устав фантазировать, она решила познакомиться с кем-нибудь и попросить пару книг.

Девушка приоткрыла дверь, ведущую в коридор. В комнату ворвались звуки музыки и отголоски смеха. Тали, забыв, где находится, направилась на гомон людских голосов.

Спустившись по лестнице, она очутилась в просторной гостиной, той, с которой началось знакомство с домом. Гостиная больше не пустовала. Кресла и диваны были заняты развалившимися на них мужчинами разных возрастов и разной комплекции, но с одинаковым выражением пресыщенности на лицах. Вокруг гостей вились облаченные в такие же вульгарные, как у Тали, платья юные прелестницы, наполняя бокалы и угодливо смеясь пошлым комплиментам.

Одна из девушек, постоянно сбиваясь, наигрывала на клавикордах разудалую мелодию, под которую отплясывало несколько пар, позволяя себе в танце куда больше, чем принято на балах.

Тали в нерешительности застыла на последней ступеньке.

Ее заметили сразу. Богато одетый добродушный толстяк ссадил с колен свою подругу и направился к Тали.

– Идем к нам, красавица, – произнес он, беря девушку под локоть и целуя в шею.

Тали попыталась вырвать руку, но ей не позволили. Мужчина потянул ее в гостиную.

– Где ты задержалась, малышка?

Мужчина вывел упирающуюся девушку в центр комнаты.

– Господа, только посмотрите, что я нашел! В этой оранжерее распустился новый цветок. Настоящая этилийская роза. Лаура, почему ты скрыла от нас такую красоту?

Музыка смолкла. Все как один повернулись к новенькой. Мужчины глядели с нескрываемым интересом. Девушки с любопытством изучали новую работницу. В одной из них Тали узнала Катину и заметила ликование в ее взгляде.

– Простите, господа, но эта девушка занята, – вмешалась Лаура. Она подошла к Тали и обняла ее, отдаляя таким образом от мужчины. – Она только сегодня появилась в моем доме и, видимо, заблудилась. Правда, милая?

Тали кивнула.

– Пойдем, я отведу тебя в комнату.

– Лаура, позволь ей остаться, – поднявшись, попросил один из гостей.

– Сожалею, господа, но вы знаете правила. Пока у девушки есть покровитель, она не работает.

– А он счастливчик! – произнес толстяк, целуя Тали руки. – Если вдруг он охладет к этой красавице, я должен узнать такую новость первым. Пообещай мне, Лаура.

Женщина рассмеялась.

– Лорд Летий, вы будете первым, кому я сообщу, не сомневайтесь.

Лаура потащила Тали вверх по лестнице.

– Как ты мне это объяснишь? – строго спросила она, остановившись у двери в комнату девушки. – Надумала все-таки подработать?

Тали быстро замотала головой.

– Нет, Лаура, ничего подобного. Просто я не знала, чем себя занять, услышала звуки и спустилась. Я не ожидала, что там будут посторонние мужчины.

– А чего, интересно, ты ожидала? Это веселый дом, и сейчас начало рабочего дня. Если не хочешь неприятностей, до утра из комнаты не выходи. И запри дверь, мало ли, с них станется отправиться на поиски, а я не блюститель нравов, чтобы вытаскивать из твоей койки своих лучших клиентов. Я не желаю ссориться ни с кем из них. Прими к сведению, если станешь делать глупости, будь готова к тому, что утром твои кровать и честь окажутся несколько помяты, хоть и не бесплатно. Слово «нет» в моем доме отсутствует, а начнешь упираться, клиент решит, что это часть игры. Все поняла?

– Да, Лаура. Этого больше не повторится. Только, пожалуйста, дай мне какую-нибудь книгу. Мне совсем не хочется спать, а чем занять себя, просто не представляю.

– Ну хорошо, идем.

Лаура провела Тали в свои покои. Она занимала несколько комнат, обставленных со вкусом и украшенных акварельными пейзажами. Ничего в интерьере помещений не выдавало, кем является их хозяйка. Лаура провела девушку в кабинет с книжными шкафами, большая часть которых была заставлена трудами по экономике, бухгалтерскому учету, сводами законов и королевских указов. Имелась обширная коллекция философских трактатов. Нашлось и легкое чтение. Несколько полок были отведены под популярные романы. Тали выбрала книги и повернулась к Лауре. Та сидела за столом, ожидая, когда девушка определится с выбором. На столе имелись писчие принадлежности, толстая прошитая тетрадь и абак. Обстановка говорила о том, что Лаура здесь работает. Взгляд девушки переместился на небольшую оттоманку, где лежала лютня.

– Вы играете?

– Нет, лютня принадлежала одной из девочек. Та неплохо играла и временами развлекала клиентов. Она больше не работает у меня. Накопила достаточно, чтобы открыть собственный веселый дом в другом городе. Когда уезжала, лютню, видимо, забыла.

– Вы не станете возражать, если я возьму ее на время?

– Бери, если хочешь. Она все равно здесь только для красоты. Ты играешь?

– Немного. Училась раньше, когда жила дома. А ноты есть?

– Были где-то. Сейчас посмотрю. Вот, нашла. Бери и пойдем. Мне нужно возвращаться к клиентам.

Очувтившись в своей комнате, Тали первым делом заперла дверь на задвижку. На всякий случай подергала ручку, проверяя крепость засова. Удовлетворившись результатом, села на кровать и принялась настраивать лютню. Остаток вечера она провела за разбором старинной мелодии.

Трагическая баллада была написана знаменитым бардом позапрошлого века. Через пару часов мучений Тали вспомнила позабытые уроки и могла вполне сносно воспроизвести партитуру, предназначенную для двух голосов: женского сопрано и мужского

баритона. Она перебирала струны, напевая слова любви, которые героиня произносила, прощаясь с возлюбленным. Она пела негромко, но с чувством, представляя, что это она, Тали, навсегда прощается с Даром, чтобы вскоре получить весть о его гибели в бою и, не перенеся горя, броситься вниз на камни с высокой башни старого замка.

Девушка раз за разом повторяла балладу, заучивая наизусть, пока не почувствовала, что ее клонит в сон. Она уснула не раздеваясь, обняв лютную рукой.

Следующие дни мало отличались друг от друга. Привезли ее вещи, оставленные в госпитале. Помня советы Лауры, Тали не решилась переодеться в привычное простое платье и расхаживала в шелках. Она успела познакомиться со всеми работницами веселого дома, коих насчитывалось пятнадцать человек: блондинки, брюнетки, рыжие, высокие и миниатюрные, стройные и с пышными формами. Две девушки имели в своей родословной эльфов, одна вообще выделялась из общей массы иссиня-черным цветом кожи, из-за чего пользовалась особым спросом и была любимицей хозяйки. В общем, бордель мог предоставить своим клиентам широкий ассортимент живого товара.

В разговоре с работницами Тали узнала, что Лаура держит еще один веселый дом, не в центре города, а ближе к портовой его части. Там клиентов обслуживали не только женщины, но и женоподобные юноши. И, по слухам, клиентам того заведения позволялось гораздо больше.

Все девочки были довольны своей участью, боясь лишь того, что в один прекрасный день Лаура укажет им на дверь. На такой случай у каждой имелись вполне приличные сбережения. Кто-то открыл вклад, кто-то покупал недвижимость, благо работа хорошо оплачивалась, среди клиентов было принято оставлять щедрые чаевые, поступавшие в полное распоряжение девушек. В целом к своей ночной жизни они относились как к очень доходной работе, не видя в ней ничего зазорного. Тали новые знакомые восприняли благожелательно, поинтересовались, как она попала сюда, но, получив в ответ несколько коротких фраз, в душу лезть не стали, рассудив, что, если той захочется поделиться, она сделает это сама, а уж выслушать ее всегда готовы.

Сама же Тали узнала массу историй, которые были очень похожи, права оказалась Катина. В основном девушки являлись отпрысками обедневших дворянских домов, с судьбой бесправных приживалок при богатой родне. Многих соблазнили, а после привели в публичный дом состоятельные и не отягощенные моралью родственники. Поначалу содержали и посещали, а после забыли об их существовании.

На общем фоне загубленной первой любви и поруганной невинности выделялась история чернокожей Леи. Она родилась в далекой Сарити, большей частью состоящей из раскаленной пустыни, жители которой селились в оазисах, расположенных на караванных путях. Среди обитателей оазисов было привычным делом предоставлять жен и дочерей проезжавшим мимо купцам для увеселений, разумеется, за плату. Лею с раннего детства готовили к роли общинной жены, поэтому к своему положению она относилась как к чему-то само собой разумеющемуся и не могла понять, отчего лица подруг накрывает тень печали, когда они вспоминают о том, как попали в веселый дом. Лею подростком купил у родителей заезжий купец. Через третьи руки она попала в Родгард и оказалась в одном из портовых борделей, где ее обнаружил Варий, покровитель публичных домов города, после чего повзрослевшая к тому времени Лея стала черным бриллиантом в коллекции Лауры.

В свободное время, а свободным были все часы, которые не уходили на сон, Тали читала и играла на лютне. На четвертый день, когда она сидела за столом и дремала над книгой, в дверь вдруг постучали. В комнату заглянула довольная Катина.

– К тебе гости.

Девушка хихикнула и скрылась.

В дверном проеме возник знакомый силуэт.

Тали поднялась, опрокинув стул, и застыла в нерешительности. Несколько дней она раздумывала над тем, как поступит, встретившись с Даром. Тот не давал о себе знать, и девушка решила, что Дар охладел к ней. Тали не сомневалась, Мариса исполнила просьбу и сообщила, где ее найти. Но Дар все не появлялся. И Тали решила, что будет правильно, если они расстанутся. Девушка долго готовила нужные слова, придирчиво взвешивая каждое, но сейчас они разом позабылись, и она стояла растерянная, глядя Дару в глаза, понимая, что все ее обиды глупы.

Он бросился к ней, разорвав разделявшее их расстояние. Обхватил ладонями лицо, осыпая торопливыми поцелуями.

– Тали, как же я скучал! Милая моя, дорогая! Прости, что не пришел раньше. Если бы я знал! Сколько раз я хотел плюнуть на все и забрать тебя из госпиталя. И только одна мысль останавливала меня: это причинит тебе вред, навлечет на тебя беду. Скажи, ты ждала меня, скучала по мне?

– Да! Да! – шептала она, возвращая поцелуи.

Мужчина поднял Тали, усадил на стол. Его губы были горячими и жадными, движения торопливыми, словно он боялся, что в любую минуту их могут разлучить, и спешил сделать ее своей, заклеить поцелуями и объятьями. Тали не успела понять, как так вышло, что она оказалась распластанной на столе, с задранной подолом и разведенными ногами. А потом он потянул ее бедрами на себя.

– Дар, остановись! Пожалуйста! Не надо. Не здесь. Прошу тебя! Дар!

Он не слышал ее.

Тали попыталась вырваться из его рук, но Дар не позволил. Она сжала зубы, глядя в потолок, ожидая, когда все закончится.

С протяжным полустоном захват ослабел, и Тали отпихнула мужчину, спрыгивая со стола.

Дрожащими руками она пыталась поправить платье. Дар хотел объять ее, но замер, натолкнувшись на яростный взгляд.

– Как ты мог! – закричала девушка. – Я же просила тебя! Просила, чтобы ты прекратил!

Она всхлипнула, пряча лицо в ладонях.

Дар растерянно посмотрел на нее, затем подхватил на руки, отнес в кровать. Лег рядом, обнимая, глядя вздрагивающую спину, отвел ее ладони, целуя мокрое от слез лицо.

– Я не хотела так... Не хотела здесь... – прорывалось сквозь судорожные рыдания. – Я же просила тебя, просила... Ну почему ты так?.. Словно со мной можно не считаться... Словно я шлюха!

– Тали, родная моя, девочка моя, успокойся, пожалуйста! Я не хотел тебя обидеть, просто не сдержался. Я скучал, изводился, запрещал себе думать о тебе, но ничего не мог с собой поделать. Без тебя я с ума схожу! Ну прости! Что мне сделать, чтобы ты перестала плакать?

– Уйди. Просто уйди. Прямо сейчас, – сквозь слезы сказала она.

– Нет. Пока ты не успокоишься и мы не поговорим, я никуда не уйду. А если и уйду, то только с тобой. У меня было время подумать, и я для себя все решил.

– И что же ты решил?

– Я надеялся, ты согласишься остаться здесь хотя бы на время. Это было бы самым лучшим вариантом. Так тебя никто не обнаружит, и мы могли бы часто встречаться, не привлекая ненужного внимания.

Дар говорил вдохновенно, убедительно, не замечая, как меняется лицо девушки, как кривятся в злой усмешке губы и недобро щурятся глаза. Он, сам того не ведая, практически дословно воспроизвел то, что сказала Катина, желая уязвить Тали.

– Но есть и другой вариант. Я купил дом в хорошем районе, нанял слуг. Ты переедешь в него, а я буду навещать тебя. В любом случае я не оставлю тебя и обеспечу тот образ жизни, к которому ты привыкла, когда жила с отцом. Раз тебе здесь не нравится, не нужно оставаться в этом доме. Да и я больше не вижу смысла делать тайну из наших отношений.

– Дар, это не дом! Это бордель! Ты понимаешь? И живут в нем продажные женщины. Проститутки! – Тали сорвалась на крик. – И ты сейчас говоришь, что было бы правильно оставить меня здесь, нанося время от времени визиты?! То есть считаешь меня такой же, как они?! Ты говоришь, что сможешь обеспечить мне прежний уровень жизни. А репутацию тоже сможешь обеспечить? Конечно, сможешь! Репутацию продажной девки, от которой отвернется приличное общество. А раз так, зачем мне уезжать отсюда? Это же очень удобно для тебя. И потом... Да, и что же потом? А знаешь что? Я расскажу. Вначале ты будешь радовать меня частыми визитами и богатыми подарками, затем станешь приезжать все реже, а после и вовсе не ко мне, а к какой-нибудь другой девице. Например, к Лее. У нее же черная кожа, а это так необычно! Потом Лаура сообщит этому, как его, Летию, такому толстому лорду, что я надоела своему прежнему покровителю, и у меня тут же появится новый. За ним следующий, а потом я в общем зале буду завлекать к себе любого, кто захочет скоротать со мной ночь. Пара-тройка лет, и я стану весьма обеспеченной дамой и даже смогу открыть веселый дом наподобие этого, или нет, лучше этого, такой, в котором прислуживают не только девочки, но и мальчики.

Здорово я придумала? Скажи? Нравится тебе? Нет? Вот и мне тоже как-то не очень. Поэтому сейчас ты встанешь и уйдешь отсюда. И больше никогда не вернешься. Никогда! Ты меня слышишь?!

Дар поднялся, прошелся по комнате, скупыми, выверенными движениями поправляя одежду. Тали знала, так он пытается сдержать гнев.

– Я уйду. Просто чтобы не злить тебя. Но завтра вернусь и заберу отсюда. Мне не нравится то, что с тобой происходит. Видимо, это место на тебя плохо влияет. А раз так, тебе нечего здесь делать. Я скажу Лауре, чтобы велела собрать твои вещи. Ты переедешь в новый дом. Я приставлю к тебе охрану. Твоя знакомая рассказала, из-за чего ты очутилась здесь. Это целиком и полностью моя вина и моя ответственность. Я обещал защищать тебя, а вместо этого сам же подставил под удар. И к нашему разговору мы еще вернемся. Очень прошу, не придумывай больше всяких глупостей. Пойми одну простую вещь: ты нужна мне. Очень нужна. Я не отпущу тебя.

– А мое мнение учитывается?

– Нет, Тали, прости, но я поступаю так, как будет лучше для тебя.

– Ненавижу! – прошипела она. – Ненавижу тебя! Убирайся к демонам!

Дар подошел к кровати, сгреб девушку в охапку. Поцеловал, пресекая все попытки освободиться, и в поцелуе этом было больше злости, чем нежности. После швырнул обратно на кровать.

Тали уткнулась в подушку, вздрагивая от рыданий.

– Плачешь? – раздался над ухом девичий голосок.

Тали подняла лицо. Возле кровати стояла Катина. Дара в комнате не было.

– Твой лорд объяснил тебе, кем ты на самом деле являешься? Я видела, как он расплачивался с Лаурой. Кучу денег выложил. Расщедрился. Похоже, ты хорошо приласкала его. Как тебе, должно быть, сейчас больно, как обидно. Прекрасно тебя понимаю. Со мной так же было. Но не расстраивайся, это пройдет. Не сразу, но пройдет. И потом, здесь совсем неплохо. Есть масса мест, где с девушками обращаются намного хуже: бьют, одурманивают разными настойками, заставляют обслуживать одновременно нескольких клиентов. У нас же все совсем не так. Лаура заботится о девочках, о нашей красоте, чтобы ее не портили синяки и ссадины.

– Катина, уйди, или я за себя не отвечаю! – прорычала Тали, прерывая мерзкое сюсюканье бывшей подруги. – Мне сейчас ничего не стоит свернуть тебе шею. Поверь, я сделаю это с легкостью и радостью.

– Я лишь хотела помочь. – Катина состроила жалобную гримасу.

– Ты лишь хотела поглумиться надо мной. Но, поверь, не стоит. Завтра я уйду отсюда. Уйду и больше не вернусь. Дар заберет меня, он обещал, а он слов на ветер не бросает.

– Заберет, как же, – злорадно рассмеялась Катина. – Какая же ты наивная!

Она хотела еще что-то добавить, но увидев, что Тали поднимается с перекошенным лицом и явным намерением воплотить угрозу в действие, вскрикнула и поспешно ретировалась.

В целом Катина была довольна. Все складывалось именно так, как она и предполагала. Не пройдет и месяца, как Тали наравне с остальными будет удовлетворять прихоти Лауриных гостей, соревнуясь за самого щедрого клиента. Не случится в ее жизни сказки. Не видать ей княжеского титула, что бы она там себе ни напридумывала. Тоже княгиня выискалась! Обычная шлюха, а гонору как у королевы. Но жизнь всех рассудит, все расставит по своим местам. Каждому воздаст по заслугам. Тем не менее о наивных планах княжеской подстилки стоит сообщить кому следует.

После ухода Катины Тали заперла дверь на засов. Девушка осталась глуха к увещаниям служанки, которая принесла обед, так как Тали не вышла в назначенное время в столовую. Проигнорировала и ужин. Есть не хотелось, да что там есть, жить не хотелось.

Минувший день вдребезги разбил все ее иллюзии, все мечты. Как он мог предположить... Как мог допустить мысль, что Тали согласится остаться здесь на его унижительных условиях? А это его «я обеспечу тебе тот образ жизни, к которому ты привыкла». Да что он знает о ее образе жизни? Что вообще о ней знает, если она сама о себе ничего не помнит. Но и это не дает ему права обращаться с ней как с вещью. Они вернулись к тому, с чего начали. Тогда, давно, в лесной избушке, Дар не скрывал своих планов на нее и ее будущее. Она военный трофей. Расписная ваза на каминной полке. И Тали сама согласилась на такое положение, когда бросилась в его объятия. Да, он был нежен, заботлив, внимателен. Ровно неделю. Потом забыл про нее. А сегодня и вовсе

поступил невообразимо! Взял ее как первую подвернувшуюся в захваченном городе женщину. Как обозную девку.

В дверь постучали. Тали не отреагировала. Стук повторился и стал настойчивей. Девушка приняла твердое решение не отвечать.

– Тали, открой немедленно! Или я велю выставить дверь, а счет за ремонт пошлю твоему князю! – раздался голос Лауры.

Пришлось подниматься и открывать, так как обрисованная Лаурой перспектива совершенно не вдохновляла.

Опытной Мадам хватило беглого взгляда, чтобы оценить ситуацию.

– По какому поводу слезы? – удивилась она. – Радоваться надо, а ты реवेशь. Или это от счастья? Хотя нет, не похоже.

– Чему радоваться? Какая разница, здесь или там, в его доме. Я для него все равно буду шлюхой, чье мнение никого не интересует. Девкой, которой можно без предисловий задрать подол и употребить ее в свое удовольствие.

– Ах вон оно что! Неудачное свидание.

– Можно и так сказать, – вздохнула Тали.

– Ох уж эти мужчины! Ничего нормально сделать не могут, даже нужное предисловие подобрать, прежде чем употребить. Было бы из-за чего сокрушаться! Твой князь, как узнал, где ты, помчался сюда, забыв про свою невесту. Должен был с ней отправиться на прием к королю, а вместо этого побежал в бордель. Так не терпелось кого-нибудь употребить, другого времени и места просто не нашлось. А тебе известно, что он уже месяц тянет с объявлением помолвки? Весь Родгард судачит об этом. Кое-кто из клиентов шепнул: князь не горит желанием породниться с Вигером Радичем, даром что его внучка первая красавица королевства. Дошло до того, что королю пришлось вмешаться. Дурочка! По тебе такой мужчина сохнет, а ты тут сырость развела! Держи, думаю, не помешает, – с этими словами Лаура протянула девушке крошечный пузырек.

– Что это?

– Успокоительное. Тебе нужно прийти в себя, иначе завтра напугаешь князя распухшим лицом. – Лаура проследила за тем, чтобы настойка была выпита. – Молодец. А сейчас поешь и ложись спать. Завтра вечером князь придет за тобой. Он велел подготовить твои вещи. Я уже отдала распоряжение слугам. Он любит тебя и

позаботится о тебе. Не смотри так, я знаю, о чем говорю. И да, если когда-нибудь так случится, что тебе некуда будет идти, двери моего дома открыты. Надеюсь, к тому времени, если, конечно, это произойдет, ты не потеряешь свою красоту. Береги себя, милая. Не стоит рвать сердце из-за мужчины. Мужчин много, а сердце одно.

Женщина велела служанке принести ужин.

Тали равнодушно возила котлету по тарелке, размышляя над словами хозяйки борделя. И она, и Мариса словно спелись, убеждая в том, что Дар любит ее, хотя его слова и поступки говорили об обратном. Разве это любовь, если ты, не задумываясь, причиняешь боль близкому человеку, не считаешься с его чувствами и желаниями?

Благодаря выпитой настойке Тали довольно скоро впала в состояние апатии. Думать больше ни о чем не хотелось, и она легла в кровать, мысленно прося богов о том, чтобы больше никогда не проснуться. Но боги остались глухи к ее мольбам, и утро все-таки наступило, а вместе с ним пришла холодная решимость сделать так, как она считает правильным.

Тали переедет в новый дом, который Дар купил для нее, однако это не означает, что она согласится на роль содержанки. Лишь притворится, что смирилась со своей участью, а сама при первой же возможности уедет из Родгарда. Она научилась жить самостоятельно, знает, как прокормить себя. Надо лишь найти какой-нибудь тихий городок, где ее не достанет гильдия наемных убийц, желательно на границе с империей, переждать, пока не закончится война, и, как только отец вернется на родину, отправиться домой.

Дар не обманул, и, едва на город опустились сумерки, за Тали прибыла карета со знакомым ей кучером. Карету сопровождал вооруженный отряд. Обещанная Даром охрана.

Ехали долго, и Тали несколько раз обеспокоенно отдергивала занавески, вглядываясь в темноту. Она помнила, Дар говорил про дом в городе. Или ей показалось? Неужели решил поселить ее в пригороде, запереть в четырех стенах и лишить всякого общения с людьми? Рассчитывает, что, истосковавшись взаперти, она будет радостно кидаться ему на шею всякий раз, как он изволит нанести визит? Умно. И невероятно подло.

Карета доставила девушку к огромному особняку, окруженному парком. Содержать такой дворец мог только баснословно богатый

человек. Неужели вся эта громадина для нее одной? Но зачем? Чего он этим добивается? Хочет показать, что готов скрасить ее падение невероятной роскошью? Пытается подкупить? Нарядит в парчу и бархат, усыплет бриллиантами и бросит в пустом особняке проводить тоскливые вечера в надежде на то, что, может быть, сегодня он порадует ее своим вниманием?

Один из стражей распахнул перед ней дверцу, помог выйти. Вместе с ним Тали вошла в дом и оказалась в просторном великолепном холле. Дом не пустовал. Было видно, что в нем живут люди, что он не куплен несколько дней назад. Совсем не так встречает новый дом своего хозяина. Здесь не было следов запустения или недавнего переезда. Конечно, слуги могли расстараться, но неужели они настолько расторопны? Создавалось впечатление, что настоящие хозяева ушли ненадолго и с минуты на минуту вернуться.

Тали не понимала, зачем ее привезли сюда.

Недоумение усилилось, когда к ней подошел бандитского вида детина, который совершенно точно не мог быть дворецким.

– Добрый вечер, – обратилась к нему девушка, – я могу увидеть князя Вельского?

– А как же, – недобро усмехнулся парень.

Тали не ожидала угрозы и не успела отреагировать на летящий в лицо кулак. Она без чувств рухнула на мраморный пол.

Глава 12

Пробуждение было малоприятным. К горлу подкатывала тошнота, раскалывалась голова, плыло перед глазами. Тали со стоном приподнялась на локтях и огляделась. Она находилась в мрачном помещении без окон. Единственным источником света служил масляный фонарь, висевший возле оббитой металлом двери. В его затухающем мерцании девушка смогла рассмотреть каменную кладку стен и пола, а заодно пугающего вида механические устройства. Сама она лежала на сваленной у стены куче истлевшего тряпья. Руки были скованы тяжелыми кандалами, шею натирал металлический ошейник с толстой проржавелой цепью, вмурованной в стену.

– Боги! Куда я попала? – прошептала она.

– Очнулась? Наконец-то! – донесся из темноты знакомый женский голос. – Я думала, они тебя убили.

Тали, преодолевая боль в голове, обернулась на звук. В нескольких шагах от нее висела прикованная к стене Катина.

– Катина, а ты что здесь делаешь?

– То же, что и ты. Жду смерти. – Девушка затряслась от рыданий. – Тали, прости меня! Я не думала, что все так обернется. Я не хотела этого, честное слово!

– О чем ты? Ты сдала меня гильдии убийц? Если так, почему мы еще живы?

– Нет, не гильдии. Я бы никогда так не поступила. Правда! Если бы я знала! И зачем только ей поверила! Тали, прости меня! Прости, пожалуйста!

– Катина, перестань реветь и объясни по-человечески, что происходит и чего от нас хотят.

– Я не знаю! Правда не знаю. Я просто так давно мечтала о собственном доме. Большом красивом доме с миленьким садом вокруг. Я уже присмотрела один такой, но не хватало денег. Можно было попросить у Лауры, но та дает только под проценты. А тут она. Сказала, приведи ее ко мне, и я отблагодарю. И назвала сумму, которой хватило бы и дом купить, и с этой проклятой работой завязать навсегда. Но я не думала, что она захочет убить тебя. Убить нас. Я

думала, тебя увезут из города, подержат какое-то время взаперти, а потом отпустят. После свадьбы. Она так сказала. Она обещала, что с тобой ничего плохого не случится.

– И ты поверила? Кто тебя нанял? Кто эта женщина? Катина, кто она?

Но бывшая подруга не слышала вопросов, сотрясаясь в беззвучном плаче и бормоча молитвы. Тали поняла, что большего от нее не добьется, и решила проверить, насколько крепки оковы. С трудом поднялась на ноги, сделала несколько нетвердых шагов, после чего цепь на ошейнике натянулась. Девушка несколько раз с силой дернула ее, но та держалась крепко. На ощупь нашла у ошейника замок. Поняла, что простой шпилькой его не открыть. Да и не было у нее шпильки. Ползая по полу, насколько позволяла цепь, она обшаривала его в поисках чего-нибудь, что могло сгодиться на роль отмычки. Но пол устлал лишь комья грязи да мышиный помет. Прощупывание собственного ложа тоже не дало результатов. Тали без сил рухнула на тряпье, прислонив гудящую голову к холодному камню. Ей казалось, что так боль немного отступает.

Тали несколько раз окликала Катину, не оставляя надежды узнать, кто та загадочная женщина, по чьей милости они очутились в каменном мешке, и как с ней связан кучер Дара. Ведь именно он привез в этот дом доверившуюся ему девушку. Но Катина не отзывалась. Оставалось только ждать, пока похититель сам себя обнаружит.

Ждать пришлось долго. По ощущениям после пробуждения прошло уже не меньше суток. От голода подводило живот, от жажды саднило горло. Фонарь потух, и в кромешной тьме изредка раздавались всхлипы Катины. Тали пыталась поговорить с ней, но в ответ неслась бессмыслица вперемешку с молитвами. Девушка начала опасаться, что Катина повредилась умом.

Да и сама она была близка к безумию, поняв, что никто не придет за ними. Их просто бросили в каменном мешке умирать от голода и жажды, и она так и не узнает, кому в очередной раз неосторожно перешла дорогу.

Тали решила, что бредит, когда услышала скрежет засова и грохот тяжелой двери. От света она ослепла на несколько минут, а когда глаза привыкли к нему, смогла разглядеть людей с лампами в руках. И

поняла, что за устройства громоздятся в помещении. По позвоночнику побежал холод.

Их с Катиной заперли в пыточной.

Среди вошедших оказался Дар. Его обнимала юная аристократка удивительной красоты, чье лицо было Тали знакомо.

– Дар! – Тали рванулась к мужчине, но цепь остановила ее. Девушка рухнула на полпути, хватаясь руками за отбитую шею. – Что происходит? – просипела она.

Мужчина равнодушно смотрел на нее, и его пустой холодный взгляд показался страшнее всего, что Тали пережила за время, проведенное в пыточной.

– Почему? – прошептала она.

– Позволь, я тебе все объясню, – проговорила светловолосая красавица.

Она была миниатюрной, с изящной женственной фигурой и невероятно прелестным лицом. Она напоминала сказочную фею. От нее веяло удивительной силы магнетизмом и, казалось, исходило неземное сияние. Такое создание не могло быть жестоким, не могло творить зло. Глядя на нее, Тали почти уверилась, что сейчас их с Катиной освободят, извинятся за ошибку и предложат поселиться в сказочном лесу или же отпустят с богатыми дарами, тоже сказочными.

Но этого не случилось. Волшебное создание не обладало милосердием. Оно насмеялось и торжествовало.

– Меня зовут Эйлина Радич, – мелодичным голоском произнесло создание. – Я невеста князя Вельского. Сегодня состоялась наша помолвка. Собственно, поэтому мы вчера и не смогли встретиться с тобой как полагается. Были заняты подготовкой к торжеству. Но сейчас мы исправим упущение.

– Что тебе от меня нужно? – прохрипела Тали, избавляясь от наваждения.

Сказочная фея обрела имя и с ним утратила волшебную суть. Про княжну Радич Тали помнила, как помнила и предположения Марисы о том, кто заказал ее гильдии убийц.

– Видишь ли, тебе в нашем торжестве отведена особая роль. Ты – маленький подарок, который преподнес мне жених в этот чудесный день. А раз ты мой подарок, я могу делать с тобой все, что захочу, – княжна рассмеялась. – И поверь, хочется мне очень-очень многого.

Ведь это ты пыталась спутать мои планы. Это из-за тебя могла сорваться моя свадьба. Из-за тебя мой любимый даже не смотрел на меня, хотя, скажу откровенно, не понимаю причин его увлечения. Но теперь-то все будет иначе. Когда я закончу с тобой, он тебя не узнает. Тебя вообще никто не узнает, обещаю. Ты будешь безымянным изуродованным трупом.

Эйлина так увлеклась живописанием ожидающих соперницу несчастий, что сама не заметила, как вплотную подобралась к своей жертве, чем та не преминула воспользоваться. Тали дернула Эйлину за подол, отчего она рухнула на пол, и, навалившись на княжну всем телом, принялась душить ее.

Попытку расправы быстро пресекли. Тали оторвали от княжны, швырнули в сторону. Она отлетела к стене, приложившись больной головой о каменные плиты, и упала на кучу тряпья. Ее тут же окружили слуги Эйлины. Тали съежилась, пытаясь хоть как-то защититься от града пинков и ударов. Она закрывала голову руками, притягивала к животу ноги, но это не спасало от разрывающей боли.

– Не переусердствуйте! – раздался властный окрик княжны. – Она пока нужна мне живой.

Теря сознание, сквозь навалившуюся тьму Тали продолжала чувствовать боль от непрекращающихся ударов.

В чувство девушку привела выплеснутая из ведра вода. Тали лежала на мокром полу, с крепко связанными за спиной руками, чувствуя, как раздувается лицо и ломит тело.

В каменном подвале появились стулья, на которых расположились безучастный к происходящему Дар и его довольная невеста. Двое мужчин стояли за их спинами, еще один крутился возле Тали. Чем он был занят, девушка рассмотреть не могла.

– Ты меня перебила, а это невежливо. Думаю, следует преподать тебе урок хороших манер, – произнесла княжна и развернулась к Дару, поглаживая его по руке. – Любимый, покрути вон то колесо. Крути его до тех пор, пока я не скажу, что уже достаточно.

Мужчина покорно поднялся, подошел к большому колесу, прикрепленному к двум балкам, и принялся медленно вращать его.

Тали чувствовала, как выкручивает связанные за спиной руки. Повинуясь усиливающемуся натяжению, она против воли встала на ноги, затем ее тело поднялось в воздух. Вместе с ощущением пропасти

под ногами пришла нестерпимая боль. Она накатывала волнами, начинаясь в неестественно вывернутых суставах, разливалась по всему телу и тысячами раскаленных игл впивалась в голову. Тали до крови прокусила губу, пытаясь сдержать отчаянные крики. Она не собиралась радовать княжну. Пока она может терпеть боль, эта тварь не услышит ни одного ее стога. Через гул в ушах просочилось нежное мурлыканье:

– Хватит, любимый.

Княжна встала напротив висящей на вывернутых руках соперницы и, не таясь, наслаждалась ее мучениями.

– Знаешь, дыба – довольно мягкий способ воздействия. Раньше ее применяли к тем, чьи преступления малозначительны. Либо же в самом начале допроса, давая понять, что и палачу не чуждо милосердие. Если преступник раскаивался и сознавался во всем, пытки прекращались. Но твой случай особый, поэтому не рассчитывай легко отделаться.

– Катись к демонам! – прохрипела Тали, добавив пару красочных ругательств, разъяряющих дорогу.

– Что ты знаешь о демонах? – рассмеялась княжна. – Я знакома с одним, и поверь, это знакомство куда приятнее, чем принято считать. Он дал мне такую силу, такую власть над людьми, о которой ты и не мечтала. Поначалу я сомневалась, стоит ли заходить так далеко, но ты не оставила мне выбора, и я не пожалела ни секунды.

– Что ты сделала с Даром?

– Он часть моего договора с демоном. Правда, пришлось повозиться. Не знаю, как тебе это удалось, но чарам он сопротивлялся долго. Лишь позавчера мне удалось активировать действие заклęcia. Теперь он полностью послушен моей воле. Это так забавно! Ты не представляешь. И у него не осталось никаких чувств к тебе. Хочешь, докажу? Милый, подойди к нам.

Дар послушно встал рядом с невестой. Он невозмутимо смотрел на Тали, словно все происходящее было для него в порядке вещей. К физической боли добавилась боль душевная.

– Дар, очнись! Приди же в себя, наконец! Умоляю! – она больше не могла сдерживать крик.

Но мужчина никак не реагировал, лишь переводил безмятежный взгляд с любовницы на невесту.

– Видишь? И ты еще на что-то надеешься? – произнесла княжна с усмешкой, а затем бросила одному из охранников: – Отпусти колесо.

Натяжение резко ослабло, и Тали с размаху рухнула на холодные плиты пола, где скорчилась от нового приступа боли под равнодушным взглядом Дара и радостным его невесты.

– Чтобы ты окончательно убедилась в силе моего влияния на МОЕГО князя, я продемонстрирую, на что он способен, и заодно преподам урок одной зарвавшейся шлюхе, которая планировала, избавившись от тебя, забраться к нему в постель.

Княжна обернулась к Дару и указала на притихшую Катину, про которую Тали совсем забыла:

– Любимый, убей эту девку.

– Эйлина, не нужно! – попыталась вступить за бывшую подругу Тали. – Она-то что тебе сделала?

– Неужели тебе жаль ее? После того, как она поступила с тобой? Она же продала тебя за пачку ассигнаций.

– Мне безразличны ее мотивы. Я не желаю Катине смерти и не понимаю, зачем она тебе.

– Ты настолько глупа, что думаешь, будто я оставлю в живых свидетеля? И потом, моему демону нужна человеческая кровь. Много крови. Это тоже часть договора. Увы.

Дар тем временем подошел к висящей на стене Катине. Девушка, похоже, смирилась со своей участью и даже не пыталась взывать к милосердию.

– Дар! Остановись! Не делай этого. Прошу тебя! Дар!

Тали попыталась подняться, но ей не позволил охранник, пинком свалив обратно на пол.

Сквозь пелену боли она видела, как невозмутимый Дар вспарывает покорной жертве живот, как бьется в предсмертных судорогах, а затем обмякает, свесившись на цепях, Катина.

Тали завывала от отчаяния.

– Тварь, какая же ты тварь! Однажды он очнется. Я верю, Дар сможет! И тогда он собственными руками переломит тебе хребет!

– Сомневаюсь, – отмахнулась Эйлина. – В любом случае ты этого не увидишь. Раздевайте ее и кладите на решетку, – распорядилась княжна.

Было видно, что запах крови и чужие страдания приводят ее в восторг. В глазах появился безумный блеск, тонкие ноздри подрагивали, раздуваясь, губы кривились в плотоядной усмешке.

Две пары сильных рук подняли Тали с пола, болезненными ударами пресекая сопротивление. Несколько рывков, и остатки платья упали на пол. Брыкающуюся девушку кинули на металлическую решетку, напомилавшую остов кровати, руки и ноги стянули оковами. Тали билась, пытаясь освободиться, раздирая в кровь лодыжки и запястья. Княжна развлекалась, наблюдая за ее трепыханиями.

– Сейчас под решетку положат горящие угли. Тебе даже будет приятно. Поначалу. Затем понемногу будут подбрасывать поленья, для усиления эффекта. И ты начнешь равномерно прожариваться. Приятно, как ты, наверное, догадываешься, больше не будет. Очень скоро ты начнешь завидовать своей подруге, поскольку поймешь, что ее смерть оказалась легкой.

– Зачем ты делаешь это? Чего добиваешься? Почему сразу не убьешь меня?

Княжна растянула губы в приторной улыбке. И хотя угли еще не принесли, а решетка была ледяной, Тали кожей почувствовала обещанный жар.

– Потому что мне это нравится, – пропела Эйлина. – Мне нравится наблюдать за твоими мучениями. Я страстно желаю видеть, как ты будешь корчиться от боли, слышать твой визг и мольбы об избавлении. Я хочу, чтобы ты умоляла о смерти. Кроме того, от твоей агонии мой демон получит немалую силу, часть которой достанется мне. И чем дольше будет длиться агония, тем больше у меня появится силы. А мне ее нужно немало. У меня большие планы на это королевство. Видишь, как все просто?

Княжна повернулась к одному из охранников.

– Жако, носи угли. Думаю, камин уже достаточно разгорелся. А ты, милочка, отдохни пока.

Слуга вышел. За дверью раздался грохот.

– Упал он там, что ли? – произнесла княжна и обратилась ко второму охраннику: – Проверь, что там происходит, и принесите, наконец, угли. Да пошевеливайтесь! Меня начинает утомлять ваша тупость!

Второй слуга исчез вслед за первым, грохот повторился. Дверь распахнулась, и камеру заполнили люди в форме белоярской гвардии с взведенными арбалетами наперевес. Предводитель неожиданных спасителей, в котором Тали узнала этилийского принца, с интересом озирался по сторонам. Выражение его лица менялось по мере того, как он мысленно воссоздавал картину случившегося. Когда взгляд эльфа остановился на Катине с распоротым животом и широкой лужей крови, натекающей под телом, густой и казавшейся черной, его глаза округлились, и он произнес:

– Поразительные вещи порой скрываются за стенами благопристойных домов.

Затем он отвесил хозяйке дома и ее жениху шутовской поклон.

– Князь, княжна, мое почтение. До чего же удивительная встреча! Приятно видеть, что у вас есть общие интересы. – Он красноречиво повел рукой. – Верный признак того, что семейная жизнь долго не наскучит вам обоим. Всегда будет, чем заняться, о чем поговорить. В наши дни редкая удача встретить родственную душу.

– Что вам здесь нужно? По какому праву вы ворвались в мой дом? – Княжна гордо вскинула хорошенькую головку. Ее изумрудные глаза полыхнули гневом.

– Да мы, собственно, на минутку. Только заберем эту милую девушку, пожелаем вам приятного вечера и покинем ваше негостеприимное гнездышко, – с издевкой ответил эльф.

– Убирайтесь немедленно! И тогда, обещаю, я прощу вам этот инцидент!

– Леди Эйлина, вы забываете, с кем разговариваете, – прищурился принц.

– Ты, эльфийский выродок, помесь непонятных кровей, не смей вставать у меня на пути, иначе сильно пожалеешь о том, что появился в Родгарде! Сначала я разделаюсь с девкой, а потом примусь за тебя. Охрана! Немедленно сюда! – закричала княжна.

– Не стоит так напрягаться. Голосок сорвете. – Эльф демонстративно прочистил ухо мизинцем. – Да и вряд ли они вас услышат. К моему великому сожалению, ваши люди пытались воспрепятствовать королевским гвардейцам при исполнении, так что нам ничего не оставалось, кроме как убить их. Примите мои искренние соболезнования по этому поводу. Кроме того, должен заметить, что

ваши угрозы нелепы и опасны. Если учесть, в каком щекотливом положении я застал вас, вы должны не только выполнить мою скромную просьбу, но и на коленях умолять не предавать все, что я увидел, огласке.

– На коленях? Перед тобой? – Княжна зашлась в зловещем хохоте. – Ты не понимаешь, с кем связался! Да я в пыль тебя сотру, ублюдок эльфийский! Дар, разберись с ним. Убей его, немедленно! – распорядилась княжна, тыча пальцем в эльфа, словно не замечая, что на стороне появившихся явный численный перевес.

Дар послушно вынул меч и пошел на противника. Движения его были нелепыми, как у заводной куклы. Ничто в нем не напоминало умелого воина, каким все знали его до встречи с княжной. Он больше походил на пьяного актера любительского театра.

– Князь, я бы не советовал вам делать глупостей. Опустите оружие, – мягко произнес принц. – Не стрелять! – приказал он гвардейцам, но те и не собирались целиться в князя, лишь с недоумением следили за происходящим.

Эльф легко увернулся от направленного в него удара, незаметным, от скорости смазанным движением перехватил кисть мужчины, вывернул ее, выбивая меч. После этого Дара окружили гвардейцы, заломив ему за спиной руки. Он даже не пытался вырваться из захвата.

– Ильрохир, князь находится под действием заклятия, – обратился к принцу еще один эльф. Этот, в отличие от принца, был чистокровным представителем своей расы.

– Я заметил, Феандир. Сможешь снять?

– Это несложно. Но сначала нужно разобраться с женщиной. Она одержима и представляет опасность.

– Справишься?

Эльф не ответил, лишь повел плечом, давая понять, что сомнения в его способностях по меньшей мере оскорбительны.

Княжна раскинула руки и тягучим глухим речитативом затянула песню на неизвестном языке. В ответ на ее призыв в подвале, где неоткуда было взяться сквозняку, поднялся ветер, отчего в масляных лампах заплясали языки пламени. За спиной княжны, разворачивая черные рваные крылья, поднималась густая волна мрака.

Королевские гвардейцы попятились в страхе. Древняя тьма ширилась, готовая затопить все пространство подвала и поглотить

находившихся в нем людей. Но эльфийский маг произнес пару коротких фраз, и мрак схлынул, не оставив следа. Княжна покачнулась, закатила глаза и осела на пол.

– Свяжите ее покрепче, – распорядился маг. – Я не в силах ей помочь. Она заигралась с древним злом, не понимая, к чему это может привести. Лучше бы избавиться от нее, пока не очнулась, но, полагаю, тут решать не нам. В любом случае остаток жизни ей придется провести взаперти, под неусыпным надзором.

– Для лорда Вигера это будет ударом, – произнес принц.

Эльфийский маг подошел к Дару, поднял его голову и, пристально глядя князю в глаза, произнес заклинание, от которого мужчина безвольно повис на руках у державших его гвардейцев.

Тали тем временем освободили от оков, и она свернулась в комок, поджав ноги и обхватив себя руками за пострадавшие плечи. Незнакомый гвардеец укрыл ее своим плащом, а у нее едва хватило сил поблагодарить его.

Эльфийский принц присел перед ней на корточки, осторожно взял за подбородок и присвистнул.

– Хорошо же они вас отделали, Тали. Сожалею, что мы задержались. Мне потребовалось время, чтобы понять, что вы попали в беду, и найти вас.

– Как вы узнали?

– Помните брошку в виде лилии, которую я вам подарил?

Тали кивнула.

– Это не просто украшение, – пояснил Ильрохир, – а магический маячок, способный подать сигнал тревоги, если с тем, кто его носит, случится беда, а еще он помогает определить местоположение своего владельца. Я подумал, будет неплохо знать, что с заинтересовавшей меня девушкой все в порядке. К сожалению, вы давно не надевали брошь, из-за чего она не могла в полной мере выполнять свои функции. Сегодня на приеме у Кромака, который был устроен в честь помолвки отпрысков двух самых знатных родов королевства, я с удивлением заметил ее на Эйлине Радич. Как вы понимаете, это показалось мне подозрительным. Вряд ли бы вы добровольно отдали украшение сопернице. Дождавшись завершения приема, я попросил короля выделить мне отряд гвардейцев и направился по следу маячка. Остальное вы видели.

– Чем вызван ваш интерес к моей скромной персоне?

– Надеюсь, я не сильно разочарую вас, если отвечу, что этот интерес никак не связан с вашей красотой. Вы, безусловно, привлекательная женщина, но мне от вас нужно кое-что другое. Я ищу ответы на свои вопросы. Не считаю целесообразным лгать вам: пока я не получу интересующую меня информацию, вы будете находиться под моим надзором. Собственно, сейчас вы отправитесь в мою резиденцию, где и останетесь до тех пор, пока не расскажете, каким образом погиб мой брат и какую роль в этом сыграли вы и ваше руководство.

– Никуда я с вами не поеду. – Девушка еще сильнее съежилась под плащом, начиная сознавать, что вмешательство принца не сулит ей ничего хорошего. Просто она сменит одну пыточную на другую.

– Сожалею, но вы не сможете мне воспрепятствовать.

– Ильрохир, позволишь? – вмешался маг. – Девушке требуется помощь. – Он присел перед Тали, бесцеремонно отодвинув принца, снял с нее плащ и осмотрел повреждения. – Вывихи плечевых суставов. Нужно вправить. Сейчас будет больно. Потерпите немного, – будничным тоном сообщил маг.

Он не обманул: было больно, очень больно. Тали кричала и пыталась вырваться из беспощадных тисков, но ей не позволили. Затем практически сразу на смену боли пришло мягкое тепло. От ладоней мага исходили волны приятного жара. Он погладил горячими руками плечи девушки, затем его ладони спустились на ребра, стирая саднящую боль. Маг надолго задержал руки на животе, качая головой и что-то бормоча по-эльфийски. Потом потянулся к ее лицу. Она чувствовала, как спадает отек и проходит ломота в челюсти.

– Ну вот и все. Я срстил вам мышцы, ликвидировал пару переломов, остановил внутреннее кровотечение, убрал сотрясение мозга. Сейчас наложу повязку на плечи и ребра. Пара дней постельного режима, полного покоя, и будете как новенькая.

– Спасибо. Боюсь, однако, в покое меня не оставят. Даже на пару дней.

Эльфийский маг лишь развел руками. Мол, я сделал все от меня зависящее и, если потребуется, процедуру повторю, но большего сотворить не в силах. Ничего личного, так сказать. Маг достал из заплечной сумки бинты и перетянул девушке грудь и плечи. Она снова

почувствовала себя связанной, так как шевелить могла лишь предплечьями и пальцами.

– Господа, – обратился принц к гвардейцам. – Благодарю за участие. Вы можете забрать князя и княжну. Рекомендую незамедлительно поставить короля в известность о случившемся. Что до этой девушки, – указал он на Тали, – она поедет со мной.

– Исключено, – вмешался пришедший в себя Дар.

Он больше не напоминал ожившего голема и довольно быстро разобрался в ситуации.

– Девушка находится под моей опекой, поэтому без моего согласия никуда не пойдет. Так вот, ваше высочество, я очень признателен за помощь, но согласия забрать Тали не дам.

– Князь, видимо, у нас с вами разные представления об опеке. В моем понимании опекун не должен истязать подопечную. Похоже, нравы в Белояре несколько отличаются от этилийских. Что до девушки, она нужна мне для прояснения одной ситуации. Как только я получу нужные сведения, верну ее вам в целостности и сохранности.

– Нет. Она подданная Кардийской империи, дочь важного пленника, и на нее распространяется протекция короля, по крайней мере до тех пор, пока не будет произведен обмен военнопленными и она с отцом не вернется на родину.

– Неужели? А мне она представилась белоярской крестьянкой. Милая Тали из Подлипок, у вас так много лиц и имен! Вы не перестаете меня удивлять, – сказал принц. – Это лишний раз подтверждает, что мой интерес к вам не напрасен.

Затем эльф снова обратился к князю:

– Лорд Дар, я настаиваю на том, чтобы ваша подопечная поехала со мной.

– Простите, ваше высочество, – вмешался один из гвардейцев, похоже, главный в отряде. – Но князь прав. Я состою на службе в белоярской гвардии, а князь – старший по званию. Я не могу его послушаться. Если он заявляет, что девушка находится под его опекой, вы не имеете права ее забирать. Коли уж она вам так нужна, обратитесь к королю, изложите свою просьбу, и, если он примет решение в вашу пользу, так тому и быть. Еще раз извините, но я не могу позволить вам увезти подопечную князя.

Солдаты вскинули арбалеты, демонстрируя серьезность слов командира. Оба эльфа, принц и маг, переглянулись. После чего принц произнес:

– Я мог бы настоять на своем. Применить силу. Со мной один из лучших магов Этилии. Но я не желаю провоцировать конфликт между нашими королевствами. Сейчас мы уйдем, однако вам, князь, следует подготовиться к разговору с Кромаком, потому что я обязательно изложу ему свою просьбу с детальным пояснением мотивов. И поверьте, если король удовлетворит ее, я с девушкой церемониться не стану. Не стану также обещать вернуть ее вам, так как у меня есть обоснованные подозрения, что она совершила страшное преступление против королевского дома Этилии, за которое рано или поздно ей придется ответить. И к слову, милая Тали, – обратился принц к девушке, – не судите строго вашего защитника за то, что он не вмешался, когда вас истязали. На него было наложено заклятье подчинения. Если бы княжна Радич велела, он беспрекословно убил бы вас, несмотря на те чувства, которые испытывает к вам и которые видны невооруженным взглядом. Дело в том, что в его случае использовалась не боевая магия, которая позволяет человеку с сильной волей сопротивляться приказу, а любовная, отнимающая волю полностью. И, чтобы вы знали, для активации подобного заклятья недостаточно произнести формулу заклинания или опоить человека, необходимо совершить акт соития с объектом. Потому-то эта магия и называется любовной. Поразмыслите на досуге над моими словами. Всего хорошего, дамы и господа. Приятного вечера.

После того как эльфы ушли, Дар отдал необходимые распоряжения гвардейцам, завернул Тали в плащ и на руках вынес из дома. Возле входа стояла знакомая карета. С козел спрыгнул тот же кучер, что привез Тали в особняк Вигера Радича, и засуетился, распахивая дверцы. Дар положил девушку на сиденье, накрыл ее босые ноги своим мундиром и крикнул:

– Трогай!

– Куда мы едем? – спросила Тали.

– Ко мне домой. Туда, где сейчас находится твой отец. Как ты понимаешь, твое присутствие в Родгарде больше не является тайной. Ильрохир теперь не отцепится. Так что статус военнопленного сыграет тебе на руку. Сомневаюсь, что Кромак отдаст эльфу дочь барона,

который находится здесь в качестве ценного пленника. Все-таки твой отец не последний человек в империи, да и его друг, герцог д'Ирв, тоже не останется в стороне.

– Разве Кромаку не плевать на дочь какого-то пленного барона? Ты же сам говорил, я военный трофей. Что помешает королю преподнести меня в дар этилийскому принцу?

– Это не совсем так. Видишь ли, я несколько лукавил, когда описывал твое положение, – принялся сбивчиво объясняться мужчина. Он морщился, всем своим видом демонстрируя смущение. – У Белояра заключен международный договор со многими государствами, в том числе с империей, в котором прописаны действия стран-участниц в случае войны. Есть там раздел о военнопленных. Понятно, что на практике он не всегда исполняется, но в твоей ситуации Кромаку придется следовать букве договора, так как барон находится под его личной протекцией, которая распространяется и на тебя. Король не сможет нарушить обязательства, это будет слишком демонстративно, подорвет его статус главы государства и создаст нездоровый прецедент. Думаю, эльф прекрасно это сознает, так как от имени Этилии договор подписывал он. Там, на границе, когда мы познакомились, я солгал тебе. У меня был к тебе интерес определенного толка, и я хотел сломить твое сопротивление, не прибегая к насилию. Что бы ты ни думала сейчас обо мне, я не имею привычки брать женщин силой.

– Почему ты решил, что сделать женщину своей наложницей, запугав ее пытками, не является насилием? Да ты же редкостный подлец!

– Не надо так, Тали, – устало ответил Дар. – Ты очень дорога мне, и я не хочу ругаться с тобой.

– Я дорога тебе? Не смей меня! Я настолько дорога тебе, что, грубо отыграв меня, ты забрался под юбку Эйлине?! Надеюсь, хоть с ней-то ты был нежен? Наверняка! Невеста все-таки. Вдруг еще передумает, не дай бог, когда поймет, за кого замуж собралась.

– И за кого же? – недобро сощурился мужчина.

– За грубого, неотесанного дикаря, который не остановится ни перед чем, чтобы удовлетворить свою похоть! Который лишь притворяется цивилизованным человеком, таковым, по сути, не являясь! Который не считается с мнением женщины и без конца лжет и

манипулирует, чтобы добиться своей цели! Список твоих достоинств настолько велик, что можно продолжать до бесконечности.

Глаза Дара полыхнули яростью.

– Знаешь, Тали, будь ты мужчиной, я вызвал бы тебя на поединок. Ты пользуешься тем, что женщина и поэтому вправе безнаказанно говорить подобные вещи. Есть слова, которыми не следует бросаться.

– Знаешь, Дар, есть поступки, которые не следует совершать!

– Давай прекратим этот разговор. У нас обоих был тяжелый день.

– У обоих?! Это у меня, а не у тебя, был тяжелый день, а точнее два дня. Это меня держали сутки в холодном подвале, закованную в цепи, без еды и воды. Это меня, а не тебя, пинали сапогами приспешники твоей невесты. Это я, а не ты, болталась на дыбе. Ты же ее раскручивал, натягивая веревку. Как, должно быть, утомился!

– Достаточно!

Дар несколько раз ударил в стенку кабины. Карета остановилась. Он выбрался из нее, в бешенстве хлопнув дверцей, и устроился на козлах рядом с кучером. Тот если и удивился, вида не подал, лишь протянул хозяину плотную, пропахшую лошадиным потом попону, чтобы тот не замерз в дороге.

Когда карета подъехала к резиденции князя, Дар открыл дверцу и заглянул внутрь. Девушка спала, привалившись спиной к стенке кабины. Мужчина осторожно взял ее на руки и понес в дом. Он вошел через черный ход, чтобы миновать гостиную, где в это время обычно находился барон. Ни к чему тревожить его сегодня. Завтра Тали придет в себя, успокоится, и тогда они все вместе обсудят сложившуюся ситуацию.

Он отнес девушку в отведенные для нее комнаты, положил на кровать, укрыл одеялом, а сам сел рядом, рассматривая ее лицо, освещенное мягким светом свечей.

Тали хмурилась, сводила черные брови, словно во сне продолжала спор с ним, перечисляя все его проступки, точно он сам о них не знал. Одна ее бровь была рассечена, но уже подживала благодаря целительному воздействию эльфийской магии, кровоподтек под глазом уменьшался, уходила чернота, сменяясь неприятным желтым цветом, разбитые губы покрылись подсохшей коркой. Он с горечью смотрел на девушку, коря себя за то, что ей пришлось перенести.

Дар помнил все до мельчайшей детали. Чары Эйлины парализовали его волю, но не лишили способности осознавать происходящее. Перед глазами как наяву встала картина минувшего дня: Тали, корчась от боли, висит на натянутой им же веревке. Он снова слышал ее крики, когда она молила не убивать ту девушку из борделя. И видел затравленный взгляд, когда поняла, что помощи ждать не от кого.

Он застонал, пряча лицо в ладонях. Вспоминать все это было невыносимо. Простит ли она его когда-нибудь? И можно ли простить такое? Мужчина снова посмотрел на девушку, провел ладонью по спутанным волосам, затем склонился над ней и нежно коснулся губами горячего лба.

Похоже, ее одолевает жар. Надо утром послать за лекарем. Беспокоить ее сейчас не стоит, пусть спит. Спящая, она не швыряет ему в лицо одно обвинение за другим, и можно просто смотреть на нее и представлять, что сегодня не случилось ничего страшного, ничего непоправимого, и утром она, еще сонная, прижмется к нему, забираясь под руку и бормоча что-то невнятное, а потом посмотрит припухшими ото сна глазами, в которых будут плескаться океаны нежности, как тогда, когда она жила в его доме, в этой самой комнате.

Дар вышел, аккуратно прикрыв дверь. Нашел служанку, распорядился, чтобы в спальню Тали принесли еды на случай, если она проснется и проголодается. Велел служанке оставаться с девушкой до утра, ни при каких обстоятельствах не покидая ее, и, если заметит, что той сделалось хуже, позвать его или дворецкого. Дворецкому поручил вызвать на утро лекаря.

А потом в дом постучал королевский гвардеец с приказом немедленно явиться к королю.

– И как это понимать? – поинтересовался его величество Кромак Первый.

Он прохаживался по кабинету, размахивая руками. Король был ненамного старше князя, и до случая с вмешательством в вопрос женитьбы Дар считал его другом.

– Как все это понимать, ты можешь мне объяснить? Как такое вообще могло произойти? В голове не укладывается! Словно мне мало головной боли с этой войной, с вечной грызней лордов в Советах. Я

так надеялся, что два постоянно враждующих рода, наконец, примирятся и позволят навести хоть какое-то подобие порядка в этом борделе, по недоразумению именуемом королевским двором. Объясни мне, куда ты смотрел, когда твоя невеста спуталась с демоном? Неужели нельзя было своевременно пресечь ее нездоровое увлечение черной магией?

– Государь, позвольте напомнить, Эйлина Радич стала моей невестой только сегодня днем, и то лишь потому, что три дня назад вы в ультимативной форме приказали мне жениться на ней. Вы, очевидно, позабыли, что до того момента, пока девушка не войдет в род мужчины, назвавшего ее своей женой, за нее отвечает отец. Ваши вопросы следует адресовать князю Радичу, а не мне. Я же вам еще раньше объяснял, что не желаю связывать свою жизнь с избалованным и капризным ребенком. Вы говорили с Вигером?

– Естественно! Ты еще начни мне указывать, что я должен делать! Распустил я вас, слишком много воли дал. Пользуетесь моей добротой. Забыли, как при прадеде за малейший проступок на кол сажали.

– Хорошее, похоже, было время, – съязвил Дар. – Спокойное.

– Смеешься? А мне вот совсем не до смеха. Да, я говорил с Вигером. Незадолго до того, как вызвал тебя. Мы вместе с ним и придворным магом осмотрели княжну. Страшное зрелище, скажу я тебе. Жуткое, отвратительное и одновременно невероятно притягательное. У девочки имелись весьма интересные планы на меня и мою семью. Ты в курсе, что должен был сменить меня на троне?

– Да, государь. После того как Эйлина наложила на меня заклятье подчинения, она поделилась своими прожектами.

– И как они тебе? По вкусу пришлись? Захотелось собственной задницей проверить, такой ли он жесткий, трон Белояра? А было ли заклятье подчинения на самом деле? А, Дар? Было ли? Может, ты спелся с княжной за моей спиной, а все остальное, включая твое нежелание жениться на ней, не более чем фарс?

– Государь, ваши обвинения оскорбительны! Я неоднократно доказывал свою верность вам и правящему дому Белояра. Если у вас есть подозрения в моей причастности к проделкам Эйлины, вы вправе поручить это дело тайной канцелярии. Я слышал, в их подвалах ломаются даже самые стойкие. Хотя можно обойтись без тайной канцелярии и не тратить драгоценное время королевских палачей. Я

готов признать за собой любую вину, какую вы посчитаете нужным возложить на меня. Если ваше мнение обо мне таково, как вы озвучили, позвольте мне разрешить все самому. Велите вернуть мое оружие, и я на ваших глазах перережу себе горло. Надеюсь, это докажет мою преданность и не позволит бросить тень позора на мой род.

– Ой, какая театральщина! – всплеснул руками монарх. – Тайная канцелярия, палачи, пытки, перерезанное горло! Ну надо же! Ты где этого понабрался? Пил неделю с бродячим цирком?

– Государь, я говорю сейчас абсолютно серьезно! Я не могу допустить, чтобы от действий и планов Эйлины пострадал мой род!

– Что ты заладил: государь да государь! Обиделся? Не простил, что я навязал тебе невесту? Не простил. По глазам вижу. А не выпить ли нам, по старой дружбе? Как ты на это смотришь? Положительно? Вот и славно. Тащи стаканы. У меня тут неплохой коньячок припрятан.

Дар послушно принес стаканы, стоявшие на тумбе у окна рядом с пустым графином. Король тем временем отодвинул картину в золоченой раме, скрывавшую нишу в стене. Вытащил оттуда початую бутылку. Супруга монарха была ярким поборником здорового образа жизни и всячески пресекала попытки Кромака выпить лишнего, поэтому король шел на некоторые хитрости, чтобы не скандалить со своей второй половиной.

Выпили. Закусили солеными орешками. Кромак налил по второй. Снова выпили. Король вновь наполнил стаканы.

– Ну, рассказывай, – велел монарх, подперев подбородок кулаком.

– Что рассказывать?

– Как день провел, блин! Как проснулся, побрился, потискался с невестой! Что ты дурачка-то из себя строишь? Рассказывай, кто она, твоя загадочная дама, которой даже этилийские принцы интересуются.

– Успел уже, значит?

– А как же! Успел. Раньше гвардейцев примчался. Требовал чего-то, руками размахивал, ногами топал, даже угрожать пытался. Я решил, что он свихнулся. Но тут ребята, которые с ним в загородный дом Вигера ездили, прибыли с докладом и спеленатой княжной. И как все понеслось, как завертелось! Маги, демоны, покушения. Чем я заслужил такую жизнь? Эх, на охоту бы сейчас.

– Угу, или на рыбалку.

– Или на рыбалку... – мечтательно протянул монарх. – Э-э! Какая еще рыбалка? Я король или мужик безродный? На охоту. С собаками, егерями, коньяком, фрейлинами...

– С королевой.

– Тьфу ты, зараза! Умеешь же все испортить.

Выпили. Закусили орехами. Разлили по новой.

– Кром, я люблю ее. Сильно люблю. Что мне делать?

– Как что? Жениться! Ты у нас теперь парень холостой, – рассмеялся король. – Я вот чего понять не могу: что в тебе девки находят? Нет, ты у нас, конечно, мужчина хоть куда, но ведь ни одна юбка мимо тебя пройти не может, чтобы не зацепиться. Неприступность твоя, что ли, на них так действует? Загадка какая-то! Женись ты уже поскорее, может, эти кобры в кринолинах угомонятся.

– Ты в курсе, кто она?

– В курсе. По официальной версии – дочь барона д'Варро. По версии прибабахнутого эльфа – шпионка неведомого королевства, убившая его брата. Она хоть похожа на шпионку-то?

– Да какая шпионка! Ребенок еще. Семнадцать лет. Восемнадцать должно скоро исполниться. Ох ты ж блин! – хлопнул себя по лбу Дар. – Сегодня пятое? Вот сегодня как раз восемнадцать и исполнилось. Хорошенький же я ей преподнес подарок – подвал с дыбой! Какая я все-таки скотина!

– Скотина, а как же! На другой жениться собрался, это раз. – Король принялся загибать пальцы, перечисляя грехи князя. – Безвинную девицу в подвале пытал, это два. Безвинную шлюху в том же подвале убил, это три. А нужен ли баронессе такой супруг? Может, мы ей кого попримечнее найдем? Брата твоего, например. Тоже парень хоть куда, только такие драмы вокруг него не разворачиваются.

– Издеваешься?

– Как ты догадался? Долго ныть собираешься? Или хочешь, чтобы я тебе опять приказал жениться? Так это мы легко. Приказываем и повелеваем тебе, мой верноподданный, жениться на баронессе заморской. Хотя нет, какое там море. Речушка какая-то протекает. Эбролья вроде бы. Значит, на принцессе заэброльской. А коли задумаешь пойти супротив воли монаршей, мы тебя, супостата этакое, враз вразумим. Зря, что ли, целый штат палачей содержим?

– Она имперская дворянка.

– Да. И что? А ты белоярский аристократ. Смотри, какая красивая история получается. Осадил, победил, засад... хм, полюбил. Да о вашей любви, рожденной в пламени войны, барды двух государств станут баллады слагать.

– Кром, я серьезно. Ты не будешь против этого брака?

– Нет. Я уже придумал, как использовать вашу с баронессой свадьбу в интересах государства. Уж прости, такой я коварный и продуманный. Работа, ничего личного. И насчет Эйлины можешь не беспокоиться. Завтра по городу пройдет слух, что она тяжело заболела и вряд ли когда поправится. Вигер официально объявит о расторжении помолвки. Понятно, что в свете открывшихся обстоятельств ни о какой свадьбе с княжной речи быть не может.

– Что с ней станет?

– По-хорошему ее следует упокоить. И немедленно. Но я не могу так поступить с Вигером, учитывая его заслуги перед короной. Поэтому Эйлина проведет остаток своих дней в королевской тюрьме. Под бдительным присмотром магов. Это все, что я мог ему пообещать. Кажется, старик меня понял.

– Как он?

– Сильно сдал. Он и так не молод, но после сегодняшнего постарел лет на десять. Мне его жаль. Ни одного прямого потомка. Знаменитый род угаснет с его смертью. Единственное любимое существо погубило себя по собственной глупости.

– Лучше бы Брана на ней женили! Вошел бы в род Радичей. Стал новым главой.

– Не жалеешь ты своего брата. Совершенно не жалеешь, – покачал головой король. – Ты, Дар, вот что объясни: как ты умудрился заклятье подцепить? Мне придворный маг растолковал, как под его действие попадают. Если ты так сильно любишь свою баронессу, как говоришь, то как мог в одной койке с княжной оказаться? Не насильовала же она тебя? Или ты у нас аморальный тип?

– Аморальный тип, – угрюмо буркнул Дар.

– Ну ты даешь! – восхитился монарх.

– После того приема, на котором ты в присутствии Вигера и его внучки угрожал лишить меня титула, разжаловать в солдаты, изгнать из королевства, предать анафеме, конфисковать мое имущество...

Продолжать не буду, ты и сам, наверное, помнишь, как слюной брызгал. В общем, после того теплого приема Вигер пригласил меня к себе в загородное поместье, чтобы обсудить детали скорой свадьбы и хоть как-то сгладить то паршивое впечатление, которое осталось после разговора с тобой. Мы с ним засиделись, обсуждая дела минувшие и грядущие. Время было позднее, и князь предложил остаться на ночь. Я согласился, так как прилично надрался, чтобы забыть твою перекошенную рожу. Добрался до спальни и сразу уснул. Проснулся оттого, что на мне сидела княжна. Ну, ты понял, на чем именно она сидела. А после я стал безвольным идиотом.

– М-да... Целеустремленная девочка. – Кромак потер подбородок. – Как думаешь, Вигер знал о ее задумке?

– Не имею представления. Спроси у него.

– Спрашивал. Бороду на себе рвал, клялся, что не знал ничего. Но с твоих слов выходит, он тебя заманил в дом, чтобы внучка могла закончить начатое.

– Зачем ему это? Своего он добился. Я бы не пошел против твоего приказа. Женился бы на княжне, а жил с Тали.

– Хорош!

– Да знаю я! Тали мне уже все подробно объяснила. Подлец, дикарь, лгун, манипулятор. Она не простит меня, Кром, сердцем чувствую.

– Вот что. Иди-ка ты домой. Выспись хорошенько, а утром купи букет побольше, достань матушкино кольцо и бухнись перед ней на колени. Не устоит. Или я не знаю женщин.

Тали проснулась от голода. В комнате царил полумрак. Догорала последняя свеча. Девушка попыталась устроиться поудобнее и снова уснуть, но живот подводило так, что сон развеялся. Она не ела больше двух дней. Да и воды, кроме той, что была выплеснута на нее в подвале дома князя Вигера, за это время в рот не попало ни капли. Постанывая от ломоты в костях и суставах, она сползла с кровати, добралась до стола и с радостью обнаружила нетронутый ужин. Осушив несколько стаканов воды, девушка жадно вгрызлась в остывшую куриную ногу. Смела подчистую все, что было на столе, и со стоном откинулась на спинку стула, когда из-за диванного валика показалась всклокоченная голова.

- Вы кто? – спросила Тали у сонной женщины.
- Служу у лорда Дара.
- А здесь что делаете?
- Так князь велел за вами присмотреть. Чтобы ежели чего понадобится, я тут же... А надобно ли чего? – спросила женщина с надеждой, что ей позволят досмотреть сны.
- Надобно. Срочно помыться. Чешусь вся.
- Может, лучше утречком?
- Не дотерплю.
- Так бинты же намокнут, – не сдавалась женщина.
- Ничего, высохнут, – лишила ее последней надежды на сон Тали.

Женщина потопала в ванную комнату. Зашумела вода, наливаясь в большую ванну. Тали с нетерпением ждала, когда ее позовут мыться. Повязки мешали, сковывая движения, поэтому мыть девушку пришлось служанке.

Сытая, вымытая, одетая в чистую ночную рубашку, Тали развалилась на широкой кровати. Слишком широкой для одного человека. Эта кровать будила болезненные воспоминания, от которых саднило сердце и наворачивались слезы. На этой кровати он любил ее. Любил неистово и жарко, так, словно на земле больше не осталось ни одной женщины, кроме нее, словно от ее ласк зависела его жизнь. Он любил ее так, как не напишут ни в одном романе, не споют ни в одной балладе. А после предал. Втоптал в грязь.

Девушка уснула с тоской на сердце, чтобы проснуться, когда зимнее солнце поднимется над городом.

В дверь постучали. Пришел лекарь, которого с вечера вызвали в дом князя. Пожилой мужчина велел раздеть Тали и нудным голосом долго убеждал краснеющую девушку, что он в первую очередь врач, а уже потом мужчина, и за многие годы практики повидал достаточно пациенток не только без одежды, но и во вскрытом виде. Последнее напомнило Тали о том, что она тоже вроде как лекарь, да и не далее чем вчера на ее наготу насмотрелись и слуги безумной княжны, и целый отряд королевских гвардейцев, да еще представители соседней державы к тому же. Она прекратила сопротивляться и позволила себя раздеть, осмотреть и перевязать. Доктор велел соблюдать постельный режим, настрого запретив лишний раз подниматься с кровати, и оставил несколько целебных настоек.

После ухода лекаря в спальне появился барон.

– Тали, деточка, слуги сказали, что ты приехала еще вчера. Почему же меня сразу не известили?

Он подошел к кровати и обнял дочь, отчего та вскрикнула. Тело еще реагировало болью на любые сильные прикосновения и резкие движения.

– Что такое? – Барон пригляделся к дочери. – Тали! Что у тебя с лицом?!

Девушка промолчала, боясь расплакаться, лишь уткнулась в его рубашку.

– Тали, что с тобой? Кто это сделал? Князь имеет какое-то отношение к тому, что с тобой случилось?

– Не спрашивай. Я сама до конца не понимаю.

– Князь имеет к этому самое непосредственное отношение, – раздался в дверях голос Дара.

Он стоял на пороге комнаты с огромным букетом белых лилий, от которых шел густой приторный дух. Тали вспомнила, как выкидывала из окна своей маленькой комнаты в городском госпитале точно такие же цветы, подаренные эльфийским принцем.

– Гарет, я рад, что вы здесь. Я привез Тали вчера вечером, но она была в довольно тяжелом состоянии, и я не хотел пугать вас и лишний раз беспокоить ее.

– Что с ней произошло? Вы можете мне объяснить? – в голосе барона звучала неприкрытая угроза.

– Попытаюсь. На вашу дочь напали. Не буду вдаваться в подробности. Думаю, Тали сама вам все расскажет. Скажу лишь, что случилось это по моей вине. Своими необдуманными поступками я навлек на нее беду. Я не хотел, клянусь! Тали, слышишь меня? Я действительно не хотел, чтобы с тобой произошло что-то подобное. Но я могу пообещать, что этого не повторится. Никогда! Гарет, вашей дочери больше не нужно прятаться. Кромак знает о ней, и он благосклонно отнесся к моей просьбе предоставить дом в ее распоряжение. На Тали теперь распространяется его протекция, ровно до тех пор, пока вы находитесь на территории Белояра. И никто больше не посмеет ее обидеть.

– Даже ты? – обратилась девушка к Дару.

– Тем более я. Тали, я не мог вчера все объяснить. Но если ты спокойно выслушаешь меня сегодня, то, я уверен, поймешь.

– Знаешь, Дар, нынешней ночью я проснулась, а потом очень долго лежала в этой кровати, – на последних двух словах девушка сделала особый акцент, – и думала. Много думала. Вспоминала. Мне есть что вспомнить. Сопоставляла события, разные события, в которых участвовал ты. Так что для себя я уже все поняла.

– Зато я совершенно ничего не понимаю! – вмешался барон. – Дар, Тали, что происходит?

– Гарет, я люблю вашу дочь и прошу ее руки.

Барон и Тали с одинаковым недоумением уставились на Дара.

– Вы не шутите? – поинтересовался барон.

– Разве подобными вещами шутят? Нет. Я абсолютно серьезен.

– А как же твои слова про мезальянс, про то, что я представляю угрозу для твоего рода, что твой отец и король будут против нашего брака? Как же твоя невеста, наконец? – язвительно спросила Тали.

– У меня больше нет невесты. По крайней мере пока. Король благословил наш с тобой брак. И я прошу, забудь все, что я наговорил тогда. Давай начнем сначала. С чистого листа. Я скажу тебе много слов, совершенно других слов, тех, которые не сказал раньше, хотя должен, просто обязан был. Тали, я люблю тебя, и ты это знаешь.

– Нет, – покачала головой девушка.

– Что? – одновременно спросили мужчины.

– Нет, Дар, я не стану твоей женой, не выйду за тебя замуж, не отправлюсь с тобой к алтарю. Нет! Что непонятного? И дело не только в том, что ты сказал тогда на границе и позже у Лауры. Дело в твоих поступках, в твоём отношении ко мне. Дар, мне не нужен муж, который относится ко мне как к дорогой безделушке, не считается с моим мнением, который уделяет мне внимание только тогда, когда это интересно ему, и пропадает неделями, месяцами, не посылая даже весточки, заставляя мучиться от неизвестности, который лжет, что любит, и уходит к другой. Выйти замуж – значит доверить жизнь мужчине, который будет единственным для тебя. Я уже один раз доверила тебе свою жизнь. И к чему это привело?

– Гарет, вы не оставите нас? Я хотел бы поговорить с Тали наедине.

– Нет, – девушка вцепилась пальцами в рубашку барона, – отец, не уходи, не оставляй меня с ним! Умоляю!

– Тали, не глупи, я ничего тебе не сделаю. Пальцем к тебе не прикоснусь, – взмолился Дар.

– Князь, помнится, вы уже обещали мне это когда-то, – произнес барон. – Но, как вижу, слова не сдержали. Я подозревал, что ваш интерес к Тали не является платоническим. Однако не ожидал, что все пойдет так далеко. У вас была интрижка с моей дочерью?

– Какая интрижка, Гарет? Я вам человеческим языком объясняю, что люблю ее и хочу жениться на ней! Это интрижка, по-вашему? Дайте мне возможность поговорить с Тали.

– Нет! – закричала девушка. – Нет! Уйди! Оставь меня в покое! Я больше не хочу тебя видеть! Я ненавижу тебя, неужели ты этого не понимаешь?

Тали кричала и билась в руках барона. Мужчины в полной растерянности смотрели друг на друга. Барон первым пришел в себя.

– Дар, вам и вправду лучше уйти. Похоже, у Тали истерика. В доме есть успокоительное? Найдите. И пришлите сюда служанку. Еще лучше послать за лекарем. У меня небогатый опыт в женских истериках. У вас, думаю, его и вовсе нет.

Когда лекарь повторно появился в доме, Тали, накачанная лошадиной дозой успокоительного снадобья, лежала в кровати и безучастно смотрела в потолок. Из ее глаз катились крупные слезы, оставляя мокрые дорожки на щеках. Пожилой доктор снова осмотрел пациентку, пощупал пульс, оттянул веко, после чего озвучил диагноз.

– А что вы хотите, господа? – развел он руками. – Девушка пережила колоссальное потрясение, и наверняка оно было не единственным за последнее время. А сейчас, находясь в полной безопасности, позволила себе расслабиться. Человеческая психика – предмет темный и неизученный. Женская же психика – загадка абсолютная.

Лекарь ушел, велел соблюдать постельный режим и оставив несколько пузырьков с успокоительной настойкой.

Дар и барон переместились в гостиную, где снимали пережитое волнение выдержанным коньяком.

– Первый раз вижу, чтобы так реагировали на предложение руки и сердца, – сказал Дар, гоня жидкость по бокалу, прежде чем выпить.

– Это что... Моя покойная супруга в меня кинжал метнула, еле увернулся... – По лицу барона расплылась ностальгическая улыбка. – Да-да. Потом мы прожили душа в душу много лет. Чудесная была женщина. Мне ее очень не хватает.

– Да вы просто герой! В укрощении строптивых женщин вам нет равных. Не дадите совет, как быть с Тали?

– Нет, Дар, – покачал головой барон. – В ваши отношения я вмешиваться не стану. Но в любом случае приму сторону Тали. Признаюсь, ее реакция меня сильно удивила. Я такого не ожидал. Моя дочь – сильная, отважная девочка. Не представляю, что вы с ней сотворили, если она реагирует на вас подобным образом. По хорошему я должен вызвать вас на поединок.

– Не в нынешних обстоятельствах, Гарет. Боюсь предположить, что будет с Тали, если я убью вас. Я не смогу смотреть ей в глаза после этого. Я все-таки не теряю надежды на то, что она передумает. Если же вы убьете меня, ваше и без того непростое положение станет плачевным. И в этом случае пострадавшей стороной опять-таки будет Тали. Давайте отложим дуэль до лучших времен.

– Пожалуй, вы правы. Полагаю, нам с Тали стоит перебраться в королевский дворец. Как вы думаете, для нас там найдется пара лишних покоев?

– Хотите лишить меня возможности наладить отношения с вашей дочерью?

– Как раз наоборот. Вдали от вас она сможет спокойно обдумать ваши слова, пересмотреть свое отношение к вам. Боюсь, здесь на нее будет давить сознание того, что она является вашей пленницей. Она будет чувствовать себя в ловушке. Отказать вам – подставить под удар близкого человека, согласиться на ваше предложение под давлением обстоятельств – пойти против себя. Вы уже убедились, она не похожа на сверстниц. Слишком свободолюбива. Тали и первого своего жениха терпеть не могла, хоть он знатный и красивый мужчина, а все почему? Потому что не она его выбирала. Ей его навязали. Правда, их неприязнь была взаимной.

– Предлагаете просто взять и отпустить ее?

– А у вас есть другие идеи? Дайте ей время. Пусть придет в себя. И очень прошу, не пытайтесь больше разговаривать с ней. По крайней мере пока мы не переберемся во дворец.

– Хорошо. Я сделаю, как вы говорите. Попрошу Кромака выделить вам место во дворце.

Глава 13

Через два дня Тали и барон покинули особняк князя Вельского и поселились в королевском дворце, передвигаться по которому могли лишь в сопровождении стражи. Выделенные пленникам покои охранялись, что очень радовало Тали, так как это лишало Дара свободного доступа к ней. Развязывать драку с охраной он посчитал ниже своего достоинства.

Девушка полностью выздоровела, и от памятных дней, проведенных в подвале князя Вигера, на лице и теле не осталось и следа. Чего нельзя было сказать о душе. По ночам Тали мучили кошмары. Она вновь и вновь возвращалась в пыточную. Сюжеты снов несколько отличались от пережитого наяву. Главным героем сновидений был Дар, который с деловым видом заправского палача калечил ее. Она просыпалась от собственного крика и подолгу не могла прийти в себя, ворочаясь в большой постели. Засыпала лишь под утро, чтобы через пару часов очнуться от суеты горничной.

В конце концов, девушка стала оттягивать момент засыпания, в надежде, что небольшой отрезок времени, отведенный для сна, позволит не видеть кошмаров. Она добилась своего, но из-за таких экспериментов побледнела, еще больше осунулась, а под ее глазами пролегли глубокие скорбные тени.

Появление в королевском дворце прекрасной пленницы взбудоражило умы придворных ловеласов. Ее изможденный вид, вызванный постоянным недосыпом, воспринимался как печаль по поводу зависимого положения и тоска по родине. В глазах придворных девушку окутывал таинственный флер трагической героини, сошедшей со страниц старинного романа. Вокруг нее постоянно крутились щеголеватые бездельники, докучая комплиментами и предложениями разной степени пристойности.

Кроме прочего, на Тали обратила высочайшее внимание королева Белояра. Баронесса неофициально вошла в число ее фрейлин и была вынуждена все время таскаться за ней в толпе высокомерных дам и легкомысленных девиц. Большую часть времени она проводила за выслушиванием сплетен, обсуждением популярных романов и модных

фасонов. Временами дамы развлекали себя музицированием. Тали сорвала снисходительные аплодисменты, сыграв на лютне. В целом к ней относились благожелательно, словно она была ярморочным уродцем или забавным экзотическим зверьком.

Девушка недоумевала, как раньше могла желать такой жизни. Зачем, живя в доме отца, рвалась в столицу, почему хотела влиться в ряды разряженных клуш, убивающих дни праздностью и пустой болтовней. В работе в госпитале было куда больше смысла, чем во всей этой придворной возне.

Иногда она встречала Дара и всякий раз, замечая его попытки подойти к ней, пряталась в толпе фрейлин.

Однажды у нее состоялась неприятная встреча, но не с князем, а с этилийским принцем.

Королева решила посетить вечноцветущий парк, куда Дар водил Тали осенью, знакомя с городом. Девушка отстала ненадолго от шумной компании, задержавшись в одной из зеленых галерей, где ее и обнаружил Ильрохир.

Принц поклонился, приветствуя баронессу.

– Добрый день, милая Тали из Подлипков. А вы неплохо устроились, как я погляжу.

– Ваше высочество. – Девушка присела в реверансе.

Принц подставил руку, приглашая прогуляться, и Тали послушно положила ладонь на его локоть.

– Как вам живется при дворе?

– В целом хорошо, только скучно.

– Не хватает острых ощущений? – с иронией поинтересовался принц.

– Не хватает достойного занятия, такого, которое приносило бы пользу людям, как работа в госпитале, например.

– Да, я помню об этом странном эпизоде вашей биографии. Скажите, вам нравилось там?

– Да. Тогда моя жизнь была осмысленна. Сейчас же я вынуждена развлекать королеву и придворных дам своим присутствием.

– Они плохо к вам относятся?

– Как раз наоборот. Тискают и кормят сладостями, словно я ручная обезьянка.

Эльф рассмеялся.

– А вы довольно забавная. Но при этом слабая и безвольная. Я помню вас совершенно иной. Вы были сильной, уверенной в себе женщиной, целеустремленной, временами безрассудно смелой. Вы достаточно долго прожили при этилийском дворе, чтобы я смог изучить вас. Помните те дни?

– Нет, ваше высочество. Ваши воспоминания не имеют ко мне никакого отношения. Я знаю, в каком преступлении вы подозреваете меня. Ни для кого не секрет, при каких обстоятельствах погиб ваш брат. Но, клянусь, я не причастна к его смерти!

Принц остановился, развернулся к Тали, удерживая ее руку, всмотрелся в лицо.

– Я вам не верю. Мне немало лет, и я могу отличить правду от лжи. Так вот, вы лжете. Но я добьюсь от вас правды, Тали. Не сейчас, так позже. Я никуда не спешу и умею ждать. Вы хорошо спрятались, но, поверьте, настанет день, когда я приду за вами. Если потребуется, мои люди выкрадут вас, со свадьбы ли, с плахи ли – неважно. Рано или поздно вы окажетесь в моих руках и, будьте уверены, сильно пожалеете о том, что когда-то ступили на землю Этилии. Вам не укрыться от меня, Тали, помните об этом.

Девушка не на шутку испугалась. Она попыталась выдернуть руку, но принц крепко, до боли, стиснул ее пальцы. Помощь появилась неожиданно, в лице королевы и придворных дам.

– Тали! Вот вы где! – воскликнула королева. – А мы вас потеряли. Я вижу, вы не одна. Принц Ильрохир, какая приятная встреча! Что вы делаете здесь?

– Ваше величество, – учтиво поклонился принц. – Я прогуливался по парку, когда встретил одну из ваших фрейлин, и решил пообщаться с этой милой девушкой.

Принца окружила толпа восторженных женщин, и Тали с облегчением перевела дыхание. После этого случая она старалась не отставать от свиты.

Дар мерил шагами кабинет короля. Монарх задерживался. Вчера прибыли послы от императора Арвиса, и Кромак с представителями союзных держав весь день и половину ночи провел за обсуждением договора о мире. Сегодня он вызвал Дара к себе.

– Уже пришел? Хорошо. – Король стремительно ворвался в кабинет. – Садись, чего стоишь. Но сначала принеси стаканы. Нужно выпить.

– Есть повод?

– А как же! Празднуем победу, мой дорогой друг! Чествуем героев, скорбим о павших. Ты у нас тоже вроде как герой.

– Вроде как... Подписали?

– Подписали. Договор о мире, сотрудничестве и добрососедских отношениях. Это ж надо завернуть такое!

– Обычное название. Ничего нового.

– Скучный ты стал. Ну что, за победу!

– За победу.

Мужчины выпили. Дар с тоской посмотрел на соленые орехи – любимую закуску Кромака. Из-за вызова короля он остался без обеда, и, похоже, здесь его кормить не собирались. Вздохнул и кинул горсть орехов в рот.

– Белояр восстановлен в своих исторических границах. Сумма репарации тебе известна, договор ты читал. В общем, нам перешли приграничные надель, в том числе ленные земли барона д'Варро. Хочешь, отпишу их тебе за заслуги перед отечеством и проявленный героизм?

– Хочу, – флегматично согласился Дар.

– А зачем они тебе? Своих мало?

– Тали подарю.

– Я знал, что ты так скажешь, – засмеялся король. – Из-за этих земель разгорелась нешуточная грызня в Совете. Но я ее пресек. Кстати, ты почему на Советы не ходишь?

– Что мне там делать? Я воин, а не базарная торговка, чтобы часами поливать грязью оппонентов.

– Ты политик, хочешь этого или нет. Так что будь добр являться на заседания. Я заодно время сэкономлю на пересказах.

Дар послушно кивнул.

– Видел на днях твою баронессу. Прехорошенькая. Только квелая какая-то. Как у вас с ней?

– А никак, – нахмурился Дар.

– Упертая, – рассмеялся Кромак и продолжил уже серьезным тоном: – Ты бы поторопился, Дар. Послезавтра всех военнопленных,

что находятся в Родгарде, отправят к границе, а там обменяют на наших. Не тяни с объяснениями, иначе рискуешь больше никогда не увидеть ее.

– Да я уже не знаю, что мне сделать! – Дар ударил кулаком по столу. – Возле дверей в ее покои стоят твои амбалы, мимо которых мышшь не проскочит. Тали с ними сговорила, и они меня к ней не подпускают. Пытаюсь подойти во дворец, убегает или прячется среди фрейлин. Почему у тебя по дворцу все время шляются толпы баб? Ты можешь мне объяснить?

– Сам не знаю, так уж повелось. Должен же кто-то королеву занимать, пока я управляю государством. И потом, придворным кавалерам развлечение.

– Вот-вот. И хлыщи эти возле нее беспрестанно вьются.

После очередного бокала Дар задумчиво поинтересовался:

– Кром, скажи, ты сможешь закрыть глаза на одно небольшое похищение?

– Под трибунал пойдешь, – глядя на Дара в упор, ответил король. – Разжалую в солдаты и велю высечь перед строем. Потом сошлю на рудники, будешь до конца жизни заключенных охранять. Не дури, Дар. Если бы она была белояркой, слова бы не сказал. Сам бы ее к алтарю за волосы приволок и тебе передал. Но она кардийская подданная. Мне международный скандал сейчас не нужен. Так что будь добр, реши дело миром. Поговори с ее отцом, пусть повлияет на дочь.

– Говорил. Бесполезно.

– Тогда, мой друг, сожалею, но помочь ничем не могу, – развел руками король.

– Подожди! Включи меня в состав охраны, которая будет сопровождать пленных до границы.

– Уже. Утром указ подписал. Ты возглавляешь отряд.

– Спасибо!

– Давай, дожди уже свою баронессу, а то смотреть на тебя противно.

Военнопленные в сопровождении конного отряда под началом князя Вельского покинули город в середине января, в канун празднования победы союзной армии над Кардийской империей. В

Родгарде были запланированы грандиозные торжества: королевский бал, на котором предполагалось вручение наград, народные гуляния и праздничный фейерверк. Столица бурлила в ожидании празднеств. Тали присутствовать на них не могла, о чем сожалела. Ведь это была и ее победа. Она наравне с белоярцами, рискуя жизнью, защищала от имперских войск осажденную приграничную крепость, лечила раненых белоярских солдат. Кроме того, Родгард стал для нее домом. Она полюбила этот город и жалела, что придется покинуть его. Тали давно не чувствовала себя подданной империи, и возвращение немного пугало девушку. Часть ее души навсегда оставалась в Белояре.

Пленных везли в повозках. В Родгард во время войны доставлялись лишь офицеры, имевшие значение для империи, простых солдат держали неподалеку от границы. Так что процессия была небольшой и двигалась слаженно.

Девушка ехала в одной карете с отцом, герцогом д'Ирвом и еще одним немолодым имперским офицером. Все, кроме нее, находились в приподнятом настроении. Даже барона не огорчало то обстоятельство, что немалая часть его имущества перешла Белояру. Он страстно мечтал вернуться на родину, и сейчас его мечта воплощалась в реальность.

Держались умеренные морозы, дорога была хорошо накатана, поэтому путь до новой границы с империей занял не больше недели. На ночь останавливались на постоялых дворах, заполняя их целиком. Тали ночевала в одной комнате с мужчинами. Она ни на минуту не оставалась в одиночестве, и это сильно раздражало Дара. Он много раз пытался вызвать ее на разговор, но девушка пресекала такие попытки упрямым отказом.

На исходе шестого дня после перехода по замерзшей Эбролье отряд подошел к небольшому селу, возле которого должен был состояться обмен пленными. Сюда подтягивались отряды из других городов и гарнизонов. Места в селе не хватало. Белоярские офицеры квартировали в крестьянских избах, рядовые и пленные мерзли в палатках.

Кардийские отряды были уже на месте. В ожидании приказа от нечего делать белоярцы братались с имперцами. Вину за позорную войну простой люд справедливо возложил на монархов. Солдаты, в большинстве своем вчерашние крестьяне, привыкали к новым

границам и пытались наладить мирный быт с соседями, скрепляя знакомства горячительными напитками. Временами на таких сходках вспыхивали драки, доходившие до смертоубийств, и офицеры обеих держав считали дни, когда бюрократические проволочки сойдут на нет и наступит порядок.

Незадолго до обмена Дар подошел к группе имперских аристократов, ожидавших возвращения на родину.

– Гарет, вы позволите поговорить с вашей дочерью? – обратился он к барону.

– Если она того пожелает, – ответил тот.

Это уже превратилось в своеобразный ритуал, в конце которого неизменно следовал отказ Тали.

– Талиэн, всего на несколько слов, прошу тебя, – произнес Дар, приготовившись к очередному отказу. – Через полчаса ты будешь на территории империи, так что тебе совершенно нечего бояться.

Вопреки его опасениям, девушка без слов последовала за ним. Они прошли до кромки леса, где их не могли видеть ни белоярские, ни имперские отряды.

– Скоро начнется обмен, – начал Дар. – Ты вернешься домой, и мы расстанемся, возможно, уже навсегда. Ты не переменила своего решения? По-прежнему отказываешься стать моей женой?

Она кивнула, не глядя на него.

– Тали, ты уже достаточно наказала меня! Я сознаю, что был неправ по отношению к тебе, что вел себя как последний ублюдок. Прощу, останься здесь, со мной!

– Дар, ответь, что было бы, если бы в Родгарде не оказалось моего отца? Если бы о моем присутствии не стало известно королю? Как бы ты поступил со мной? Смог бы отпустить?

– Нет, – признался Дар. – Держал бы взаперти, пока не согласишься выйти за меня.

– А если бы твоя помолвка с Эйлиной не сорвалась? Как было бы тогда? Как ты планировал поступить со мной в таком случае?

– Тали, зачем ты спрашиваешь об этом? Ты же знаешь, жениться на Эйлине меня заставил король. Я не мог пойти против его воли.

– Ответь на вопрос.

– И в этом случае я не отпустил бы тебя.

– Теперь ты понимаешь меня?

– Нет, – замотал головой мужчина и взял девушку за плечи. – Нет, Тали, не понимаю. Мне казалось, мы любим друг друга. Думал, ты любишь меня не меньше, чем я тебя. Разве неправильно желать всем сердцем, чтобы любимый человек был с тобой? Делать все от тебя зависящее, чтобы он всегда оставался рядом?

– Любой ценой? Не считаюсь с его интересами, не заботаюсь о его благополучии?

– Я бы заботился о тебе, Тали!

– До тех пор, пока не надоела бы. А после отдал бы Брану или любому другому желающему. Кажется, именно это ты обещал брату.

– Тали, зачем ты снова вспоминаешь тот день? Я сказал все это Брану сгоряча. Мои слова были вызваны ревностью и не предназначались для твоих ушей. Я не собирался ТАК поступать с тобой! Почему ты не забудешь этого? Зачем мучаешь себя и меня? Тали, посмотри на меня! – Он отпустил ее плечи, обхватил ладонями лицо, заставляя поднять глаза. – Ответь мне, ты еще любишь меня?

– Нет, Дар, – произнесла она, отводя его руки от своего лица. – Нет.

– Я не верю тебе!

– Знаешь, мне каждую ночь снятся кошмары. И у моих кошмаров твое лицо. Дар, я больше не люблю тебя. Я тебя боюсь.

Дар молчал, потрясенный ее словами. Тишину морозного вечера нарушали лишь скрип деревьев и далекие голоса солдат, устроивших привал, пока шел обмен пленными.

– Дар, мне пора. Отец, наверное, волнуется. Забудь меня. И прощай.

Дар смотрел, как она уходит, слышал, как поскрипывает под легкой поступью снег, видел, как следы замечает поземка, и понимал, что должен догнать ее, протащить через лагерь к своему коню, перекинуть поперек седла и увезти отсюда, неважно куда, лишь бы там они смогли, наконец, остаться вдвоем. И тогда он найдет нужные слова, сумеет объяснить, что никакие обиды, никакая гордость не стоят того, чтобы ради них отказываться от счастья, дарованного богами.

Он поможет ей справиться со страхами. Докажет, что его не нужно бояться. Он жизнь положит к ее ногам. И плевать на угрозы Кромака. Пусть разжалует в солдаты, пусть сошлет в самую глушь, главное, чтобы там с ним была она, чтобы с ним всегда была она.

Дар уже собрался броситься следом, но вспомнил, каким безучастным, каким пустым был ее взгляд, как спокойно и ровно она сказала, что больше не любит его. Он словно с размаха ударился о толщу льда, сквозь которую хорошо видел удаляющуюся фигурку, но не мог дотянуться, докричаться до нее.

Дар развернулся к черному от сгустившихся сумерек лесу, сжимая кулаки и с шумом выдыхая холодный воздух, который тут же превращался в пар. Несколько раз ударил ствол дерева кулаком, рассаживая в кровь костяшки пальцев, прижался лбом к заиндевевшей коре и стоял так до тех пор, пока за ним не явился адъютант, сообщая, что все ждут только его. Дар кивнул и пошел в сторону лагеря, чтобы завершить то, ради чего приехал сюда.

Глава 14

Кардийская империя. Дирм

Граф Виллем д'Оррет был пьян. Развалившись на стуле, он наблюдал за тем, как извиваются под музыку нанятые друзьями танцовщицы. Вот уже третий день он праздновал возвращение на родину. И пытался стереть из памяти постыдный плен. Кронпринц Лервис – Виллему повезло с друзьями – всеми силами пытался развеять его тоску. Он полагал, что нет вернее средства от сплина, чем старый добрый коньяк и красивая девица, согласная на многое ради звонкой монеты. А когда и того и другого в избытке, горевать тем более не о чем.

– Да пойми ты, наконец, нет никакого позора в том, что тебя схватили, – заплетающимся языком убеждал друга Лервис, прижимаясь потным лбом к его лбу. – Что ты мог сделать? Один против целого отряда?

– Убить себя, – буркнул в ответ Виллем. – Но не сдаваться.

– И навсегда лишиться всяческих радостей? – Лервис красноречиво повел рукой, указывая на полуобнаженных танцовщиц, на столы, заставленные яствами и рядами полных еще бутылок (пустые валялись на полу), на таких же пьяных друзей. – Только ради одного этого стоит жить! А ты ведешь себя как скучный идиот.

Виллем оттолкнул принца.

– Достал бумагу? – спросил он.

Лервис поманил лакея, что-то шепнул ему, и тот принес камзол. Принц вынул из кармана сложенный вдвое лист плотной белой бумаги. Протянул графу.

– Теперь доволен?

Виллем развернул листок, пробежал глазами. Буквы плясали не хуже танцовщиц, но смысл он уловил. Подпись императора на месте. Печать тоже.

– То, что нужно! Спасибо, Лервис! – оживился граф.

– Давно бы так! Какая тебе глянулась? Сегодня твой день. Ты выбираешь первым.

– Вон та, кудрявая, с синими глазами, – ткнул пальцем Виллем.

– Ты даже цвет глаз успел рассмотреть? – засмеялся кронпринц. – На мой вкус плосковата, но раз ты так решил...

Лервис поманил танцовщицу рукой. Польщенная, она радостно улыбнулась и прервала танец.

Давно уже рассвело, и Виллем ждал, когда его позовут к завтраку. Немного гудела голова, но он привык не обращать внимания на такие мелочи. Бокал вина принесет облегчение.

Он в очередной раз перечитывал императорский указ, пытаясь найти ошибку или противоречие, которые могут помешать задуманному. Но указ был составлен как надо. Лервис не подвел.

Виллем бросил взгляд на кровать. Среди сбитых простыней, разметав черные кудри по подушке, лежала обнаженная танцовщица. Тонкая кисть с длинными пальцами свешивалась с края кровати. Виллем на миг залюбовался изящным телом, которое еще вчера пленяло своей грацией, а сегодня стало недвижимо. Он через силу поднялся, подошел к девушке, снял с ее шеи свой ремень.

Лервис, конечно, будет недоволен, но дело замнет.

Виллем еще раз оглядел танцовщицу. И почему он решил, что у нее синие глаза?

Девушка, приоткрыв рот, смотрела на стену.

Глаза у нее были темно-карие. Почти черные.

Кардийская империя. Герцогство Ирв

Тали сидела у камина. Она забралась в широкое кресло с ногами, положив на подлокотник голову и машинально покручивая золотой браслет с самоцветами, который не снимала с того дня, как вернулась в империю. Последние полчаса она бездумно смотрела на пляску пламени. Огонь завораживал и прогонял мысли, от которых болело сердце и становилось горько на душе. Каждый вечер девушка спускалась в каминный зал, где ее никто не тревожил.

Они с отцом вторую неделю гостили в замке герцога д'Ирва, ожидая вызова в столицу. Мужчины практически все время проводили вместе, обсуждая, какие показания станут давать военным следователям (в том, что им придется пройти через неприятную

процедуру допросов, они не сомневались, недаром их держали под домашним арестом), либо играя в карты и потягивая коньяк.

Тали была предоставлена себе и за неимением иных занятий погрузилась в черную меланхолию. Она с остервенелым упоением прокручивала в уме сцены своего короткого романа с Даром от момента знакомства до дня прощания. Анализировала слова, взгляды, жесты, поступки, делала выводы, причем выводы каждый раз менялись, смаковала обиды и множила претензии. Тали должна была убедить себя в правильности принятого решения, убедить так, чтобы душа перестала выть от тоски по Дару, чтобы воспоминания о нем не вызывали никаких чувств, кроме отвращения. Но получалось плохо.

Он был неправ во всем: в том, что поначалу не допускал саму возможность их брака, в том, что позволил навязать себе в жены другую, а затем с ней, другой, нелюбимой, разделил постель, в том, что не восстал против всего мира, защищая их любовь, а предал ее, пойдя на поводу у короля и собственных извращенных понятий о долге. Он был неправ. Почему же тогда так тянет вернуться к нему, туда, где она пусть и недолго, но чувствовала себя счастливой? Почему каждый раз, закрывая глаза, она переносится в светлые осенние дни и снова чувствует жар и силу его объятий, тепло дыхания на своей коже, и в такие минуты ей трудно дышать, словно в легкие поступает не воздух, а перетертое в пыль стекло. Каждое утро Тали просыпалась с болью, которая гнездилась в груди и в течение дня заполняла сознание, накрывая мучительными, душными волнами. Она жила с этой болью, рослась, сроднилась с ней. Она сама стала болью.

Временами боль делалась настолько нестерпимой, что Тали поднималась на высокую дозорную башню, подходила к краю смотровой площадки, представляя, как ее тело падает на вымощенный камнем двор, подскакивает от удара, а затем застывает сломанной куклой. И мысль о близости смерти отрезвляла, вынуждая сделать шаг, но не вперед, навстречу гибели, а назад, к бесцельному и пустому прозябанию, без любви, без радости, в этом аду, куда она сама себя загоняла.

Наступит день, говорила себе Тали, когда я не смогу вспомнить его лица, звука голоса, запаха кожи. Этот день обязательно наступит, и тогда все терзания покажутся пустыми и нелепыми. Нужно только дождаться. Но этот день никак не желал наступать, зато приходил

вечер, на замок опускались сумерки, и она шла в каминный зал, чтобы, глядя на танец огня, отвлечься от жалящего роя мыслей.

Очередной вечер не был исключением. Как всегда, Тали забралась в кресло. Едва часы пробили десять, в зал пришли барон с герцогом, наполнив пространство гулом голосов, запахами алкоголя и табачного дыма. По сложившейся традиции мужчины коротали время за игрой в карты. Герцог курил сигару, но временами так увлекался партией, что забывал подносить ее к пепельнице и пепел усыпал его камзол и ворсистый ковер вокруг.

Все шло как обычно, ровно до того момента, пока часы не бумкнули один раз, отмеряя половину часа. Словно в ответ на условный сигнал, раздался удар входной двери, а за ним последовала тяжелая дробь чужих шагов, и комната наполнилась посторонними людьми в черных кителях тайной канцелярии Кардийской империи.

– Добрый вечер, дамы и господа, – с издевкой поприветствовал присутствующих хорошо знакомый Тали человек.

Виллем, граф д’Оррет, не скрывал торжества, наслаждаясь видом вытянувшихся лиц.

– Виллем? – отреагировал первым герцог. – Не ожидал вас увидеть. Чем обязан такой чести?

– Герцог, барон, баронесса, – иронично раскланялся граф, – вынужден вас огорчить, но наша встреча будет короткой и не слишком приятной, по крайней мере для вас. Именем императора вы приговорены к смертной казни. Приговор подлежит незамедлительному исполнению.

– Это бред! – воскликнул герцог. – На каком основании?

– Основание – личный указ императора Арвиса. Извольте ознакомиться, господа, – ответил один из офицеров, протягивая бумагу.

Герцог принял документ, внимательно изучил его и передал барону со словами:

– Подпись и печать императора. Обжалованию не подлежит.

– Виллем, это ваши происки? – возмутился барон. – Чего вы добиваетесь?

– Гарет, вы сами избрали свой путь. Возможность такого исхода мы обсуждали раньше. Думаю, вы помните. Я предупредил вас тогда, но вы не посчитали нужным прислушаться ко мне. Относительно вас,

герцог, у императора имеются неопровержимые доказательства вашей работы на белоярцев. Из-за спланированных вами диверсий империя проиграла войну. Пришло время платить по счетам, господа.

Мужчин и девушку, не слушая возражений и воззваний к здравому смыслу, вывели во двор, поставили у стены. Перед ними, ожидая команды, растянулась шеренга солдат с заряженными арбалетами. Тали была в домашнем платье и ежилась от холода, обхватив себя за плечи. Все происходящее казалось ей нереальным, словно она наблюдала со стороны. Она никак не могла принять мысль, что после всего пережитого будет убита Виллемом.

Командир отряда подошел к графу.

– Лорд д’Оррет, имя девушки в приговоре отсутствует.

– Калеф, – зло ответил бывший жених Тали, – девчонка с ними заодно. Оставьте эти штучки и извольте выполнять свою работу.

– Не учите меня работать, граф. В указе императора только два имени. Я нахожусь на государственной службе и выполняю приказ, неважно, по душе он мне или нет. Но не собираюсь марать руки, выполняя ваши грязные поручения!

– Я сам все сделаю, – сказал граф, выхватывая арбалет у одного из солдат.

– Я буду вынужден доложить императору.

– Да ради бога! Докладывайте. Поверьте, император не станет вас слушать. На этот раз я доведу дело до конца, и никто мне не помешает.

Приговоренные не успели даже перекинуться парой слов или хотя бы взглядами. Сухая, отрывистая команда «пли» – и три тела упали на свежий снег.

«Оказывается, умирать совсем не больно», – подумала Тали, проваливаясь в пустоту.

Белоярское королевство. Замок барона д’Варро

Дар расположился в кабинете барона. Ему нравилось это место. Пожалуй, только оно ему и нравилось в полуразрушенном замке д’Варро. Сидя у камина, можно было смотреть на лицо любимой, чей портрет оказался единственной ценностью в пустом и неуютном доме. Дар проводил здесь целые часы, разговаривая с нею, подбирая нужные слова, репетируя фразы и жесты, для того чтобы потом не растеряться

перед ее холодным отсутствующим взглядом. Девушка смотрела на него со стены с нежной улыбкой, поощряя.

После тягостного прощания с Тали и обмена пленными он решил не возвращаться в Родгард, рассудив, что ответственный адъютант прекрасно справится с доставкой освобожденных белоярских солдат в столицу. Вместо этого он направился в замок д'Варро, принадлежавший теперь ему.

Дар радовался собственной предусмотрительности, которая не покинула его после разговора с Тали. Он отправил двух преданных людей наблюдать за ней и теперь ждал информации о том, где она остановилась, чтобы при первой же возможности поехать туда и все-таки убедить ее выйти за него. Дар готов был последовать в Дирм, к императору Арвису, чтобы тот при необходимости принудил строптивую подданную к браку. Еще вчера в ответ на его просьбу Бран привез верительную грамоту и письмо Кромака венценосному собрату. Дар решил довести эту партию до конца, и последнее слово должно остаться за ним.

В дверь постучали. Не дожидаясь приглашения, в кабинете появился Бран с кувшином вина и двумя кружками.

– Вот, решил составить тебе компанию. Или ты не рад?

– Рад, – меланхолично отозвался Дар. – Заходи.

– Не буду спрашивать, о чем ты думаешь. И так понятно, – сказал Бран, расположившись в свободном кресле и разливая вино по глиняным кружкам.

– Приличнее посуды не нашлось?

– А ты у нас эстет! Забыл, как мы кашу одной ложкой хлебали? Деревянной? Которую я в сапоге носил?

– Хорошее было время. Ни забот, ни сожалений.

– Ну да. Единственная забота – день пережить. Единственное сожаление – об отсутствии возможности помыться, – едко ответил Бран. – Решил, что будешь делать дальше?

– Дождусь своих ребят и поеду к ней.

– Не боишься, что откажет?

– Не боюсь. Уже отказала. Кто ее спрашивать будет? Не захочет по доброй воле, император заставит.

– М-да. Умеешь ты женщин очаровывать.

– А что мне еще остается, Бран? – Дар устало потер лицо ладонями. – Как бы ты поступил на моем месте?

– Отпустил.

– То есть сдался бы. В этом мы и отличаемся. Потому она была со мной, а не с тобой.

Бран поморщился. Он многое хотел сказать Дару, но, видя его состояние, не решился, пощадил. Он действительно сдался. Отступил. Но не потому что струсил, испугался ссоры с братом или недовольства отца. Просто он видел, как Тали смотрит на Дара. Видел и понимал: ему нет места в сердце девушки, он никогда не станет для нее кем-то большим, чем просто друг.

Еще тогда, после ранения брата на границе, Бран заметил, как переменилось отношение Тали к нему. Он понял, что Дар каким-то немислимым образом меньше чем за сутки успел расположить ее к себе, привязать. В Родгарде, навещая брата в те дни, когда девушка гостила в его доме, Бран отметил, с какой жадностью она ловит каждый взгляд, каждое слово Дара.

Он все видел и все понимал. Он любил Тали и желал ей счастья. Ради ее счастья готов был перетерпеть боль, поднимавшуюся от каждой ее улыбки, адресованной не ему. Ради ее счастья и своего спокойствия он вернулся на фронт, хоть в этом не имелось необходимости. Просто ему не хотелось быть невольным свидетелем чужой любви.

Теперь же в его душе остались лишь горький пепел от несбывшихся надежд и острое беспокойство за брата. Бран видел, что тот попросту помешался после отказа девушки. Стал одержим ею, бредил ею, бродил по замку как во сне, сидел сутками возле ее портрета, говорил сам с собой, не замечая недоуменных и обеспокоенных взглядов.

– А как она относиться к тебе будет, ты не подумал? – спросил Бран после тяжелой паузы.

– Подумал. Я вообще последнее время только и делаю, что думаю. Даже голова трещит с непривычки.

Бран усмехнулся. Дар в последнее время часто прикидывался дурачком, словно не замечал, как прислушиваются к его советам и отец, и король. Но роль придворного шута определенно не шла ему. И,

видя, как распадается на части близкий человек, Бран терпеливо сносил его насмешки и нападки.

– И много надумал?

– Много. Я вел себя как идиот! – Дар хлопнул ладонью по столу. – Не надо было спрашивать позволения у Кромака. Притащил бы ее к алтарю – и дело с концом. Но еще не поздно. Дождусь своих ребят и покончу с этим. Она будет моей. Никуда не денется. Уж теперь-то я не отпущу ее!

Раздался стук в дверь. Братья удивленно переглянулись. Время было позднее, да и не решался никто лишний раз тревожить нервного князя. Дар крикнул:

– Войдите.

В комнату шагнули двое молодых солдат. Дар, увидев их, оживился. Это были те люди, которых он направил вслед за Тали.

– Ну что? Где она?

– Лорд Дар, тут такое... В общем... Как бы сказать... – мялся один из парней, хмуро поглядывая на напарника.

– Так и говори. Как есть, – ответил Дар.

– Ну, в общем... Мы направились вслед за баронессой, как вы велели. Она с отцом остановилась у герцога д'Ирва. Вроде как погостить. Но к ним охрану приставили, так что они, похоже, там пленниками были.

– То есть баронесса сейчас в поместье герцога?

– Ну да. Была. Вроде как.

– Прекрасно! Завтра выезжаем туда, – воодушевился Дар.

– Тут такое дело... Нет ее там больше.

– А где она тогда? Куда направилась? Что ты мямлишь? Отвечай нормально!

– Не надо никуда ехать, лорд Дар. Нет ее больше. Вроде как, – опустил голову парень.

– В каком смысле нет? – вмешался Бран.

– Напали на поместье. В ночь накануне нашего отъезда. Дом подожгли, а всех, кто там был, положили. Никого не пощадили. Мы задержались, чтобы узнать, что да как, – парень от волнения начал потеть и заикаться. – Следователей имперских понаехало, от мундиров черно стало. Мы старались, ну, чтобы аккуратно... Чтобы подозрений не навести... Ну, мы потолкались там, поспрашивали местных. Всех,

говорят, положили, кто в замке жил. И хозяев, и слуг, и охрану. Ну, и гостей, понятно, тоже. Барона и баронессу, говорят, опознали. Хотя обгорели они очень. Говорят, белоярцы месть учинили. Только зачем нам это? Зря говорят. Не наши это были. Мы бы знали. Вот... Такие дела...

Бран не верил своим ушам. Он с опаской оглянулся на брата. Тот застыл, сжимая подлокотники кресла. Лицо его стало белым, как граннорский мрамор. Взгляд был страшен. Неподвижный взгляд человека, потерявшего в один миг целый мир. Спустя несколько секунд Дар поднял глаза на незадачливых вестников, дрожавших от страха за собственную жизнь, ибо все знали, к чему может привести такая весть, бездумно посмотрел на Брана, оглядел комнату так, словно видел ее впервые. Взгляд его зацепился за портрет. Бран тем временем дал солдатам знак уходить, что те с поспешностью и сделали.

– Дар, – окликнул Бран.

Голос сорвался, и юноша закашлялся.

– Я не верю, Бран, – прошептал Дар. – Не верю... Этого просто не может быть... Это невозможно! Неправильно! Это какой-то бред! Она не могла умереть! Только не она!

– Дар, я тоже не могу в это поверить. – Бран лгал. В отличие от брата, он поверил его людям. Поверил сразу. Но не представлял, как сказать ему об этом. – Давай поедem туда. Возможно... Нет. Вероятнее всего, это ошибка. И Тали жива. Поедем завтра же.

– Да, да! Ты прав! – Дар взбодрился, а сердце юноши резануло болью. – Конечно, ошибка! Это не может быть правдой! Завтра поедem в поместье д'Ирва. А теперь... Иди спать, Бран. Я хочу побыть один.

Бран послушно вышел. Закрывая за собой дверь, он увидел, как Дар уронил лицо в ладони, услышал его слабый, сдавленный стон. Юноша прижался спиной к стене. Из глаз потекли слезы, но ему не было стыдно. Пожалуй, впервые в жизни он не стыдился собственной слабости, за которую его постоянно корили брат и отец.

Тали лежала на заиндевелой земле замкового двора. Снег под ней постепенно становился алым.

Она не видела, как из черноты январской ночи несутся, рассекая тьму, легкие стрелы. Не чувствовала, как звенит морозный воздух,

разрываемый стальными наконечниками. Не знала, что сразу после казни палачи один за другим без единого звука бездыханными опускались на заснеженную землю. Тали лежала, обратив застывшее лицо к звездам, а на нее немигающим взглядом пустых мертвых глаз смотрел упавший рядом граф Виллем, последний из рода д'Орретов.

Она не слышала, как во дворе раздались знакомые голоса.

– Боюсь, мы опоздали, мой принц.

– Проверьте, остался ли кто в живых. В первую очередь меня интересует женщина.

– Ильрохир, это невероятно, но она еще дышит!

– Стабилизируй ее, а мы пока приберем здесь.

Тали не чувствовала, как сильные руки подняли ее в седло, не чувствовала она и запаха дыма (верного спутника огня, скрывающего следы присутствия эльфов на территории империи), который горькой пеленой окутал замок и его окрестности.

Тали ничего не чувствовала. Она пребывала во тьме, и тьма была милосердна к ней. Во тьме не было ни страха, ни горя, ни боли.

Боль пришла незадолго до пробуждения. Тяжелая, как гранит, и вязкая, как патока, она скручивала легкие в тугий комок, отчего дышать было невероятно трудно, и каждый вдох сопровождался судорожным всхлипом.

– Потерпите немного, обезболивание подействует с минуты на минуту.

Минута длилась вечность. Но ее не обманули, и облегчение действительно наступило. Тали с трудом разлепила веки. На нее участливо смотрел знакомый эльфийский маг.

– Как самочувствие? – поинтересовался Феандир.

Тали вяло поморщилась в ответ.

– Ничего, самое трудное позади. Заставили вы меня попотеть. Еле вытащил. Но теперь выздоровление пойдет быстро. У вас удивительная регенерация. Эльфов в роду не было? Я подобных случаев у людей не встречал.

Маг взял ее запястье, отсчитал пульс, затем поинтересовался:

– Хотите чего-нибудь?

Тали с трудом пошевелила обметанными губами:

– Отец.

– К сожалению, мы приехали слишком поздно. Ему уже нельзя было помочь. Так, Тали, Тали. Талиэн, успокойтесь! Прекратите метаться, иначе рана откроется! Ну ладно, вы не оставляете мне выбора. Спать!

Королевство Этилия. Эйтилиэн

Следующее пробуждение было куда приятней предыдущего. Ничего не болело. Тали чувствовала себя совершенно здоровой. Ощупала грудь и удивилась отсутствию повязки. Может, ей все приснилось? Не было никакого вооруженного отряда, не было Виллема, не было казни во дворе герцогского замка, и сейчас за ней придет служанка сообщить, что ее давно ждут к завтраку?

Тали осмотрелась. Место оказалось незнакомым. Небольшая комната без окон, белые стены и магический светлячок под потолком, от которого исходит ровный мягкий свет, единственная мебель – кровать, на которой она лежит. В углу металлическая конструкция для удовлетворения интимных нужд.

Тали осторожно, прислушиваясь к телу, поднялась, села на кровати. Тело реагировало нормально, словно было совершенно здоровым. Она встала, прошла по комнате. Три шага в ширину, пять в длину. Подошла к двери, потянула за ручку, но та не поддалась. Постучала. На звук отреагировали мгновенно. Видимо, с другой стороны находилась охрана. Появившийся в проеме эльф окинул ее равнодушным взглядом.

– Простите, – робко произнесла Тали, – вы не скажете, где я?

Эльф, не ответив, захлопнул дверь. Тали ничего больше не оставалось, кроме как вернуться к кровати. Через несколько минут дверь распахнулась, и в комнату вошли эльфы с небольшим столиком и блюдами с едой. Стол был водворен перед кроватью и за несколько секунд сервирован. После чего, игнорируя ее вопросы, эльфы покинули комнату.

Кормили здесь великолепно. Даже на вино не поскупились. Молодое этилийское в Белояре было довольно дорого, в империи же из-за напряженных отношений с Этилией и вовсе стоило запредельных денег. До этого дня Тали пробовала его лишь пару раз.

Что за странное место, думала она. Какой смысл кормить пленника (она не сомневалась в своем статусе, равно как и в личности тюремщика) отборными деликатесами и поить дорогими винами? Эльфийский принц, конечно, фигура неординарная, но даже для него это слишком экстравагантно. Не он ли угрожал ей пытками, по сравнению с которыми пара суток в подвале дома князя Вигера Радича покажется увеселительным мероприятием?

Несколько дней Тали была предоставлена самой себе. Трижды в день в комнате появлялись охранники. Эльфы в диалог не вступали. Просто приносили еду, которая по вкусу и разнообразию напоминала меню дорогой ресторации, и забирали грязную посуду, оставшуюся от предыдущей трапезы. По их приходам Тали отмеряла сутки. Все остальное время она либо валялась в кровати, либо бродила из угла в угол, терзаемая мрачными мыслями.

Девушка не слишком беспокоилась о собственной судьбе. Особых иллюзий насчет того, как поступит с ней Ильрохир, у нее не было. Гораздо сильнее угнетала мысль, что смерть отца сойдет с рук его убийцам. Она готова была продать демонам душу за возможность рассчитаться с Виллемом и императором Арвисом, вот только ее душа, как средство платежа, никого особо не интересовала.

На исходе очередного дня Тали велели следовать за конвоирами. Она долго шла по длинным узким переходам, освещенным магическим светом. Из-за отсутствия окон создавалось впечатление, что анфилада коридоров располагается под землей. Путь закончился в допросной. Придумать иное назначение помещению было трудно. Девушку усадили на холодный металлический стул, сковав руки и ноги специальными креплениями.

В допросную вошел Ильрохир в сопровождении своего мага.

– Рад видеть вас в добром здравии, Талиэн, – поприветствовал ее принц.

Пристегнутая к стулу, девушка решила не тратить время на любезности и одарила эльфов злобным взглядом.

– Помните, я обещал вам встречу? Я держу свое слово.

– Будете пытаться? – спросила Тали, бросая красноречивый взгляд на собственные запястья, прикрепленные к подлокотникам металлическими браслетами.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь повторять те манипуляции, которые проделывала с вами княжна Радич. Я не сторонник насильственных методов ведения допроса, поэтому пытки в общепринятом смысле не будет. Для получения нужной информации совершенно не обязательно калечить тело. Мой маг без труда заставит вас выложить все, что вы знаете. С Феандиром вы уже знакомы. Ментальное вмешательство – процедура малоприятная, поэтому, если хотите ее избежать, отвечайте на вопросы максимально честно. Тогда, гарантирую, больно не будет.

Тали помотала головой:

– Боюсь, мои ответы вас вряд ли устроят.

– Поверьте, в ваших же интересах удовлетворить мое любопытство. Что ж, начнем.

Эльфы поставили стулья напротив девушки.

– Имя человека, пославшего вас в Этилию? – задал первый вопрос принц.

– Не знаю, – честно ответила Тали.

– Допустим. Вы действительно могли не знать, кто стоял за всем этим. Но от кого исходил приказ?

– Не знаю.

– Чего добивалось ваше руководство? Зачем нужна была смерть наследного принца Этилии?

– Не знаю. Я действительно ничего не знаю.

– Какова цель вашего пребывания в этом мире?

– Я просто живу здесь. Живу, как все люди.

– Достаточно. Вы неплохо подготовлены уходить от вопросов. Однако моему предупреждению не вняли. Тем хуже для вас. Феандир, приступай. Ты знаешь, что меня интересует.

Маг даже не пошевелился. Просто продолжил смотреть на девушку, как и несколько минут до этого. Только под воздействием его взгляда в голове Тали произошел маленький взрыв. Перед глазами вспыхнули тысячи солнц, рождаясь и умирая и словно походя прожигая мозг. Чужая воля беспощадно проникала вглубь ее сознания, разрывая один слой за другим. Она металась на стуле, безуспешно пытаясь сорвать оковы. Ильрохир не обманул. Дыба оказалась детской забавой в сравнении с тем, что приходилось испытывать сейчас. Когда эльф закончил, Тали безвольно свесилась на стуле.

– Мой принц, – спокойным голосом произнес маг, словно это не он секунду назад мучил ее, – девушка не лгала. Ей действительно ничего не известно. У нее имеются воспоминания лишь за последние четыре года, и там нет ничего, связанного с принцем Даэмрилем.

Ильрохир подошел к Тали, взял ее за подбородок, мокрый от слюны и крови, что текла из носа и искусанных губ.

– Ваше руководство стерло вам память. Умно. Непонятно только, почему вас оставили здесь. С какой целью? Хотя мне это не особо интересно. Скоро ваша судьба решится. Я планирую обменять вас на нужные мне сведения.

Тали, если и хотела что-то ответить, попросту не могла этого сделать. Тело не слушалось ее, язык онемел, перед глазами вспыхивали и гасли огни, голова гудела.

Повинуясь жесту принца, эльфы сняли с девушки крепления. Один из охранников, несмотря на кажущуюся хрупкость, с легкостью подняв ее, перекинул через плечо. В таком состоянии Тали принесли обратно в камеру и положили на кровать.

– Приветствую вас, Лис, – обратился Ильрохир к немолодому солидному мужчине, облаченному в темно-синий наряд непривычного кроя.

Пришлый не потрудился приодеться по местной моде, демонстрируя таким образом открытость и полное доверие принцу. По мнению Ильрохира, подобное поведение отдавало легкомыслием. Этилия все еще скорбела о смерти Даэмриля, и напоминать лишний раз, по чьей вине она случилась, было небезопасно.

– Добрый день, ваше высочество, – поклонился мужчина, занимая кресло, на которое указал эльф.

– Всегда хотел спросить, почему вы представляетесь прозвищем? У вас же есть нормальное человеческое имя?

– Конечно. Как у любого человека. Лис – мой позывной в рамках проекта. Мое настоящее имя вы узнаете, когда войдете в Совет Миров. А пока я вынужден сохранять инкогнито. Я мог бы представиться любым вымышленным именем, но не считаю нужным этого делать исключительно из уважения к вам. Всем, чем могу поделиться, я делюсь без утайки. Если же информация не подлежит разглашению, то лучше промолчать, чем придумывать небылицы, согласны?

– Мне импонирует ваш подход. Надеюсь, сегодня я смогу услышать от вас то, что мне нужно.

– Я весь внимание. Что вас интересует?

– То же, что и в первый день нашего знакомства. Я хочу знать, как погиб мой брат. Кто из ваших людей отдал такой приказ и где сейчас этот человек.

– Отвечу, как и тогда. У меня нет права разглашать эту информацию. Единственное, что могу сообщить, виновные понесли суровое наказание. Вас устроит такой ответ?

– Нет. Меня устроит голова виновного, преподнесенная на блюде. И чем раньше это случится, тем скорее эльфы войдут в Совет Миров от лица Ойкума Двенадцать. Так, кажется, вы называете Селевр? А для того, чтобы вы приняли верное решение, замечу, что у меня находится один из ваших агентов. А именно та женщина, которая была направлена вашим руководством в Эйтилиэн несколько лет назад, которая задурила голову моему брату и убила его.

– Ева? Но это невозможно! Ева мертва! Она погибла вместе с принцем Даэмрилем и его охраной. Это факт, причем факт неопровержимый, подтвержденный соответствующими приборами. Поверьте мне, уж в этом-то я разбираюсь.

– Значит, разбираетесь недостаточно хорошо. Или вас ввели в заблуждение. Если сомневаетесь в моих словах, могу доказать. Идите за мной.

Пришлый покорно последовал за принцем. По наполненному светом коридору из стекла и мрамора они прошли до подъемника, доставившего мужчин вглубь скалы, на вершине которой находилась резиденция принца. Проложенные внутри скальной породы коридоры были узкими и казались бесконечными. У Лиса создавалось впечатление, что на него со всех сторон давит камень. Мужчина не страдал клаустрофобией, но пребывание в толще породы не доставляло удовольствия. Он прошел за Ильрохиром до неприметной двери, мало отличавшейся от предыдущих. Принц открыл ее, пропуская гостя вперед.

В небольшой камере на кровати лежала хорошо знакомая Лису женщина. Женщина, которую он несколько лет считал погибшей. Она лежала на спине с плотно закрытыми глазами и никак не реагировала на их появление.

– Что с ней? – первым нарушил молчание Лис.

– Мне пришлось допросить ее. Так как ответы меня не удовлетворили, вмешался маг. Процедура ментального воздействия довольно болезненна, а я не считаю нужным доставлять страдания тому, в чьей вине не уверен. Мой маг усыпил ее. Когда организм восстановится, женщина очнется. К слову, она ничего не помнит о своей жизни в вашем мире и о миссии в этом. Ей начисто стерли память.

– Я могу осмотреть ее? Мне нужно удостовериться.

– Пожалуйста.

Лис подошел к Тали, присел на край кровати, внимательно оглядел бледное до синевы лицо, хранившее выражение полной отстраненности. Он завел руку ей под шею, проверяя, на месте ли метка. Убедившись, что сомнений в личности пленницы нет, сказал:

– Это Ева. Вы не обманули. Как вы хотите поступить с ней?

– Обменяю на убийц брата. Кроме того, мне нужна достоверная информация о мотивах убийства.

– Ей нельзя возвращаться на Землю, – покачал головой пришлый. – Это равносильно смертному приговору. Она виновна в провале операции. Кстати, Ева не убивала принца Даэмриля. После того случая в Министерстве разгорелся колоссальный скандал, завершившийся расследованием и чисткой кадров, даже на самом высоком уровне. В тот момент я не имел доступа к интересующим вас сведениям, так как работал над другим проектом. Был полевым агентом. Но кое-что дошло и до меня. Позже, заняв пост координатора Селевра, получил все необходимые материалы. Я очень давно знаю Еву. Мы с ней дружим со времен учебы в Военной академии, поэтому я пытался выяснить все, что мог. Прежний координатор под давлением высокопоставленных чиновников отдал приказ ликвидировать принца. Роль исполнителя поручили Еве, так как она уже внедрилась в эльфийское общество...

– Даэмриль сделал ей предложение! Это у вас называется внедриться?! Потрясающий цинизм!

– Я не знал об этом. В таком случае все становится на свои места. Видимо, Ева разделяла чувства вашего брата.

Лис немного лукавил. Он хорошо, как ему казалось, изучил Еву и полагал, что та едва ли потеряла голову от любви к эльфу. Разумнее

было предположить, что у Евы появились свои интересы, ради которых она пыталась спасти принца. Но Ильрохиру говорить об этом не следовало.

– До того случая претензий к ней не было, – продолжил мужчина. – Она агент для особых поручений, и в силу профессии ей приходилось выполнять подчас не слишком деликатные задания. Поверьте, устранение безразличного ей эльфа она провела бы хладнокровно и чисто, как много раз до этого. После исчезла бы из вашего мира навсегда. Но она проигнорировала приказ, более того, узнав, что координатор планирует выслать группу для убийства Даэмриля, пыталась вывести вашего брата из Эйтилиэна, где ему угрожала опасность. Один из этилийских сановников стал агентом Министерства, и смерть наследного принца была ему на руку. Если вам интересно имя этого эльфа, завтра оно будет у вас.

Принц кивнул, давая понять, что имя ему более чем интересно и что Лису следует продолжить рассказ.

– Тот эльф узнал о готовящемся отъезде принца Даэмриля и донес координатору. На перехват была отправлена группа, в состав которой входил киборг. Помните, я рассказывал о наших боевых механизмах, похожих на людей? Так вот, вы имеете представление, что это такое. Группа получила задание ликвидировать принца и отправить мятежного агента домой. Киборг вел запись событий, на которой видно, как Ева вместе с принцем и его охраной дала бой. Благодаря ее участию эльфы имели все шансы отбиться, а ее просто-напросто сожгли.

– Как такое возможно? – спросил Ильрохир.

– Для нас это не представляет сложности. Человек, у которого имеется доступ нужного уровня, а у координатора такой доступ, понятно, имеется, дает команду на уничтожение агента. Но так происходит не со всеми. Обычный человек не привязан к Центру ментально. Однако Ева не простой человек. Ей было дано намного больше, но и спрашивалось с нее соответственно. В общем, ее убрали дистанционно. После чего расправиться с принцем и его людьми оказалось нетрудно. Тела погибших землян забрали оставшиеся в живых члены группы. Тело Евы собирались подвергнуть исследованию. Случай неповиновения агента из проекта «Ева» был беспрецедентным. Это ставило под сомнение весь дорогостоящий

проект, бросало тень на его координаторов, потому надлежало разобраться с причинами. Однако во время операции произошло небольшое смещение электромагнитных полей и портал закрылся. До следующего работающего портала группа добиралась несколько недель. Он находился на границе между Белояром и Кардийской империей. Там агенты попали в засаду имперских арбалетчиков. Киборга вывели из строя. Даже боевого робота можно уничтожить дождем стрел. Правда, перед отключением он выдал странную картинку, на которой видно, как Ева бьется против имперских солдат, но подобное невозможно, и тот случай списали на сбой программы. Теперь я понимаю, что это было правдой. Ей каким-то чудом удалось выжить.

– Странная история, – принц потер подбородок. – Я чувствую, вы не лжете. Но с людьми вашей профессии ни в чем нельзя быть уверенным. Предлагаю вернуться в мой кабинет и продолжить разговор там.

В кабинете мужчин ждал накрытый стол, но они не притронулись к еде. Принц лишь разлил вино по бокалам.

– Почему вы против того, чтобы девушка вернулась домой? – поинтересовался Ильрохир.

– Ее переход не останется незамеченным. Приборы считают биометрические показатели и сообщат о возвращении агента. Официально обвинения ей не предъявлялись. Более того, после проведенного расследования трибунал Совета принял решение наградить Еву орденом Мужества. Посмертно. По факту же ее ждет череда болезненных тестов, во много раз превосходящих ваше ментальное воздействие. Говоря простым языком, ей выпотрошат мозги. Она участник закрытого проекта, финансируемого Советом Миров. По сути, собственность проекта, и спокойно жить ей не дадут. Когда причина невыполнения приказа будет установлена, Еву попросту ликвидируют.

– Вас так беспокоит ее благополучие?

– Когда-то нас связывала крепкая дружба. Ева не раз выручала меня. Я не хочу, чтобы она пострадала. Более того, считаю своим долгом не допустить этого.

– Сколько же ей лет? Она человек, в этом нет сомнений, но выглядит очень молодо.

– Ева моя ровесница, а я, по меркам людей вашего мира, дряхлый старик. Видите ли, она хоть и выглядит как человек, но таковым не является. Есть в Совете Миров несколько планет, которые населяют расы, схожие с эльфами Селевра строением ДНК. Ева – представитель одной из таких рас. – Видя непонимание в глазах принца, Лис пояснил: – Считайте, что она эльф, но эльф из другого мира. Так вам будет проще понять. После того как она дала согласие на участие в проекте, ей пришлось пройти через серию операций, в том числе пластических. Ее внешность была подкорректирована с учетом нужд Министерства. Согласитесь, эльфю сложнее затеряться в толпе, чем человеку. Что касается процессов, происходящих в ее организме, включая быструю регенерацию и неподверженность старению, они по-прежнему неизменны.

– Вы можете представить подтверждения всего сказанного?

– Всего – едва ли. Более того, прошу сохранить наш разговор в тайне. Но копия записи, сделанной киборгом во время убийства принца Даэмриля, и материалы расследования, как и имя эльфа, предавшего вашего брата, будут у вас уже завтра. От вас же мне нужны гарантии, что наш разговор не выйдет за пределы этой комнаты. Кроме того, вы не станете сообщать моим коллегам, что Ева жива. И, пожалуй, я попрошу вас поклясться в том, что вы не причините ей вреда.

– Принесите документы, и я дам клятву на крови. Вас это устроит?

– Вполне.

– Амрольд, – крикнул принц, после чего в кабинет вошел эльф. – Приведи девушку. И вот что, обращайтесь с ней уважительно. Она невиновна в гибели Даэмриля.

Эльф кивнул, не задавая вопросов. Ильрохир не сомневался: до конца дня эта новость будет известна всем обитателям замка.

Он провел день за изучением толстой папки с документами. Копии сопровождалась переводом на этилийский, и если в его достоверности еще можно было усомниться, то артефакт пришлых, позволявший видеть события прошлого, не оставил сомнений в честности иномирянина. Принц несколько раз просмотрел запись, от которой глаза застилал кровавый туман и возникало непреодолимое желание крушить все вокруг в бессильной ярости. Ильрохир жаждал

мести сильнее, чем когда-либо. Но, к великому его сожалению, все лица, стоявшие за событиями четырехлетней давности, оказались мертвы. Подтверждавшие сей факт живые картинки, голографические снимки, крепились к отчетам патологоанатомов. Сердечные приступы, авиационные катастрофы и даже отравление угарным газом. Агенты Министерства межмировых коммуникаций умели работать чисто, не оставляя следов.

Дверь отворилась, и в кабинет ввели Тали. Ильрохир указал ей на кресло, дал охране знак удалиться, после чего протянул девушке бокал вина.

Тали сидела с прямой спиной и гордо вскинутым подбородком. Ее руки лежали на коленях. Она проигнорировала жест принца, и тому пришлось поставить бокал на стол. Девушка была бледна, значит, еще не отошла после вмешательства в ее сознание.

– Талиэн, как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался мужчина.

– К чему все это, ваше высочество? – холодно отреагировала девушка. – Зачем эта наигранная вежливость? Притворное участие? Мы с вами прекрасно знаем, что, пока вы не добьетесь нужного, церемониться со мной не станете. Эйлина в своей безумной ненависти была намного честнее. Вы же прикрываете садистские замашки маской салонной учтивости.

– Я должен извиниться перед вами. Да, да. Именно. Вы не ослышались. Я совершил ошибку и сожалею об этом. Прошу простить меня. Я получил доказательства вашей невиновности. Пожалуй, единственным оправданием моего поступка может служить спасение вашей жизни. Мой интерес к вам, пусть он и был вызван желанием докопаться до истины, позволил своевременно прийти на помощь.

– Вы меня разыгрываете?

– Нисколько. Вы абсолютно свободны, Тали. Можете идти, куда посчитаете нужным, делать, что сочтете нужным. Я не стану вам препятствовать. Более того, выплачу щедрую компенсацию за перенесенные по моей вине страдания. Думаю, это не окажется лишним. После недавних событий вы остались без средств. Арвис конфисковал ваше имение.

Тали равнодушно пожала плечами. Титул и земли мало интересовали ее. А вот деньги... Деньги для ее цели пригодятся.

– Кстати, что вы собираетесь делать? – спросил Ильрохир.
– Мстить, – зло выплюнула девушка.
– Кому, если не секрет?
– Не секрет. Графу Виллему д’Оррету и императору Арвису.
– Тогда могу вас обрадовать. Граф мертв. Мой маг констатировал его смерть, после чего его тело, как и тела остальных участников того печального происшествия, были преданы огню.

Принц умолчал о том, что помимо графа и солдат тайной канцелярии эльфы, чтобы скрыть свое вмешательство, убили всех, кому не посчастливилось оказаться в ту ночь в замке герцога д’Ирва.

– Более того, я помогу вам рассчитаться с императором Арвисом, – продолжил Ильрохир.

– Зачем вам это?

– Здесь, Тали, наши интересы совпадают. Я хочу ослабить Кардийскую империю настолько, чтобы она утратила свое влияние на другие государства, а без гибели Арвиса это невозможно. И вы поможете мне. Или я вам, это с какой стороны посмотреть.

– Вы предлагаете мне остаться в Этилии?

– Да, и даже больше, я хочу принять вас на службу. Поверьте, вы не пожалеете.

Тали стояла на смотровой площадке. Открывавшаяся картина изумляла даже живших здесь столетиями эльфов. А они повидали на своем веку немало чудес.

Замок принца Ильрохира располагался на скале, возвышавшейся над Эйтилиэном, и сердце Этилии простиралось у ее подножья.

Глядя с высоты птичьего полета на великолепные дворцы и парки столицы, девушка не испытывала трепета перед их красотой. Ее теперь мало трогала красота. Ее теперь вообще мало что трогало. Ушли, словно отступили в тень, горе от гибели отца, боль, вызванная предательством любимого мужчины. Только два чувства жили в ее сердце: ненависть и жажда мести. И, всматриваясь в панораму вечернего Эйтилиэна, Тали ждала, когда Ильрохир призовет ее, чтобы сообщить, что время мести пришло.